

Глава 1. Экономическая роль евреев в раннем средневековье
Глава 2. Отношение средневековой церкви к евреям
Глава 3. Роль крестовых походов в развитии антисемитизма
Глава 4. Еврейское ростовщичество
Глава 5. Обвинение евреев в употреблении христианской крови
Глава 6. Цеховая организация
в борьбе со свободой еврейского труда и торговли
Глава 7. Еврей — частная собственность
(«владельцы особ»)
Глава 8. Изгнание евреев из Англии и Франции
Глава 9. Еврей Германии в годину черной смерти
Глава 10. Изгнание евреев из Испании и Португалии
Глава 11. Положение евреев
в Германии в Новое время
Глава 12. Преследование евреев
в Восточной Европе до XIX века
Глава 13. Антисемитизм во Франции в XIX веке
Глава 14. Антисемитизм в Германии в XIX веке
Глава 15. Антисемитизм в России в XIX веке
Литература

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Научной, марксистской истории антисемитизма нет не только на русском языке, но и на иностранных языках, и лежащая перед читателем книга «Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время» является одной из первых попыток дать марксистское освещение сложной проблемы об антисемитизме.

Как первый опыт, книга эта, естественно, имеет недочеты и изъяны, тем более, что работа над ней протекала в тяжелых условиях.

Организация «Атеист» поручила мне в самом срочном порядке написать исследование об антисемитизме и тем упорнее настаивала на своем срочном требовании, что считала эту работу моей общественной нагрузкой, от которой я морально, в силу целого ряда соображений, не имею права отказаться. Пришлось согласиться: мое согласие было дано в виду того, что на протяжении моей двадцатипятилетней научно-литературной деятельности я неоднократно касался вопроса об антисемитизме и вплотную подходил к нему, когда писал свои труды по инквизиции и когда редактировал исторический отдел в 16-томной «Еврейской Энциклопедии» на русском языке в издании Брокгауз-Ефрон.

На этот раз мне, таким образом, предстояло подвести лишь итог тому, над чем я давно работал: «в 2½ месяца написать то, на что я наталкивался в течение 2½ десятков лет в моей литературно-научной работе».

Задание оказалось далеко не легким, тем более, что, одновременно с этой работой, я нес свою обычную профессорскую службу как в Госуниверситете, так и в Комуниверситете в Ростове, и я выпускаю «Социальные корни антисемитизма» с тем, чтобы немедленно удовлетворить потребность в этой книге, срочный спрос на которую, увы, свидетельствует, что тяжкое наследство прошлого еще продолжает давить своим кошмаром.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЕВРЕЕВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВИИ.

Еврей в средние века своею экономической деятельностью подрывали основы феодального строя, столь чуждого им во всех отношениях. Однако, эта разрушительная работа евреев носила бессознательный, стихийный характер, и на самом деле феодальный режим был нужен средневековому еврею, потому что феодал был главным его покупателем, а еврей был тогда почти единственным продавцом; еврей и феодал нуждались тогда друг в друге. Без еврея не у кого было бы феодалу раннего средневековья покупать, а без феодала еврей не имел бы покупателя. Эти два полюса не могли не поддерживать друг друга в экономическом отношении, и феодальный режим, несмотря на свою резкую духовную противоположность еврейству, не знал экономической юдофобии, социального антисемитизма.

Ведь феодальный мир без евреев опустился бы еще на более низкую ступень натурального хозяйства и не получал бы ни восточных пряностей, ни заморских прелестей, ни тех многочисленных ремесленных изделий, которыми снабжал, главным образом, еврей тогдашнюю отсталую земледельческую Западную Европу. Феодализм без евреев в значительной степени шел бы назад, а не вперед, и здоровый инстинкт экономического прогресса рассеивал обольстительные и слащавые призывы церкви: во имя любви к человеку уничтожить часть человечества. От бури религиозного фанатизма еврей нередко искал убежища в феодальных замках, как бы благодаривших евреев за те дорогие ковры, которые покрывали их стены, за те цветные вазы, которые украшали их окна и ниши, и за ту мебель и утварь, которые вносили некоторый уют в огромные помещения сеньоров. Разбойничьи берлоги, каковыми по существу обычно являлись средневековые рыцарские замки, нередко превращались в минуты страшных гонений на евреев в безопасные, верные приюты для тех, которых так ожесточенно преследовали церковный фанатизм и человеконенавистническое изуверство. Еврей, прячущийся в средневековом, феодальном замке, — поистине реальная жизнь фантастичнее самой богатой фантазии!

В глазах феодала еврей был олицетворением торговца, привозившего ему все те предметы, которыми не могли снабжать его ни сидевший на его земле крепостной, ни ближайший крестьянин из свободной или полусвободной сельской общины. Еврей настолько сливался в представлении раннего средневековья с торговцем, что под словом «купец» (mercator) подразумевался всегда именно еврей, и

многочисленные документы того времени не делают различия между евреем и купцом. Мало того, для них всякий житель города, всякий горожанин есть лицо, не занимающееся земледельческим, крестьянским трудом, а потому являющееся евреем, который в свою очередь отождествляется с торговцем. Про старинный саксонский город Мерзебург документ X века говорит, что этой местности придавали характер города живущие здесь евреи, — без них Мерзебург не был бы городом. Точно также, когда епископ Рюдигер жаловал превратить свой Шпейер на Рейне в «настоящий» город, он призывал в Шпейер евреев и тем самым «в тысячу раз» увеличил значение этой местности. В противоположность деревне, город в раннем средневековьи рисовался центром торговой деятельности, носителями которой являлись преимущественно евреи, и власти постоянно упоминают о городах, населенных «евреями и прочими торговцами». Городские грамоты, предоставляющие особые привилегии горожанам, нередко ставят на первом месте евреев, охраняя и их, наравне с прочими купцами. Когда германский император Оттон Великий, основавший в X веке город Магдебург, предоставил судебную власть в нем церкви св. Морица, то говорил о евреях, живших в Магдебурге, как о «главнейшем элементе» вновь основанного города, и указывал на необходимость принимать во внимание интересы этого торгового населения. Сын императора Оттона подтвердил эту привилегию и в специальной грамоте упомянул о купцах города, при чем евреи фигурировали в грамоте на первом месте. Несколько позже, в XI веке, германские императоры, благодаря жителей Вормса за обнаруженную ими верность императору в тяжелые годы борьбы императорской власти с папой, подчеркивают, что под жителями города Вормса они понимают в первую очередь «евреев и прочих купцов»; за преданность императорским интересам Генрих IV в 1074 г. освободил евреев от уплаты пошлины в императорских таможах. Подобно всяким купцам, евреи являются странниками, ходоками, пришедшими из дальних стран со своими товарами, нередко таскавшими их на своих спинах либо верхом на лошади.

Документы часто называют этих странствующих купцов пыленожками, заслуживающими особой защиты, и «Земский Мир» требует особого внимания к тем, которые, в силу своего постоянного перемещения с места на место, не могут находиться под покровительством одного какого-либо сеньора, а должны рассчитывать на помощь лишь императора или короля. Евреи, как странники (itineratores), являются поэтому королевскими людьми а не сеньеральными феодальными. А известно, что нанесший оскорбление королевскому человеку платит более высокий штраф, чем обидевший обычного сеньерального подзащитного.

В таком же смысле говорится о евреях Баварии в IX в., о евреях города Наумбурга, снабжающих его солью в X в., о пражских, кельнских, майнцских и мейсенских евреях. Путешественник X века Ибрагим ибн Якуб сообщает, что в Праге было много евреев-купцов, а летописец Козьма Пражский, живший в XI веке, говоря о разных купцах, проживавших в Праге, перечисляет одних только евреев по имени и называет их виднейшими и богатейшими. В X веке в Кельне была еврейская община, имевшая во главе «еврейского епископа» избиравшегося на год и решавшего, между прочим, гражданские дела между евреями и христианами. Евреи занимались в Кельне различными видами торговли, особенно шерстью, кожей, мехами и драгоценностями. В еврейских источниках начала XI века Кельн на-

зывается «красивым городом», который давал «средства к существованию нашим братьям, рассеянным по всем концам». Во время ярмарок в Кельн стекалось много евреев не только из западной Германии, но и из других частей ее, и под председательством своего «епископа» евреи обсуждали здесь дела, касающиеся всех германских евреев. Оратором обычно выступал сам «епископ», и к его голосу «с крайним благоговением прислушивались все, стар и млад».

Если еврейская торговля, как мы видели, приняла значительные размеры в IX—XI веках в Германии, то в пределах бывшей Римской империи, начиная с Рейна и направляясь к западу, евреи играли роль торговых посредников уже в VI—VII веках, при чем их деятельность делала все большие и большие успехи вплоть до конца XII в., а в некоторых местах до середины XIII века. Еврейские общины были в Авиньоне, Арле, Марсели, Нарбонне, Ниме, Безье, Монпелье и в других частях современной Франции. Так, в бургундском законодательном сборнике под 516 г. упоминается о евреях и говорится о их особых религиозных обрядах. По словам историка Делпинга, в VI в. во всей Бургундии, включавшей тогда часть Савойи и Швейцарии, можно было встречать евреев, в значительном числе там, где находились торговые центры, обычно расположенные по рекам и более или менее оживленным дорогам.

Роль бургундских евреев в торговле французский писатель Пинья характеризует следующим образом. «Торговые суда, принадлежащие евреям из Безье, Монпелье, Марселя, Агда и Нарбонны, забирали в итальянских портах товары, высылаемые из Востока еврейскими купцами, организованными в особые торговые общества. Эти товары продавались затем в центре Франции еврейскими купцами из Лиона, Макона, Дижона и других городов». В южном Марселе евреи являлись главными посредниками в торговле с Малой Азией, Сирией, Палестиной, Египтом и многочисленными островами, расположенными в восточной части Средиземного моря, и папа Григорий I Великий уже в 591 г. упрекает марсельского епископа за то, что он стремится обращать евреев в христианство путем насилий, — а не добрым словом и убеждением. Эти упреки Григорий Великий высказал в сравнительной резкой форме, оставаясь и впредь верным своему отрицательному отношению к насилиям, как об этом свидетельствуют его знаменитые «Письма».

Рекомендуя путь мирной проповеди, как единственно целесообразный в деле обращения евреев в христианство, Григорий I вскрывает перед нами и истинную причину своей веротерпимости: католическая церковь должна дать решительный отпор продвигавшимся по Италии лангобардам, исповедывавшим арианскую ересь, и в такую минуту опасно вызывать вражду евреев против католиков, которым одновременно придется бороться на два фронта. Впрочем, папа заботился не столько о католицизме, сколько о созданном им с большим трудом своем патримониальном государстве, дававшем папе огромные средства и могущем, без сомнения, сильно пострадать в случае победы лангобардов. Папа был настолько заинтересован в спасении своего патримония, что отправил целое войско на помощь императорскому наместнику и предпринял целый ряд политических шагов, направленных к спасению светского государства папы. Тот факт, что Григорий упрекал марсельского епископа за его отношение к евреям, свидетельствует в достаточной степени о том, какую значительную роль играли евреи в тогдашней южной Европе, раз папа римский боялся в минуту опасности вызвать с их стороны лишнее раздраже-

ние против католицизма. Ведь не следует забывать, что в теологических трудах Григория проявлено чрезвычайное отвращение к еврейской религии, и нередко подчеркивается необходимость обезвреживания этих врагов христовой веры, так что попытка еврейского историка, профессора Греца, нарисовать образ отличавшегося широкой веротерпимостью «величайшего папы» должна быть признана чрезвычайно наивной: Грец, несмотря на свои выдающиеся заслуги в области еврейской истории, принадлежал к тем нетребовательным либералам, которые приходят в умиление, если могущественный христианский властелин воздерживается от физических насилий над евреями, ограничиваясь лишь словесной проповедью вражды и ненависти.

О еврейских купцах, проживавших в Италии в средневековье до начала XII века, имеются сведения, определенно свидетельствующие о том, что еврейские итальянские общины были многолюднее и богаче даже южнофранцузских, где число евреев, даже в Нарбонне, Монпелье и Авиньоне, не превышало пяти-шести сотен человек. Крайне благоприятное географическое положение Италии в смысле развития торговли с Левантом манило евреев в Италию; и в Генуе, Милане, Брешии, Равенне, Болонии, Неаполе и во многих других местах Италии возникли еврейские общины уже в VI—V веках. В сенатских указах X века говорится о евреях Венеции, а согласно переписи 1152 г. в Венеции было 1.300 евреев, — число, по мнению Галличчиоли, несколько преувеличенное. По его словам, лишь с момента завоевания венецианцами острова Эвбеи евреи в очень значительном количестве появились в Венеции, завязав большие коммерческие сношения между Венецией и Левантом. Эвбейские евреи стали селиться не в самой Венеции, а на соседнем острове Спиналунга, получившем название Еврейского острова. Об итальянских евреях-торговцах часто упоминает в своих знаменитых «Письмах» папа Григорий I, останавливаясь всего больше на их торговых сношениях с городами южной Франции. Он говорит также о евреях, как о работоторговцах, и настаивает на том, чтобы евреям не разрешалось владеть христианскими рабами, и чтобы последние в трехмесячный срок перепродавались христианам. Он требует издания закона о запрещении евреям иметь христианских рабов и берет последних, в случае их бегства, под защиту церкви: последняя без всякого выкупа освобождает принадлежавшего еврею раба, чего она не делает по отношению к рабам, хозяевами которых являются христиане. Бежавший от них раб и скрывающийся в церкви должен быть водворен на прежнее жительство и предоставлен всецело на усмотрение своего господина.

Еще значительнее была роль евреев-торговцев в Испании, в особенности в царствование мусульманской династии Омейядов с 756 г. до 1031 года. В Кордове евреи тогда вели обширную торговлю шелковыми изделиями и другими товарами. О другом крупном испанском центре, о городе Гранаде, еврейский летописец того времени пишет: «Кто не видел великолепия евреев Гранады, их благосостояния и их славы, тот никогда не узнает, что такое настоящая слава». И в испанской столице Толедо евреи играли выдающуюся роль, в особенности в торговле, ассимилировавшись с арабами в языке и многих обычаях. Характерно, что переписка евреев велась на арабском языке и в общинной жизни евреев разговорным языком у них всегда был арабский язык. Когда во второй половине XI века Толедо было завоевано христианами, евреи были объявлены уравниваемыми в правах с христианским населением, и король Альфонс VI, как и его бли-

жайшие преемники, неоднократно констатировали огромное значение евреев для экономического процветания Кастилии. Арабская Испания нуждалась в большом количестве рабов, и евреи, наравне с арабами, покупали рабов преимущественно в Восточной Европе, в частности в славянских землях. С того времени, как в Западной Европе раб (servus) превратился в serf, т. е. в прикрепленного к земле крепостного, без которой его нельзя было продавать, торговля рабами — одна из очень важных статей обмена с западно-арабским миром — сосредоточивается, главным образом, в Чехии и Киевской Руси. Ни великие киевские князья, ни церковь не принимали никаких мер борьбы против торговли невольниками, в которой было заинтересовано все торговое население Киева, и в первую очередь, князь, его дружина и духовенство. В царствование Владимира работоторговля не уменьшалась, а впоследствии страшно развилась, превратившись из статьи заграничного вывоза в статью внутренней торговли, в настоящий институт рабства¹⁾. Постановление киевского митрополита Иоанна II (1077—1089) о том, чтобы считать купцов, продающих христианских невольников евреям, мытарями и погаными, не имело практического значения, так как с момента превращения работоторговли в предмет внутренней торговли, роль евреев в качестве работоторговцев стала совершенно ничтожной, и на первый план выдвинулись, в качестве торговцев живым товаром, высшие слои Киевской Руси.

Итак, в раннем средневековье, примерно до середины эпохи Крестовых походов, евреи исполняли в Европе определенную экономическую функцию: они были торговыми посредниками между Западом и Востоком, а также внутри пределов Европы снабжали одни части ее одними предметами, другие части — другими. Нужно, однако, заметить, что недостаточное экономическое расслоение раннефеодального общества не знало резкого различия между купцом и ремесленником: и тот, и другой разносили или развозили товары, и тот, и другой, в противоположность огромному большинству населения, не жили земледельческим трудом, а таким трудом, который средневековье обозначало, как труд человеческих рук, и в этом смысле были р у к о м е с л е н н и к а м и. По существу они чаще всего были странствующими менялами, обменивающими либо произведения своих рук, либо полученные ими издалека готовые изделия на те предметы, которые находились в изобилии у людей, которых они снабжали привезенными, «иностранными», заморскими, диковинными предметами. Если в деятельности этих странствующих купцов-продавцов подчеркивались их личное искусство в работе, ловкость и умелость их рук, то их зачастую называли ремесленниками (рукомесленниками, handwerker, manouvriers, handicraftsman), либо артистами (artifex, artisan); если же имелась в виду их обменная деятельность, то им присваивали название купцов (choufman), — слово, которое по своему происхождению связано с латинским словом сауро: так назывались в Риме сопровождавшие римские легионы в варварские страны купцы, обменивавшие

¹⁾ Взгляд на славянские земли, как на страны, где предложение живого товара в широких размерах является будничным явлением, оставил свой след в слове Кенаан (Ханаан) для обозначения славянских земель. Известно ведь, что под «ханаан» евреи разумели и купца, и раба. — Сам Владимир был крупнейшим работоторговцем. Летописец говорит под 980 г. о нем: «И наложниц у него 300 в Вышнемороде, 200 на Берестовом в сельци... и бе не сыт блуда, приводя к себе мужские жены и девицы растля». Историк русской церкви, академик Е. Е. Голубинский (ум. 1912 г.), пишет в связи с этим: «Князь был первым купцом и наложниц в этом смысле бывало, вероятно, у него не по 800, а по 1000. Продажные невольницы, которых он имел всегда много, прямо превращались в наложниц».

опьяняющие напитки на разные полезные предметы; если же, наконец, отмечалось, что деятельность купцов-продавцов сопряжена с хождением, они получали клычку ходоков, странников (marchands — от *marcher* ходить, *pedes pulverosi* — пыльные ножки).

Обычно не делалось различия между отдельными сторонами одной и той же деятельности: купец и ремесленник были тождественными понятиями. Eisenhoufman был кузнец и торговец железом, как stahlinhoufman был литейщик и торговец литейными изделиями. И как, в самом деле, назвать купцом того ткача, который сам изготовил несколько кусков материи и, навьючив ими своего ослика, отправляется в феодальный замок, монастырь, церковь или город для продажи своего товара? Почему стекольщик или гончар, используя свое умение и благоприятные местные условия, при продаже им же сделанных предметов заслуживает больше названья купца, чем ремесленника? И само собою понятно, что при отсутствии экономической дифференциации в обществе, когда ремесленники были и купцами, а купцы и ремесленниками, под словами «торговцы» и «продавцы» часто разумелись такие ремесленники, которые продавали свои изделия, доставленные ими иногда из очень отдаленных местностей. Неудивительно поэтому, что в рубрику купцов-евреев зачастую попадали лица, которые, с нашей точки зрения, должны быть названы ремесленниками. Многочисленные ювелиры, красильщики, сукноделы, ткачи, шелкоделы, шорники, ножевщики и другие упоминаются в документах о евреях и, тем не менее, они фигурируют чаще в качестве купцов, нежели ремесленников. Известно, однако, что среди итальянских евреев были распространены красильный промысел и производство шелка; во многих местах Сицилии евреи в области красильного дела занимали почти монопольное положение; а производство шелка в Италии непосредственно связано с поселением евреев в Сицилии при короле Роджере (в XII веке), выписавшем из Византии много еврейских ремесленников, специально знакомых с шелковым делом. Очень характерно для распространения красильного производства среди евреев существование особого налога под названием *tinca judaeorum* (еврейская красильная подать). В южной Франции среди ювелиров было очень значительное число евреев, что подало повод некоторым исследователям, враждебно относившимся к евреям, называть ювелирное дело — еврейским. В Кастилии было много евреев, занимавшихся золотым и серебряным мастерством; в других местах Пиринейского полуострова в их руках было в значительной степени суконное и шерстяное дело; в Сарагоссе населенные евреями улицы носили названия по ремеслам, которыми занимались преимущественно в этих улицах: были улицы сапожников, сыромятников, дубильщиков, шорников, ножевщиков, ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров и т. д.

В противоположность торговле и ремеслу, земледелие было почти чуждо раннесредневековому еврейству, что очевидно стояло в непосредственной связи с запрещением евреям владеть землей. Такого рода запрет, собственно говоря, никогда не был издан, но с переходом германцев в католичество, с быстрой ассимиляцией римлян и германцев и с вытеснением норм римского права, считавшего евреев римскими гражданами, евреи все больше и больше попадали в категорию людей, правоограничения которых, по мнению известного германского ученого Бруннера, не могли не выразиться в приравнивании их к «чужим» и к созданию особого положения о чужих (*Fremdenrecht*).

Это положение, судя по ряду документов, отозвалось, в первую очередь, на праве владения евреями землей, вероятно, под сильным влиянием католической церкви, требовавшей со времени собора в Маконе от 581 года обязательного церковного налога, получившего вскоре название десятины. Так как по смыслу своему десятина могла взиматься лишь с католиков, в особенности с того времени, когда к вешной десятине прибавилась и личная, и ее взимание с евреев противоречило самым основам этого налога, то церковь стала настаивать на запрещении евреям владеть землей, — предметом, обладание которым «приличествует одним лишь христианам». Особенно усердную пропаганду в деле лишения евреев права владеть землею обнаружили в VIII веке св. Бонифаций, прозванный апостолом Германии, и папа Стефан III, положивший начало светской власти пап.

Церковь была особенно заинтересована в этой пропаганде потому, что нередко еврейской землей наделялись епископства и монастыри. Так, французский король Карл III Простой подарил в 899, 914 и 922 годах архиепископству и нарбоннским церквам земельные участки, виноградники, дома и мельницы, которые принадлежали евреям и с которых они некогда платили десятину. По словам историка Деппинга, французские короли прибегали к изгнанию евреев из той или иной области со специальной целью конфисковать их земли и наделить ими католическую церковь. Последняя, впрочем, нередко подчеркивала невозможность допущения евреев к такому землевладению, которое ставило бы христианина в зависимое от еврея положение.

Исходя из этого, церковь осуждала ленное право в отношении евреев и, разумеется, совершенно свободное землевладение. Насколько церкви следует приписывать инициативу в деле лишения евреев права владения землей, можно заключить из того факта, что на Пиринейском полуострове, в эпоху господства арабов в Испании, еврейское землевладение было распространенным явлением, при чем документы говорят в одинаковой мере как о мелком землевладении, так и о крупном. При мусульманских правителях, утверждает историк Шиппер, евреи беспрепятственно владели сотни лет поместьями, за которые они должны были платить лишь земельный налог, известный под именем харадж. Так как по учению корана всякая земельная собственность принадлежала богу или его наместнику на земле — халифу, — то евреи могли приобретать право на земельную собственность только путем налоговых договоров, которые они заключали с владыкою правоверных. «И нужно думать, — говорит упомянутый Шиппер, — что поместья, которые мы находим в южной Франции в качестве наследственной собственности некоторых евреев, были приобретены последними еще при владычестве арабов, с изгнанием которых из южной Франции не сразу исчезла еврейская земельная собственность».

Однако, вопрос о еврейском землевладении как здесь, на юге Франции, так и в других местах, напр., в Сицилии и некоторых частях Апеннинского полуострова, возбуждает ряд недоумений, на которые трудно дать определенный ответ. Так, во многих документах говорится о «*terra Hebraeorum*» (еврейская земля), но имеем ли мы здесь дело с обычным землевладением, или со специфическим явлением, сказать нельзя, ибо «еврейская земля» почему-то неотчуждаема, и нигде не указаны настоящие владельцы этой «еврейской земли». Мало того, во многих местах южной Франции и даже Испании подчеркивается, что евреи ни в коем случае не имеют права отчуждать

свою землю, и весьма возможно, что мы имеем здесь дело не с частной землей, — а с общинной землей, отведенной для каких-либо религиозных или иных потребностей и вовсе евреями не обрабатываемой. Разумеется были исключения и, помимо коллективной «еврейской земли», мы встречаем отдельных еврейских землевладельцев; но не известно ни число их, ни происхождение их землевладения, и возникает вопрос: не явилось ли это владение землей в результате задолженности, передачи евреям земельных участков христианских неплатящих должников?

Сопоставляя все эти данные, легко убедиться, что евреи в средние века занимались, главным образом, торговлей, отчасти ремеслом и очень мало земледелием. Предавались ли евреи в первую половину средневековья денежным операциям, ссудной деятельности, ростовщичеству?

Поскольку Западная Европа тогда переживала полосу натурального хозяйства, не знающего почти обмена и редко прибегавшего к денежным сделкам, ростовщичество евреев, даже при наличии у них денежных средств и при их преимущественно торговой деятельности, не могло принимать широких размеров. Евреи не потому в первую половину средних веков не занимались ростовщичеством, что вели торговлю и предавались ремеслу, а потому, что к ним редко кто обращался за денежными ссудами. Земледельческая страна знает натуральное ростовщичество, а не денежное, и евреи, обладатели по преимуществу движимого капитала, должны были играть гораздо более пассивную роль при ссудах, нежели крупные землевладельцы, снабжавшие крестьян или, вернее, сельские общины семенами, скотом, сельскохозяйственным инвентарем и т. п. Но и в эти годы евреи предавались кредитным операциям, имея своих клиентов преимущественно среди представителей знати и высшего духовенства, которые нуждались в редких и более ценных предметах, привозившихся евреями, а также в их деньгах и для покупки заморских предметов, и для проведения в жизнь своих воинственных, рыцарских и иных начинаний. Так, во Франции сильные бароны и видные капитулы рано закладывали свои земли евреям. Еврей Саламин из Дижона был крупнейшим кредитором аббатств в Сен-Бени и Сен-Санс. Владетель города Монпелье взял у еврея Беннета до 50 тыс. су. В Италии постоянная борьба пап и дворянства и непрерывные у них денежные затруднения благоприятствовали появлению богатых еврейских банкиров, которым ссуды под недвижимость открывали доступ к управлению имениями. Известен пример банкира Баруха Пьерлеони, который в XI веке приобрел колоссальное состояние и затем перешел в христианство. Деньги («царица-деньга» — *Regina pecunia*) дали ему возможность породниться с римской знатью, и дети Баруха принимали живое участие в происходившей среди аристократии борьбе за папский престол. Правнук Баруха Пьерлеони стал в 1130 г. римским папою под именем Анаклета II. Его восьмилетний понтификат (папство) был полон церковных смут и дразн, одновременно с «жидовским папою» Анаклетом II был избран в папство меньшинством кардиналов Иннокентий II, живший во Франции и опиравшийся на тех, которые не могли простить Анаклету II его еврейского происхождения.

Особенно горячим противником Анаклета, отличавшегося честностью и веротерпимостью, был знаменитый святой Бернард, основатель известного монастыря Клерво во Франции. Бернард был свирепым, испуганным врагом всякой ереси и требовал «убивать

еретиков и не допускать, чтобы меч висел над головою праведных»: в его глазах избрание в папы лица еврейского происхождения было «позором», который должен быть, во что бы то ни стало, смыт — даже самой дорогой ценой. Он звал на помощь мирской меч, говоря, что церкви принадлежат «оба меча»: и духовный, и мирской. «Один вынимается из ножен за церковь, другой — церковью; один — священнической, другой — воинской рукой, но, конечно, по мановению святителя и приказу императора».

Аристократическая и церковная клиентура еврейских ростовщиков в годы натурального хозяйства не могла быть особенно обширна; кроме того, евреи не были монопольны в этой области, и многочисленные жалобы, раздававшиеся на церковных соборах и синодах, начиная с IX века, на ростовщическую деятельность высших представителей церкви и на богатейшие монастыри явно свидетельствовали о том, что с евреями соперничало — и очень успешно — духовенство, умело обходя постановления соборов о запрещении «ростовщического преступления». Эти соборные жалобы находят свое подтверждение в словах известного раввина Раши (род. в 1040 г.), высказавшего свое авторитетное мнение по поводу недоразумения между евреем должником и христианином кредитором. Такие же указания мы находим и у другого еврейского ученого, известного под почетным титулом Рабан. Однако, простота экономической жизни раннего средневековья не позволяла провести резкой границы между торговыми и ссудными операциями: каждый, в особенности крупный, торговец товарами время от времени отдавал деньги в рост, и, наоборот, у каждого крупного торговца деньгами немало скоплялось товаров, хотя бы в качестве заложенных вещей, побуждавших его заниматься и чисто торговой деятельностью. Это положение верно не только по отношению к евреям, но и по отношению к так называемым ломбардам (христиане-ростовщики, преимущественно из Ломбардии), о которых так же ошибочно утверждать, что они занимались исключительно денежными операциями, их обогащавшим. Эти пресловутые ростовщики зачастую были крупными купцами, и нередко банкирская контора выросла из оборотов, имевших, главным образом, торговый характер.

Но торговцы, ремесленники, ростовщики, евреи раннего средневековья охватывали свою деятельность лишь верхи общества: огромная крестьянская масса, жившая в условиях натурального хозяйства, оставалась вне сферы еврейских — и торгово-ремесленных, и денежных интересов, и еврей, в качестве социально-экономического фактора, не существовал для тогдашней народной массы. С евреем прикасался, с евреем вступал в сношения и еврей знал, собственно говоря, лишь феодал, рыцарь, светского или духовного звания, с достаточно развитыми потребностями в «дикий» товаре и имевший средства и возможность приобретать и оплачивать подобного рода предметы. Эта верхушка средневекового общества видела в евреях почти единственного поставщика редких и ей лишь одной нужных предметов, и естественно, что отношение ее к евреям было скорее благожелательное, нежели враждебное. — Еврей исполнял не только полезную, но необходимую для высшего феодального общества экономическую функцию, и сеньер-епископ Каутин, по словам Григория Турского, автора ряда житий святых и известной «Истории Франков», относился к евреям даже крайне благосклонно, при чем Григорий Турский указал и мотив такого отношения к ним: дело не в желании спасти их душу, как это надлежало бы заботливому па-

стыря, а в страсти епископа Каутина приобрести драгоценные товары у еврейских купцов. Эта страсть заполучить товары была так велика в бестоварные годы раннего средневековья, что даже женские монастыри широко раскрывали пред еврейским купцом свои железные двери, и собор 581 г. в Маконе запретил евреям беседовать с монахинями наедине под предлогом деловых переговоров и оставаться при монастырях продолжительное время в качестве доверенных лиц.

Рядом с товарным голодом дворяне в первой половине средневековья испытывали и большой денежный голод в связи с непрерывными войнами, который они старались утолить с помощью еврейских ссуд, что им казалось тем выгоднее, что для светских вельмож, собственно говоря, не существовало обязательства платить: они могли нарушать свое слово совершенно безнаказанно. Известен, например, случай с евреем Арментарием, описанный Григорием Турским. Арментарий явился в Тур в сопровождении слуги еврея и двух христиан за получением долга с местного викария и с графа Евномия; денег Арментарий не получил, но был убит людьми графа и викария, при чем на теле его не было найдено ни денег, ни долговой расписки. Если этот случай и был исключителен, то жалобы евреев папе римскому на отказ духовных лиц платить по своим обязательствам свидетельствовали, как трудно было тогдашнему еврейскому кредитору заставлять влиятельного должника быть аккуратным плательщиком. Впрочем, в связи с Крестовыми походами, был изобретен прекрасный способ «легально» освободиться от всяких долгов по отношению к евреям: отправляющийся в поход рыцарь, по требованию римской курии, был освобожден от всяких денежных обязательств, в особенности по отношению к «неверным», которые «не могли идти в дальний путь на освобождение гроба господня». Таким образом, с помощью еврейских ссуд удовлетворялся денежный голод без основной боли для тех, которым приходилось прибегать к еврейским ростовщикам.

Все это в достаточной мере объясняет, почему раннее средневековье не знало экономического, социального антисемитизма. Широкие народные массы не были еще вовлечены в орбиту обменного, денежного хозяйства и почти не приходили в прикосновение с стихийным разрушителем феодального, безобменного строя. Естественно, они не могли, за отсутствием всякого представления о евреях, ни питать к нему особые чувства симпатии, ни ненавидеть его какой-либо ненавистью. Средневековый крестьянин, — а он составлял огромное большинство тогдашнего общества, — не слышал бы о существовании еврея, если бы о нем ему не напоминала церковь. Для высших же слоев феодального общества еврей зачастую был желанным, в экономическом смысле, гостем, удовлетворявшим те их потребности, которые не в состоянии был покрывать незамысловатый крепостной труд, и рыцарь нередко с распростертыми объятиями встречал странствующего купца, был ли он грек, сириец или еврей; если у рыцаря не было денег, чтобы целиком оплатить все товары, и он попадал в ростовщические путы, то он либо отдавал кредитору часть своего недвижимого имущества, либо — что еще чаще — объявлял себя «принципиальным» банкротом, считающим для себя унижением платить долги «иностранному» кредитору.

Особой вражде к такому кредитору не было естественно места, и мы не можем, за отсутствием исторических данных и необходимых экономических условий, согласиться с распространенным мнением об изначальности и вечности антисемитизма, делающего его «проклятой

проблемой» всех веков и народов. История не знает «вечных» проблем, — и социальный антисемитизм отсутствовал в раннем средневековьи, так как налицо не было тех экономических причин, той социальной базы, которая будет его кормить в дальнейшем: натуральному хозяйству чужды явления, свойственные капиталистическому, — социальный антисемитизм, как мы увидим, есть явление капиталистического строя, а не натурального, и параллельно росту капитализма в известных его проявлениях будет параллельно расти и антисемитизм в той специфической форме, которая должна быть названа социальной. Но раннесредневековая Европа, не зная социального антисемитизма, уже на первых порах своего феодального развития познала религиозный антисемитизм, козмившийся иными соками и ставший чрезвычайно опасным и грозным явлением, когда изменившиеся экономические условия подготовили благодарную почву для вражды к еврейскому торгово-ремесленному классу, «пришлому и чуждому элементу», конкурировавшему с «христианским коренным». Что конкуренция между христианским и еврейским мещанством приняла в эпоху капитализма — как торгового, так и промышленного — форму самого зверского человеконенавистничества, — в этом повинна, прежде всего, церковь, многовековая деятельность которой создала духовную обстановку, в которой при известных материальных условиях неизбежен был расцвет самого дикою антисемитизма.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТНОШЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ К ЕВРЕЯМ.

Средневековая церковь, как и позднейшая, была насквозь проникнута нетерпимостью к людям, не исповедывавшим той религии, которую церковь считала единственно истинной и правильной. Все, что уклонялось от официально установленных догматов и казенного катехизиса, считалось еретическим и подлежало искоренению — обычно огнем и мечом. Все должно быть насильственно загнано в единую церковную ограду, откуда нет выхода и где не может быть никаких религиозных колебаний и сомнений. Истина — внутри этой ограды, и самое существование людей, не исповедующих установленной церковью религии, казалось оскорблением церкви и, по ее словам, подрывало авторитет и истинность религии. Если имеются еретики, если существуют не католики, то для вящей славы истинной религии они должны быть обращены в «настоящую» христианскую веру, и их души, хотя бы ценою тела, должны быть спасены; мало того, на «религиозных преступлениях» познаются сила и величие божественной мудрости, и «преступники» существуют, чтобы посрамить нечестивое, возвеличить истинное; они созданы со специальной целью предоставления истинной церкви широкого поля деятельности в смысле искоренения того, что проклято и осуждено богом. Еретики, мусульмане, евреи и всякие иные «нехристи» для того и существуют, чтобы предостеречь сынов католической церкви от тех бед и напастей, в какое ввергает человека неповиновение слову божию; они — устрашающий урок для легко впадающего в искушение слабого человека и, вместе с тем, благодарная нива для тех, кто призван сеять великое и божественное семя. Общение с ними опасно, если оно не вызывается необходимостью их обращения на путь истины; как заразы, страшной по своим последствиям, их следует избегать.

и церковь, призывая к себе на помощь государство, требовала самых жестоких и суровых мер по отношению как к еретикам, так и к евреям, олицетворявшим собою отрицание всеобъемлющей истины католицизма.

Эта твердая позиция церкви в отношении еретиков находит достаточное объяснение в том, что церковь хорошо понимала, что ее материальное могущество может держаться лишь на ее духовном авторитете, который подрывался самым фактом существования лиц не преклонявшихся пред словом церкви. Если у последней будет поборван авторитет, то кто станет жертвовать в пользу церкви свое имущество, и как она сумеет накапливать те огромные богатства, которые на первых порах являлись действительно нередко добровольными пожертвованиями в пользу того учреждения, которое пользовалось неограниченным доверием в глазах верующих? Быть веротерпимым значило допускать свободное существование еретиков, а это, в свою очередь, означало идти на возможность подрыва материального благополучия церкви, что, разумеется, было связано со смертельной для нее опасностью. Таким образом, фанатизм церкви вызывался материальными соображениями, экономическими интересами: ересь не могла не отозваться на благополучии церкви, и потому против еретиков надлежало принимать самые энергичные меры, вплоть до меча и огня.

Правда, пока церковь не была признана государством и находилась в положении гонимой, она действовала, главным образом, силой убеждения и сравнительно редко прибегала к насилию. Как только, однако, она почувствовала под собою почву, то заговорила совершенно иным языком, и уже святой Киприан, ставший в 249 г. карфагенским епископом и главою церковью северной Африки, требовал отсечения от церкви не согласных с ним, обрекая их на вечную гибель; ему же, наравне с сочинением против примиренческих тенденций части духовенства, принадлежит резкий памфлет против евреев, которых он обвинял во всех смертных грехах. Если святой Киприан, как и его учитель Флоренс Тертуллиан, иногда смягчал тон своих памфлетов, то это было скорее данью страха еще гонимой церкви, чем истинным выражением ее духа¹. Подобно Киприану, Тертуллиан в отношении евреев, которые не находились под особой защитой римских императоров, несколько не смягчал своих выражений и в своем сочинении «Книга против евреев», защищая христиан от нелепого обвинения их язычниками в употреблении крови при исполнении причастия, сам резко нападает на евреев, как на опасных врагов христианской церкви, будто изнемогающей от гонений язычников и ослепительно-проповеднической полемики евреев. Эти выступления отцов церкви против евреев не могли препятствовать тому, что христиане продолжали мирно жить не только с евреями, но и с язычниками: во II и III веках браки евреев с не-евреями были сравнительно распространенным явлением и недавно принявшие христианскую веру крестьяне нередко обращались к еврейским раввинам с просьбой благословить их плоды. Это общение с «нечистыми» вызвало крайнее недовольство высшего духовенства даже до момента признания христианства государственной религией. И уже синод 315 г. в Эльвире (Гранада), т.е. за несколько лет до официального признания императором Константином христианства государственным культом, приня-

ряд мер против евреев: общение с ними строго запрещалось всем христианам; заключение браков было объявлено страшным грехом и благословение еврейми плодов не допускалось под строгим наказанием, дабы благословение священников истинной религии не оказалось недействительным и безуспешным. Каноны 49 и 50 запретили повседневные сношения с евреями, а также совместную с ними трапезу. Однако, в виду отсутствия реальных условий для вражды христиан к евреям и к нехристианам вообще, постановления синода в Эльвире не имели никакого успеха, и духовенство жалуется императору Константину на поведение и христиан, и евреев, требуя принятия суровых мер против чрезмерного общения с лицами, осужденными богом и подлежащими искоренению. В интересах защиты государственной религии Константин стал умалять гражданские права евреев, а в 321 г. издал закон, заставлявший евреев исполнять муниципальные должности, крайне обременительные для них. В официальных документах стали употребляться по отношению к евреям пренебрежительные и враждебные выражения, а первый вселенный собор в Никее (Малая Азия) открыто выступил против евреев. Хотя «деяния», т.е. акты, этого собора не сохранились, и изданные Резильоном протоколы, повидимому, не являются подлинными, тем не менее, общий дух первого вселенского собора вполне точно может быть определен: созванный с целью остановить «пустые споры» и отвергнуть ложное и крайне вредное учение александрийского пресвитера Ария (род. 256 г., ум. в 336 г.) о том, что «сын произошел из не-сущего», что «он — создание и тварь» и, что «то, что произошло, не было прежде, чем произошло», собор в Никее занял резко враждебную позицию по отношению к Арию, который был отлучен от церкви и вместе с двумя египетскими епископами сослан в Иллирию.

Учение Ария не отличалось той извилистостью схоластической мысли, тем чрезмерным умствованием, которые так характерны для византийского христианства, для того ортодоксального христианства или, как его иногда называют, православия, на страже которого стояли Никейский собор 325 г. и игравший на нем виднейшую роль имп. Константин. Арианство, будучи более примитивным и элементарным учением, было доступнее жившим натуральной жизнью германским племенам, которые тем легче становились арианами, чем проще и популярнее Арий и его ближайшие последователи излагали свое учение. Не представляя себе, что может означать «святая троица есть в троице единица», и как может быть «сын совечен и единосущен отцу», приверженцы Ария говорили о подчиненной роли «сына» «отцу», о невозможности «единосущия сына с отцом», о времени, когда сына не было, и о невозможности «сына» родиться «прежде всех веков» и быть «первороденным всей твари». Это усиленное отстаивание Арием мнения о более подчиненной роли «сына-бога», т.е. мессии, сравнительно с «богом-отцом» сблизило арианство с еврейским учением и давало повод ортодоксальному католицизму обвинять поклонников Ария в иудаизме, в склонности приспособлять «истинное учение Христа» к проклятому «рассаднику богохульства». Еврейство было, до известной степени, привлечено к ответственности по обвинению в возникновении одной из наиболее острых христианских ересей, и уже на местном соборе 347 г. в Сардике (ныне — София) о иудаизировании ариан говорилось, как об общеизвестном факте, а Боросу из Сардики было брошено в лицо обвинение в иудействе. Религиозный фанатизм, подогреваемый раз-

¹ Новейший труд на русском языке о Тертуллиане принадлежит перу проф. П. Ф. Преображенского — «Тертуллиан и Рим», 1926.

витиём арианской ереси, таким образом, острием своим был направлен и против евреев¹⁾.

Отсутствие теологической изощренности и схоластического мудрствования в арианском учении способствовало тому, что германские племена, исповедывавшие его, относились с большим безразличием к «словопрениям», «тайникам души» и ко всему тому, что получило на Никейском соборе название «великого спора» (*polle amfilogia*); эта теоретическая индифферентность отражалась в жизни сравнительно большой веротерпимостью не только к еретикам, но и к язычникам и евреям. Остготы, вестготы, франки, лангобарды, свевы, вандалы и другие германцы, принявшие крещение по арианскому обряду, по правильному утверждению покойного венского профессора Самуила Краусса, отличались снисходительным отношением к иноверцам до тех пор, пока они не перешли в католическую веру, и эта снисходительность или, правильнее, веротерпимость вызвала сильное возмущение католического духовенства, видевшего в ней лишнее доказательство родства между арианством и еврейством. Характерно обращение арианского епископа Агилы к католическому епископу Григорию Турскому, автору известной «Истории франков». «Не хули учения, которое не твое. Мы, с своей стороны, хотя и не веруем так, как веруете вы, все-таки не клянем вашего учения, ибо не считаем преступлением веровать так или иначе».

Какой контраст между арианским епископом Агилой и, например, канонизированным отцом церкви Амвросием из Милана, посвятившим столько сил и энергии борьбе со смешанными браками, этим лучшим средством сближения христиан с язычниками и евреями!

Нерасположение этого миланского епископа к евреям сказалось особенно ясно в истории с епископом города Каллиника. В 388 г. чернь, по наущению местного епископа, предводительствуемая несколькими монахами, разгромила синагогу названного города. Возмущенный император Феодосий Великий приказал вновь отстроить синагогу за счет погромщиков, в том числе епископа и монахов. Амвросий немедленно обратился к императору с горячим протестом, доказывая, что в данном случае дело идет о «славе божьей», и что он, Амвросий, не может дольше хранить молчания по поводу такого ошибочного постановления императора. «Разве можно присуждать каллининского епископа к восстановлению синагоги? Разве его христианское чувство может примириться с этим? Если епископ исполнит волю императора, он станет изменником своей вере. — Неужели разрушение дома коварства и нечестия, где ежедневно оскорбляется христос, может считаться преступлением?». И Амвросий заявил, что епископ Каллиника не только не совершил ничего скверного, но необходимо, чтобы решительно все синагоги подверглись разрушению и чтобы впредь вовсе не существовало этих рассадников богохульства. Евреи, по словам Амвросия, являются ответственными за все несчастия, постигавшие христиан в течение целых столетий; приказ Феодосия о восстановлении синагоги может быть истолкован лишь в виде оскорбления христианству. Когда Феодосий заметил однажды, что Амвросий фактически выступает против него, хитроумный миланский епископ возразил: «Не против, но ради тебя». И злополучное распоряжение императора было отменено. Повидимому, Амвросий не был этим удовлетворен, и император в своих мероприятиях в области религии совершенно подпал под

влияние миланского епископа, как бы показавшего путь для развития идеи, что «Цезарь стоит не над церковью, а в ней». Между тем, Феодосий и без того стоял «на страже интересов истинной религии» и еще в 383 г. лишил права завещания тех, которые переходили в язычество или иудейство.

Одновременно с фактами перехода христиан в иудейство, церковь боролась и со сравнительно сильно распространенным явлением смешанных браков, т.-е. браков евреев с не-евреями. Церковь видела в смешанных браках опасность для чистоты веры и сейчас после первого вселенского собора в Никее повела очень энергичную кампанию против них. Под влиянием этой агитации византийские императоры Константин и Феодосий I объявили подобные браки прелюбодеянием, влекущим за собою суровое наказание. Однако, отношения между евреями и христианами были в V—VII вв. настолько нормальны, что даже светское законодательство не могло приостановить «смертного греха» смешанных браков, и собор 533 г. в Орлеане с большим огорчением констатирует тщетность мероприятий, изданных под влиянием синодских постановлений несколькими императорами и королями, и провозглашает анафему против тех христиан, которые не расторгли заключенных с евреями браков. Вселенский собор 450 г. в Халкедоне категорически запретил смешанные браки, а начиная с собора 533 г. в Орлеане, такое запрещение делается как бы традицией соборов и его повторяют Клермонтский, третий Орлеанский, два Толедских, а Латеранский собор 1215 г. мотивирует смешанными браками ряд резких против евреев мероприятий.

С протоколов соборов запрещение этих браков было перенесено и в светское законодательство, и «Отдел о евреях», например, в кастильском своде законов останавливается на «недопустимых» смешанных браках, повторяя все то, о чем говорил ряд синодов и соборов. Их влияние чувствуется на всем отделе и в каждой его статье; самое вступление в «Отдел о евреях» сформулировано в типичных для церкви выражениях. «Хотя еврей, — говорится в этом светском законодательстве, — отвергают Христа, тем не менее, их следует терпеть в христианских государствах, дабы все помнили, что они происходят от племени, распявшего Христа». Таким образом, еврей, по мнению законодателя, только для того и существуют, чтобы человечество не забыло о том преступлении по отношению к христианству, которое они некогда совершили: без необходимости сохранения подобного напоминания они подлежали бы совершенному истреблению.

Исходя из представления о евреях, как об опасности для христианства, церковь не могла остановиться на запрещении смешанных браков и должна была прибегнуть к целому арсеналу мер, целью которых было отрезать евреев от всяких сношений с христианами, изолировать первых, как зачумленных, и приучить христианское общество к тому, что евреи настолько опасны, что ради спасения собственной души их следует всегда и всячески избегать, если богу угодно не истребить их целиком во имя увековечения их страшного преступления. Неудивительно поэтому, что церковные соборы и отдельные представители церкви принимают различные меры в целях осуществления полной еврейской изоляции: так, третий Орлеанский собор 538 г. запретил евреям показываться на улицах в последние дни страстной недели, а Маконский собор 581 г., повторяя это запрещение, указывает, что появление евреев в эти дни на улицах или

¹⁾ Labbé, *Collectio conciliorum*, 1671.

чтобы евреи оказывали особое почтение духовенству и не смели сидеть в его присутствии. Тот же собор подтверждает постановление других соборов о запрещении евреям занимать какие-либо должности в государстве, мотивируя его невозможностью допущения христианского населения оказаться в подчинении у какого-либо еврея. Собор приводит ряд должностей, откуда евреи должны быть изгнаны, в частности с должности сборщиков таможенных пошлин. Последующие в VII и VIII в.в. соборы грозят евреям, добывающимся занятием каких-либо государственных должностей, насильственным крещением, которое должно распространяться на всю семью. Некоторые церковные постановления санкционировались государственной властью и принимали характер настоящих законов. Однако, в раннем средневековий «жизнь и законы часто не сходились», последние оставались мертвой буквой и совершенно не соблюдались. С другой стороны, соборные постановления в первые века средневековья не нуждались в санкции короля, и церкви предоставлялось право проводить их в жизнь собственными средствами¹⁾.

Не останавливаясь на многочисленных правоограничениях, угрозах и проклятиях, издаваемых церковью, утверждаемых и не утверждаемых светской властью, мы, должны, однако, заметить следующее: никогда и нигде до XIII века ни церковь, ни королевская власть не упрекали евреев в эксплуатации населения, не отмечали социального вреда их и не считали их экономически нежелательным или опасным элементом.

Вся антиеврейская агитация духовенства, часто подталкивавшего светскую власть, сводилась к тому, что евреи объявлялись религиозно опасными людьми, что общение с ними недопустимо ввиду церковных мотивов и что они должны быть исключены из христианского общества, не могущего мириться с теми, которые распяли Христа.

Итак, раннее средневековье не знало социального антисемитизма даже среди духовенства, выставившего евреев, как чужих, вредных и опасных людей.

Но если социальный яд еще тогда не распространялся церковью, вред антиеврейской агитации был, тем не менее, велик: общество воспитывалось в известном направлении и воспринимало те идеи, которые на тысячу ладов излагались и пропагандировались огромным большинством и белого, и черного духовенства. Конечно, отсутствие материальной базы не давало возможности полностью проявляться плодам этого многовекового воспитания; антисемитизм носил в виду этого скрытый, потенциальный характер: религия в недостаточной мере определяет поведение общества и, во всяком случае, ее действие далеко не так непрерывно и постоянно, как влияние экономических факторов. Но как только налицо оказались благоприятные для антисемитизма материальные условия, взлелеянный с такой заботливостью и усердием религиозный антисемитизм зажегся страшным огнем социальной ненависти одной части населения к другой и на сцену появился тот социальный антисемитизм, который и до сих пор еще неизжит целиком.

¹⁾ Н. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, два тома, 1906; Ed. Loening, Geschichte des deutsch. Kirchenrechts, 2 тома, 1878.

Даже в вопросе о рабовладении церковное и светское законодательства не стояли на точке зрения социального антисемитизма и выдвигали в первую очередь религиозный мотив, настаивая на запрещении евреям иметь рабов в виду еврейской практики совершения над ними обряда обрезания или вообще соращения их в иудейство. Уже Кодекс Феодосия II в. в специальном титуле «Да не имеет еврей христианского раба» говорит, главным образом, об обрезании христианского раба, коим владеет еврей, и требует смертной казни для тех, которые обрезали христианского раба. Нужно заметить, что обряд обрезания своими корнями уходит в доисторические времена и, вероятно, связан с возрастным делением племени; постепенно он стал превращаться, быть может, в обряд соединения мужчины с тотемом племени, а потом и с его богом. Во всяком случае, обряд этот и очень древен, и распространен. О древности его свидетельствует, что орудием этой операции служил обычно каменный нож, что, разумеется, связано с так называемым каменным веком. С другой стороны, Геродот, Страбон, Диодор Сицилийский, Иосиф Флавий и др. ясно показывают, насколько этот обряд распространен среди разных народов.

По словам Эберса (см. его Египет и книги Моисея, 1868), почти все исследованные мумии, из которых некоторые относятся к периоду за 3.000 лет до нашей эры, оказались обрезанными, и египтяне, без сомнения, практиковали этот обряд, при чем они не заимствовали его у евреев, так как он был в Египте известен до прихода туда евреев. Нельзя, с другой стороны, полагать, что евреи, из подражания египтянам, стали прибегать к обрезанию, ибо евреям запрещалось имитировать египтян: «По делам земли египетской, в которой вы жили, не поступайте». (Лев., 18,3). Найденная среди развалин Карнака (деревня на берегу Нила, где были расположены Фивы, древняя столица Египта) картина дает отчетливое изображение египетского обряда обрезания. Оперируемый находится в стоячем положении, оператор — пред ним на коленях; рядом стоит другой юноша, повидимому, ожидающий очереди, а позади ассистент, крепко держащий руки оперируемого. Оператор одной рукой держит подлежащую удалению часть, а другой рукой водит ножом. В некотором расстоянии от всей группы стоит женщина, повидимому, мать юношей, которым на вид 12—14 лет; она — в молитвенной позе с протянутыми вперед руками.

О существовании такого же обряда у абиссинцев мы узнаем, помимо заявления Геродота, из одного обращения римского папы к негусу с предложением прекратить этот обычай: негус ответил, что ни одна абиссинская девушка не согласится выйти замуж за необрезанного (см. Еврейская Энциклопедия, т. XI, стр. 908). Подобно абиссинцам, обрезание соблюдалось большинством негритянских племен — не только теми, которые приняли магометанство, но и языческими племенами. Придерживаются этого обычая большинство малайских племен на островах Океании и Австралии, а арабы перенесли его в среду и некоторых северных народов; считая себя потомками Исаила, сына Авраама, арабы совершают обряд обрезания на 13 году жизни, о чем упоминается уже в талмуде. Интересно, что из всех магометанских народов только одни татары совершают обрезание на первом году жизни, — остальные гораздо позже, в годы начала половой зрелости, что, быть может, стоит в связи с доисторическим возрастным делением разных племен. По словам немецкого антрополога и врача Германа Плоса, до 200 миллионов людей в конце XIX в.

соблюдали обряд обрезания, употребляя для этого самые разнообразные способы¹⁾.

Хотя обряд этот, как мы видим, не был специфически еврейским, тем не менее, еще в эллинистическую эпоху, в годы ослабления языческой религии и возникновения христианства, он сделался мишенью особенно сильных нападков со стороны не евреев. Так, Страбон и Ювенал, Тацит и поэт V века Рутилий Намациан, все они негодуют по поводу варварского и возмутительного обычая, столь прочно въевшегося в еврейскую жизнь, что без обрезания нельзя себе представить еврея, при чем многие из писателей того времени приписывали евреям также и обрезание девочек²⁾.

Такое усиленное подчеркивание «отвратительных» еврейских обычаев имело в виду борьбу с переходом язычников, а позднее и христиан в иудейство и должно было служить орудием подавления еврейской религиозной пропаганды, тем более возмущавшей победителей, что она исходила от побежденного народа. Еврейский бог Иегова был побежден, — как смеет он не входить в свиту бога-победителя, а тем более, как дерзает еще народ чтить своего побежденного бога и не принимать полностью обычаи и обряды победителей! Так, языческий мир, отличавшийся гораздо большей веротерпимостью, чем христианский, но не мирившийся с желанием евреев не только сохранить себя в целостности и не ассимилироваться с победителями, но и распространять среди победителей свои верования и обычаи, выдвинул против евреев, в качестве самого сильного аргумента, долженствовавшего положить конец их прозелитизму (т.е. обращению не-евреев в иудейство), их «варварский» и «отвратительный» обряд обрезания, утверждая, что еврейство и обрезание — синонимные понятия. Нельзя не презирать за это евреев, и поэт Марциал, описывая в одной из своих эпиграмм неразборчивость римской коколки Целии, говорит, что она не только отдается парфянам и германцам, но «не брезгает объятиями обрезанных жидов».

Станным образом переплетается этот обряд со множеством других физических, вызывающих гадливое чувство, недостатков и болезней. Почему евреи не едят свинины? Плутарх и Тацит отвечают: свинья страдает кожными болезнями, и евреи, особенно предрасположенные к этим болезням, боятся заразиться от свиньи. Почему суббота называется таким именем? Ответ Апиона гласит: суббота есть египетское слово, означающее кожное заболевание. Почему египетские евреи называют Моисея альфой?³⁾ Ответ заранее готов: все тело Моисея было покрыто паршой (alfos — по-гречески; латинское — vitiligo, означает пятно на теле или голове). Почему евреи чуждаются общения с иностранцами? И тут ссылки на паршу и на кожные болезни как-будто не вызывают сомнений⁴⁾. Лучше бы римляне, думает поэт Рутилий Намациан, вовсе не покорили такого негодного народа.

Мы проклинаям сие непотребное племя евреев,
Что над собою творит гнусный, бесстыдный обряд,
Глупых теорий источник, с холодной субботой на сердце...

¹⁾ H. Ploss, Geschichtliches und Ethnologisches über Knabenbeschneidung, 1885, его же, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, 3 изд. 1892.

²⁾ У некоторых негритянских племен обряд обрезания девочек встречается сравнительно часто. См. H. Ploss, Die operatione Behandlung des weiblichen Geschlechtsteile bei verschiedenen Völkern 1871 г., в Zeitschrift für Ethnologie.

³⁾ Повидимому, здесь обычный евфемизм: первая буква алфавита должна подчеркнуть высокое достоинство Моисея.

⁴⁾ С. Лурье. «Антисемитизм в древнем мире». Изд. «Былое», 1922.

Пусть бы несущее ужас оружие Помпея и Тита
Не покоряло совсем иудейской нам стороны!
Вырвав из почвы заразу, по белому свету пустили,
И победитель с тех пор стонет под игом раба.

Государственно-ассимиляторская политика греко-римского мира возмущалась инстинктом национального самосохранения евреев и приписывала им физическое уродство, стремясь этим путем вызвать отвращение к иудеям. Повидимому, сами евреи стыдились своего обрезания и всячески его скрывали. Воспитанная в духе эллинизма еврейская молодежь, в особенности буржуазная и интеллигентная часть ее, выступая на ристалищах голый, искусственным способом стремилась замаскировать следы религиозной операции, подвергаясь с этой целью иногда очень болезненной контр-операции, известной под названием эписпазма. Однако, националистические элементы еврейского общества видели в эписпазме опасность с точки зрения сохранения нации, и так как все националистическое окутывалось тогда в религиозный туман, то против этой контр-операции выступали, наравне с националистами, и религиозные ортодоксы. Когда евреи в 132 г. подняли, под начальством Бар-Кохбы, восстание против Рима, вызванное, быть может, отчасти запрещением обряда обрезания, то повстанцы требовали от участников войны вторичного обрезания, если они раньше совершили над собою эписпазм: последний как бы лишил их чести участвовать в национальной войне против Рима. Насколько обрезание отождествлялось с иудейством, видно из того, что после подавления восстания Бар-Кохбы император Адриан, помимо постройки на развалинах Иерусалима города Элия Капитолины, запретил также евреям совершать обряд обрезания и соблюдать субботний праздник.

«Физически уродливые», евреи, согласно общепринятому представлению о том, что лишь в здоровом теле — здоровый дух, были в глазах античного мира олицетворением и всяких духовных уродств: их стихийное сопротивление ассимиляции характеризовалось, как «жидовское упрямство»; их сознание, купленное страшной ценой нескольких восстаний, что лбом стены не прошибешь и что маленькая Палестина беспомощна против всемогущего Рима, было окрещено «жидовской трусостью», а стремление обойти многочисленные рогатки, расставленные по их пути, было названо «жидовской пронырливостью». Так создался образ народа — отвратительного как в физическом так и в нравственном отношении. Христианство, так сильно пронизанное язычеством, заимствовало у последнего и этот еврейский образ. Но не обладая государственными тенденциями римско-греческого мира, оно окрасило древний антисемитизм, питавшийся ассимиляторско-государственными соками, в религиозный цвет и выставило евреев, как закореженных врагов Христа, поголовное истребление которых только потому не должно быть проведено в жизнь, что их существование, во-первых, увековечивает совершенное ими ужасное преступление, а во-вторых, служит устрашающим примером для тех народов и отдельных лиц, которые упорствуют в своих религиозных заблуждениях и отказываются признавать истинность христианской веры.

И католическое духовенство водит религиозной кистью по языческой канве: и для него обрезание — основа иудейства, и обряд этот не может быть допущен по отношению к не-евреям. Но для христианства он не отвратительное и презренное уродство, являющееся

причиной и следствием других физических пороков, а сохранившийся остаток дохристианского времени, уничтоженный крещением и сохраняемый в видах самого гнусного издевательства над последним. Обрезать необрезанного, значит, обратить нееврея в еврея и нанести церкви самое жестокое оскорбление. И соборы — один за другим — берут под свою защиту христианских и даже нехристианских рабов.

Однако, защита эта носила характер специально религиозный: владение рабами не оспаривается у евреев, если налицо не имеется попытки совершить над ними обряда обрезания. Церковь стоит на страже дорогого ее сердцу принципа рабства даже в том случае, если раб принадлежит еврею. Так, 4-й Орлеанский собор 541 г., возобновляя постановления прежних канонов, объявляет, что христианские рабы евреев, бегущие под защиту церкви и требующие, чтобы их выкупили, или бегущие к христианам и заявляющие, что не желают больше служить у евреев, должны быть освобождены от своих еврейских господ по уплате им христианами справедливой цены. Самый суровый в вопросе о рабах, принадлежащих евреям, Маконский собор 581 г., в ответ на жалобы об отказе евреев освободить своих христианских рабов даже за справедливую цену, несмотря на постановления соборов и законодательства, постановил, что отныне ни один христианин не может быть более рабом у еврея, и христианин имеет право за 12 солидов выкупить хорошего раба — для дальнейшего рабства или для свободы. Если еврей отказывается освободить раба, последний до передачи денег имеет право жить у христиан, где ему угодно. Этот собор обычно характеризует христианских рабов, принадлежащих евреям, как людей, попавших к ним обманным путем или вследствие пленения.

* * *

Итак, и в вопросе о христианских рабах нет никаких указаний на специфическую эксплуатацию их со стороны евреев; самый факт владения рабами тем меньше может беспокоить церковь, что она сама является крупным рабовладельцем, отказывающим беглым рабам даже в убежище: если раб, не принадлежащий еретикам или еврею, ищет убежища в церкви, то духовенство обязано в течение первого же дня донести господину о пребывании раба под защитой церкви. Мало того, и от еврея раб не целиком спасается в церкви: последняя ограничивается либо наложением на еврея штрафа, либо вынуждает еврея-господина продать раба христианину. Отстаивая принцип священной собственности в отношении раба у еврея, церковь, однако, в своих собственных интересах, скрывавшихся под маскою христианства, все больше и больше отстаивает принцип принудительного выкупа и тем самым приобретает возможность получения рабов по «справедливой», т. е. по дешевой цене. Не говоря уже о том, что стоимость рабов значительно видоизменялась соответственно с исполняемой ими работой, даже средняя оценка в 12 солидов была ниже самого дешевого раба, как об этом свидетельствуют варварские «Правды». Так, «Салическая Правда» говорит о 30 солидах за убийство раба земледельца или свинопаса, о 150 солидах за искусного ремесленника и т. д. Неудивительно поэтому, что на «уравнительную плату» даже защитник ее, Маконский собор, смотрел, как на наказание за то, что евреи отказываются выдавать рабов за справедливый выкуп, и нет сомнения, что занимавший столь видное место в соборах VI—VIII ве-

ков вопрос о христианских рабах евреев в значительной степени должен быть объяснен, помимо религиозных мотивов, стремлением церкви и других крупных рабовладельцев иметь дешевых рабов, которых евреи приобретали на Востоке и привозили в Западную Европу. Однако, этот материальный интерес так мало затрагивал средневековое общество, что на этой почве церковь не могла вызвать широкого антиеврейского, юдофобского, антисемитского движения, и мы нигде не видим настоящего народного негодования даже против еврейских рабовладельцев. Точно таким же образом и возмущение церкви обрезанием попавших к евреям христианских рабов и другие религиозные «преступления», приписываемые евреям, не могли создать враждебную им атмосферу настолько, чтобы на общественной сцене появилось сильное народное недовольство. Разумеется, работа церкви, рисовавшая евреев в самых ужасных и отвратительных красках, не пропадала даром и отравляла страшным ядом народную душу, о чем лучше всего свидетельствуют вспыхивавшие то там, то здесь взрывы народного негодования, проявлявшиеся в разрушении синагог, в избиении молящихся и даже в поголовной резне той или иной еврейской общины. Но взрывы эти носили характер мимолетной вспышки и нисколько не мешали тому, что христианское население, к великому ужасу церкви, продолжало иметь с евреями самые интимные отношения: смешанные браки, совместная трапеза, просьбы христиан о благословении их раввинами, празднование христианами субботы и другие явления отмечаются синодами и соборами, как прискорбные события, столь часто нарушающие торжественные постановления высших представителей церкви.

Не имея возможности в раннее средневековье вызвать большого народного антиеврейского движения, церковь, однако, легко толкала светскую власть на путь законодательных ограничений евреев, причем зависимые от церкви и вообще слабые представители королевской власти обнаруживали особую склонность покупать милость духовенства путем разных антиеврейских мероприятий. Так, французский король Клотар II (613—629 г.г.), вынужденный признать полную свободу епископских выборов, широкую компетенцию духовных трибуналов, отказ от права короля назначать священника и полную свободу завещаний в пользу церкви, предпринял, по наущению Парижского собора 614 г., ряд репрессивных мер по отношению к евреям, в первую очередь запретив им занятие гражданских и военных должностей. Это распоряжение слабого короля не имело, повидимому, практического значения, и собор в Реймсе возобновляет эту меру, прибавив к ней запрет продавать евреям рабов под страхом отлучения от церкви христианских продавцов. Однако, сеньеры, всецело державшие в своих руках в дни Клотара II власть над страной, совершенно не считались с указами короля и церкви, и лишь сын Клотара II Дагоберт повел решительную борьбу с евреями. Имея среди своих наиболее близких советников мецского епископа Арнульфа¹⁾, религиозного фанатика и, естественно, врага евреев, Дагоберт поставил евреев Франкского королевства пред альтернативой: либо принять немедленно крещение, либо покинуть пределы его государства. Повидимому, евреи полагали, что декрет Дагоберта по отношению к ним не будет применяться и останется такой же мертвой буквой, как и распоря-

¹⁾ «Жизнь св. Хлодульфа» характеризует Арнульфа как самого близкого королю человека. См. о нем подробнее у Мюльбахера „Deutsche Geschichte unter Karolingern, 1896, а также у Альберса „Konig Dagobert in Geschichte, Legende und Sage, 1884.

жения Клотара II, и не покидали франкской монархии. В ответ на это последовали жестокие казни: много евреев пало мученической смертью; еще больше покинуло царство Дагоберта и лишь немногие, по словам летописцев, приняли христианство. На старости лет Арнульф поступил в монастырь Ремиремон и после смерти был объявлен святым, а его сын Ансежизел женился на дочери Пипина, носившей имя Бегга, — от этого брака и произошла династия Каролингов.

Своими казнями евреев Дагоберт рассчитывал умиловить духовенство, у которого он, в противоположность своему отцу, конфисковал несколько крупных поместий. Церковь долго не могла ему этого простить и требовала от него «благочестивых дел»: помимо изгнания евреев, он способствовал основанию монастырей в Солиньяке, Ремиремоне, Ставело, Жуаре, Ребэ и Мальмеди. В то же время Дагоберт всячески поддерживал начавшую широко развиваться миссионерскую деятельность: с его царствованием связаны имена святых Элоя, Амана, Омера и др., и под власть церкви подпали на севере Фландрия, а на юге земля басков. Церковь простила, наконец, Дагоберту его смертный грех, выразившийся в частичной земельной конфискации церкви, тем более, что король не хотел иметь никаких дел с язычниками-славянами, заявив, что «недопустимо, чтобы христиане и служители бога объединялись с собаками».

Политика Дагоберта, повидимому, очень сильно ударила по евреям: начиная с его царствования и вплоть до Пипина Короткого (середина VIII века), евреи как бы исчезают из северной Франции и в документах этого периода не встречается о них никаких упоминаний. Характерно, что на юге Франции, в вассальном государстве, известном под названием Септимании, где евреев было гораздо больше и где они в качестве восточных купцов играли значительную роль, их положение было вполне благоприятным. К этой эпохе относится древнейшая во Франции еврейская надпись — нарбоннская (689 г.). Нарбоннские евреи, по преимуществу купцы, пользовались большой известностью по всему прилегающему побережью Средиземного моря и участвовали в борьбе жителей Септимании против испанских вестготских королей, желавших присоединить к себе Септимианию, и без того находившуюся в вассальной зависимости от вестготов. Между бедным севером, где короли из династии Меровингов подчинялись влиянию духовенства и где они искупали малейшую свою вину путем преследования всяких врагов христовой церкви, и между богатым югом, находившимся в оживленных сношениях с Левантом и со всякими неверными народами, контраст был очень значителен, и этот контраст, между прочим, проявлялся в отношении евреев: там, где евреев было больше, где они были экономически нужны и где религиозная мысль не замирала в мертвях тисках фанатизма и человеконенавистничества, к идее о преследовании всяких неверных и еретиков не легко склонялись ни феодалы, ни короли, ни даже церковная знать, в своей жажде роскоши не могущая обходиться без еврейского посредничества, и еврейские общины спокойно и мирно развивались. На это обратил внимание в 768 г. папа Стефан III, который стал жаловаться архиепископу Ариберу на бездеятельность южного духовенства в отношении евреев. По словам папы, евреи Нарбонны свободно приобретают недвижимость, живут с христианами в одном доме, пользуются услугами христиан для обработки земли и виноградников.

В провансальском романе «Philomena» рассказывается, что после легендарной осады Нарбонны Карл Мартелл предоставил евреям различные привилегии зато, что они оказали ему большую поддержку

при взятии города, между прочим, наследственное право на земли было дано наиболее храбрым. По словам более позднего нарбоннского раввина Меира, один еврей спас жизнь королю, уступив ему коня; сам же он попал в руки неприятелей, став, таким образом, жертвой своей преданности королю. В IX—XI веках евреи Нарбонны пользовались даже феодальными правами, что вызывало недовольство духовенства. Последнее настаивало на взимании десятины со всех земель и добивалось лишения евреев владения свободной землей¹⁾. Ходатайство церкви не было полностью удовлетворено: в 899 г. евреям запрещено было владеть обложенной десятиной землей, свободная же от десятины земля могла попрежнему оставаться в еврейских руках. Если закон 899 г. и конфисковал у евреев часть земли, то такая конфискация, по мнению Сэжа, была очень ограниченной и мало отразилась на состоянии евреев. Подобно Нарбонне, другие южно-французские города, как Тулуза, Безье, Лодев, Манд, Памье, Люнель, Ним, Сен-Жиль, Монпелье, имели богатые еврейские общины и видели евреев на самых ответственных должностях; в Ниме и Монпелье евреи занимали даже места городского головы. В Каркассоне евреи долгое время стояли во главе таможни и взимали подати не только в пользу светских, но духовных сеньеров, и подобные случаи, повидимому, были сравнительно распространенным явлением, так как современники не удивлялись им, и нигде нет по поводу благоприятного положения евреев в южной Франции никаких жалоб, никакого возмущения. Не слышно ничего ни об эксплуатации евреев, ни об их стремлении захватить в свои руки власть над христианским населением²⁾. «Еврейское благополучие» стало объектом жестоких нападков лишь позднее со стороны духовенства, когда богатый юг Франции начал давать еретиков и хулителей слова божьего. Церковь увидела в этом результат мирного сожительства христиан и евреев, и благословенный юг Франции превратился в страшную арену религиозных войн, связанных с альбигойской ересью.

Прямой противоположностью южной Франции была Испания в царствование вестготов с момента принятия в 587 г. королем Рекаредом католичества вместо прежнего арианства. Рекаред открыл мрачную страницу в истории испанского еврейства. Чтобы понять значение наступивших преследований евреев, следует иметь в виду, что вестготское государство представляло выборную монархию и Рекаред видел главную опору против вельмож в духовенстве, которое его поддерживало за преследование ариан и евреев, но которое и навязывало ему все постановления испанских синодов. Толедский собор 589 г., так называемый Собор обращения в христианство, вынес постановление о том, что еврей не должен жениться на христианке или иметь наложницу-христианку, не может занимать общественной должности и держать в услужении христианских рабов. Вскоре к этим запретам было прибавлено обязательство соблюдать и евреям воскресный отдых и не выходить в большие праздничные дни на улицы, где много христиан. Король Рекаред не только согласился проводить в жизнь все эти постановления, но и усилил их, прибавив, что совер-

¹⁾ Община насчитывала очень большое число евреев, — ко времени войны между городом Нарбонном и графами Тулузы в первой половине XII века в Нарбонне было даже около 2 тыс. человек. См. В. G. Saige, Les Juifs du Languedoc 1881; G. Caro, Die Social-und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter, 2 m., 1908 в 1922, Шиппер, Возникновение капитализма у евреев Зап. Европы, 1910.

²⁾ Bédarride, Les Juifs en France, en Italie et en Espagne, 1867; Beugnot, Les Juifs d'Occident, 1824; Deping, Les Juifs dans le moyen âge, 1834. Gross, Gallia Judaica, 1897.

шивший обряд обрезания над рабом теряет все свое состояние и становится крепостным казны. Папа Григорий Великий воздал хвалу Рекареду за этот поступок и сравнил его с царем Давидом. Ряд преемников Рекареда продолжал его политику по отношению к евреям, вследствие чего многие приняли христианство, и в Испании появились евреи. И в мерах католических вестготских королей не было социального антисемитизма; был политический момент, расчет на помощь духовенства в борьбе королей с сеньерами. Последние не только не одобряли антиеврейской политики правительства, но и оказывали всякую поддержку евреям, в которых они видели жертву антисеньеральных тенденций вестготских правителей. Так как феодалы старались умалить значение королевской власти и мечтали о прекращении роста церковного землевладения, то они резко выступали одновременно и против короля, и против духовенства. На евреев и на иудействующих они нигде не жаловались и даже считали их полезными в экономическом отношении, так как благодаря им они получали предметы из Африки и Азии.

Но король Эгика (687—701 г.г.) решил подорвать материальное благосостояние евреев и иудействовавших и запретил им заниматься судоходством и торговлей с христианами; недвижимое имущество они должны были продать казне и воздерживаться от каких-либо сношений с христианами. Собор 693 г. с чувством благодарности подтвердил законы Эгика, и евреи Испании оказались в крайне тяжелом положении. Среди них началось сильное брожение. Завязали ли они сношения с евреями Африки с целью поддержать надвигавшихся на Испанию арабов, как то думает историк Генрих Грец, или предполагалось поднять восстание внутри страны, как утверждает Каро, или они собирались действовать обоими средствами, как сказано в обвинительном акте, — решить определенно слишком трудно: заговор был открыт, и специальный собор, созванный Эгикой, издал следующий декрет: «Так как евреи не только осквернили веру, к которой церковь удостоила их приобщить при крещении, но, вопреки обещаниям, соблюдают свои прежние обряды и еще дерзнули составить заговор с целью насильственного захвата власти в государстве, то все они объявляются рабами, отдаются в крепостное владение христианским господам, которые не имеют права отпускать их на волю. Дети, начиная с семилетнего возраста, отдаются на воспитание христианам».

Широко известный германский историк Феликс Дан в своем 12-томном труде «Короли германцев» оценивает следующим образом действие Эгика и специального собора. «Кара, наложенная на евреев — не только на тех, которых обвинили в заговоре, была ужасной... Ненавистные евреи совершенно исчезли бы в Вестготском королевстве, если бы последнему суждено было долго существовать. Дни его, однако, были сочтены». Внутренние смуты, раздоры между монархами, опиравшимися на духовенство, и вельможами, стремившимися быть господами монархии, антиеврейская политика, разрушившая экономическую дееспособность евреев и иудействующих, все это вместе взятое, настолько расшатывало устой государства, что оно не могло не сделаться добычей первого грозного врага. Арабы хорошо понимали положение Вестготского государства и правильно рассчитывали на помощь тех внутренних врагов, которых в течение 150 лет растило католическое духовенство вместе с зависимой от него королевской властью. Евреям нечего было терять от гибели Вестготского государства; торжество арабов, наоборот, сулило им одни лишь выгоды.

Этого убеждения держались не одни только евреи, но и другие жертвы религиозно-политических преследований преемников Рекареда. В 711 г. при Херес де-ла Фронтера арабы уничтожили вестготскую армию, и Испания, завоеванная арабами, стала частью восточного халифата Омейядов. Испанские евреи под владичеством арабов вступили в долговую полосу сравнительно спокойного развития, почти не знавшую религиозного фанатизма с его постоянным спутником — преследованиями на почве религии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РОЛЬ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В РАЗВИТИИ АНТИСЕМИТИЗМА.

Военные экспедиции из Западной Европы на Восток, начавшиеся в конце XI века, продолжавшиеся целых два столетия и в значительной степени имевшие целью грабительским путем получить восточные предметы, столь ценные в Европе, составили поворотный пункт в истории европейского еврейства. Экспедиции эти известны под названием Крестовых походов¹⁾. Церковь, нуждавшаяся в восточных продуктах и привыкшая к ним, с самого начала захватила руководство Крестовыми походами, которым она придала религиозный характер, проповедуя необходимость освобождения гроба господня от неверующих, наступавших на Константинополь. На Клермонском соборе 1095 г. монах Петр Амьенский, которому-де во сне явился спаситель с указанием помочь бедственному положению христиан на Востоке, увлек членов собора на борьбу за христианское дело, и сам папа Урбан II собрал народ на широкой равнине, в окрестностях Клермона, и призывал христианский мир на помощь не только Палестине, но и всем «угнетенным церквам восточным». Единодушным кличем: «Так хочет бог», — решен был первый крестовый поход. Призыв Урбана II имел успех, главным образом, потому, что папа объявил, что вооруженное паломничество в Святую землю заменит эпитемию за все те грехи, в которых паломники исповедуются и раскаются. Другими словами: папа даровал крестоносцам полную индульгенцию, т.е. совершенное отпущение всех грехов, и жадность, с которой люди поспешили за индульгенцией, показывает, как дорого ценили тогда возможность освободиться от страха перед адом и всеми другими ужасами, какими церковь господствовала над умами всего средневекового общества.

Одновременно с индульгенцией крестоносцы получали освобождение от подсудности светским судам и, наравне с лицами духовного звания, отныне подлежали лишь духовному суду. Когда возбуждалось обвинение против крестоносца, духовный судья, под угрозой отлучения от церкви, вырывал его из рук светского судьи; если крестоносец уличался даже в очень крупном преступлении, то обычно ограничивались тем, что у него отбирали крест и его судили очень снисходительно. Это злоупотребление церкви было вскоре признано светским судопроизводством, и понятно, что подобная привилегия, сводившаяся фактически к безнаказанности даже самых закоренелых преступников, действовала притягательным образом на всяких бесчестных

¹⁾ В настоящее время мы подготовляем специальную монографию о Крестовых походах; в ней будут освещены и причины, вызвавшие эти походы, и следствия, какие они имели. Здесь мы не можем касаться Крестовых походов. Монография выйдет в издательстве «Атеист», Москва.

искателей приключений, число которых было очень велико в рядах крестоносной армии. Церкви были особенно выгодны Крестовые походы, так как уходившие на Восток средние и мелкие рыцари нуждались в средствах, коими их снабжала церковь, получая в залог данных денег принадлежавшую рыцарству землю. Дорожить последней у паломника было тем меньше основания, что уход его носил неопределенный во времени характер, и некому было в его отсутствие обрабатывать его небольшой земельный участок. Зачастую церковь и без ссуды брала на себя заботу о покинутом участке и закругляла свои и без того обширные земли крестоносными участками. Земли отдавались церкви до возвращения из Иерусалима, и так как лишь немногим суждено было вернуться из опасного и дальнего похода, то церковь в эпоху крестовых войн накопила много «выморочных» имений, частью доставшихся ей за ссуду, частью за молитвы о благополучном возвращении владельца заложенного участка. Если у погибшего в пути и оставались наследники, претендовавшие на возврат им оставленного у церкви имущества, то церковь искусно оспаривала эти претензии, ссылаясь на то, что она молится за душу умершего и что ей принадлежит оставленный участок в качестве вознаграждения за ее молитвы. Немало рыцарей обращалось за ссудами накануне выступления в священный поход и к евреям, которые, как торговцы и ремесленники, легко могли их снабжать необходимыми в пути деньгами и разными вещами. И евреи, подобно церкви, нередко обеспечивали свои ссуды взятыми в залог рыцарскими участками; не имея, впрочем, права владеть землей, евреи лишь временно держали эти участки и чаще всего, потеряв надежду на возвращение «ушедшего в Иерусалим» крестоносца, продавали их церкви и монастырям, которые разбогатели благодаря всем тем комбинациям, которые в огромном количестве выросли на почве Крестовых походов.

Римская курия была усиленно заинтересована, прежде всего, в создании огромной армии, покорной папе. Урбан II, занимавший папский престол с 1088 г., принимал еще в качестве кардинала и папского легата активное и очень близкое участие в борьбе между императорской и папской властью: он был представителем папы Григория VII на том съезде епископов, который собирався провозгласить новое отлучение от церкви против германского императора Генриха IV. Будущий папа Урбан не мог провести своей миссии, и партия императора одержала в Германии верх. Германия, казалось, будет потеряна для римской курии, и только воинствующая германская знать, испугавшись чрезмерно растущей власти Генриха IV и переметнувшись через некоторое время на сторону папы Григория VII, спасла его, и курия шумно отпраздновала победу. Умный и осторожный Урбан, тогда все еще папский легат, понимал, как непрочно власть папы в отношении короля и императора, и мечтал о создании силы, более реальной, чем одно лишь отлучение от церкви, и, разумеется, крестоносная армия лучше всего могла дать ему в руки ту действительную силу, которой не располагал папа Григорий VII в его борьбе с имп. Генрихом IV. Избранный папою, Урбан в Риме столкнулся с антипапою, которого поддерживал Генрих IV. Антипапа оказался сильнее Урбана, и последний жил на маленьком острове, вел переговоры с разными противниками антипапы, делал всем уступки, давал всевозможные обещания, мало выполнимые и идущие вразрез с представлением о всемогуществе курии. Только поражение императора Генриха IV открыло Урбану ворота Рима и он почувствовал себя настоящим папою. Пережив столько неприятностей и опасностей в годы

представительства интересов папы Григория VII и в течение своего собственного понтификата, Урбан не мог не воодушевиться при мысли о создании собственной, папской, крестовой армии, задача которой состояла не только в освобождении гроба Христа, но и в торжестве христианского дела — везде и повсюду.

Воодушевляя рыцарскую толпу на Клермонской равнине, красноречивый Урбан ковал сильное оружие для грандиозных планов курии — не столько во внешней политике, сколько во внутренней: стекавшийся отовсюду сброд, путем индульгенций очищенный от всяких не только настоящих, но и будущих преступлений, готов был бороться за правое дело с одинаковым усердием как в Малой Азии, Сирии и Палестине, так и в Германии, Франции и Италии. И папа Урбан, обращаясь в Клермоне к «героизму» франков, не без таланта развивал мысль, что «бог действует руками франков».

И первый Крестовый поход — это по преимуществу авантюристское французское рыцарство на пути в Святую землю. К французскому ядру присоединялись и фламандцы, и англичане, и германцы, — шли за землей, шли за восточными товарами, шли из-за дарованных привилегий, шли за легальную возможность грабить, шли ради освобождения души от совершенных преступлений, шли за победу христианства над неверными, шли из страха пред мусульманами, победившими христиан не только на Востоке, но и на Западе: 25 октября 1087 г. вторгшиеся из Марокко в Испанию альморавиды разбили христианскую армию при Салакке. Время было грозное, смутное, и все спешили под знамя Урбана II, в поход на врага христовой веры. Как снежный ком, росла армия крестоносцев по своему пути с севера на юг: продолжавшийся несколько лет голод и связанная с ним дороговизна гнали в армию безземельных крестьян, городскую мелкоту, стариков, женщин и детей. Армия впитала в себя и немало профессиональных преступников: жулики, воры, грабители и убийцы, говорит летописец Альберт из Экса, в большом количестве вошли в состав крестовой армии. Походы обещали богатую добычу, а гарантированное папой Урбаном II вечное блаженство на том свете развязывало руки тем, кто еще колебался идти на прямой грабеж и иные преступления.

Плохо дисциплинированная армия распалась на отдельные толпы. Во главе одной шел монах Петр Амьенский; во главе другой — пресвитер Готшалк; дальше набирал толпу герцог Готфрид Бульонский, который с самого начала заявил, что он отомстит на евреях кровь Христа. Какой-то монах во главе целой банды внушил ей мысль насильно принудить евреев к принятию христианства; по его словам, на св. гробе найдено сочинение, требующее от всякого верующего немедленного принудительного крещения всех евреев. Эта мысль, сопровождавшаяся угрозой убийства и отнятием имущества у упорствующих евреев, показалась крестоносцам одинаково выгодной и богоугодной. Духовные лица, организовывавшие отряды крестоносцев, повторяли на все лады, что евреи такие же неверные, как мусульмане, что все они — исконные враги христовой веры, и что крестовый поход надлежит начать с евреев, которые находятся тут же, и продолжать его на Востоке, где налицо и другие враги истинного учения.

Первой жертвой крестоносцев сделалась еврейская община города Руана. Толпа вогнала евреев в церковь, с оголенными мечами поставила их пред дилеммой — смерть или крещение. Подробности кровавых событий не сохранились: источники неопреде-

ленно говорят и о гибели и о насильственном крещении многих евреев Руана.

Вслед за Руаном стал театром подобных событий Мец, где было убито 23 еврея, и вся община была рассеяна, и только через 100 приблизительно лет здесь снова могла образоваться еврейская община. Кельнские евреи преподнесли Готфриду Бульонскому 500 марок и тем временно спаслись от смерти. В Шпейере было убито 11 евреев и разгромлена вся община. Однако, евреи оказали упорное сопротивление, и толпа в течение двух недель осаждала город, откуда она была изгнана евреями, и лишь потом «волками пустыни» крестоносцы двинулись дальше. Трирская община, при приближении крестоносцев, почувствовала такой ужас, что некоторые члены ее закололи ножами своих детей, а затем и самих себя. Женщины и девицы навязывали себе камни на шею и бросались в Мозель, чтобы не подвергнуться изнасилованию. Оставшиеся в живых обратились с мольбой о помощи к епископу Эгильберту. Но князь церкви, желавший, быть может, отвратить тяготившее над ним подозрение в ереси, ответил несчастным: «Теперь на вас, презренные, пали грехи ваши за то, что вы отвергаете сына божия и хулите его мать; обратитесь в христианство, и я дарую вам мир. Если же вы будете упорствовать, то вместе с телами вашими погибнут и ваши души».

В Вормсе евреи подверглись почти поголовному истреблению; епископ Аллебрандус поступил с искавшими у него помощи точно так, как его собрат по Триру. Один юноша, Симха Коген, потерявший отца и всех своих братьев, не хотел умереть без отмщения. Он позволил отнести себя в церковь и в тот момент, когда собирались его причастить, вырвал спрятанный нож и заколол племянника епископа Аллебрандуса. Он был в церкви же разорван на части. Когда крестоносцы, награбив много имущества и пролив потоки крови, оставили Вормс, могильщики насчитали почти 800 трупов, приблизительно 140 семейств; среди убитых были сыновья и ученики известного ученого Исаака Галеви.

На следующий день после резни в Вормсе крестоносцы прибыли в Майнц. Предводителем их был граф Эммерих Лейнинген, близкий родственник майнцского архиепископа Рутгарда. По заранее задуманному дьявольскому плану евреи были приглашены в архиепископский дворец, пока, как говорил сам Рутгард, не минует гроза. Во дворце скрылось почти все еврейское население Майнца: 1.300 человек. Крестоносцы, с графом Лейнингеном во главе, окружили дворец и требовали выдачи евреев. 1.300 трупов были вскоре вывезены из дворца на телегах за пределы города; их имущество было поделено между архиепископом, графом и наиболее видными деятелями страшной резни.

День Иоанна Предтечи крестоносцы отпраздновали в Нейссе убийством 200 евреев; затем начались поиски евреев в окрестностях Кельна и Бонна. Попадавшиеся евреи убивались; спасти себя можно было только путем «святого крещения». В деревне Альтенаре беглые евреи поклялись друг другу умереть добровольно. Было избрано пять решительных людей, которые должны были перерезать своих единоверцев, а затем зарезать самих себя. Они так и поступили, а последний оставшийся в живых, по имени Петр сын Иоэца, взобрал на башню и бросился с нее. Только двое юношей и двое детей, коим были нанесены неглубокие раны, впоследствии оправданы и остались в живых. В общем в прирейнских городах в течение мая — июля 1096 г. погибло от крестоносцев до 3½ тыс. евреев. Бо-

гаты и торговые прирейнские общины целиком погибли, и от многих из них остались лишь одни воспоминания. Немало погибло тогда и еврейских ученых.

С берегов Рейна крестовые банды направились к востоку и к югу; произвели страшное избиение евреев в Регенсбурге, а затем предались грабегам и убийствам по всему Дунаю, свирепствуя особенно сильно в Богемии и Венгрии. Здесь особенно отличались Петр Амьенский и Готье Голяк, которые не щадили никого, даже христиан, на добро которых они зарились с не меньшей жадностью, чем на еврейское. Двигаясь по Балканскому полуострову, крестоносцы, предоставляя собою совершенно разложившуюся массу, по пути грабили и уничтожали, являясь ужасным бичем для местного населения. Белград и Землин были совершенно разгромлены, но под стенами Ниша крестоносцам был нанесен страшный удар. Здесь их погибло несколько десятков тысяч; пробравшиеся в Малую Азию гибли от холода, голода и нужды, а турки рассеяли их последние остатки. С большим трудом спаслись Петр Амьенский и некоторые другие вожди движения. В течение долгого времени на Дунае с чувством ужаса говорили о кровавых бандах, предававших огню и мечу целые города и поголовно избивавших мирное городское и деревенское население. Тем не менее, Готшалк и граф Лейнинген направили свои стопы по тому же пути и погибли таким же жалким образом, как и толпы Петра Амьенского. Лишь более организованные армии, шедшие под начальством опытных полководцев, достигли Иерусалима и, потеряв также несметное множество людей, овладели в августе 1099 г. палестинской столицей. Подобно предшествовавшим бандам, и эти крестоносцы, прежде всего, стали показывать свою храбрость на беззащитных евреях: евреи Иерусалима были загнаны в синагогу; синагога была сожжена с четырех сторон, и запертые в ней евреи погибли в огне.

* * *

Папская крестовая армия, наспех сколоченная из авантюристских элементов и из подонков общества усилиями папы Урбана II и нескольких импровизированных полководцев, явилась страшной угрозой для германского императора, а также для городов, где вместе с евреями пострадали и христиане. Враждебным настроением горожан решил воспользоваться император Генрих IV, не признававший Урбана и в лице антипапы Климента III имевший своего ставленника в Риме. Неудивительно поэтому, что Генрих IV, возвратившись в 1097 г. из Италии, разрешил всем насильственно крещеным снова вернуться в иудейство и нисколько не скрывал своего омерзения к массовым убийствам крестоносцев. Сторонники Урбана начали ожесточенную кампанию против «безбожного» императора, дерзость которого дошла до того, что он в Майнце велел нарядить следствие по поводу имущества убитых евреев. Среди подследственных оказался и архиепископ Рутгард. В городах Генрих видел и раньше свою опору и естественно, что после их разгрома он хотел направить народный гнев против претендовавшего на всемогущество Урбана II. Евреи же и до погромов, поддерживавшие Генриха IV, теперь стали его всячески благословлять. С его именем связана привилегия, дарованная еврейской общине в Шпейере и ставшая образцом для ряда подобных грамот.

Содержание генриховской привилегии сводилось к следующему: 1) Воспрещается всем имперским подданным беспокоить евреев не-

справедливыми притязаниями или посягать на их имущество, под угрозой уплаты фунта золота в императорскую казну и вознаграждения обиженного двойною стоимостью отнятого имущества. 2) Дозволяется свободная торговля без всякого ограничения, на пространстве всей империи с правом свободного и спокойного проезда по всем путям. 3) Не допускается, без согласия домохозяев-евреев, помещать в их домах посторонних лиц. 4) Воспрещается насильно крестить еврейских девочек и мальчиков под опасением уплаты 12 фунтов золота. 5) Воспрещается отворачивать от службы еврейских рабов-язычников, под предлогом крещения; ослушники уплачивают три фунта серебра, а рабы возвращаются прежнему хозяину. 6) Евреям разрешается продавать христианам вино, лекарства и все вообще предметы. 7) В случае тяжбы между евреями решение učinяется по приговору евреев же, а не иначе. 8) В случае запутанных споров и тяжб, не нарушая ни в чем прав еврейской общины Шпейера, дозволяется перенос дела на рассмотрение епископа. 9) Если бы кто-либо из евреев по вероломству отказался от дачи показаний по какому-либо еврейскому делу, то лицу, назначенному от епископа начальником еврейской общины, предоставляется принудить упорствующего к даче показания мерами, определенными еврейским правом. В таком же духе составлены и остальные пять статей шпейеровской привилегии.

Еврейская политика Генриха IV, в особенности его разрешение евреям, насильно крещеным, вернуться в иудейство, вызвала негодование даже его ставленника антипапы Климента III. Соперник Урбана II по римскому престолу обратился к императору со специальным письмом, в котором, между прочим, сказано было: «Мы слышали, что крещеным евреям разрешено отпасть от церкви. Это неслыханный грех, и мы приглашаем тебя и всех братьев наших заботиться о том, чтобы таинство церкви из-за евреев не подверглось поруганию». Генрих, однако, не приостановил начатого против архиепископа Рутгарда следствия: Рутгард, не дождавшись неудобных разоблачений, бежал в Эрфурт и перешел на сторону врагов императора: из приверженца Климента III он стал приверженцем Урбана II. Так эластична была религиозная совесть этого архиепископа-убийцы и погромщика.

Как ни велик был взрыв антисемитизма в связи с первым крестовым походом, рев крестоносцев: «евреи распяли Христа, они должны признать его или умереть» — не содержал в себе ничего нового и был лишь формулировкой того, что выносили многочисленные соборы средневековья. Нигде фанатические толпы, шедшие на богоугодное дело, не упрекали евреев ни в эксплуатации христиан, ни в предосудительных финансовых и коммерческих сделках: следов социального антисемитизма нельзя найти в кровавых подвигах отозвавшихся на слово божье рыцарей-авантюристов, выбитых из колеи горожан и обезземелившихся крестьян. Первый Крестовый поход — это проведение в жизнь религиозных постановлений христианских синодов в той части, которая трактовала вкривь и вкось еврейский вопрос. Трагика последнего в эту эпоху носила специфический характер: евреи, отверженные богом, враги христианской веры; они являются опасной для христианского общества заразой; не следует допускать общения христианина с евреем, а тем паче совращения христианина в иудейскую веру. Их не следует убивать, потому что они существуют с целью показать, как унижительно и ничтожна жизнь людей, богом наказанных, а также для того, чтобы они своею жизнью уве-

ковечили совершенное этим народом святотатственное преступление по отношению к спасителю.

Все эти перепевы были однообразны и не новы: большого практического значения они не имели, потому что были «теоретичны» и не связаны с потребностями и нуждами общества, широкие слои которого по мере разложения сложного римского хозяйственно-политического уклада и усиления натурального безобменного строя все реже и реже приходили в соприкосновение с евреями, к которым, с другой стороны, верхушка феодального общества могла относиться в силу своих экономических интересов скорее благосклонно, чем враждебно. Вот почему юдофобская агитация духовенства, собиравшегося на соборы, не могла пустить глубоких корней в народе и лишь в моменты религиозного подъема, вызывавшиеся какими-либо определенными экономическими и политическими причинами, давала вспышки и взрывы яростного гнева, в котором сказывалось долго делеявшееся чувство отвращения и ненависти к народу, распявшему Христа и продолжавшему ненавидеть все христианское. И если бы первый крестовый поход был эпизодом в истории, то сопровождавший его взрыв религиозного фанатизма и вытекавшие из последнего погромы и убийства прирейнских еврейских общин были бы преходящим явлением, кратковременными несчастьями, за которыми легко могли бы последовать опять спокойные и тихие дни для западного еврейства. Но первый крестовый поход не был случайным эпизодом в истории; он был началом крупной по своему историческому значению эпохи, последствия которой глубоко отразились на судьбе как народов, среди которых жили евреи, так и на участи самих евреев.

* * *

Одним из ближайших последствий массового переселения людей на Восток явилось большое экономическое напряжение Западной Европы, в особенности северо-итальянских городов, взявших на себя дело организации переправы крестоносцев в Малую Азию. Генуя, Венеция, Пиза и Анкона занялись в огромных размерах судостроительством, снабжали всем необходимым крестоносцев, переправляли их и стали ввозить в Европу многочисленные восточные продукты. На этой почве начался оживленный и систематический товарообмен между Европой и Азией, и этот товарообмен вызвал к жизни настоящий торговый, купеческий класс, который в средиземноморских городах быстро окреп и разбогател. Этому христианскому торговому классу уже более не нужен был еврейский или сирийский посредник, так как он без всякого посредничества мог вступать в деловые сношения с тем миром, который раньше ему доступен был в гораздо меньших размерах. Но помимо постоянных связей с Востоком, сблизивших Европу с ним, нужда в азиатских предметах, вследствие постоянного потока людей то в одну, то в другую сторону, быстро расла в европейских странах, и выгодность товарных сношений с каждым годом увеличивалась. Итальянские купцы стали относиться враждебно к еврейским купцам, ведшим сравнительно широкую торговлю, и на этой почве началась конкуренция, окрашенная очень рано в антисемитский цвет. То были первые проявления социального антисемитизма, когда голос религиозного фанатизма фактически играл несравненно меньшую роль, чем материальная заинтересованность купцов, сводившаяся к вопросу о том, как можно вернее устранить ловких и опытных конкурентов.

Закон, запрещавший капитанам судов, плававших в восточных водах, брать на борт евреев или вообще купцов, не происходивших от «настоящих» венецианцев, ни в какой мере не был религиозным, и если он исключал евреев в первую очередь, а вскоре фактически стал говорить об одних лишь евреях, то это объяснялось тем, что репрессивные меры, направленные против евреев, легко было облечь в идеологическую форму и придать им не столь материалистический, сколь идеалистический характер. Не только евреям воспрещалось плавать на уходящих в Азию судах, но вскоре и их товарам не разрешалось ни приходить в Европу, ни уходить в Азию: никто не имел права отправлять из Венеции товаров, принадлежавших евреям, хотя бы последние поручали это делать христианину; нельзя было также брать в Малой Азии товаров у евреев, хотя бы последние и не сопровождали своих тюков в Венецию. Что еврейские товары несли с собою религиозные бактерии и легко могли заразить венецианский воздух, предполагалось, как нечто само собою разумеющееся, и произносилось это скороговоркой, как заученное «Отче наш», но этому «само собою понятному» явлению никто не придавал значения, так как по существу оно служило лишь хорошей ширмой, за которой скрывались определенные купеческие, экономические интересы.

Почему Венеция раньше других европейских городов вступила на путь социального антисемитизма, объясняется, разумеется, не ее более развитым религиозным фанатизмом и не ее большей покорностью католическому духовенству, а исключительно ее торговым развитием, ее посреднической деятельностью между Западом и Востоком и неизбежным столкновением ее купечества с еврейскими посредниками, делавшими то же дело, что и венецианские купцы. Однородность экономических функций венецианцев и евреев отталкивала их друг от друга, создавала между ними соперничество и придавала более сильным возможность и, следовательно, и право притеснять, а вскоре отчасти вытеснять, более слабых. Идеальным флером этого права силы был антисемитизм, — старая церковная формула о вредности и опасности распятого Христа народа, но под старой формулой скрывалось новое содержание: еврей-купец есть опасный конкурент; он должен быть устранен с пути. Из-под старых лохмотьев явственно, однако, виднелась новая — при том чисто светская и социальная мысль: и не только купцы Венеции, ее замечали и генуэзцы и даже не итальянцы, жившие на побережии Средиземного моря, начавшие также вести широкую торговлю с Левантом и вступившие на путь борьбы с еврейскими конкурентами, устранение которых обвлекивалось в столь приятный для средневекового сознания туман фраз о распятии Христа, заразе иудейства, умственных, духовных и физических пороках евреев и т. д.

Не следует, однако, думать, что социальный антисемитизм, родившийся в торговых центрах Средиземноморья, сильно разросся и принял особенно опасные для еврейства формы. Он не только не достиг здесь расцвета, но по существу был поверхностен и непродолжителен: итальянские, южно-французские и некоторые испанские города, изрезывавшие своими торговыми судами воды Средиземного моря, не опасались чрезмерно конкуренции. Спрос на восточные предметы, ставшие в эпоху Крестовых походов предметами зачастую широкого потребления, был настолько велик, что нужда в купцах, в поставщиках товаров чувствовалась гораздо сильнее, чем в покупателях: тогда не товары гнались за покупателями, а покупатели за товарами, и, естественно, что конкуренция далеко не всегда принимала столь

острый и злобный характер, как в позднейшее время. Средиземноморский социальный антисемитизм, овладевший заморским торговым капиталом, крупным для того времени, быстро испарился и не охватил ни широких масс в Италии, ни каких-либо значительных слоев населения в других странах: он был мимолетным явлением, потому что еврейский торговый капитал фактически не оказался столь опасным орудием борьбы ни для Венеции, ни для Генуи, ни для других итальянских центров заморской торговли, чтобы заострившаяся на первых порах конкуренция между итальянским и еврейским капиталом могла превратиться в хроническую, постоянную борьбу и создать благоприятную почву для развития социального антисемитизма, требующего для своего питания определенных экономических условий.

Но Крестовые походы, помимо Италии, вызвали и в других странах усиление товарообмена, развитие денежного хозяйства. Самое снаряжение походов было возможно лишь при наличии больших денежных сумм, и владевшие землей рыцари, жившие ранее почти натуральным хозяйством, часто обращались к евреям за деньгами, и таким путем крестоносцы в значительной степени оказались должниками евреев. Что ссуды могли выдаваться евреями лишь на тяжелых условиях, понятно само собою. Точно также естественна была вражда тех рыцарей, которые, вернувшись с похода, сталкивались с кредиторами, либо державшими заложенную у них землю, либо требовавшими возврата денег с выросшими за время отсутствия рыцаря большими процентами. На этой почве не могло не быть столкновений между кредиторами-евреями и дебиторами-крестоносцами, и столкновения эти, естественно, приняли характер антисемитский, тем более острый, что крестоносец был нафанатизирован церковью и, считая себя борцом за Христову веру, имел дело с таким же врагом христианства, какого он убивал в Сирии и Малой Азии во имя спасения своей веры. И здесь социальный момент окутывался в религиозную одежду, принимая идейную оболочку — ту оболочку, которую церковь — единственная духовная воспитательница средневекового общества — преподносила ущемленному в своих материальных интересах рыцарству, победоносно вернувшемуся с поля битвы против векового врага христианской веры. То был социальный антисемитизм, питавшийся естественным недовольством дебитора, не желавшего платить долгов, и окрашенный в тот идеологический цвет, который церковь подготавливала в течение ряда веков для вящего торжества слова божия.

* * *

В споре между рыцарством и евреями о возвращении долгов церковь со всем своим авторитетом решительно стала на сторону христиан-должников, тем более, что с давних пор множество авторитетных христианских моралистов, отцов церкви и соборов не раз осуждало возмездную ссуду, всякие проценты и выгоду от оказываемой материальной помощи впавшему в нужду человеку.

Правда, занятая по отношению к ростовщичеству позиция церкви не всегда была одинакова и свидетельствовала о больших колебаниях ее в этом вопросе. Так, император Константин Великий, с именем которого связана победа христианства над язычеством, за месяц до созыва им первого вселенского собора в Никее, издал закон, в силу которого разрешалось всем и каждому взимать 12% ежегодно с сумм, даваемых займы в виде монет и металлов, и 50% с плодов и иных предметов потребления. Если принять во внимание авторитет, кото-

рым пользовался Константин в глазах духовенства, то легко понять, что его закон связывал церковь в ее осуждении ростовщичества. И, действительно, церковь фактически игнорирует светских займов, давцев и говорит лишь о клириках, предающихся ростовщичеству; их она осуждает, с известной, впрочем, оговоркой, как это явствует из соборов 538 и 698 годов. Оба эти собора говорили о наказании лишь для высших представителей духовенства; низшие же от наказания освобождались и даже не подвергались увольнению от службы или исключению из ордена¹⁾. Мало того, всякий профессионал-ростовщик, отдающий бедным нажитые путем ростовщичества деньги, может быть допущен и к высшим духовным должностям, и Сидоний Апполинарий рассказывает, что его друг Максим давал деньги в рост из 12%, а когда он был избран в епископы, то Сидоний обратился к нему с просьбой облегчить положение одного должника, которому тяжело было внести Максиму успевший за десять лет удвоиться долг. Доброе сердце нового епископа не осталось безучастно к мольбам Сидония: Максим готов был уменьшить причитающуюся ему с процентами сумму и, кажется, это сделал; но *sua sponte* (добровольно), а не под давлением канонических правил и запрещения взимать проценты. Епископ, повидимому, был спокоен, ибо 12% — это было законным ростовщичеством (*usura legitima*), по выражению епископа Дидье, современника Максима.

Однако, бывшая Римская империя, в особенности ее западная половина, все более теряла свой товарный, обменный характер хозяйства и превращалась в натуральное, мало знавшее товарообмен хозяйство, и церковь все резче и резче становится на путь запрета процентной ссуды.

Но характерно, что по существу церковь шла в хвосте за государством, ибо синод в Ахене, впервые в Западной Европе осудивший всякое взимание процентов, повторял лишь то, что говорилось в капитулярии 789 г., изданном Карлом Великим. Постановления Ахенского собора настолько противоречили всему прежнему тону синодских декретов, что кардинал де-ла-Люцери в своей старой, но далеко не устарелой и интересной книге «*Dissertations sur le prêt de commerce*» (1827) объясняет поведение Ахена «незнанием творений отцов церкви и мероприятий старых соборов». Разумеется, причину перемены фронта нужно видеть не столько в незнании, сколько в новых экономических условиях, когда огромная часть населения, занимаясь лишь земледелием, не нуждалась в производительном кредите и прибегала лишь к потребительному, выражавшемуся в получении семян, сельскохозяйственного инвентаря и т. п. Падение потребности в кредите вызвало его резкое осуждение. Тем не менее, Ахенские постановления не были признаны непреложной истиной, и последующие синоды вносят ряд смягчений, в общем сводящихся к тому, что наказание, более или менее серьезному, подвергались лишь духовные ростовщики. — в отношении же мирян ограничивались либо моральным осуждением либо незначительной карой.

Только второй Латеранский собор 1139 г. установил суровое наказание за ростовщичество и преследовал как мирян, так и духовенство за всякого рода возмездные ссуды. Искоренил ли указанный собор ростовщичество? Бесконечные жалобы, которыми полны анналы

последующих синодов, достаточно свидетельствуют о том, что никакие угрозы церкви не могли устранить того, что с каждым годом в силу экономической эволюции Западной Европы являлось жизненной необходимостью. Если в жалобах этих говорилось по преимуществу о нарушении запрета со стороны духовенства, то из этого, разумеется, менее всего можно делать заключение, что миряне действительно подчинялись постановлениям 1139 г. и что нарушителями их являлись одни лишь духовные лица. Само собою понятно, что умоление о мирянах-ростовщиках может и должно быть истолковано в том смысле, что изболочителям естественно было «кричать о наибольших грехах», а таковые числились за духовными согласно старому изречению: «То, что порицается в отношении светских лиц, должно с тем большим основанием быть порицаемым в отношении духовных».

Почва для возмущения ростовщичеством была церковью хорошо подготовлена, и одна уже дача евреями в рост денег была религиозным преступлением, пресечение которого, казалось, должно было входить в задачу борцов за истинную веру. Отказ от возврата ссуд, разрыв денежных обязательств был естественен; мало того, он не мог не сопровождаться мстью по отношению к тем, которые нарушали предписания церкви, столь выгодные христианским должникам и столь тяжелые для евреев-кредиторов. Выгодная священная мсть продолжала делать то, что начали первые крестоносцы, и еврейская кровь лилась и в Фландрии, и в северной Франции, и отчасти в Германии под крики «долой ростовщиков» столь же обильно, как несколько ранее она лилась под неистовые возгласы «смерть распявшим Христа». И чтобы освятить и благословить эту кровавую мсть, папа Евгений III (1145—1153), с высоты своего понтификатского престола, объявил, что крестоносцы не должны платить никаких процентов евреям, так как они подвергали себя в дальнейшем пути смертельной опасности, в то время как евреи спокойно оставались в Европе. Но освобождение от уплаты процентов фактически означало отказ от возврата взятых сумм, так как под предлогом, что евреи требуют уплаты процентов, крестоносцы не хотели иметь никаких «финансовых сделок» с евреями. Мало того, даже те, которые не принимали участия в крестовых походах, прекращали платить евреям по своим обязательствам, мотивируя тем, что они душою всегда были с крестоносцами и должны пользоваться теми привилегиями, которые были предоставлены папою Евгением III всем участникам походов.

Отказ от платежей часто, разумеется, сопровождался разгромом имущества кредиторов и обострял те отношения, которые на почве обычных пререканий между займодавцем и должником и без того были натянуты. Оправдать свое поведение дебиторам легче всего было обвинением евреев в разных смертных грехах, в частности в чрезмерном ростовщичестве. И обвинение это приняло тем большие размеры, что оно было крайне выгодно обвинителям, непосредственно заинтересованным в отказе платить не только проценты, но и капитал. Особенно усердным агитатором в пользу освобождения христиан от уплаты долгов был монах Рудольф, горячий борец идеи второго крестового похода.

Пламенный оратор и неутомимый проповедник, Рудольф шел по городам и селам, связывая идею крестового похода с избиением евреев. «Если богоугодное дело, говорил он, убивать неверных турок, то не может быть грехом избивать неверующих евреев». И Рудольф подстрекал как рыцарей, так и религиозных фанатиков к убийствам

¹⁾ Гардуэн, *Conciliorum collectio regia maxima*, III, 1663, can. 10; II, 1428, can. 27. M. Neumann, *Geschichte des Wuchers in Deutschland*, 1865; Fr. Funk, *Geschichte des Kirlichen Zinsverbot* 1876; Maurenbrecher, *Thomas von Aquino Zur Wirtschaftsgeschichte*, 1898.

евреев и к уничтожению их имущества. Для большинства приверженцев Рудольфа его подстрекательство было своеобразным, — разумеется, варварским и разбойничьим, — разрешением кредитного кризиса: не имея подчас возможности и желания платить долги, рыцари просто ссылались на богоугодное дело раз навсегда отделялись от своих долгов. Мало того, они все чаще и чаще стали обогащаться насчет еврейского разгромленного имущества и свои долги превратили в источник — если не постоянного, то временного дохода. Что к должникам все чаще и чаще присоединялись лица, не имевшие никаких коммерческих дел с евреями и видевшие в грабежах и погромах лишь удобное средство нагреть руки, понятны само собою, и движение против евреев в годы, предшествовавшие второму крестовому походу, переросло первоначальную цель — уничтожить заемные письма и выгодно ликвидировать все долги. Настолько погромы вышли из рамок простой компенсации за неприятность оказаться должником еврея, и приняли характер обычного стремления черн овладеть безнаказанно чужим имуществом, видно из того, что известный святой Бернард Клервоский счел нужным выступить против погромно-проповеднической деятельности знакомого монаха Рудольфа.

Бернард порицал «недисциплинированность» французского монаха, широко развернувшего знамя погромов по всему Рейну, и в письме к майнцкому архиепископу требовал даже прекращения избиения, как он выразился, ни в чем невиновных евреев. Но его выступление против Рудольфа не могло иметь практического значения, так как св. Бернард сопровождал свой голос в защиту евреев такими оговорками, которые могли лишь подлить масло в огонь. И для Бернарда евреи были ростовщиками, и для него всякое взимание процентов было равносильно тяжелому преступлению, и по его понятиям не следовало возвращать евреям взятых у них денег, и он не прочь был превратить евреев в источник доходов для нуждавшегося в средствах рыцарства, которое должно было, по призыву монаха Бернарда, готовиться в путь для нового крестового похода, — но черпать деньги из еврейского источника нужно было, согласно его мнению, не путем убийства, а «мирным», «безобидным» способом, по существу мало враждебным, так как никто не мог отдать себе отчета, как можно «безобидным способом» извлечь средства из чужого кармана, хотя бы в виде неплатежа по выданным обязательствам.

Неудивительно поэтому, что выступление Бернарда Клервоского осталось висеть в воздухе, и второй крестовый поход протекал в такой же кровавой атмосфере, как и первый — с той лишь разницей, что прежнее религиозное изуверство изукрасилось новой идеологией: враги христовы достойны наказания и в качестве ростовщиков. Специальное обоснование погромной теории мы находим в письме 1146 г. к французскому королю аббата Петра из Клуни. «Нужно отобрать у евреев все их деньги, дабы рука христиан, усиленная имуществом евреев, легче могла преодолеть дерзость сарацин».

* * *

Благословение папы Евгения III, данное злостным банкротам и истолковываемое как право не только не платить ничего евреям, но и отнимать у них их же имущество, встретило живой отклик не только у разорявшегося крестоносца, но и у высших представителей власти.

«Евреи — источник обогащения», — эту догму хорошо усвоили в XII веке и французские, и английские короли.

«С наступлением юбилейного года король освобождал должников от еврейского гнета», — пишет французский летописец XII века, указывая на то, что подобный торжественный год делался радостным не только для рыцаря, но и для короля. Последний нередко за большую взятку откладывал празднование «юбилейного» года, а иногда, нуждаясь в деньгах, лишь угрожал евреям назначением юбилея, освобождая христианских должников от уплаты денег. Рядом с этим средством выкачивания денег нужно поставить часто практиковавшуюся «милость» короля, а также отдельных французских баронов, когда они «для спасения души и славной памяти своих предшественников» сокращали или совершенно уничтожали требования еврейских кредиторов. В дополнение к случайным юбилеям и милостям французского правительства, английские короли рано присвоили себе право «регулирования» еврейских кредитных операций: с этой целью в особый реестр заносились долговые расписки и заложенное у евреев имущество и, соответственно его размерам, то взимались с евреев определенные налоги, то сокращался основной их капитал, то производилась полная конфискация еврейского богатства. Английские летописи XII в. утверждают, что в течение всего этого столетия короли систематически пользовались еврейскими деньгами для проведения в жизнь широких политических планов, требовавших больших средств. Примеру королей вскоре последовали крупные сеньеры, и на этой почве происходили столкновения между королем, считавшим еврея своей собственностью, баронами, не желавшими евреев уступать королевской власти. Создание особого еврейского казначейства (Saccarium Judaeorum) означало победу короля над баронами: отныне все долговые записи, выдаваемые евреям, хранились в особом ящике (arca communis); в пользу короля поступали 10% от всяких заемных операций, и на особых двух судей была возложена задача время от времени объезжать страну и выслеживать, не суживаются ли доходы короля от тайных операций евреев. Характерно, что при создании еврейского казначейства был издан указ о запрещении евреям носить оружие «для того, чтобы они оставались в полной зависимости от короля». Обезоружить евреев потребовалось не ради взимания «законных» десяти процентов, а для всякого рода «чрезвычайных» сборов, которые с середины XII века делаются одним из вернейших источников дохода королевской кассы.

Короли Стефан и Генрих I проявили в этом отношении большую виртуозность, дошедшую до того, что Генрих в 1168 г. изгнал из Англии богатых евреев, чтобы за право вторичного въезда в страну получить с них 5.000 марок. К подобного рода «временным изгнаниям» стали прибегать, несколько позднее, особенно часто французские короли. Таким образом, начатая около половины XII века крестоносцами политика обогащения себя насчет евреев, получившая папское благословение, быстро приняла широкие размеры и превратила евреев в объект для обогащения и простых, и коронованных грабителей. Евреи перестали быть простыми иноверцами, достойными кары за свое великое преступление, но стали доходной статьей, которой дорожили все те, которые были падки на чужое имущество.

Не лишена в этом отношении пикантности борьба французского короля Филиппа II с графиней Бланш из-за еврея Кресселина: графиня не хотела его выпустить в область, принадлежавшую королю, на том основании, что его переселение лишит ее возможности, при удобном

случае, обогатиться за его счет. Но Филипп предвидел возможность подобного «счастливого» случая и настаивал на предоставлении Креселину свободы передвижения — во имя смерти этого бездетного еврея, наследством которого король легко мог воспользоваться.

Не менее пикантной защитой евреев со стороны французских и английских королей было запрещение убийцам еврея-кредитора присвоить себе имущество убитого. Королевская казна считала недопустимым «гибель» долговых записей, принадлежавших убитому, и согласно теории, что евреи принадлежат королю, требовала от убийцы точной выплаты долгов. Самый яркий пример этого представляет собою резня евреев Англии во время второго крестового похода, когда король Ричард назначил странствующих судей, которые должны были определить не только размеры имущества убитых, но и оценить причитавшиеся им со стороны христиан долги и принять меры к их строгому взысканию. Такие затейливые узоры вырисовывала жизнь на канве разрешения папой Евгением III крестоносцам не платить процентов врагам христовой веры. Освобождение от обязательств привело логически к отказу возвращать взятые у евреев ссуды, а затем от пассивного грабежа люди перешли к активному, и евреи стали источником разбойничьего обогащения, вскоре отчасти монополизированного королевской властью, провозгласившей себя владелицей не только еврейского имущества, но и самих евреев. Исходным идеологическим пунктом этой эволюции было еврейское ростовщичество. Познакомимся ближе с этим явлением.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЕВРЕЙСКОЕ РОСТОВЩИЧЕСТВО.

Вереница сетований на ростовщическое зло заставила церковь принять чрезвычайные меры к его пресечению, и папа Иннокентий III (1198—1216), отличавшийся большой энергией в деле искоренения ростовщичества, обратил внимание на то, что евреи, по отношению к которым канонические постановления не имели силы, оказывались в привилегированном по сравнению с христианами положении, а потому 16 января 1205 года он указал французскому королю на необходимость применения и к евреям тех запретительных относительно ростовщичества мер, которые издаются и издавались христианской церковью¹⁾. Указание Иннокентия было как бы дополнением к его же булле 1198 года, в силу которой отправлявшимся в Св. землю крестоносцам обещано было, согласно и ранее объявленной воле папы Евгения III, освобождение от долговых обязательств, выданных евреям и светской власти предписывалось принудить евреев вернуть взысканные ими по процентам денежные суммы. До возвращения же этих денег евреи впредь не могли иметь никаких дел с христианами и были поставлены в положение людей, от которых все должны отворачиваться, как от зачумленных. Ссылаясь на эту буллу, синод 1209 года

¹⁾ Сам Иннокентий, повидимому, относился скептически к суровым мерам Латеранского собора по отношению к ростовщикам-христианам и в письме к епископу арракскому говорил: «если применять к ростовщикам постановления собора и исключать их из церкви, то придется закрыть все церкви: так много взятых ростовщиков». См. Шитерн, *Urcundliche Beiträge über die Stellung der Päpste*, приложение V; С. Лозинский, *Об экономической роли евреев в средние века*, Евр. Старина, XI, 1924.

в Авиньоне постановил, чтобы от евреев потребовали обратно скопленные ими «путем ростовщичества» деньги, и чтобы впредь христиане, под угрозой отлучения от церкви, не имели с еврейскими ростовщиками коммерческих или иных дел. Иннокентий в специальных «конституциях» распространялся о благодетельных мерах Авиньонского синода и напомнил светской власти о необходимости исполнять их в точности. Французские короли вскоре откликнулись на пространные послания Иннокентия, и в 1223 году Людовик VIII издал закон, что отныне никакие проценты не должны уплачиваться евреям. И для того, чтобы показать пример своим подданным, король торжественно заявил, что ни он, ни французские бароны никогда не вернут евреям процентных сумм. Король пошел дальше и постановил, что отныне никакое ходатайство еврея о возвращении ему денег не должно приниматься во внимание.

Однако, французская политика не встретила сочувствия в других странах Европы; мало того, сама Франция вскоре от нее отказалась, а церковь на ближайшем же соборе вынуждена была предоставить евреям право заниматься дачей денег в рост сравнительно из невысоких процентов. Главная причина отклонения от постановлений собора в Авиньоне заключалась в том, что продолжавшиеся Крестовые походы вызывали большую нужду в деньгах, и запрещение кредитных операций тормазило развитие денежного хозяйства, в частности тех рыцарей, которые направлялись в Святую землю, а также королей, ведших постоянные войны и снаряжавших значительные отряды. Как король, так и рыцари обращались за деньгами к евреям. Мало того, с момента широко разлившейся погромной волны, связанной с религиозным подъемом Крестовых походов, евреи нуждались в защите со стороны высших властей, которые за свое покровительство требовали от евреев денег, и это стало улучшать королевскую казну. От вознаграждаемой защиты короли перешли к превращению евреев в свою собственность, в королевскую регалию, в рабов казны (*servi camerae*), что было до известной степени равносильно объявлению еврейского имущества принадлежностью короля, а при большой слабости королевской власти, еврейское имущество становилось собственностью отдельных баронов или князей. *Les meubles des Juifs sont aux barons* (еврейская движимость принадлежит баронам) — так гласила формула, корнями своими связанная с «защитой» евреев от их врагов.

Но если имущество евреев принадлежит господствующим силам, то последние заботятся о его росте и могуществе, и короли видели в ростовщичестве средство увеличения еврейского имущества, обогащавшего, при всяком удобном с точки зрения короля случае, прежде всего, королевскую казну. Накапливаемые евреями деньги должны были, при существовании еврейской регалии, принадлежать как бы лишь временно евреям и подлежали постоянной мобилизации в распоряжение казны, смотревшей на них как на некий фонд, из которого в любой момент можно черпать необходимые средства. Еврейские ростовщики должны были «работать» для казны, предоставлявшей им зачастую взимать и очень высокие проценты. Это было нарушением постановлений многих соборов, вызывавшимся, разумеется, не заботою об увеличении еврейских средств, а королевских или княжеских. По этому пути, однако, шли не только светские высшие власти, но и духовные, и выступления отдельных представителей римской курии в защиту евреев нередко находят свое объяснение в желании сохранить в неповрежденном состоянии свою «живую»

кассе». Если лотарингские и французские евреи шли вместе с набояными падомниками в Рим искать у папы защиты против этих же набояных падомников, — то оказываемая евреям защита вызывалась не гуманным и не веротерпимым отношением к евреям того или иного римского папы, а его нуждою в деньгах, его широко разветвленными денежными интересами и убеждением, что из еврея, как из губки, в любой момент можно выжать все необходимое. Еврей зачастую был лишь средством обогащения церкви, короля, территориального князя: как можно было бороться против того, кто в действительности должен был обогащать господствующие силы? И уже к середине XIII века пала анафема по отношению к тем христианам, которые брали у евреев какие-либо суммы под проценты. Брать ссуды у евреев отныне разрешалось уже и церковью.

Данное послабление вскоре приняло явный характер отказа от суровой точки зрения на ростовщичество. Отдельным христианским группам и лицам, происходившим обычно из северной Италии, а также из южного французского города Кагора, при их поселении за границами своей родины, так называемым ломбардам и кагорцам, христианам по происхождению и по вере, разрешалось, наравне с евреями, отдавать деньги в рост, брать проценты и не считаться со старыми запрещениями церкви. Часто ломбардам и кагорцам давалась привилегия брать более высокие проценты, чем те, которые можно было евреям взимать с христиан.

Этим самым проблема о ростовщичестве была поставлена на очередь дня, и все обстоятельства кругом говорили о необходимости итти в этом вопросе на уступки. Недаром каждый собор снова и снова поднимал проблему о ростовщичестве, а после 15-го собора в Вьенне было постановлено представить ее решение провинциальным и даже диоцезным (приходским) съездам духовенства. Теперь открылось поле, с одной стороны, для бесконечных жалоб на повсеместную «практику ростовщичества», а с другой — на различного рода потворствования духовенства этому «тяжкому греху». Но бывшее подведение всякой процентной сделки под понятие «злостного ростовщичества» стало уже невозможным, и на сцену выступили разные категории и виды ссудной помощи, далеко не всегда безвозмездной, но, тем не менее, не подлежащей осуждению церкви. Отныне под ростовщичеством, запрещенным христианину, учат католические провинциальные соборы, следует разуметь дачу денег, которая главным образом преследует цель выгоды.

Церковь всячески поддерживает это новое толкование ростовщичества и устами разных пап развивает следующее положение: если кто не хочет терпеть убытка при даче другому денег, пусть оставляет себе необходимое вознаграждение, ибо ведь никто не может заставлять займодавца быть жалостливым по отношению к ближнему. И исходя из этих положений, знаменитый канцлер Парижского университета, «великого богословского семинария католического мира», богослов и церковный деятель Жерсон, усиленно отстаивал «либеральную» теорию ростовщичества. Указав светской власти, что канонический запрет дачи денег в рост ставит евреев в привилегированное положение по сравнению с христианами и обратив внимание духовенства на проистекшее от этого зло, Жерсон утверждал, что разум и вера отдадут меньшему злу предпочтение пред большим, и что насущной задачей обеих властей, т.е. светской и духовной, является исследование вопроса, не принесет ли обществу разрешение процентных сделок меньше ущерба, чем их запрещение. Если ветхий завет раз-

решал ссужать деньги чужестранцам под проценты, то это свидетельствует лишь о том, что в известных случаях следует отступать от запрета и было бы, по мнению Жерсона, неправильно, если бы церковь сопротивлялась установлению светскою властью определенной нормы процента или если бы она стала требовать, чтобы в таком сложном вопросе светская власть безоговорочно и слепо повиновалась каноническим постановлениям. Так рухнуло и без того непрочно «построенное на страницах обоих заветов здание», осуждавшее безоговорочно «ростовщическое зло».

* * *

Нет нужды останавливаться здесь на тех «титулах», которые санкционировали даже с церковно-моральной точки зрения взимание процентов. Для нас важно было показать, что по существу пресловутый запрет ростовщичества имел очень ограниченное влияние и вряд ли он дает достаточное основание к тому, чтобы с ним практически считаться и делать из него вывод, что одни лишь евреи могли фактически заниматься дачей денег в рост. Занятие это было доступно и христианам, поскольку они располагали необходимыми свободными капиталами. Что это действительно так, об этом громче всего говорят церковные соборы, то жалующиеся на нарушение христианами пресловутого запрета, то ищущие какого-либо компромисса с экономическими требованиями жизни, готовые итти в этом отношении на очень значительные уступки. Приводимые соборами факты «злостного ростовщичества» слишком многочисленны, чтобы отдельными примерами иллюстрировать это зло: скажем лишь, что еврейские источники свидетельствуют о том, что нередко христиане были кредиторами евреев и что жертвами ростовщичества зачастую являлись евреи, попавшие в расставленные им христианами сети.

Сравнительно недавно опубликованные исследования М. Гофмана дают в этом отношении богатейший материал¹⁾. Так, например, в житейско-теологических разъяснениях раввина Симсона, сына (бен) Цадока, известного ученика авторитетнейшего представителя германского еврейства XIII века Меира Ротенбургского, определенно говорится о случаях, когда евреи берут деньги под проценты у христиан. Сам Меир Ротенбургский рассматривал аналогичный случай, осложненный пожаром христианского дома, где находились заложенные евреями предметы. Задолго до этого величайший средневековый библейский экзегет и истолкователь талмуда Раши²⁾ должен был высказать свое авто-

¹⁾ М. Hofmann, Der Geldhandel der deutschen Juden während des Mittelalters, 1910; Aronius, Регесты до 1273 года.

²⁾ Аббревиатура имени французского раввина Соломона Ицхаки, род. в Труа, тогдашней столице Шампани, в 1040 г.; последние годы его жизни совпали с периодом кровавых гонений евреев на Рейне, и Раши написал молитву, в которой выражает соболезнование женщинам, оставшимся после насильственной смерти их мужей, и мужчинам, принужденным под угрозой смерти принять христианство. К этому времени позднейшая легенда приурочивает рассказ о дружбе Раши с Готфридом Бульонским и о предсказании, которым Раши напутствовал Готфрида в Палестину: Готфрид сперва окажется победителем, а потом будет разбит и вернется с тремя лошадьми во Францию. Разгневанный Готфрид поклялся, что накажет Раши, если возвратится хотя бы с четырьмя лошадьми. Предсказание Раши сбылось, и Готфрид приехал на родину без войска, но все же с тремя всадниками, — следовательно, с 4 лошадьми. Он помчался к дому Раши, чтобы накажать его; по дороге у одного всадника погибла лошадь, и смущенный Готфрид подъехал к дому Раши, но здесь узнал, что мудрый раввин уже умер. Легенда эта хронологически невозможна: Готфрид Бульонский умер в Палестине за три года до Раши.

ритетное мнение по поводу недоразумения между евреем-должником и христианином-кредитором. Точно так же в религиозно-бытовом разъяснении Элизера, сына (бен) Натана, известного литургического поэта XII века, комментатора и кодификатора, мы находим ряд указаний на христианских ростовщиков. Сам Элизер, как известно, строго осуждал дачу еврею денег в рост еврею же; в связи с этим возникли казусы, нуждавшиеся в разъяснениях Элизера, сына (бен) Натана. Так, когда еврей брал деньги у христианина и готовился вернуть капитал с процентами, но другой еврей предлагал дать ему христианские деньги в долг, под условием аккуратного внесения процентов христианину, то это было равносильно процентной сделке между евреями, и Элизер бен Натан находил это досотйным осуждения и порицания. Ссылаясь на практиковавшийся обычай взыскания христианами процентных долгов с евреев-поручителей, названный авторитетный теолог запрещал всякого рода поручительство, считая его по существу своеобразной формой возможного платежа процентов еврею еврею же, хотя деньги идут и не в пользу еврея.

Особенно часто христиане получали от евреев определенный процент с денег, даваемых евреям для ведения всяких дел. Так Мордахай бен Гиллель, известный законодатель, погибший в Нюрнберге в 1298 г. мучеником за веру вместе с женой и пятью детьми, заявляет, что король и все князья хорошо знают, что евреи обычно ведут свои предприятия на деньги, полученные ими от христиан. Иногда целая еврейская община получала процентную ссуду от одного лица или от городского учреждения: так, в 1284 году вюрцбургская община сделала заем в 300 фунтов у христианина Вольфинуса Руфуса, оказавшегося очень тяжелым кредитором. Гамельнский еврей в 1315 году должен был уплатить изрядную сумму муниципалитету г. Гамельна.

Этими фактами объясняется, почему во многих странах Западной Европы христиане противились изгнанию евреев: они опасались, как бы с уходом должников не пропали данные им в свое время ссуды. Впрочем, обычно в руках заимодавцев оставалась, помимо залогового имущества, и значительная часть того, что не удавалось изгнанныкам забирать с собой. Но на оставшееся после евреев имущество претендовали разные власти, в первую очередь король, а затем епископы, территориальные князья и муниципалитеты. На этой почве происходили бесконечные столкновения между «заинтересованными» сторонами, нередко прибегавшими к третейскому суду. Так австрийский герцог Альбрехт Хромой вел длинный спор с городом Шафгаузен (Швейцария) из-за оставшегося имущества изгнанных евреев; понадобился третейский суд, суперарбитром в нем оказалась сестра герцога Агнеса Венгерская. Она присудила Альбрехту 940 серебряных марок, остальное — как движимое, так и недвижимое — должно было перейти к шафгаузенцам, за исключением одного дома который герцогом был подарен своему канцлеру. Все обязательства граждан по отношению к евреям были объявлены потерявшими силу, а денежные претензии христиан к евреям должны были быть удовлетворены в первую очередь — еще до перехода имущества к городу¹⁾.

Все эти факты самым очевидным образом говорят о том, что кредитная монополия евреев в средние века является мифом который не становится реальностью от того, что его распространяют тенденциозно настроенные исследователи. по сей день. Разумеется,

евреи занимались в средние века и ростовщичеством, но им занимались также и христиане, вызывавшие недовольство своих единоверцев в такой же степени, как и евреи. Есть даже указания, что христианские ростовщики были хуже еврейских: последние боялись гнева господствующей народности, готовой за преступления отдельных лиц мстить целой общине, иногда даже очень многочисленной; первые же, нарушая канонические постановления, продавали свою совесть за дорогую цену и заглушали ее угрызения сильным шумом звонкой монеты. Недаром средневековые всегда говорит о христианских ростовщиках, как об отбросах общества, дерущих с своих дебиторов свыше 100%.

Большой интерес в этом отношении представляет рассказ Иоганна Винтертурского о христианских ростовщиках в Линдау, взимавших 216%, пока не появились в городе евреи, которые стали предлагать ссуды из 43½%, что соответствовало установленной для евреев во многих городах норме процентных взиманий. На аналогичное явление в Англии указывает линкольнский епископ XIII в. Гростетс, свидетельствующий, что кагорцы, беря 150%, не соглашались на досрочное погашение долга по частям и требуют уплаты всей суммы с процентами, евреи же охотно принимают в любое время возвращаемую им сумму, довольствуясь теми процентами, которые успели нарости за данный срок¹⁾.

* * *

Особенно печальной известностью в качестве ростовщиков пользовались пресловутые ломбарды и кагорцы. Ломбарды — в значительной степени плод финансовой политики римской курии; отчасти они и были ею созданы в качестве противовеса деятельности евреев. Но, разумеется, богатство северной Италии, явившееся в результате Крестовых походов, дало возможность этим христианским ростовщикам покрыть сетью меняльных контор и банков почти все страны Западной Европы. Как конкуренты евреев, ломбарды их ненавидели и распространяли против них самую ужасную клевету, и недаром приход ломбардов в ту или иную страну имел зачастую одним из своих последствий — изгнание евреев или какие-нибудь новые для них ограничения. Так обстояло дело в Англии, где король Эдуард I из дома Плантагенетов (царствовал от 1272 г. до 1307 г.) разрешил ломбардам свободно заниматься своим ремеслом, но изгнал евреев, предававшихся тому же занятию, и был, за возможный ущерб от ухода из Англии еврейских капиталов, компенсирован ломбардами, ставшими придворными банкирами. Но так как средние века не делали резкого различия между торговлей и кредитными операциями, то поселившиеся в Англии ломбарды стали нередко закупать в монастырях английскую шерсть и отправлять ее в Италию; им же король Эдуард I сдал в откуп вывозную пошлину с шерсти, шкур и кож.

И из ряда других мест ломбарды вытеснили евреев. Так, еще в XIII веке, городской совет Цюриха стал привлекать в свой город кагорцев, а в 1316 г. им был издан закон, что христианский ростовщик для искупления своего греха должен половину своего барыша от дачи денег в рост предоставлять муниципалитету. Как только евреи были изгнаны из Люцерна, городской совет призвал ломбардов для

¹⁾ Steinberg, Studien zur Geschichte der Juden in der Schweiz 1902; F. Heiler, Die rechtliche Stellung der Juden in Kanton Aargau, 1901.

¹⁾ Подробнее см. С. Гершберг, Антиеврейские настроения в Германии в эпоху перед Черной смертью, Евр. Старина, 1928; С. Лозинский, Средневековые ростовщики, Ленингр., 1923.

того, чтобы они занимались кредитным делом. В Цюрихе в 1348 г. в год изгнания оттуда евреев, ломбард Брандан Пелета из Асти открыл большую банкирскую контору и вскоре сделался видным лицом в городе, играя значительную общественную роль. Вслед за изгнанием евреев из Льежа (Лютиха) мы находим постановление, которое, несмотря на свою лаконичность, представляет большой интерес. Оно гласит: «Льежские власти ради увеличения доходов утвердили права ростовщиков-ломбардов». Имело это место в 1301 году, в правление герцога брабантского Иоанна III. И французское изгнание евреев нельзя не сопоставить с тем, что в ряде городов (Амьен, Лаон, Мо, Лион) появились ломбарды и кагорцы, которые здесь заменили евреев. Летописец Мат. Парис, говоря об изгнании евреев из Франции, добавляет, что кагорцы заняли законным образом места и занятия изгнанных евреев.

В той же хронике мы находим жалобы английских евреев на свою тяжкую жизнь вследствие конкуренции со стороны христиан-ростовщиков. Евреи говорили, что им остается уйти из страны, ибо папские ростовщики преодолели их. Из Женевы евреи были изгнаны в 1348 году, а в 1358 году открылся крупный банк ломбардов Аймона Азинари и Франца Медичи.

В своей статье «Французские и ломбардские средневековые ростовщики», помещенной в 1876—77 г.г. в «Ежегоднике Швейцарской Истории», швейцарский ученый Амиет приводит крайне интересный документ, относящийся к 1391 году. Бернским евреям предоставляются «в будущем» определенные вольности и право за известные налоги заниматься кредитными операциями; пока же они не могут пользоваться этими привилегиями, так как не истек еще десятилетний срок, на который ломбарды в городе Берне получили монополию в деле торговли деньгами и разменом монет. Тот же историк полагает, что разгром евреев в Берне в 1294 году в значительной степени был учинен ломбардами, видевшими в евреях опасных конкурентов. Евреи обратились даже официально в магистрат, жалуясь, что к ним стали худо относиться с приходом ломбардов; они требовали — разумеется, безуспешно — изгнания ломбардов из Берна. В 1397 году ломбарду Отто Беррис из Понзано (деревня в Италии) муниципальные власти Билия (Швейцария) выдали на десять лет грамоту, в которой заявлялось, что в Биль в течение указанного срока не будут впускаться другие ломбарды, а также евреи. В целом ряде прирейнских городов вслед за изгнанием евреев появились ломбарды, словно из-под земли.

В других местах власти, убедившись в «алчности и жадности» ломбардов и в ненасытности их денежных appetитов, призывали в противовес им евреев, наделяя последних даже различного рода привилегиями. Так, в Золотурне (Швейцария), где евреи жестоко пострадали в половине XIV века, им было через 25 лет разрешено не только временное пребывание, но и постоянное, при этом им было поставлено чрезвычайно характерное условие: они должны заниматься кредитными операциями. Оригинальное обоснование желательности евреев мы находим у поэта XIV века Кунратса Амменгаузена: «Кто станет лечить христиан, когда евреи будут изгнаны из страны? Ведь с ними уйдут все врачи и хирурги. Правда, врачам многие пациенты не платили денег и считают их дебиторами. Но разве такое освобождение от долгов, выгодное уж очень немногим лицам, может заставить городской совет Штейна на Рейне отказаться от услуг еврейских врачей? Известна ведь широко полезная деятель-

ность врача Иосета, имевшего постоянное жительство во Фрейбурге, но часто вызывавшегося в разные города, в том числе и в Базель».

Подобно швейцарским городам, и германские дорожили евреями для сдержания ростовщической деятельности ломбардов и кагорцев. Так, в 1266 г. кельвским евреям дана была привилегия (высеченная на двух каменных плитах), взявшая евреев под защиту от конкуренции со стороны кагорцев и других христиан-ростовщиков. Бывали, впрочем, города, которые не разрешали ни евреям, ни ломбардам — за чем, города, которые не разрешали ни евреям, ни ломбардам — заниматься денежными делами, так как последние составляли монополию муниципалитетов. Не желая уступать хороших барышей никому, ряд городов взял в свои руки меняльное, банкирское и ростовщическое дело.

Нередко жаловалась на высокие проценты, взимаемые ломбардами, та самая римская курия, которая на первых порах особенно им сочувствовала. Так, папа Николай V, который за свой восьмилетний понтификат задолжался у фирмы Спины на 30 тыс. золотых флоринов, с большой горечью начал отзываться об «этих ростовщиках», которые во многом превосходили евреев. Впрочем, курия была слишком интимно связана с итальянскими ростовщиками, чтобы публично выступать против них, и в огромном большинстве случаев ломбарды и кагорцы пользовались ее покровительством и расположением. Такое отношение к ним папства побудило многих высокопоставленных прелатов, в нарушение постановлений соборов, брать под свою защиту христиан-ростовщиков. Так, архиепископ Кельна в 1334 г., за ежегодный взнос в 300 гульденов, разрешил свободно проживать в этом городе всем ломбардам, предоставив им право заниматься ростовщичеством без каких-либо ограничений. Точно таким же образом поступил майнцский архиепископ, а их примеру последовал трирский архиепископ, выдавший в Обервезеле привилегию ростовщичества поселившимся в этой местности северным итальянцам. Что удивительно после этого, если никто не принимал всерьез канонического запрета ростовщичества и отовсюду слышались жалобы, что христианские ростовщики хуже еврейских. Недаром знаменитый немецкий гуманист дореформационного периода Севастьян Брант в своем известном «Корабле Глупцов», направлявшемся в «Страну глупцов», высмеивал тех, которые готовы были видеть благое дело в замене еврейских ростовщиков христианскими. Ведь бравшиеся евреями проценты, пишет Брант, были совсем сносны по сравнению с христианскими, и, тем не менее, евреи не могли дольше оставаться в христианских странах: их изгнали христиане-евреи. Однако, с уходом евреев мало что изменилось: «Попрежнему в книги, вместо десяти, заносится 11», а вдобавок «нынче нет больше ни правосудия, ни закона. Все молчат, ибо царствуют свои, а не чужие».

Итак, о кредитной монополии евреев нельзя серьезно и говорить. Церковь сумела после первого крестового похода направить рыцарей-должников на еврейских кредиторов и, идя по линии наименьшего сопротивления, внушила крестоносцам мысль о «единственном ростовщике, которого знает Западная Европа». Так как в силу связанности торговли с кредитным делом и в виду наличия у евреев, как торговцев, свободных денежных сумм, евреи с самого начала были сильно представлены в рядах ростовщиков, то внушенная церковью мысль имела огромный успех, и потенциальный антисемитизм, вскормленный продолжительной религиозной агитацией, дал в результате страшную вспышку народного гнева, выразившегося в погромных движениях эпохи Крестовых походов. Однако, и ростовщичество оказалось не-

достаточным жуедем: слишком явно церковь сочувствовала крупным ростовщикам Италии и южной Франции. Для большего разжигания народных страстей, помимо обвинения в ростовщичестве, требовалось и нечто иное, более сильное. То был — кровавый навет, т.-е. обвинение евреев в употреблении христианской крови с ритуальной целью.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОБВИНЕНИЕ ЕВРЕЕВ В УПОТРЕБЛЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ КРОВИ.

Из ненависти к христианам язычники уже во II и III веках выдвинули против них обвинение в употреблении крови с ритуальной целью, вероятно, в связи с совершением тайной вечери, причащением телом и кровью и т. п. Уже проконсул Малоазиатской провинции, известный римский писатель Плиний Младший в 111 г. писал императору Траяну, что он подозревает христиан в употреблении крови и распорядился произвести соответствующее расследование. Епископ Ириней, отправившийся в 177 г. из Лиона в Рим для защиты христиан, говорил, что язычники принуждали рабов-язычников показывать против христиан, при чем среди этих показаний фигурировало обвинение христиан в употреблении крови. Юстин Мученик в своей Апологии, написанной в середине II столетия, защищал своих единоверцев и, обращаясь к язычникам, говорил: «Если вы пытками вымогаете у наших рабов, женщин и детей отдельные показания, то это еще не доказательство нашей вины». Точно так же апологет II века Афинагор в «Прошении», обращенном к императору Марку Аврелию, защищал христиан от обвинения их со стороны язычников в безбожии, кровосмешении и употреблении в пищу мяса убитых детей. «Ведь даже звери, — восклицает он, — не трогают зверей одной с ним породы». Особенно подробно останавливается на этом обвинении, в целях его опровержения, римский адвокат Минуций Феликс (умер около 210 г.) в своей апологии христианства в форме диалога «Октавий». В разговоре участвуют три лица: Октавий (друг Минуция), сам автор и язычник Цецилий, жестоко нападающий на новую религию и обвиняющий ее приверженцев в разных преступлениях, в том числе и в употреблении человеческой крови. С этим обвинением пришлось считаться и Тертуллиану: в начале 7-й главы его трактата «Liber apologeticus» (в 200 г.) стоят следующие слова: «Мы считаемся самыми безбожными людьми за то, что у нас есть тайный обычай убивать и поедать детей... Так вы говорите о нас, но вы не позаботились о том, чтобы доказать это... Докажите это, если вы в это верите, или не верьте, так как вы этого не доказали». И даже в более позднюю эпоху, когда христианство получило уже широкое распространение и могло стать предметом более точного изучения, мы все еще встречаемся с защитой христиан от этого обвинения. Так, знаменитый марсельский проповедник Сальвиан, умерший в конце V века, нередко в своих проповедях останавливался на обвинении христиан в употреблении крови, возмущаясь людской злобой, доходящей до изуверства.

Однако, когда христианство стало крепнуть и все указывало на то, что оно делается господствующей религией, оно обратило против других ту самую клевету, которую его прежние враги направляли против него. Первой жертвой подобной христианской клеветы сделалась монтанисты, т.-е. христианская же секта. Монтанизм был реакцией против монархического, деспотического епископата, гасив-

шего энтузиазм, ослаблявшего боевую энергию наступающего христианства и стремившегося к созданию будничной, бездушной, лишенной всякой мысли религии. Монтанисты были индивидуалистами, не укладывавшимися в суровую регламентацию, установленную диктаторою епископата, и этого было достаточно, чтобы блаженные Иероним и Августин заговорили о злодеяниях монтанистов и о крови годовалых детей. Нужен был авторитет Тертуллиана, чтобы защитить монтанистов против этой ужасной клеветы. Позже такое обвинение было брошено катарам и вальденцам; повидимому, последний процесс в средние века против христианских еретиков по обвинению в употреблении крови был направлен против фратичелли, живших в Анконской марке, в соседстве с Романьей. Отчасти после перенесенных пыток, отчасти из страха перед ними, большинство привлеченных к следствию призналось во всем том, в чем их обвиняли ревнители чистоты христианской религии.

И евреи не избегли обвинения в употреблении крови, хотя их религиозные предписания менее всего могли подавать повод к подобному обвинению. Библия определенно запрещает им употребление крови: «И никакой крови не ешьте во всех жилищах ваших ни из птиц, ни скота. А кто будет есть какую-нибудь кровь, истребится душа та из народа своего» (Левит). «Потому я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришлец, живущий между вами, не должен есть крови. Если же кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею. Ибо душа всякого тела есть кровь его... всякий, кто будет есть ее, истребится». (Левит., 17). Позднейшее еврейское законодательство идет в этом отношении еще дальше, и в составленном Иосифом Каро (1488—1575 гг.) Шулхан-Арухе, служившем самым авторитетным руководством в делах еврейской веры для не имеющих возможности непосредственно изучать талмуд, говорится: «Есть жилы, употребление которых в пищу запрещено, потому что они содержали в себе кровь, напр., жила предплечья, лопатки и задней части... Если в яйце находится капля крови, то удали кровь и съешь остальное, но только в том случае, если кровь была в белке; если же она находилась в желтке, то запрещено все яйцо». О способах промывания и соления, которые нужно применять, чтобы основательно обескровить предназначенное для еды мясо, говорится у многих законоучителей, в том числе и у названного выше Иосифа Каро.

Приводя целый ряд цитат и сопоставляя разные места из самых авторитетных источников, известный христианский ученый, профессор богословия Берлинского университета Герман Штрак, приходит к следующему выводу: «Во всей литературе, относящейся к религиозному законодательству евреев, мы не найдем ни одного места, из которого можно бы заключить, что у евреев разрешено употребление крови или что таковое было у них когда-либо в обычае¹⁾».

* * *

Уже во время второго Крестового похода крестоносцы в Англии пустили слух, что евреи поступают с христианскими детьми так, как некогда было поступлено с Иисусом: в 1144 г. обвинили евреев Норвича, что они распяли на пасху мальчика Вильяма; время приуроче-

¹⁾ Л. Г. Штрак, «Кровь в верованиях и суевериях человечества», 1911.

ния «религиозных» убийств к еврейской пасхе не вполне еще сложилось, хотя намечалось, ибо обе пасхи во времени близки друг другу. Тело убитого мальчика Вильяма было покрыто песком, волосы с головы сбриты, на туловище были уколы, и он еще дышал, когда был найден родственниками. Вскоре, однако, он был похоронен, и его дядя Годвин Стерт на ближайшем заседании синода обвинял евреев в убийстве Вильяма, который был немедленно канонизирован и объявлен мучеником. Все его родственники получили духовные должности, а останки его матери были перенесены на монастырское кладбище. Бывшие в городе крестоносцы стали грабить еврейские дома и убивать попадавших на улице евреев, но городские власти, во главе с шерифом Норвича, заступились за евреев и положили конец антиеврейскому движению. Шериф объявил, что Вильям стал жертвой религиозного фанатизма своих же родственников, которые, испугавшись ими совершенного убийства мальчика на кресте, обвинили во всем евреев; а обвинение пало на благоприятную почву, в виду поднятого в эпоху Крестовых походов религиозного настроения.

Из Норвича слух о совершаемых евреями распятиях пошел гулять по всей Англии: в Глоучестере, где будто бы погиб мученической смертью мальчик Гарольд, еврейская община была разгромлена и несколько человек было убито. В монастыре Бери Сент-Эдмондса монахами, задолжавшими на сумму свыше трех тысяч фунтов стерлингов, был пущен слух о том, что смерть некоего мальчика Роберта произошла на почве ритуального убийства. Повидимому, инициатором этого слуха был аббат Гугон. Агитация монахов имела успех: было убито 57 евреев, ходатайство аббата Самсона об освобождении монастыря от уплаты долгов евреям было полностью удовлетворено, а вскоре был издан указ об изгнании евреев из города Бери Сент-Эдмондса и окрестностей монастыря того же имени. Это совпало с моментом, когда английский король Ричард Львиное Сердце пред коронацией (3 сент. 1189 г.) принял крест, готовясь отправиться в Крестовый поход. По случаю коронации в Вестминстер прибыла делегация от английских евреев с изъявлением верноподданнических чувств. По настоянию высших представителей духовенства, король воспретил евреям доступ в церковь на коронационные торжества, и в Лондоне из Вестминстера распространился слух, что король велел избивать евреев. Толпа подожгла еврейский квартал; желавшие спастись от пожара убивались. Так как участников пожара и избитый оказался очень много, то король, только что коронованный, всех помиловал, а когда он отправился в Крестовый поход, аналогичные лондонским событиям имели место в Колчестере, Линне, Тетфорде, Осиринге и на Стемфордской ярмарке. Особенно потрясающие события произошли в Иорке.

Встревоженные появлением крестоносцев в Иорке, евреи, со своим представителем Иосце во главе, просили иоркского королевского коменданта скрыть их в Клиффордской цитадели. Вскоре цитадель окружили местные дворяне, руководимые Ричардом Мелебисом, крайне задолжавшимся у евреев. Настроение дворян поддерживалось проповедями премонстрантского монаха, который в белой одежде служил каждое утро мессу перед стенами крепости, пока не был убит — случайно или умышленно — брошенным кем-то из осажденных камнем. Смерть монаха привела толпу в сильное раздражение, и осажденным, кроме принятия христианства, не оставалось средства избежать голодной смерти. Их духовный глава, раввин Иом Тоб, убеждал их перебить друг друга и, таким образом, избавиться от

альтернативы: крещении или голодной смертью. Светский глава евреев Иосце первый заколол свою жену Анну и двух детей. Сам он был убит раввином Иом Тобом. Незначительное меньшинство, не желавшее последовать этому примеру, напрасно просило пощады у баронов, которые на заре 17 марта 1190 г. вошли в крепость: все оставшиеся в живых евреи были перебиты. Не найдя в крепости долговых записей и боясь, что по ним будут королем взыскиваться долги, осаждавшие направились в собор, где нашли, наконец, желанные записи, которые тут же и были сожжены. Большинство дворян, упомянутых в летописях по поводу этого события, находилось в сношениях с разными аббатствами, и нападение их на евреев объясняется в такой же мере религиозным фанатизмом, как и желанием избавиться от уплаты долгов. Во время пребывания Ричарда Львиное Сердце в Святой земле и в плену у немецкого короля, евреи должны были уплатить 5000 марок для его выкупа, что в три раза превышало сумму, внесенную для той же цели городом Лондоном.

Слух об употреблении евреями христианской крови из Англии перенесся во Францию. В 1171 г., через три года после событий в Глоучестере, муниципальный служащий в Блуа донес графу города, что евреи накануне пасхи убили христианского ребенка и труп его бросили в Луару. Граф Тибо распорядился о немедленном заключении в тюрьму всех евреев Блуа. Сперва граф через одного еврея из Шартра вступил в переговоры с арестованными относительно размера их выкупа, но какой-то священник стал умолять графа подвергнуть евреев жестокому наказанию, если подтвердится предъявленное обвинение. Однако, осуществить это условие оказалось очень трудно, и власти постановили подвергнуть обвинителя, выдававшего себя за очевидца убийства, испытанию водою. Муниципальный служащий был доставлен к реке и посажен в лодку, полную воды; так как лодка не пошла ко дну, то граф убедился в верности показания. Согласно графскому решению, евреи должны были подвергнуться сожжению, и когда они шли на приготовленное для них ауто-да-фе, священник убеждал их принять христианство, обещая им спасение от предстоящих страданий. Однако, за малым исключением все отвергли предложение священника и 26 мая 1171 г. погибли в огне, произнося молитву «алену». Среди сожженных было два раввина: в память блуаских мучеников составлено несколько элегий, включенных в молитвенники.

В это самое время и в других местах Франции крестоносцы распространяли слухи о распятии христианских детей: мальчик Ришар был будто убит в Понтуазе; его отправили в Париж, где он совершал чудеса, побудившие церковь канонизировать Ришара. Событие это сравнительно дешево обошлось евреям: их было в этих местах слишком мало: к тому же, крестоносцы спешили отправиться в третий Крестовый поход и не желали задерживаться в Понтуазе; заинтересованных же в освобождении долгов и в присвоении еврейского имущества, повидимому, тоже было не так много, и самое событие хронологически даже точно не установлено. Одни его относят к 1166 г., другие — к 1171, третьи — 1179, а четвертые — к 1180 году.

Как в английских погромах, так и во французских, говорится о распятии, о мести евреям, — о предписании еврейской же религией употреблять христианскую кровь с ритуальной целью впервые заговорили во время 5-го Крестового похода, во главе которого встал германский император Фридрих II. 25 декабря 1235 г. в г. Фульде (Германия) были убиты пятеро сыновей одного мельника, который жил за

городской стеной и был как раз в это время с своею женою в церкви. Крестоносцы обвинили в убийстве евреев Фульды; на этом основании были убиты 34 человека, при чем виновные евреи сами сознались в своем преступлении. Сознание, впрочем, их не спасло, но вызвало огромный шум не только в Фульде, но и далеко за ее границами. Особенно возмущенным оказался известный Фульдский монастырь, который принял меры к тому, чтобы преступление евреев в Фульде получило широкую огласку по всей Германии. Император Фридрих II, встревоженный этими событиями, создал специальную комиссию, которая, не ограничиваясь инцидентом в Фульде, должна была решить вопрос, употребляют ли евреи христианскую кровь, как о том ходят слухи. Комиссия быстро справилась с возложенной на нее задачей, и в июле 1236 г. Фридрих II мог сообщить результаты своего расследования.

Они гласили:

«Пусть знают все живущие теперь и будущие поколения: по поводу убийства нескольких мальчиков в Фульде против живущих там евреев было высказано тяжелое обвинение, и вследствие того же печального случая против остальных евреев повсюду в Германии общественное мнение было возбуждено, хотя явных признаков того преступления, в котором их обвиняли, и не было обнаружено; поэтому мы, чтобы выяснить правду о вышеупомянутом обвинении, решили созвать к себе отовсюду и распросить многих князей, знатных и благородных людей государства, а также аббатов и духовных лиц. Но так как они были различного мнения по этому вопросу и не могли достигнуть удовлетворительных результатов относительно этого, то мы пришли к заключению, что наиболее подходящим способом для разъяснения этих таинственных поступков обвиняемых в вышеупомянутом преступлении евреев будет обращение к тем, которые раньше были евреями и затем обратились в христианскую веру; они, как противники их, ничего не утаят из того, что знают против них или против книг Моисея или всего Ветхого Завета. И хотя мы по совести на основании многих писаний, с которыми ознакомились наше величество, считали достаточно доказанной невинность вышеупомянутых евреев, но все-таки для успокоения как необразованного народа, так и чувства справедливости, мы, с единогласного одобрения князей, знатных и благородных людей, аббатов и духовных лиц, отправили чрезвычайных посланников ко всем властителям Запада, которые затем прислали нам из различных государств много крещенных евреев, сведущих в еврейском законе. Этим последним, пробывшим не малое время у нас при дворе, мы приказали, для отыскания правды, прилежно исследовать и нам сообщить, существует ли у них (евреев) чье-либо мнение, которое побуждало бы евреев совершать вышеупомянутые преступления, нужные им для осуществления каких-либо целей. Их ответ гласил: «Ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет указаний, чтобы евреи жаждали человеческой крови. Напротив, в полном противоречии с этим утверждением, в Библии, которая называется по-еврейски Берешит¹⁾, в данных Моисеем законах, в еврейских постановлениях, которые по-еврейски называются Талмудом, совершенно ясно сказано, что они вообще должны беречься запятанья какой бы то ни было кровью. С очень большой вероятностью мы можем предположить, что те, кому запрещена кровь даже разрешенных животных, едва ли могут жаждать человеческой крови, потому что это слишком ужасно, потому что природа это запрещает и вследствие родства рас, которое связывает их с христианами... а также потому, что они не стали бы подвергать опасности свое имущество и свою жизнь». Поэтому мы, с одобрения князей, объявили евреев вышеупомянутого местечка вполне оправданными от приписываемого им преступления, а остальных евреев Германии от такого тяжелого обвинения».

Несмотря на авторитетное решение комиссии Фридриха II, пущенное в народ обвинение против евреев все более и более стало распространяться и в ряде местностей Германии и Франции евреям приходилось переживать крайне тяжелые времена. В 1247 г. в Вальреасе на пасхальной неделе была найдена убитой христианская девочка Меила, и во всем Дофинэ начались гонения на евреев. В Сен-

¹⁾ Берешит — это первое слово Библии.

Поль-Труа-Шато много евреев было заключено в тюрьму; в других местах их имущество было разгромлено. Евреи в ужасе обратились за помощью к папе Иннокентию IV, 1243 — 1245 г.г.

Папа Иннокентий не отличался особенным расположением к евреям: его булла от 8 мая 1244 г. в самой категорической форме требовала от епископов, чтобы они сжигали талмуд и не допускали открытого пользования им; это требование было им повторено французскому королю. В другой булле Иннокентий IV говорил о необходимости ношения евреями особого знака на платье в целях недопустимости их общения с христианами. Казалось, что обращение к такому папе было безнадежным. Тем не менее, Иннокентий выразил полную готовность идти навстречу еврейскому ходатайству о защите против обвинения в употреблении крови. Быть может, здесь играла некоторую роль большая потребность папы в деньгах для борьбы с императором Фридрихом II, которого низложил Лионский собор 1244 г., предложив избрать, вместо него, другого императора.

Папой мог руководить и еще другой мотив: беря под защиту евреев, он становился их покровителем, а они его подзащитными, т.-е. принадлежащими ему со всем их имуществом. На этом основании курия могла претендовать на право взимать с евреев в свою пользу какие угодно поборы.

Как бы то ни было, Иннокентий взял под свою защиту евреев и обратился к архиепископу Вьенны с буллой от 28 мая 1247 г., которая, между прочим, гласила:

«От евреев провинции Вьенны нами получены жалобы следующего содержания. В Вальреасе нашли во рву мертвую девочку. И вот без каких бы то ни было улик, без какого бы то ни было признания, более того, без обвинения с чьей бы то ни было стороны, дворянин Драконет, владелец Монтабана в епархии Везон, к которой Вальреас относится, обвинил евреев в том, что они девочку распяли, и бросил их в отвратительную тюрьму, отнял себе все имущество, не дал им, как следовало бы по закону, возможности оправдаться и доказать свою невинность, некоторых из них замучил до полусмерти, других сжег на костре, иным мужчинам вырывал половые органы, у женщин — груди и такими и всякими другими пытками мучил и терзал их до тех пор, пока они устами не признали того, чего не допускала их совесть, так как они предпочли покончить, хотя бы мучительнейшим образом, со своей жизнью, чем жить и бесконечно страдать под пытками. Не довольствуясь этим и желая еще более усилить муки несчастных, наши почтенные братья... епископ Труа-Шато, констабль Валенсии и некоторые другие дворяне и власть имущие упомянутой провинции воспользовались случаем в Вальреасе, чтобы конфисковать имущество евреев, их самих заключить в тюрьму и мучить их, тех, которых святой престол взял под свою защиту, мучить их неслыханными пытками. И несчастные евреи верноподданнически молят нас сжалиться над ними, вступить за них и подтвердить их невинность. Ибо никто, не будучи виновен, не должен страдать или быть наказан за другого. В виду этого, мы, движимые отеческим состраданием к нашим верноподданным, защитить которых мы считаем себя обязанными, и не желая вместе с тем, чтобы они, по указанному, но не соответствующему истине поводу, невинно подвергались пыткам и преследованиям, повелеваем тебе, в случае, если все так есть, как в жалобе рассказано, распорядиться, чтобы упомянутые епископ, констабль и прочие освободили евреев, возвратили им их состояние, без всяких проволочек возместили им понесенные убытки и разрешили им спокойно жить в их владениях. Тех же, кто нас ослушается, повелеваем тебе подвергнуть церковной каре, без права апелляции».

В тот же день папа тому же архиепископу отправил на тему о погромах в Вальреасе вторую буллу, в которой мы читаем:

«Не по разуму усердны или отвратительны, жестоки и против церкви действуют те христиане, которые без суда, из алчности или кровожадности, грабят евреев, мучают их и убивают. Но вот евреи твоей провинции недавно обратились к святому престолу с жалобой и мольбой о защите: чтобы иметь предлог для преследований, некоторые прелаты и дворяне твоей провинции воспользовались тем, что около Вальреаса будто бы тайно была убиита девочка

и приписали евреям это убийство и без каких бы то ни было улик, без всякого признания, предали их лютой смерти через сожжение, других евреев лишили всего их состояния и изгнали из своих областей, сыновей же их, вопреки обычаям свободной матери, нашей святой церкви, воспитывающих чад своих в свободе, заставили принять крещение. Так как эти деяния не могут быть оправданы пред лицом нашего господина бога и мы, поэтому, ничего подобного допустить не желаем, то мы повелеваем тебе расследовать дело и привести в законный порядок все то нехорошее, что сделали упомянутые прелаты, дворяне и чиновники по отношению к евреям, и запретить на будущее время, чтобы кто-либо противозаконно преследовал евреев такими и подобными обвинениями, а тех, кто осмелится действовать против нашей воли, — подвергнуть церковному наказанию без права апелляции».

Но и выступление папы не могло помочь делу: обвинение евреев в употреблении христианской крови с ритуальной целью оказалось слишком удобным средством в руках разных эксплуататоров, чтобы можно было от него отказаться, и в дальнейшей истории евреев, вплоть почти до наших дней, к нему будут прибегать из религиозных, экономических и политических соображений. Здесь пока мы не будем останавливаться более на этой гнусной клевете; приведем лишь один протокол с «сознанием» обвиняемых, так как одним из наиболее сильных аргументов тех, которые инсценировали кровавые наветы, является ссылка на сознание обвиняемых.

Дело идет об обвинении евреев в Триенте в 1475 г. Триентский епископ Гиндербах, морально заинтересованный в примерном наказании виновных, пишет в своих донесениях римскому папе, обработанных в известном направлении, следующее о пытках, которым были подвергнуты триентские заключенные евреи, по настоянию самого епископа.

30 марта Самуил, наиболее уважаемый из заключенных триенцев, был «допрошен» в первый раз; в заключение он был отправлен назад в тюрьму, «чтобы отдохнуть» (т.-е. на языке судей того времени это значит, что он потерял сознание). На другой день его обнаженного связывают по рукам и по ногам и подвешивают к высокому столбу, вследствие чего, под тяжестью тела, конечности вывернулись из сочленений. Так как он продолжал настаивать на своей невинности и на невинности остальных евреев, то ему устраивают una cavaleta, «прыжок», т.-е. его быстро бросают вниз, чтобы так же быстро опять вздернуть; потом «трогают», т.-е. бьют по натянутой веревке, на которой он висит, и заставляют его несколько раз «прыгать». Обморок помешал продолжению пыток.

3 апреля снова его начинают пытать, повторяя на первых порах все уже примененные степени пыток. Так как он уверяет, что готов поручиться за собственную невинность и за невинность остальных евреев, то веревку «шевелют сильно» и его заставляют дважды прыгать с двойной высоты руки. Снова подтянутый кверху, несчастный восклицает: «Господин подеста, откуда вы узнали, что христианская кровь нам нужна и полезна?» Он это узнал от таких же евреев, как Самуил, гласит ответ. Затем процедура прыгания повторяется два раза, оба раза с двойной и с тройной высоты руки. Но так как и этой пыткой не удается добиться сознания, то его оставляют висеть две трети часа, пока он снова не теряет сознания.

Четвертый день пыток (7 апреля) начинается повторением прежних степеней. Так как Самуил не только не признавал никакой вины, но и восклицал: «Если бы я сознался, что сделал что-нибудь дурное, то я солгал бы!», то к правой ноге висящего в воздухе человека привязали кусок дерева (который еще более вытягивал члены и значительно увеличивал страдания); потом взяли наполненную горячими углями сковороду, на которую была посыпана сера, и поднесли ее ему к носу. Несмотря на вонючие, захватывающие дыхание и помрачающие сознание пары серы и настоячивые допросы, он продолжал упорно отрицать всякую вину. Поэтому «шевелют» несколько раз веревку, привязывают обрубок между голеними (отчего тяжесть еще увеличивается, и усиливается боль) и оставляют несчастного висеть так еще четверть часа. Когда затем были повторены еще «прыжки», сила сопротивления Самуила была сломлена: он сознается, что он и Тобия «обернули вокруг шеи мальчика платочек и затянули его, и таким образом мальчик был убит». Кроме этого признания, которое прямо противоречит обвинениям в вицеживании крови, из него ничего нельзя было

вытянуть. На предложенные ему вопросы, как и кем причинены раны мальчику, он объявил, что ничего не знает.

В допросах Самуила наступает теперь перерыв почти в два месяца. В продолжение этого времени происходит пытки и «сознания» остальных евреев, показания которых являются теперь основой для его дальнейших допросов. Протокол от 6 июня сообщает относительно Самуила только о применении первой степени пытки (обнажение, связывание, подтягивание); но так как пропервой добавляет; что он был стезен в тюрьму для раскаяния, то мучения должны были быть значительно сильнее. Вероятно, уже 6 июня он взял назад свое «сознание» от 8 апреля; свой отказ от него он повторил 7-го. О пытках этого дня протокол дословно сообщает следующие:

«В комнате пыток. Когда ему предложили сказать правду, так как ему не зачем скрывать ее в виду того, что все товарищи уже во всем сознались, он ответил, что если они в чем-нибудь сознались, то сказали неправду. Так как вышеназванному господину городскому префекту говорили, что данная для питья святая вода вызывает у злодеев сознание, то он дал Самуилу выпить полную ложку такой воды. Когда ему затем предложили сказать правду, он заявил, что уже сказал ее. Тогда взяли два накалившихся горячих яйца и положили ему под мышки обеих рук. Когда ему снова предложили сказать правду, он ответил, что готов ее сказать; он желает, чтобы при его сознании присутствовал только господин капитан и его милость господин городской префект. Тогда капитан и префект приказали всем присутствующим удалиться, и Самуил, как мне, нотариусу, потом сообщил г. капитан, заявил, что скажет правду, под условием, что капитан и префект пообещают ему сжечь его и не предавать его другой смерти».

Этот отчет производит потрясающее впечатление. Несмотря на то, что Самуил узнает, что его товарищи по несчастью уже сознались, он отрицает всякую вину, пока ужасные пытки заставляют его понять безрезультатность дальнейшего сопротивления, неизбежность новых, еще более тяжелых мучений, и он исполняет желание своих мучителей. В тупом безразличии у него только одно желание — избавиться возможно скорее смертью от своих мучений, которые теперь продолжают уже почти два с половиной месяца: ведь ему обещано, что его только сожгут!

Это «сознание» он сначала делает только в присутствии обоих названных чиновников; потом, повидимому, перед третьим, остальным же вернувшимся в комнату членам суда он говорит только, что «хочет сказать правду». Но так как капитан и префект видели, что он «совершенно расположен говорить правду», то они не заставляют его сделать это тотчас же и тут же, как он это будто бы только-что сделал, а его доставляют в дом капитана и там он перед рядом свидетелей, «сидя на чем-то в роде кафедры, изложил свое «сознание». Несмотря на его самообвинения, его мучители еще не были удовлетворены, потому что 11 июня его еще раз «допрашивают» в доме капитана. Ему предлагают «сказать правду получше», угрожая, если он не скажет правды, снова вздернуть его на дыбу. Самуил отвечает, что он скажет правду; сознавшись в убийстве мальчика, он признается и в остальном. Дальнейшее отрицание, при таком положении вещей, было бы бесполезным и повело бы только к возобновлению и усилению пыток, и поэтому он «сознается» во всем, что от него требуют. 21 июня несчастного сжигают».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЦЕХОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В БОРЬБЕ СО СВОБОДОЙ ЕВРЕЙСКОГО ТРУДА И ТОРГОВЛИ.

Со второй половины средних веков, приблизительно с начала XIII века, положение евреев в Западной Европе стало меняться и ухудшаться с каждым годом. Причина этого заключалась в том, что экономическое развитие Европы создало самостоятельный класс не только торговцев не-евреев, но и ремесленников. Начавшийся, в связи с Крестовыми походами, экономический подъем не мог остановиться на образовании одного лишь посреднического, торгового класса, а шел дальше и вызвал к жизни ремесленный класс. Последний был связан с торговым классом, хотя далеко не всегда его интересы совпадали с интересами купцов, и позднее средневековые знают ожесточенную борьбу между купцами, организовавшимися в гильдии,

и ремесленниками, объединившимися в цехи. Если, как мы видели, появление итальянского купеческого капитала занимало подчас враждебную позицию по отношению к евреям, то зарождение самостоятельного ремесленного класса могло лишь во много раз усилить эту вражду, основанную на конкуренции и принявшую в ремесленной среде крайне острую форму. Крупный заморский купец не боялся особенно конкуренции: он на рынке всегда чувствовал себя привилегированным и сильным; его предложение не покрывало потребностей страны, и еврей не только его не вытеснял, но часто прокладывал дорогу общим товарам. Кроме того, итальянский купец входил в сообщество с евреем в том случае, если его личные средства были недостаточны для организации и проведения в жизнь какого-либо коммерческого начинания, и потому особого расхождения интересов не было у «коренного» и «чужого» купца. Там, где итальянец чувствовал, что он и сам может справиться с поставленной ему экономической задачей, он путем внеэкономическим вытеснял своего конкурента, мотивируя свое поведение теми идеологическими формулами, которые ему преподносила в готовом виде и в таком изобилии католическая церковь. Помощь церкви, однако, была незначительна, так как экономические условия, сложившиеся в Италии в эпоху Крестовых походов, не побуждали итальянских купцов к особой вражде к евреям, и социальный антисемитизм, завуалированный религиозной идеологией, не пустил на побережье Средиземного моря глубоких корней, а тем более не перенесся в другие страны Европы, где социально-экономические условия не были сходны с итальянскими.

Совершенно иной характер имело развитие ремесленного класса. Средневековый ремесленник страшно боялся конкуренции, и цеховая организация была в значительной степени построена на принципе охраны ремесленника от вторжения в сферу его деятельности внецеховых элементов. Постепенно цехи все больше и больше замыкались, пугались всякого расширения своих кадров и постоянно обращались к городским властям с просьбой о защите против посторонних. Замыкаясь в узкие рамки, окружая себя защитительной стеной, опасаясь всяких новшеств и изменений в экономической жизни, цехи становились все более и более консервативными и реакционными организациями и вели отчаянную борьбу не только против разоряющегося крестьянства, стремившегося попасть в цеховую организацию, но и против торгового, купеческого капитала, более подвижного, нуждающегося в расширении района своей деятельности и не укладывавшегося в раз навсегда отлитые формы. Если цехи не поднимали глаз выше городского частотола и имели в виду лишь своего обычного и постоянного потребителя, то купцы, наоборот, стремились выйти далеко за городские пределы, расширить круг своих клиентов и в конкуренции видели, в противоположность ремесленникам, неизбежный и далеко не всегда опасный стимул для развития своих торговых предприятий.

Этой стороной своей деятельности купцы, в особенности оптовики, подрывали корни цеховой системы и являлись в глазах ремесленников страшным пугалом, с которым тем важнее было бороться, что купцы во многих городах стояли у кормила правления и могли проводить экономическую политику, противоречившую интересам окаменелого и затвердевшего цехового ремесла. Отсюда понятно, почему ремесленники, при всей своей экономической реакционности, в политическом отношении зачастую принимали аллюры революцио-

неров и боролись за власть с купцами, обычно овладевшими ею до момента классовой зрелости ремесленных организаций. Эта классовая борьба между купцами и ремесленниками за господство и власть в городе, являвшемся в средние века до известной степени тем, чем ныне является государство, проходит красной нитью через всю полосу городской истории и принимает особенно интенсивную форму в XIV столетии, когда оба эти класса — торговцы и ремесленники — успели более или менее оформиться и дифференцироваться и в профессиональном отношении. Ремесленник, несмотря на демократичность своего происхождения, стоял на страже консервативных, реакционных в экономическом отношении сил; купцы, наоборот, были прогрессивны, видели в многочисленных цеховых путах и регламентах лишь тормаз для своей деятельности и зачастую выставляли лозунг свободы против устарелых привилегий ремесленных организаций. При всей своей аристократичности, при всем своем желании удержать за собою власть и не допускать к ней широких демократических слоев ремесленного класса, купцы были, все-таки, носителями прогрессивных начал, роста и развития производительных сил. Экономический прогресс своеобразно переплетался с политическим аристократизмом и вступил в бой с реакционным экономизмом ремесленников, шедшим под флагом политической демократии. В этой схватке двух классов победил носитель прогресса; интересы экономического развития Европы, рост ее производительных сил предопределяли исход этой борьбы, и если ремесленники в отдельных случаях и выходили победителями, то такой победой борьбе экономически отсталых элементов лишь придавался драматический и колоритный оттенок. Осужденные ходом экономического развития на гибель, ремесленники, не имевшие экономической программы с определенными перспективами на будущее, за исключением охраны настоящего, должны были раньше или позже склонить свои знамена пред купеческим капиталом, борющимся за расширение производительных сил Западной Европы.

Однако, недостаточная экономическая дифференциация тогдашнего общества, отсутствие резкого расслоения между торговым и ремесленным классом стирали грань между ними, и фактически линия водораздела проходила между оптовиком, крупным купцом, с одной стороны, и между ремесленником, лавочником и мелким продавцом — с другой. Друг другу противостояли богатые и бедные в гораздо большей степени, чем торговые и ремесленные элементы. Ремесленник все еще, как в раннее средневековье, был очень часто и лавочником, продававшим им же изготовленные предметы — на заказ при наличии заказчика, на показ при отсутствии такового. Лавочник, в свою очередь, нередко сам был производителем тех предметов, которые он продавал, и в экономическом отношении был так же недифференцирован, как и ремесленник. Связанные одинаковостью происхождения, сближаемые родственностью своей экономической деятельности, одинаково трепеща пред ростом купеческого капитала, их эксплуатирующего, и совместно защищая свое полное внутренних противоречий состояние, эти «лавочно-ремесленные» силы, прозванные по античной терминологии плебеями, выступали более или менее единым фронтом против «магазинно-купеческих» элементов, получивших название патрициев. В мало-дифференцированном обществе борьба классов, естественно, протекала в форме борьбы богатых с бедными, патрициев с плебеями. Борьба была экономическая, но переливалась в разные цвета.

В политическом отношении патрициат, как мы уже указали, стоял на почве им ранее завоеванного положения и отвергал возможность расширения политических прав на плебеев и привлечения их к городской, т.е. государственной работе; он был, таким образом, строго консервативен, проводил узко-классовую линию и с оружием в руках отстаивал необходимость защиты существующего, т.е. купеческого общественного порядка. Этот патрициат вскоре получит название крупной торговой буржуазии, двери которой будут отчасти открыты для средней, но совершенно закрыты для мелкой буржуазии. В религиозном отношении патрициат чувствовал себя гораздо независимее, чем ремесленники; его потребности в покупке предметов у разных племен и народов и его жажда перепродать их представителям иных национальных и религиозных групп болезненно сталкивались с требованием церкви замыкаться от чужих и не общаться с инакомыслящими элементами. Сравнительно широкий размах его торговой деятельности, немислимый без систематически предпринимаемых путешествий, приучил его к жизни в разнообразных условиях и будил его критическую мысль; вырощение и обогащая богатству, потребности толкали его на путь вкушения и запрещаемых религией наслаждений, а суровые проповеди церкви, ее лицемерная и плоская защита нищеты и бедности и ее преследование всякой новой, живой и творческой мысли, сопровождавшееся анафемой по адресу всех иноверцев, раздражали патрициат и толкали его на путь оппозиции к церкви и требований реформ. Церковь, в глазах крупной буржуазии, была скорее союзницей отсталых ремесленных кругов, чем другом крупной буржуазии, хотя в экономическом отношении римская курия и высшее духовенство вели политику более близкую буржуазии, чем ремеслу, и это противоречие между словом и делом церкви еще более обостряло отношения между патрициатом и папством и придавало крайне сложный и противоречивый характер умственной надстройке той эпохи.

Плебеи, наоборот, в политическом отношении считали необходимым подорвать общественные устои, столь выгодные патрициям; но в религиозных вопросах плебеи стояли за старину, веря, что церковь отечески заботится об униженных и оскорбленных и вместе с ними осуждает гордыню и свободомыслие патрициата. Враждебное отношение последнего к церкви казалось мелкой буржуазии вполне естественным, так как она приписывала церкви те демократические чувства, которыми она сама была воодушевлена, и считала церковь своей прирожденной защитницей.

Правда, ее смущала великодержавность римской курии; безделье, роскошь и низменные наслаждения, которыми так дорожили папство и высшее духовенство, казались мелкой буржуазии страшным противоречием, нередко отталкивавшим от церкви ее «вернейших» сынов, которые «напоминали и своей духовной власти» о ее истинных задачах и, убедившись в тщетности своих напоминаний, переходили в оппозицию к погрязшей в житейских заботах церкви, выдвигая идеал нищеты и бедности, отказа от всяких мирских удовольствий и жизни в святости и целомудрии. Так, против римской курии и ее административно-духовного аппарата поднималось озлобление с двух сторон: одни упрекали их в том, что церковь на словах верна старому и, будучи материально связана с буржуазией, идейно поддерживает ее врагов и противников купеческого буржуазного режима, давая им для борьбы с купцами популярные и заманчивые лозунги и затрудняя победу буржуазии над ремеслом и над городской мелкотой.

Другие, наоборот, бросали курии в лицо обвинение в том, что ее дела пронизаны враждебными мелкому люду тенденциями, что своим примером она ободряет и поощряет антиремесленные элементы и обычно становится на защиту интересов богачей, вместо того, чтобы брать под свое покровительство бедняков. Если одни критиковали церковь за то, что она недостаточно порвала и сохранила словесную связь с дряхлым убожеством, наделяя его изжитыми лозунгами, заимствованными из умершего уже мира, то другие видели главное преступление церкви в том, что она отошла от своего вечного и незыблемого идеала и, увлеченная мирскими заботами, заключила тесный союз с врагами, которые, вместе с тем, являются и врагами «малых сих». Словом, одни были недовольны «прогрессивностью» церкви, т.е. ее широкой экономической деятельностью; другие — ее «реакционностью», т.е. сохранением старой фразеологии о любви к ближнему, к нищему и убогому; одни — хотели тянуть ее назад, к «первобытному» христианству, другие — вперед, к разрыву с католичеством, к созданию новой религии, более гостеприимной для чужих, мирящейся с ними во имя экономических интересов.

Как бы то ни было, классовая борьба, охватившая Западную Европу в связи с Крестовыми походами и неизбежно все более и более обострявшаяся, носила крайне пеструю форму и имела шедшие очень далеко последствия в разных областях общественной жизни: экономические, политические, умственные, нравственные и религиозные проблемы переплетались и сплетались в один сложный клубок, над разрешением которого боролись враждебные друг другу силы.

Дело осложнялось еще и тем, что ремесленный класс все более и более терял свою однородность, и в то время, как мастера превращались в богатых хозяев, эксплуатировавших наемный труд, подмастерья и ученики приближались все больше к типу пролетариев, не имеющих надежды когда-либо сделаться мастерами, т.е. эксплуататорами. Но будучи эксплуататорами, мастера все-таки боялись капиталистических тенденций торговой буржуазии и в ней видели своего главного врага. Сами мастера иногда по своему богатству могли поспорить со многими заморскими купцами, и потому, если нельзя провести резкой линии между мелкой торговлей и мелким ремеслом, то нельзя также категорически говорить, что всегда на стороне ремесленников был лишь труд, а на противоположной стороне сосредоточился весь капитал. Все эти категории, в виду недифференцированности общественной жизни, правда, намечались, но не были так явно и четко представлены, как в более позднее, в капиталистическом отношении более развитое, время. Внутри ремесла, как и внутри торгового класса, кипела борьба разных слоев с разными интересами, и всякое схематическое изложение — неизбежное, однако, в общем очерке — сильно упрощает действительную, реальную обстановку.

* * *

Каково было положение евреев в этой «междоусобной» борьбе? Были ли они «третьей» стороной, стороной радующейся, в этой классовой борьбе двух «христианских сторон» с противоречивыми интересами? Мучительно долгий и монотонно жестокий еврейский мучительный следующих за ранним средневековьем столетий явно свидетельствует о том, что машина классовой борьбы, раздиравшая христианское общество, требовала частой и обильной смазки еврейской кровью, что оба класса в минуты тяжких поражений и тяжелых потерь

зваливали вину на евреев, что каждый стремился путем погромов и резни евреев облегчить свое проигранное положение, и что победители в такой же степени, как и побежденные, желали использовать в своих классовых интересах бесправное и беспросветное положение евреев, приуроченное им церковью еще задолго до разгара этой классовой борьбы между средневековым, городским ремеслом и торговым капиталом, задыхавшимся в городских тисках и искавшим выхода не только на национальную дорогу, но и на международную. В этой борьбе старого с новым, отживающего натурального феодализма с зарождающимся капитализмом евреи оказались в положении того холопа, у которого трещит чуб от того, что паны дерутся между собою.

Экономическое развитие Европы должно было расслоить недостаточно дифференцированное торгово-ремесленное еврейство, огромное большинство его отбросить к ремесленникам, а оставшуюся верхушку присоединить к патрициату, к купечеству. Как окружающая их среда, евреи с ростом производительных сил и с осложнением экономической жизни должны были бы сложиться в цехи и гильдии, расходившиеся отныне все больше и больше и ведущие между собою отчаянную борьбу за профессиональные, классовые интересы. Интересы мелкого еврейского лавочника, коробейника, ремесленника толкали его в лагерь плебеев, в организованный цех; наоборот, заморский еврейский купец, оптовик и ростовщик могли примкнуть лишь к патрицианскому лагерю, к купеческой гильдии, где в виду все еще не завершившейся экономической дифференциации ростовщик и крупный торговец не были отделены друг от друга. Но дорожившие своими привилегиями цехи, боявшиеся конкуренции и все более и более приобретающие замкнутый, почти кастовый характер, оказались наглухо закрытыми для евреев: последние не допускались в цехи, и им, следовательно, ремесленный труд стал почти невозможен. Правда, цехи не сразу повсеместно сложились, и в течение долгого времени в огромной части городов «старым» ремесленникам можно было попрежнему свободно заниматься своим производством и не входить в цеховую организацию. Но такая свобода носила временный характер, и общая тенденция была направлена в сторону создания принудительных цехов, запрещения внецехового ремесла и недопущения свободного производства.

Слабые в экономическом отношении элементы еврейства были отрезаны от возможности находить средства к жизни ремесленным трудом, и их положение было тем более трагическим, что вслед за ремесленными организациями стали возникать подобные же организации розничных продавцов, мелких лавочников. И эти объединения точно так же опасались еврейской конкуренции, стремились к замкнутости и исключали из своей среды всех чужих, под которыми в первую очередь разумелись евреи.

Из торговцев особенно рано объединились различные продавцы красных товаров, и уже в 1183 г. магдебургский архиепископ дал розничным аршинным продавцам сукна право следить за тем, чтобы ни один продавец, не состоящий членом их организации, не занимался продажей врозницу суконных и шерстяных товаров; записаться же в члены организации можно было лишь с согласия совета организации. В Майнце в 1239 г. было точно установлено количество шерстяно-суконных продавцов, которые сделались монополистами, не допуская к этому занятию ни одного постороннего человека. В 1345 г. граф города Ольденбурга дал своим горожанам привиле-

гию, в силу которой находившиеся под его защитой евреи Ольденбурга не имели больше права «приискивать себе пропитание» купеческим путем, а должны были жить лишь дачей денег в рост, при чем взимаемые ими проценты не должны были превышать установленную в Бремене норму. Это исключение из ремесленных организаций и из мелко-торговых объединений было для еврейской массы равносильно экономической катастрофе, не сразу, быть может, понятой пострадавшими только потому, что исключение шло постепенно и не сопровождалось повсеместным запрещением свободного труда наравне с цеховым. Превратив ремесло и мелкую торговлю в занятия, доступные одним лишь христианам, цехи обескровили еврейский экономический организм и предоставили евреям сосредоточиться лишь на тех промыслах, которые были связаны с их религиозно-обрядовой жизнью. Отныне встречаются резники-евреи, которые руководятся специальными законами об убое скота; портные, которые обязаны соблюдать религиозные нормы, запрещающие смешение шерстяных тканей с льняными при шитье одежды; пекаря, имеющие в виду специальное печенье для евреев. Поскольку эти ремесленники обслуживали лишь своих единоверцев, ремесленные и торговые цеховые организации не интересовались их деятельностью и не преследовали их; но как только ремесленник-еврей переступал порог еврейского потребительского мира, он немедленно наткнулся на «цехового человека», который угрожал нарушителю «христианских привилегий» самыми тяжелыми наказаниями, тем легче осуществляемыми, что суд находился в руках заинтересованных лиц.

Недопущенные в цехи, евреи превратились в коробейников, разносивших и развозивших различного рода предметы по маленьким городам и весям. Такая разносная торговля им была разрешена, но она затруднялась тем, что им нельзя было изготовлять тех вещей, которые они предлагали для покупки малотребовательным покупателям. Кое-где в деревнях евреи осели в качестве ремесленников, так как деревни не имели цеховой организации, и там труд был свободен. Однако, широкое развитие ремесла в деревнях было совершенно невозможно: средневековый цеховой город был привилегированной организацией, эксплуатировавшей и деревню. На расстоянии определенного радиуса от города деревни зависели целиком от города: они должны были потреблять предметы, изготовляемые только в том городе, от которого они зависели, и вынуждались продавать свои сельскохозяйственные продукты только «своему» городу.

Деревня, до известной степени, была привеском к городу, снабжающим его всем необходимым и потребляющим то, что городу нужно было сбывать в деревню. При таком положении дел разнощик-еврей оказался вредным элементом для прав и привилегий цехового города: еврей увозил сельскохозяйственные продукты, покупаемые им у крестьян, за пределы городской округи и тем «лишал» город «принадлежащих ему» деревенских предметов; с другой стороны, еврей привозил в какой-либо город изготовленные в другом месте ремесленные изделия и тем вызывал конкуренцию, подрывавшую благостояние цеха, основанное на устранении всякой конкуренции. Городская жизнь сводилась к дешевизне сельскохозяйственных продуктов, у которых был лишь один окружный городской рынок, и к дороговизне ремесленных изделий, которые монополием господствовали в пределах целого округа, — еврей привлечением одних продуктов извне и вывозом других за священные границы округа нарушал уста-

новленную городом гармонию, столь тяжелую для деревни и столь выгодную для города, и навлекал на себя гнев тех организаций, которые прикрывались «справедливой ценой» для проведения своих эксплуататорских вождедений.

Нарушая их не из чувства какой-либо справедливости, а в силу экономической необходимости, толкавшей еврея на путь искания заработка там, где он был возможен, еврей, тем не менее, становится крайне одиозной фигурой в глазах городского ремесленника и мелкого лавочника. Они и без того с большой ненавистью относились к этому более подвижному в экономическом отношении человеку, боялись его торговой предприимчивости, унаследованной им от более сложной хозяйственной формы древнего мира, и всячески устранили его из тех торгово-ремесленных отраслей, где он мог конкурировать с местными, нечужими элементами, — а теперь последние увидели себя обойденными, и еврей «обманым образом» продолжал путем развозной торговли свою «преступную» деятельность. Что естественное желание евреев снискать необходимые источники существования является настоящим «преступлением», было вполне очевидно для тех, которые с полной верой относились ко всему тому, чему учила их во все времена христианская церковь. Врожденный преступник, распявший Христа и задавшийся мыслью погубить весь христианский мир, конечно, не мог остановиться пред тем, чтобы подорвать благополучие организованного ремесленного и мелкоторгового класса. Так социальный антисемитизм, кормящийся из самых недр цехового общества, окрашивался в «благородный» цвет мести богопреступной нации.

Вооруженные подобной идеологией, цехи стали вести ожесточенную кампанию и против развозной торговой деятельности евреев, которая была в интересах отчасти землевладельцев-феодалов и крупного торгового капитала. Оба эти класса выигрывали от проникновения в застывшее средневековое живых, творческих сил развозного, хотя в огромном большинстве случаев мелкого, капитала, и патрициат, связанный подчас с крупным землевладением, обвинялся демократией городских цехов в симпатии к евреям, в продажности и даже в иудаизме. И тут классовая борьба протекала под своеобразным идеологическим флагом, и в годы ремесленных волнений и революций, сопровождавшихся еврейскими погромами и гонениями, повстанцы, стремившиеся к захвату власти в городе и коттеснению на задний план патрицианского капитала, обвиняли представителей последнего в том, что они «держат сторону» евреев и, вместе с ними, являются врагами мелкого люда, гибнувшего от гнета торгового капитала — как христианского, так и еврейского. Победа мелкой цеховой демократии почти везде и повсюду означала усиление антисемитизма, проявлявшегося обычно в совершенном изгнании евреев из тех городов, где победоносно распоряжались цеховые ремесленники и мелкоторговые организации. В этом отношении нельзя не констатировать, что рост антисемитизма шел параллельно росту ремесленной демократии, как об этом свидетельствует, между прочим, история Швейцарии.

* * *

Несмотря на своего Вильгельма Телля (мифического), на свою любовь к республиканской форме правления и на свои широковетвистые лозунги, Швейцария всегда относилась с большой враждой к евреям, и, в силу победы в ней мелких, демократических элементов

социальный антисемитизм в течение очень долгого времени находил именно здесь особенно благоприятную почву. До конца XIII века евреи Швейцарии находились под покровительством германского императора; покровительство это выражалось в том, что евреи, как «рабы нашего двора», ежегодно вносили в императорскую казну дань, известную под названием «золотого жертвенного пфеннига» (Goldener Opferpfennig). С ростом городов покровительство евреев стали делить между собою разные муниципалитеты; в епископских городах покровительство принадлежало епископу. Помимо ежегодной дани, покровительство выражалось в том, что евреи обязаны были носить так называемую еврейскую шляпу, жить в специально предназначенных для них улицах (гетто), которых они ни на один момент не должны были покидать в дни «святой пасхи», и подвергаться полному общественному ostrакизму. Почти все виды труда были им недоступны: им можно было заниматься лишь кредитными операциями — и то до того лишь времени, когда ломбарды и кагорцы стали с ними успешно конкурировать. Самое кредитное дело было поставлено городскими властями на своеобразную ногу: евреи обязаны были ссужать беспроцентно город по первому его требованию или ежегодно определенной суммой. Мало того, как только горожане оказывались в неоплатном долгу у евреев, на последних немедленно возводились обвинения в ритуальных убийствах, осквернении кладбищ, отравлении колодецев, и они изгонялись. Изгнания, однако, носили временный характер: аннулирование всех старых долгов и вношение новой «чрезвычайной» дани открывали пред изгнанниками городские ворота, и евреи снова становились «покровительствуемыми» — для того, чтобы через известный промежуток времени снова стать изгнанниками.

Это своеобразное кочевание евреев было крайне выгодно швейцарским городам: Базель изгнал в 1361 г. «своих» евреев на 200 лет, — прошло 14 лет, и изгнанники за 5000 гульденов снова появились в Базеле, чтобы подвергнуться неслыханным унижениям и оскорблениям. Так, в 1392 г. какой-то еврей был оштрафован на 500 гульденов за непочтительный отзыв о св. Екатерине; другого еврея, поцеловавшего христианскую девушку, приговорили к позорному столбу в течение трех дней и к пожизненному тюремному заключению; девушку же к пяти годам тюрьмы; даже служанка последней, видевшая издали, как ее госпожа целовалась с евреем, была приговорена к двухлетнему заключению¹⁾.

Подобно Базелю, поступали Цюрих, Берн, Биль, Фрейбург, Шафгаузен и другие швейцарские города. Когда евреи экономически со-

¹⁾ Еще суровее наказывалось половое общение между евреями и христианами. По Швабскому Зерцалу (статья 322), вступившие в половую связь должны быть положены друг на друга и сожжены, ибо христианским общением с евреем отрекся от своей веры. На этой же точке зрения стоит Аугсбургское городовое право. По постановлению города Иглау, преступников заживо хоронят. С течением времени смертная казнь стала заменяться штрафом и другими наказаниями. Во Франкфурте два еврея, обвиненные в блуде с христианкой, были клеймены и оштрафованы на 1000 гульденов; затем их изгнали из города, бичуя розгами. В Цюрихе еврея карали штрафом и тюрьмой, а христианку подвергали бесчестящему наказанию: ее возили по городу в телеге в бумажном колпаке, похожем на принудительную еврейскую шапку (Judenhut); затем их обоих изгнали из города. В Нюрнберге еврей был изгнан из города за посещение непопулярного дома и, следовательно, общения с христианкой. С другой стороны, и еврейские религиозные предписания признают браки евреев с христианами недействительными и карают вступившего в брак с иноверкой или иноверцем 39 ударами ремня.

вершенно опустились и не могли более служить объектом для извлечения какой бы то ни было выгоды, они поочередно стали изгоняться из разных городов Швейцарии, пока законодательные собрания 13 кантонов окончательно не изгнали их из пределов всей конфедерации в 1622 г. Их приютил лишь кантон Ааргау, не входивший до 1803 г. в швейцарскую конфедерацию.

Приют, оказанный кантоном Ааргау евреям, был своеобразен: им была отведена «черта оседлости» в виде двух местечек — Ленгнау и Эндингген. Только в них они могли проживать и только здесь они находились под «покровительством» властей, за что уплачивали личную мзду. За нее евреям выдавалась особая хартия, в которой, однако, говорилось, что евреям в Ленгнау и Эндинггене нельзя жить под одной кровлей с христианами и что им воспрещается покупать землю и приобретать в собственности дома. Хартия возобновлялась периодически, и всякий раз власти Ааргау отягощали условия покровительствуемых. В 1760 г. в хартию, между прочим, были включены такие пункты: евреи не будут размножаться и не будут допускать браков между бедными; невесты, привозимые из других стран, должны иметь не менее 500 гульденов приданого... евреям запрещалось приобретать дома, отдавать деньги в рост, учитывать векселя, покупать земли и т. д. В последний раз хартия была возобновлена кантонными властями Ааргау в 1792 г. — в разгаре великой французской революции, через год после того, как французская торговая буржуазия объявила евреев полноправными гражданами Франции и предоставила им не только все гражданские права, но и политические.

Французские события отразились, однако, и на Швейцарии, и когда последняя солдатами Наполеона превратилась в единую Гельветическую республику, началась ломка старых устоев, между прочим, и еврейского вопроса. Евреи из швейцарской «черты оседлости», из кантона Ааргау, подали в Национальное собрание петицию об уравнении их в правах с временно проживавшими в Швейцарии французскими евреями, для которых революционное французское правительство добилось отмены всяких специальных налогов и податей. Национальное собрание, под давлением Наполеона I, пошло на некоторые уступки, но «демократические» элементы повели борьбу против «иностранный деспота», и член Национального собрания Эльмлигер из Рейдена предложил собрать всех евреев и отослать их Наполеону, чтобы он повел иудеев в Иерусалим. В то же время пастор Фишер опубликовал памфлет «Слово об активном гражданском праве евреев Гельветии», где доказывал, что все несчастья, постигшие в последние годы Швейцарию, происходят от евреев, которых нельзя уравнять в правах с христианским населением. Наступившая в Европе реакция после падения Наполеона сняла с очереди пересмотр еврейского законодательства в Швейцарии, и характерно, что в 1826 г., когда выработывался новый закон о браках, не сочли даже нужным вставить пункт о запрещении смешанных браков между евреями и швейцарцами, так как, по официальному заявлению, презрение к евреям создало такую пропасть между ними и остальными гражданами, и положение евреев так мало привлекательно, что никогда христианки или христианка не захотят вступить в брак с еврейкой или с евреем. Только в 60-х годах XIX века, под влиянием правительства Голландии, Франции и Сев.-Амер. Соединенных Штатов, взявших под защиту своих евреев и угрожавших экономическим бойкотом Швейцарии, если она будет ставить евреев указанных стран в какое-то особое положение, эта мелкобуржуазная страна, в значительной степени сохра-

нившая до второй половины XIX века средневековый цеховой характер, пошла по пути освобождения евреев от всевозможных притеснений, и лишь ныне действующая конституция 1874 г. провозгласила религиозную свободу и предоставила евреям все гражданские и политические права¹⁾.

История Швейцарии лишней раз показывает, с каким упорством мещанство, ремесленники и мелкие торговцы, отстаивало свое привилегированное положение и как оно боялось вторжения чужих элементов, могущих с ним конкурировать путем удешевления цен и более умелого приспособления к нуждам рынка. Средневековые цехи, как и позднейшее мещанство, исходили из принципа ограниченности круга потребителей, и потому для них каждый новый производитель представлял опасного конкурента, уменьшающего долю производства старых производителей и, следовательно, подтачивающего их богатство, их средства к существованию. Торговый капитал, рассчитывавший на широкий круг потребителей и стремившийся к открытию все новых и новых рынков, обладал гораздо более широким горизонтом, в удешевлении товаров видел возможность расширения числа потребителей и не опасался роста производителей, исходя из мысли, что потенциальное потребление в любой момент превышает потенциальное производство, и что поэтому страх перед конкурентом, столь обуявший цехового мастера и мелочного лавочника, является признаком скорее ограниченности, чем правильного понимания истинных интересов экономической жизни. Отсюда неодинаковое отношение этих классов к еврейской конкуренции; отсюда — социальный антисемитизм мещанства и сравнительная веротерпимость крупного капитала.

Разумеется, веротерпимость последнего была далеко не принципиального характера: ради предоставления еврею возможности торговать и заниматься ремеслом торговый капитал вовсе не желал навлекать на себя подозрение в преданности «жидовству» и вызывать гнев церкви, для которой евреи были страшными врагами потому, что самое существование безнаказанного иноверия подрывало идею единственной силы христианской религии и могло нанести удар жидовствующему на этой идее материальному благополучию церкви. Мало того, нередко торговый капитал, защищаясь от комбинированных нападений городской мелкоты и клерикальной реакции, выбрасывал излишний балласт своей предосудительной еврейской веротерпимости и переходил даже в наступление на евреев, тем более решительно, чем скорее он мог извлечь выгоды для себя из этого оборота вправо. Многочисленные примеры из истории позднего средневековья и эпохи нового времени свидетельствуют не только об отказе крупного торгового капитала от своего безразличия в еврейском вопросе, но и об участии патрициата и крупной буржуазии в преследованиях и гонениях евреев.

* * *

Вытесненные и выброшенные из цехов или, правильнее, с самого начала не допущенные в них, евреи были поставлены в тем более тяжелое положение, что и развозная их деятельность вызывала силь-

¹⁾ Ulrich, Sammlung jüdischer Geschichten in der Schweiz, 1748; E. Bär, Die Juden Zürichs im Mittelalter (статья в Цюрихском ежегоднике за 1896 г.); Löwenstein, Geschichte der Juden am Bodensee und Umgebung, 1879; Harder, Ansiedelung, Leben und Schicksale der Juden in Schaffhausen (статья в сборнике истории Шаффгаузена, № 1).

ный ропот того же мещанства, и воле-неволею еврей вынужден был искать нового вида заработка. Если богатая купеческая верхушка евреев и могла еще с некоторым риском итти вместе с крупным капиталом вообще и участвовать вместе с ним в экономической жизни Западной Европы, то мелкая еврейская масса, отрезанная от своей старой материальной базы, могла отныне заниматься по преимуществу ростовщичеством, находившимся под каноническим запретом для христиан, но необходимым для общества в виду развития денежного хозяйства и увеличения обменных оборотов. Но несостоятельные еврейские бывшие мелкие торговцы и ремесленники и в своей ростовщической деятельности могли лишь очень низко плавать и своими ничтожными суммами ссужать лишь таких же малосостоятельных людей, какими они сами были. И действительно, в годы роста социального антисемитизма, вызванного к жизни средневековым мещанством, преимущественными дебиторами еврейской полунищенской массы делаются еле пробивающиеся мелочные лавочники и теснимые торговым капиталом ремесленники. Если крупные феодалы, заморские купцы и предприимчивые представители церкви находили нужные капиталы у флорентинских, генуэзских и сиенских банкиров и лишь изредка пользовались услугами еврейских крупных богачей, которые вследствие своей немногочисленности не могли удовлетворять все разрастающейся потребности общества в деньгах, то мелкие лавочники и ремесленники могли обращаться лишь к захудалому еврейскому ростовщичку, который не брезговал никаким клиентом, но который, тем не менее, стремился обеспечить ссуду частью жалкого скарба своего христианского должника. Нетвердо стоявшее во многих случаях на ногах мещанство оказалось опутанным еврейскими долгами, и если предоставление ссуды в момент денежной нужды является подчас значительным облегчением для прибегающего к кредиту, то возврат последнего тем более тяжел, что острая нужда в деньгах обычно не так скоро проходит, а необходимость уплатить, помимо полученной суммы, и проценты по ней лишь усугубляет и без того тяжелое чувство и вызывает крайнее озлобление против кредитора. И городская мелкота, из страха конкуренции ненавидевшая евреев, требовала по отношению к ним усиленных репрессий и за их ростовщическую деятельность. Последняя казалась мещанству грабежом, хотя очень часто еврей поддерживали городскую мелкоту в ее классовый борьбе с более сильным торговым капиталом, который без помощи, оказываемой ей еврейскими ссудами, быстрее и полнее уничтожил бы эту самую мелкоту, как об этом свидетельствуют северная Италия и Фландрия, где, в противоположность Германии, почти совсем не было или было мало евреев, а ремесленники гораздо быстрее и беспощаднее были раздавлены победоносным крупным капиталом.

Еврей, которые вызывали против себя такой гнев германского мещанства, в силу тех противоречий, коими так полно экономическое развитие Европы, способствовали сохранению цеховой организации тем, что давали в рост деньги безденежным ремесленникам и лавочникам, и объективно укрепляли положение того класса, который субъективно видел в них своего наиболее жестокого врага. Усиливая падающее цеховое ремесло, еврей протягивали руку тому, кто был главнейшим олицетворением социального антисемитизма и кто их наиболее сильно угнетал, а принимающие протянутую руку видели в ней тот коварный камень, который всей своей тяжестью должен был давить их могилу. Как некогда еврей объективно подрывали выгодный,

но чуждый им, феодальный режим, так теперь эти бывшие мелкие торговцы и ремесленники поддерживали враждебный, но близкий им, мир — близкий, потому что сами еврей по своим средствам и по занятиям в недавнее время были такими же мелкими ремесленниками и торговцами, какими были теперь их преследователи. Но именно поэтому, что они экономически были близки друг другу, они были и враждебны один другому. Мещанство и продает и покупает: поскольку еврей мало покупал, он был бесполезен для мещанства; поскольку же он продавал, он был для него нежеланным конкурентом, опасным соперником. Крайности сходятся, — еврей и феодал уживались под одной крышей; однородные полюсы отталкиваются — еврей и мещанин жить рядом не могли, и мещанская Европа, подогреваемая при том религиозным фанатизмом, была и есть истинный бич евреев, неугасаемый очаг социального антисемитизма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЕВРЕИ — ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ «ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ ОСОБ».

Первые проявления социального антисемитизма со стороны городской мелкоты чутко подметил папа Иннокентий III (1198—1216), один из самых выдающихся людей, занимавших когда-либо папский престол. Понтификат Иннокентия III совпал с тем периодом, когда в экономической структуре Европы происходили большие сдвиги: рос и креп торговый капитал благодаря оживлению товарообмена с Востоком в связи с Крестовыми походами; зарождался самостоятельный ремесленный класс, отсекаемый от гильдии и складывавшийся в собственные профессиональные организации; лихорадка предпринимательства овладела и частью феодальной знати, которая, нуждаясь в деньгах, стала либо переводить своих крестьян с натуральных повинностей на денежные, либо отпускала их на свободу за определенную выкупную сумму; кое-где, вместо хлебных нив, стали появляться овечьи фермы в видах расширения шерстяного дела, и свободные крестьяне были согнаны с старых земель и сделались жертвами общего экономического подъема. Бывший несложный хозяйственный строй стал расслаиваться, дифференцироваться; контраст между богатым и бедным быстро увеличивался; обострялась классовая борьба, зашаталась старые взгляды и выплывали новые идеи. Казалось, что один из главных инициаторов Крестовых походов, давших сильный толчок тем силам, которые стали разлагать старый феодальный режим, посеяв ветер, пожнет бурю, и что папство будет жертвою того великого движения, которое им же было встречено с таким энтузиазмом и благословением.

Иннокентий III ясно различал своих врагов: богатевшая буржуазия, стремившаяся к освобождению себя от церковной опеки, обезземелившееся крестьянство и внецеховая городская мелкота, а в некоторых местах и попавшие в полную зависимость от скупнического капитала ремесленники — вот те, которые в разных направлениях выражали свое недовольство римской курией, обвиняя ее — одни в роскоши и тунеядстве, другие в лицемерном потворстве противникам богатства и в суровом обуздании мысли, слова и свободы. Недовольство вело к ереси — к отступлению от того, что церковью было объявлено вечным, истинным и неизменным. Корни ереси, по мнению церкви, лежали в стремлении освободиться от владычества Рима и

укрыться под сенью ветхого завета. Ведь благоговейная любовь к библии и ее перевод на простонародный язык нередко являлись исходными пунктами ереси¹⁾. Как не видеть в этом влияния иудаизма! И Иннокентий III, который запретил чтение библии мирянам, сумел в интересах борьбы с ересью использовать вражду мелких горожан к евреям и раздуть пламя социального антисемитизма в настоящий пожар. Задавшись целью искоренить ересь во всех ее видах и особенно тщательно присматривая к тому, что происходило на юге Франции, где на пороге XIII века альбигойская ересь делала огромные завоевания, Иннокентий III не мог не заметить, что в окрестностях Тулузы, духовного центра всего еретического альбигойского движения, развивала не без успеха свои действия особая секта обрезанных (circumcisi или passagi), близость которой к иудаизму была особенно велика. И Иннокентий включил в программу своей борьбы с ересью и борьбу с евреями.

Еще до созыва IV Латеранского собора, на котором папа Иннокентий развил во всю широту свой план действия и меры борьбы с развращавшим христианский мир злом, он указал французскому королю Филиппу II на необходимость применения и к евреям всех тех запретительных относительно ростовщичества мер, которые проповедуются христианской церковью. Он возмущается «еврейским нахальством», выражающимся в том, что с духовных и светских лиц евреи требуют уплаты процентов и тем разрушают благосостояние многих христиан. В этом обращении папы, сделанном им по собственному почину, чувствуется моральная поддержка тех новых слоев общества, которые проникнуты социальным антисемитизмом и ростовщической деятельностью евреев прикрывают свой классовый эгоизм и свое стремление к привилегированному положению. «Еврейское нахальство», по словам папы, выражается и в том, что в Сансе они построили синагогу, которая лучше старинной церкви, находящейся рядом; евреи в этой синагоге позволяют себе насмешки по адресу христиан и многое другое, чего простить никак нельзя. Такое поведение санских евреев побудило Иннокентия III обратиться к архиепископу Санса с напоминанием принять против евреев самые энергичные меры: необходимо указать королю и вельможам государства, чтобы они не позволяли евреям «быть нахальными» и держали их в рабском страхе; если у евреев имеется христианская прислуга, они немедленно должны отказаться от нее под страхом запрещения христианам иметь какие-либо сношения с евреями. Узнав несколько позже, что граф Невера благосклонен к евреям, папа Иннокентий отправил ему длинное послание, в котором перечисляет все его прегрешения и преступления. Графу Раймонду Тулузскому он вменяет в преступление пред христианской верой допущение евреев к занятию государственных должностей, и одним из условий примирения графа с римской курией и отпущения ему грехов было смещение евреев со всех государственных должностей.

В ответ на донесение архиепископа города Меца о происшедших в его епископстве тайных народных собраниях, где читается библия в переводе на народный язык и распеваются псалмы Давида, Иннокентий приказал произвести тем более строгое рассле-

¹⁾ Эта вражда церкви к библии сохранилась на долгое время, и цензурные скорпионы майнцского архиепископа Бертольда от 1486 г. особенно сурово порицали чтение библии, правда, в переводе на немецком языке. — См. K. Kaschuba, *Reformation und Gegenreformation*, 1922.

дование, что духовенство объясняло это явление, как и рост сектантства, еврейским влиянием и обвиняло сектантов в соблюдении правил еврейской религии, напр., субботы и обрезания. В виду этого заявления папа отправил послание королям, что евреи должны «как Каин, постоянно скитаться по земле и бедствовать; им не следует оказывать покровительства и все монархи Европы обязаны поработать их и держать обособленно в качестве бесправного и низшего сословия».

Кастильского короля папа резко упрекает за то, что он разрешил выдать еврею возмещение за отпуск на волю магометанки рабыни, заявившей о своей готовности принять христианство. В том же послании Иннокентий возмущается предоставлением евреям права приобретения земли, что приводит к «возвышению синагоги и ослаблению церкви». Особенное внимание, — говорит Иннокентий, — следует обратить на вопрос о церковной десятине: нельзя допустить никаких привилегий для евреев, тем более, что освобождение их земель от десятины наносит ущерб церкви; если же принадлежащая христианам земля будет покупаться евреями и освобождаться от десятины, то церкви придется совершенно нищенствовать и склониться окончательно перед синагогой. И в инструкции епископу города Оксера Иннокентий определенно требует решительных мер против евреев, которые, покупая земли и виноградники, отказываются платить десятину. Епископ обязан в таких случаях прибегать за помощью к светской власти, чтобы заставить евреев аккуратно платить церковную десятину. Отказ от платежа должен повлечь за собою запрещение христианам, под страхом отлучения от церкви, иметь сношения с виновными евреями. Во всех этих распоряжениях материальные интересы папства переплетаются с ненавистью к евреям, подрывающим и духовную, и материальную мощь католической церкви.

1209 год, когда папа Иннокентий двинул на юг Франции свою крестовую армию для искоренения альбигойской ереси, характеризуется еврейскими летописцами, как траурный год, в который погибло немало еврейских общин, о которых путешественник конца XII века Вениамин Тудельский восторженно отзывался, описывая их богатство и образованность и называя Нарбонну «светочем закона, отсюда распространяющегося по всей стране». При взятии этими «внутренними», созданными наспех по призыву Иннокентия III, крестоносцами города Безье, все жители его были перебиты; не были пощажены ни женщины, ни дети, ни старики. Говорят, что в одной лишь церкви св. Магдалины было убито 7.000 человек, искавших убежища в этой церкви¹⁾. Современники говорят о гибели в Безье 20 тыс. человек, при чем было убито до 200 евреев. В этот момент заседавший в Авиньоне местный синод принял ряд резких резолюций против еретиков и евреев, требуя, чтобы они вернули полученные ими процентные суммы, праздновали воскресенье и праздничные дни, не ели в христианский пост мяса, не пользовались услугами христиан и не занимали никаких должностей. В срочном порядке было потребовано от многих южно-французских владетелей, чтобы они немедленно дали клятву об удалении евреев со всех городских, общественных и государственных должностей. Вслед за Безье пострадали общины в Каркасоне, Нарбонне, Монпелье, Тулузе, Монтобани и т. д.

¹⁾ Г.-Ч. Ли, *История инквизиции в средние века*, 2 т., 1910—11.

Особенную жестокость по отношению к евреям проявила Алиса Монморанси, жена главы крестоносцев Симона Монфорского. Еврейский летописец передает, что Алиса, став во главе управления Тулузой, отдала приказ о насильственном крещении всех тулузских евреев, и когда, после подавления альбигойской ереси, был подписан мир с графом Тулузским, то среди условий мира были статьи о лишении евреев права занимать должности и о введении святой инквизиции для суда над явными и тайными еретиками, колдунами и иудействующими.

* * *

IV Латеранский собор 1215 г. систематизировал папскую политику в вопросе о еретиках, в частности и о евреях. Собору был придан особенно торжественный характер: на нем присутствовали представители императорской, королевской и великокняжеской власти и свыше 1.500 высших представителей церкви. Властный Иннокентий фактически диктовал этому собранию свою волю и не допускал никаких прений и колебаний: все принималось единогласно и в той форме, в какой предлагалось Иннокентием. 68-ой канон собора ввел особую одежду («каиново знамение») для евреев и сарацин, и папа мотивировал эту меру невозможностью допущения «ошибочных» встреч христиан с «проклятыми» людьми. Иннокентий указывал на то, что христиане иногда даже вступают в брак с евреями и в оправдание такого преступления ссылаются на невозможность отличить сразу еврея от христианина. Отныне для евреев устанавливается обязательная одежда для отличия их от «всех остальных людей», и светские власти везде и повсюду должны соблюдать 68-ой канон, если они не хотят навлечь на себя гнев наместника св. Петра. Принудительное повсеместное ношение специальной еврейской одежды было новшеством и не вошло сразу в жизнь, несмотря на огромный авторитет Иннокентия. Евреи южной Франции собрались на специальное совещание в Сен-Жиле и избрали депутацию, которая должна была в Риме ходатайствовать об отмене 68 канона; но ходатайство не имело успеха. Другой канон (67) этого собора указал на необходимость церквям взимать с евреев десятину и всякие другие поборы, идущие в пользу церкви в видах недопущения ущерба ее интересам. Кроме того, евреи должны платить поголовную подать церкви, и если еврей въезжает в дом, в котором раньше жил христианин, он должен возместить приходской церкви те убытки, которые она понесла от уменьшения количества прихожан. «Ибо нельзя ни в коем случае допустить, чтобы доходы духовенства страдали от евреев». Точно также должны быть приняты самые серьезные меры против еврейского ростовщичества. Повиновение евреям постановлениям собора должно быть обеспечено путем запрещения христианам вступать с ними в сношения, а также указанием светской власти оказывать духовенству всеместное в этом отношении содействие.

Помимо этого, Латеранский собор в более резко отточенной форме повторил все правоограничения, до него принятые предшествовавшими соборами, указав, что суду инквизиции подлежат крещеные евреи, а также некрещеные, которые обвиняются в стремлении вернуться в лоно иудаизма ушедших из него.

Резкий тон соответствовал новой теории о евреях, которую на соборе развивал столь энергичный папа. Синагога, заявил он, впала в преступление и охвачена завистью по отношению к церкви; необхо-

димость спасти души евреев очевидна, и церковь обязана и материально поддерживать крещеных евреев. Она не может допустить постройки новых синагог и разрешать евреям во время пасхи держать открытыми окна и двери; в дни пасхи евреи не могут ничем о себе напоминать. Сами евреи виноваты в том, что они находятся в вечном рабстве, так как они распяли того, кто своим земным существованием должен был искупить Израиля, как об этом предсказывали это же пророки. Из жалости короли разрешают им жить, и они являются их рабами, при чем Иннокентий избегает слова подданный, желая, видимо, сказать, что королям и князьям принадлежат евреи, как всякие рабы, и телом, и имуществом. У еврея собственно нет имущества: все принадлежит его господину, а потому в любой момент у еврея можно потребовать выдачи того, чем он «временно» владеет. Никакого грабежа не может быть по отношению к тому, кто ничего не имеет и лишь управляет имуществом того, кто время-от-времени требует возврата своих предметов.

В соответствии с таким взглядом христианского общества на евреев, установленным папою Иннокентием, Генрих Распе, провозглашенный в 1246 г. папской партией королем и названный «поповским королем» Германии, мог заложить евреев Вюрцбурга в 1247 г. за 2.300 серебряных марок у вюрцбургского епископа Германа, и только после смерти последнего евреи могли освободиться из своего «заложного» состояния. Во избежание придачи ростовщического характера этой сделке, получавшиеся евреями в период их заложничества доходы должны были считаться подарком, а не служить прибылью вюрцбургского епископа, предоставившего «поповскому королю» Распе «мертвые» 2.300 марок, а не живые, приносящие проценты. Точно также, несколько позже, Готфрид Гогенлоэ, в возмещение расходов в связи с битвой близ Франкфурта, получил в залог евреев города Роттенбурга до тех пор, пока он не взыщет 3.000 серебряных марок. Этому примеру последовал английский король Эдуард I, но в большем масштабе, так как в залог им были даны евреи не одного города, а всей Англии.

Таково было применение на практике взглядов Иннокентия III на «рабское» положение евреев, применение, принявшее со времени IV Латеранского собора очень широкие размеры. В лице самого знаменитого в средние века доминиканского схоластика Фомы Аквината рабство евреев со всеми вытекающими последствиями получило систематическое, философское и теоретическое оформление. Веротерпимость недопустима; однако, в интересах церкви показывать христианскому миру печальную судьбу Израиля. Евреи — рабы не только светской власти, но и церкви, а потому и последние принадлежат право распоряжаться еврейским имуществом, при чем неясно, как Фома Аквинат представлял себе право обеих властей распоряжаться имуществом одного и того же объекта. Кто из них обладал приоритетом и в какой пропорции каждая власть может грабить чужое имущество, — на эти вопросы мы не находим ответа: Фома лишь кратко упоминает о том, что евреям необходимо оставить как бы в собственность то, без чего они не могут жить, и это положение он распространяет на всех рабов вообще, ничуть не впадая, по его мнению, в противоречие с принципом: все, добываемое рабом, принадлежит его господину. Всякое сомнение насчет «морального» права введения новых способов извлечения из евреев денег должно быть устранено, так как добываемое евреями, разъясняет Фома герцогине Брабантской, есть продукт ростовщичества, и вопрос

может заключаться лишь в том, следует ли возвратить взятое у евреев тем, которых они грабили, или оно принадлежит светской и духовной власти.

Таким образом, великий схоластик дошел в своих рассуждениях до существования целых трех владельцев еврейского имущества: оно принадлежит и церкви, и государям, и дебиторам, — но не евреям. Эта выгодная «христианскому миру» теория была при том огромном авторитете, каким пользовался в глазах того же мира Фома Аквинат, разумеется, лишь моральной санкцией того кровавого и совершавшегося в грандиозных размерах грабежа, который является наиболее характерной чертой «совместной» жизни евреев и христиан, начиная с эпохи Крестовых походов.

Многоэтажность еврейских «господ», вытекавшая из своеобразной теории Аквината, вела к беспрестанным конфликтам между «господами». Так, в 1269 г. Реймский архиепископ жалуется на бургомистра Вермандуа, арестовавшего двух евреев в Реймсе на том основании, что евреи никогда не жили в Реймсе и могли в нем очутиться путем бегства из местности, где евреи находятся под властью короля, которому они и принадлежат. Архиепископ, наоборот, утверждал, что евреи его собственности, и что в Реймсе имеются два переулка, где евреи постоянно жили. Спор рассматривался в парижском парламенте и вызвал столь же сложные юридические, как и исторические прения.

Точно также во многих других случаях французские короли в процессе собирания королевства наталкивались на сопротивление баронов и разных сеньеров, отстаивавших свои права на доходную статью, какой являлось как во Франции, так и в других странах, еврейское население. Когда шампанский граф Теобальд дал городские привилегии Провенсу, Шатильону и Дормансу, он сохранил за собою евреев этих городов; наоборот, бургундский герцог даровал городу Дижону своих евреев и предоставил ему право «приобретать» и других евреев. Некоторые владетельные особы Франции во взаимных своих договорах, а также в королевских, давали торжественные обещания не только не переманивать к себе евреев, но и выдавать тех, которые будут искать убежища в их владениях от преследования договаривающейся стороны. Бегство евреев из той или иной области стало рассматриваться, как материальный ущерб, как потеря имущества или крепостного, — и евреи стали прикрепляться к городу и определяться, как настоящая собственность (*proprietas*). В видах гарантии, что евреи не будут оставлять пределов той или иной владетельной особы, с них взималась специальная залоговая сумма. Так, жители Манты должны были внести 520 фунтов, и в канцелярии короля имелся список всех его евреев, как-будто дело шло о государственном инвентаре, которым тем более следовало дорожить, что он ежегодно приносил по усмотрению короля то больший, то меньший доход. Если угроза изгнания или временного изгнания евреев представляла выгоду казне, то король не останавливался перед этой мерой, тем более, что временно изгнанные обязаны были навсегда оставить свое имущество в пользу короля, у которого на этой почве нередко происходили столкновения с должниками евреев. Короли требовали, чтобы должники точно платили по выданным евреям обязательствам, ныне перешедшим к казне, но дебиторы отказались платить, указывая на то, что евреям нередко долг уплачивался лишь частично и со всякими рассрочками, не говоря уже о том, что часто объявляемые

церковью или королями ликвидации еврейских долгов совершенно освобождали христиан от уплаты процентов — во всяком случае, а кое-когда и от уплаты капитала. Короли настаивали, однако, на своем и были неумолимы по отношению к должникам, которых они теперь считали королевскими, а не еврейскими. Мало того, убеждаясь, что насчет изгнанников обогащаются их соседи, короли уничтожали декрет об изгнании и не только разрешали евреям возвращаться, но и требовали их водворения на старое местожительство, отрицая за соседями право владения чужими евреями и претендуя на возвращение тех доходов, которые получались соседними владетельными особами от временного пребывания евреев в их владениях.

Разумеется, и тут дело не обходилось без резких столкновений между многочисленными собственниками «живого инвентаря»: церковь, король, города и гранды торговались, доказывали свои бесспорные права на евреев, — а последние играли роль даже не рабов, а чего-то еще ниже. Раб при отпущении на свободу пользовался ею уже навсегда, «выпущенный» из пределов какого-либо владения еврей мог быть вытребован обратно и снова продолжал служить орудием обогащения своего господина. Характерно, что нередко евреям давалась «привилегия» эксплуатировать во-всю христианское население, брать с него сильные, жестокие проценты и быть при этом уверенным в самой активной защите со стороны даровавшей привилегию власти: делалось это потому, что добытые таким путем средства непосредственно переливались из еврейских карманов в господские. Евреи в таких случаях, точно губки, высасывали из народа средства, а затем выжимались господами, которые в минуты народного возмущения, умывая руки, ссылались на еврейскую жадность. И тем превращали классовую борьбу в религиозную или национальную.

Яркой иллюстрацией перевода «народного гнева» с классовых рельсов на религиозные может служить следующая страница из истории евреев в России.

* * *

В 1772 г., по так называемому первому разделу Польши, к России отошла Белоруссия, самая худшая часть польского государства как в отношении природных достоинств почвы, так и в отношении обработки и ее устройства. Крестьянское хозяйство было в крайне неудовлетворительном состоянии: крестьяне повсюду нищенствовали, питались жолудями, дубовыми орехами, древесными листьями, корой, кореньями, травой: толкли их, примешивали к ним немного ржаной муки — такова была их пища. С каждым годом положение крестьян становилось хуже и они не в силах были платить налоги. Требовавшиеся помещиками с крестьян повинности были ужасны. П. Н. Жукович пишет по этому поводу: «Количество недельных дней барщины, именовавшейся в восточной Белоруссии «пригоном», реже — «панцирой», зависело в каждом отдельном имении от величины крестьянского участка тяглой земли. Но в разных имениях с одинакового участка земли отбывалось далеко не одно и то же количество дней барщины. Чаще всего с 1/2 волокна крестьяне отбывали барщины по два дня мужских и по два дня женских в неделю; но в некоторых имениях отбывали по три и даже по четыре тех и других дня в неделю. Но кроме известного количества еженедельных барщинных дней, крестьяне в каждом имении отбывали еще особые дополнитель-

ные рабочие дни, которые назывались «сгонами», реже — «гвалтами». Отбывание сгонов отличалось от отбывания пригона тем, что на них должны были являться поголовно все мужчины или женщины какого возраста и притом, когда нужно было — с рабочим скотом. Сгонные дни назначались во время весенней и осенней пахоты, вывозки навоза, уборки жатвы и сена... Кроме перечисленных общих осенних и весенних сгонов, или гвалтов, крестьяне и крестьянки отбывали еще много других сельскохозяйственных и иных работ: молотили небольшими группами по очереди господский хлеб, обычно по ночам (при чем очередь падала на крестьянина иногда два раза в неделю); по очереди же, по неделям, двое крестьян и одна крестьянка исполняли в помещичьем дворе мелкие хозяйственные работы, так называемую «сторожовщину» (дворовых людей в восточно-белорусским имениях было вообще весьма мало); по очереди же они держали караул при господском дворе (варта); возили дрова, чинили мосты, дороги и плотины, ловили рыбу, доставляли лед, делали крупу и т. п. Особенно тягостно для крестьян натуральной повинностью была «подорощина», т. е. обязанность отвозить господский хлеб не только на мельницы, но и на места его сбыта, даже весьма отдаленные, как, например, в Ригу. Крестьяне вносили и чинш с тяглых земель — как натурою, так и деньгами¹⁾.

Причина тяжелого положения крестьянства была очевидна, но могилевский генерал-губернатор Каховский, под влиянием польских помещиков, преследовавших свои классовые интересы, которые были близки и сердцу Каховского, указал, что в бедствиях крестьян повинны евреи. «Еврейны через установление высокой цены своим товарам, а низкой — крестьянским продуктам, берут необыкновенные проценты с крестьян, а с тех процентов новые проценты, что все достаточное и уделает жидам пропитание, одяние и дочерям их знатное приданое». Евреи обирают крестьян путем разведения корчевень, где они спаивают и опаивают крестьян. «Еврейны приводят крестьян и помещиков в крайнее разорение; можно сказать, что помещики были приказчиками, а крестьяне невольными работниками, а евреи — их господами. Они обыкновенно берут аренды, всеми корчмами, напитками и мельницами заведуют; в контрактах арендных тягчайших домогаются кондициев и платят большие деньги, с таким договором, чтобы крестьянин покупал у своего арендатора, что только он имеет продажное, как-то: соль, рыбу, косы, вино, деготь и иные вещи». Казалось бы, что власть арендатора-еврея, основанная на договоре с помещиком, есть проявление крепостничества того же помещика, ибо, говоря словами известного историка государственного права Польши, Кутшебы, «только пан может варить пиво, гнать водку, только он может содержать шинок, ни откуда больше нельзя доставать вино». «Пан» заставляет «хлопа» покупать известное количество водки или пива в случае свадьбы, крестин и т. д. «Паны» присваивают себе и «мельничное право», т. е. запрещают молоть хлеб помимо господской мельницы, а иногда хлоп даже обязывается только в панской усадьбе продавать то, что имеется у него на продажу, и покупать то, что ему нужно»²⁾. Эти панские права арендованы евреями на тяжких усло-

виях, как указывает сам Каховский, и, тем не менее, вся вина этих панских порядков приписывается евреям, а паны являются чуть ли не жертвой по характеристике Каховского.

Раз опаивание крестьян евреями является таким бичом для Белоруссии, то казалось бы, что переход продажи водки в казну был бы лучшим выходом из положения, и вновь присоединенная страна тем естественнее избавилась бы от этого бедствия, что продажа питей во всей России составляла тогда казенную монополию. Один момент, повидимому, Екатерина II думала пойти по этому пути, но ей пришлось отступить — разумеется, не в интересах евреев, а в интересах белорусского дворянства. Генерал-губернатор Чернышев поспешил успокоить дворянство, что «о вине сделано будет совсем другое, чем в прочих наших губерниях, учреждение». 13 сентября 1773 г. винокурение и продажа вина, пива и меда разрешены были в восточной Белоруссии всякому помещику, и евреи благодаря этому продолжали оставаться в роли арендаторов корчем, как это было до присоединения Белоруссии к России. Мало того, когда был поднят вопрос о лишении евреев быть арендаторами корчем и пивоварен, белорусские помещики подняли шум, так как увидели в таком запрещении ущерб для своих материальных интересов, и сенатский указ 1786 г. прямо говорил, что «запрещение помещиками отдавать в деревнях их винокурение и корчмы евреям на откуп не согласуется с императорским приказом от 3 мая 1783 г. и подлежит отмене. Таким образом, помещики в своих классовых интересах не только спаивали крестьян, но защищали необходимость еврейских корчмарей и шинкарей в качестве орудия помещичьего обогащения. За спиной еврея стоял польский и белорусский помещик, поддерживаемые русским правительством. А когда крестьянин, эксплуатируемый крепостником, истощенный от чрезмерного труда и отдававший корчмарю последнюю копейку, выражал время от времени свое негодование, его классовый враг указывал ему, что единственным его эксплуататором является арендатор-еврей, и классовая ненависть крестьянина, темного и малосознательного, принимала формы религиозно-национального возмущения. Классовое затемнение белорусского крестьянина шло потому же руслу, по какому шло затемнение в средние века французского, испанского, германского крестьянина. Как у нас, так и на Западе, евреи были орудием в руках классовых врагов трудящихся масс. Это орудие в обычное время приносило господствующим классам большую выгоду, возможную, между прочим, и при предоставлении евреям неограниченной свободы в деле эксплуатации трудящихся классов. Но когда последние в минуты взрыва недовольства искали виновников своих бедствий, — им не без ловкости подставляли «непосредственного» эксплуататора в лице еврея. Выгода для господствующего класса получалась огромная: страдал не он, а еврей; но главное, конечно, было не в этом. Классовое сознание стихийно поднимающихся людей направлялось в сторону «чужих» в религиозном, национальном и расовом отношении. Начинаясь разгром этих чужих элементов, а классовые враги взбунтовавшегося народа могли спокойно продолжать его эксплуатировать. Пресловутая губка, которую характеризует еврей в средние века, играя роль собственности территориального господина, нередко приводила к тому же, что происходило в Белоруссии: хотя еврей выжимал ради других народные соки, он являлся в минуты народного гнева единственно ответственным за тяжелое положение народа.

¹⁾ П. Жукович, Журн. Мин. Нар. Пров., январь—февраль 1915.

²⁾ Кутшеба, Очерк ист. общ.-госуд. строя Польши, 1908. — Кроме более или менее общеизвестных трудов, касающихся трактуемого вопроса, мы использовали и рукопись покойного Мих. Игн. Кулишера о евреях в царствование Екатерины II.

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ.

Не допускаемые в цехи и мелко-торговые организации, отесняемые в ссудной деятельности более сильными ростовщиками, какими являлись, как мы уже не раз говорили, ломбарды, окруженные ненавистью мещанских элементов и подвергаемые страшным нападкам, евреи все более и более теряли свое экономическое значение для стран Западной Европы и даже в качестве рабов казны перестали представлять собою какую-либо ценность. XIII век был эпохой сильного экономического подъема. Торговля Запада с Востоком делала огромные успехи, в Европу шли награбленные на Востоке богатства; цены на европейские сельско-хозяйственные продукты поднимались. Но евреи мало выгадывали от этого общего подъема, так как их расширявшиеся финансовые операции в конечном счете обогащали, главным образом, не их, а королевскую или княжескую кассу. Но «господа» уже мало дорожили и этим обогащением, истощавшимся с каждым годом и все более и более шедшим ко дну. При таком положении дел не трудно было предвидеть, что евреи, для одних потерявшие свое значение, а для других являющиеся конкурентами или врагами христианства, будут раньше или позже изгнаны из Западной Европы, как негодный хлам или как инвалидный раб, к тому еще вредный во многих отношениях.

В Англии, как мы уже упомянули, над кредитными операциями евреев существовал строгий королевский надзор и было учреждено специальное еврейское казначейство, где хранились всякие обязательства, с целью не только контроля, но и дохода для казны. В небольших еврейских поселениях устройство такого казначейства, повидимому, не имело практического значения и едва оправдывало расходы, и король Эдуард I в 1284 г. распорядился, чтобы евреи, постоянно или временно живущие в местах, где нет еврейского казначейства, были немедленно оттуда выселены и чтобы впредь им въезд в такие города был воспрещен. В то же время ряд городов получил привилегию не впускать в свои пределы евреев, ибо от них город не только не может извлечь никакой пользы, но и терпит всякий вред. Еще до 1284 г. Эдуард I в этом отношении пошел навстречу желанию своей матери и приказал переселить евреев со всем их добром из Мальборо, Глоучестера, Ворчестера и Кэмбриджа в Бристоль, Норвич, Герефорд и Девейзес. Евреи фактически отныне могли жить лишь в 20 городах, которые превратились как бы в черту еврейской оседлости. Между тем, взимание поборов с евреев становилось все труднее и труднее, потребовавших от них 6 000 марок для Крестового похода Эдуард никак не мог собрать, несмотря на рассрочку, и недостающие 2.000 марок ему пришлось получить от своего племянника Ричарда, которому он на год отдал все английское еврейство. Ричард посадил в тюрьму Тауэр несколько евреев за неаккуратное поступление денег; но это, повидимому, мало подвинуло взносы, и сыну Ричарда Эдмунду пришлось еще долго возиться со сбором злосчастных 2.000 марок. В связи с этим дважды были опечатаны во всей стране ящики еврейского казначейства, произведены были обширные обыски, и некоторые евреи вынуждены были продать свои дома, чтобы удовлетворить претензии короля. При таком безденежье евреев церковь, которой в это время особенно нужны были средства для борьбы с династией Гогенштау-

фенов, стала энергично ратовать за предоставление широких привилегий ломбардам. Связанные с итальянскими банкирами, имевшими постоянные дела с римской курией, ломбарды без особого риска авансировали ее известными суммами в счет папских доходов в Англии. Английское епископство взимало всяческие поборы, которые оно и отдавало ломбардам; монастыри платили им шерстью, и вскоре шерстяное дело в значительной степени сосредоточилось в руках ломбардов. Тем не менее, у ломбардов было достаточно свободных капиталов, и они усиленно занимались кредитными операциями.

На почве ростовщичества у ломбардов естественно должны были быть столкновения с евреями, которым законы страны почти ничем не позволяли заниматься. Так как ломбарды явились в Англию в качестве людей, пользующихся особым благоволением папы, и продолжали находиться в постоянных сношениях с духовенством, представляя по временам и королю денежные субсидии на разных условиях, то их агитация против конкурировавших с ними евреев не могла не иметь огромного влияния на духовенство и королевскую власть. В 1277 г. Эдуард приказал комиссарам следить за тем, чтобы евреи неукоснительно носили особый знак на своей одежде, не издевались над христианской верой и чтобы смертной казни подвергались те, которые, приняв христианство, снова возвращаются к «иудейской мерзости». Затем было отдано распоряжение, чтобы отличительный знак на одежде носили также и еврейки и чтобы были приняты особые меры строгости по отношению к евреям, у которых в услужении имеются христиане. Особенное внимание уделялось крещеным евреям, которым предоставлялись различные преимущества, а дом крещеных (*domus conversorum*), устроенный еще предшественником Эдуарда, был обильно обеспечен и снабжен всякого рода удобствами. Евреи должны были присутствовать на проповедях доминиканцев; не могли строить новых синагог, не иметь в городе больше одной, которая не должна была иметь никаких украшений и не превосходить своим видом местную церковь. Архиепископ кентерберийский в 1283 г. обратился к королеве с напоминанием, что ростовщичество — смертный грех, который распространяется на всех, имеющих какое-либо отношение к ростовщичеству, а потому и королева, покупая дома и поместья у разорившихся от еврейских ростовщических операций дворян, навлекает на себя божий гнев и обязана вернуть пострадавшим часть денег. «Если королева не откажется от предосудительных выгод, — говорил архиепископ, — она не освободится от смертного греха». И сам папа обратился с циркулярным письмом на имя всего английского духовенства, жалуясь, что оно недостаточно энергично борется с оскорбляющими христианскую веру преступниками, и требуя принятия самых суровых мер для немедленного искоренения охватившего Англию зла.

Характерно, что «зло» заключалось не в ростовщичестве евреев, а в частых встречах евреев с христианами, в переходе недавно крестившихся в старую веру и в допущении талмуда, который подлежал ожужению. В соответствии с папским циркуляром, собрался тотчас синод в Экстере. Синод подтвердил недопустимость евреев занимать общественные должности, их обязанность платить церковную десятину и в строгости соблюдать все то, что издавалось разными соборами в их отношении. О борьбе с тем злом, на которое особенно указывал папа, т.-е. с переходом в иудейство лиц, недавно вступивших в лоно христианства, синод в Экстере совершенно не говорил, и доминиканцы Англии повели решительную борьбу за введение

инквизиции, которая в виду недостаточной бдительности епископства одна лишь может успешно взяться за искоренение страшных бедствий, обрушившихся на Англию в течение почти всего XIII века.

Введение инквизиции в Англию было бы ударом одновременно по духовенству и по королевской власти: епископы сразу были бы поставлены в подозрение, а король имел бы пред собою соперника, получающего непосредственно указания из Рима. И материально от инквизиции пострадали бы епископы и король, так как содержание инквизиционного аппарата легло бы значительной тяжестью на народ, который от появления третьего эксплуататора волею-неволею не давал бы себя так щедро стричь в пользу своих двух уже узаконенных эксплуататоров. Как бороться с идеей учреждения в Англии инквизиции? Епископства король не мог взять себе в союзники, так как за несколько лет до синода в Экстере у него произошло столкновение с церковью, которой король запретил неограниченное приобретение земель. Этот союзник, таким образом, отпал, и Эдуард I решил смягчить гнев доминиканцев, францисканцев и римской курии усиленным преследованием евреев.

2 мая 1287 г. все английские евреи были арестованы; однако, за 12 тыс. фунтов они были выпущены на свободу, и, таким образом, их арест, кроме шантажа, по существу ничего не означал. Король, видимо, колебался и лишь 18 июля 1290 издал приказ о том, чтобы все евреи Англии покинули навсегда ее пределы, и чтобы ко дню всех святых (1 ноября) ни одного еврея не было в Англии. До отъезда никто не должен был их обижать, и им разрешалось взять из имущества лишь то, что они могли унести с собою; возврату, однако, подлежали все заложенные у них христианами вещи. Уехать евреям надлежало из пяти портовых городов; за переезд платили капитанам по требованию последних; однако, бедным полагалась большая уступка, и стоимость билета вообще не должна была быть препятствием к отъезду. Все дома конфискуются в пользу короля и все содержимое провинциальных еврейских казначейств должно быть доставлено в Вестминстер; христиане, державшие у себя в качестве залога еврейские вещи, должны их представить в королевскую кассу.

Количество изгнанников точно не установлено: если принять во внимание, что в 1280 г. поголовная еврейская подать была взыскана с 1179 человек, что ее платили лица обоего пола, имеющие от роду свыше 12 лет, и что при суровости тогдашних властей лишь очень небольшой части еврейского населения могло удасться скрыться от подати, то цифра изгнанников определится приблизительно в 3½ тыс. Ежегодный доход конфискованных домов был равен 130 фунтам, а стоимость долговых бумаг равнялась 9.100 фунтам. По долговым обязательствам, однако, деньги поступали очень туго, так что даже король Эдуард III амнистировал в 1326 г. запоздалых должников и отказался от «еврейских» денег. Большинство изгнанных отправилось в Испанию и Фландрию: ни север, ни юг Франции не впустили их¹⁾. Лишь очень немногие евреи крестились и остались в Англии в пресловутом доме для новообращенных. Одновременно были изгнаны евреи и из континентальных владений Англии; однако, там трудно было осуществить изгнание, и король Эдуард II несколько раз ука-

зал на необходимость применения закона своего отца к континентальным евреям, но без особого успеха: в средние века дальность расстояния ослабляла силу королевского авторитета.

* * *

В годы изгнания евреев из Англии царствовал во Франции Филипп IV Красивый. Этот король постоянно нуждался в деньгах для покрытия своих огромных расходов по продолжительной войне против Фландрии. Он наложил на свое королевство такие тяжелые подати, что одни из его подданных восстали, а другие были близки к этому. Он выпустил такую низкопробную монету, что получил прозвище фальшивомонетчика. Поток конфискаций в Лангедоке, где жертвами его стали еретики, начал уже иссякать, и Филипп искал новых выгодных финансовых операций. В качестве объектов, долженствовавших обогатить Филиппа Красивого, намечались евреи, ломбарды и тамплиеры (храмовники). Какую выгоду могут принести евреи, Филипп убедился в 1284 г., когда по случаю своей женитьбы на графине Шампани потребовал от шампанских евреев «подарка» в 25 тыс. фунтов за то, что они вместе со всей областью перешли по высокую руку французского короля. Этот дар побудил Филиппа объявить всех евреев Франции своим собственным добром, облагаемым по его усмотрению и им покровительствуемым. Однако, бароны, с своей стороны дорожившие евреями, не соглашались с королем, и на этой почве происходила продолжительная и упорная борьба, из которой Филипп вышел не совсем полным победителем. Тем не менее, еврейская регалия была серьезным источником его доходов: в 1296 г. она дала Филиппу почти 9.800 фунтов, а от 3 мая 1299 г. до 12 марта 1300 г. король получил даже свыше 20 тыс. фунтов. Он так дорожил евреями, что не позволил ни епископам, ни даже инквизиторам вмешиваться в еврейские дела, которые полностью должны были находиться в компетенции одного лишь короля¹⁾.

Знаменитый акт Эдуарда I об изгнании английских евреев серьезно обсуждался Филиппом: он закрыл изгнанникам двери своего королевства, не желая обострять отношений с Эдуардом и полагая, что английские евреи мало выгоды могут ему принести; но он был убежден, что по существу Эдуард совершил удачную и выгодную финансовую операцию, проведенную технически, по мнению Филиппа, совершенно неудовлетворительно, и он заранее вкушал те выгоды, которые он для себя извлечет при безукоризненно проведенной аналогичной финансовой операции. Двум королевским комиссарам дано было королем устное поручение арестовать 22 июля 1306 г. всех французских евреев и одновременно опечатать все их имущество. На руки было выдано комиссарам письменное распоряжение на имя всей королевской администрации оказывать всяческое содействие обоим комиссарам при исполнении ими возложенного на них задания. Входило ли с самого начала в намерение короля изгнание евреев, сказать трудно; но нет сомнения, что конфискация всего наличия благородных металлов у евреев очень улыбалась королю. Недостаток золота и серебра очень тяжело переносился Филиппом. Его фальшивые монеты заставляли полноценную монету уходить за границу, несмотря на драконовские меры против вывоза золота и серебра.

1) Pollock—Maitland, the history of english laws before the time of Edward I, 1895; Эшли, Эконом. история Англии, 1897; Goldschmidt, Geschichte der Juden in England, 1886; I. Jacobs, the jews of Angevin England, 1893. Gross, the exchequer of the jews of England, 1987; Abrahams the expulsion of the jews from England, 1895.

1) De Boisi, Disser tations pour serdir à l'histoire de, Juifs, 1785 Vitry, Etudes sur le régime financier de la France, 1895, Grss, Gallia Iudaica, 1897.

Приказ 23 августа 1302 г. о том, чтобы все чиновники выдали свое золото и серебро в монетный двор, как и требование выдачи всеми остальными гражданами половины своего серебряного и золотого наличия мало помогли делу, и король никак не мог восстановить доверия к своим фальшивым монетам, а потому искал всячески средства, откуда можно было получить столь нужные ему драгоценности. Отнять насильственно у евреев их имущество — значило итти полинии наименьшего сопротивления, потому что евреи вследствие враждебности к ним мещанства, исключившего их из цехов и других организаций, а также духовенства, ведшего против них многовековую агитацию, не могли рассчитывать ни на чью помощь и были бессильны бороться против тиранического и грабительского шага Филиппа Красивого.

Нападение на храмовников, совершенное королем через год после изгнания евреев, свидетельствовало о том, что найденное у последних количество драгоценных металлов не удовлетворило нужд короля. Впрочем, Филипп IV не столько ошибся в расчете, сколько обманулся в тех чиновниках, которые должны были реализовать конфискованное у евреев богатство. Дома, огороды, виноградники и поля подлежали продаже, а по долговым обязательствам предстояло взыскать в пользу казны все до копейки. Пребывание евреев в стране затруднило бы полную ликвидацию их имущества, и евреи получили приказ в течение месяца покинуть пределы королевства, при чем им разрешено было взять с собою то платье, что было на них, и еще по 12 су на каждую душу. Для придачи акту 1306 г. богоугодного характера было объявлено, что кредиторы должны вернуть королю лишь основную сумму, взятую у евреев, от уплаты процентов они освобождаются. Однако, так как в долговых расписках не указаны были проценты, а лишь общая сумма долга, то расписки были признаны незаконными, как совершившие обход запрещения ростовщичества, и каждый отдельный дебитор должен был устанавливать перед королевскими комиссарами полученную им в свое время сумму без начисления процентов. Такой расчет страшно затянул «финансовую операцию» короля, а взяточничество и продажность комиссаров приводили к тому, что от меры Филиппа IV выиграли гораздо больше дебиторы, чем казна. Король увидел себя обманутым и решил, что наиболее верными взыскателями казенных денег будут сами евреи, которые хорошо знают своих должников, и позволял изгнанникам вернуться во Францию на потребное для расследования долговых обязательств время. Так как евреи по изгнании поселились у границ тогдашней Франции в Бургундии, Франш-Конте, Лотарингии и т. д., обращение к ним короля было ими встречено сочувственно, и многие из них снова очутились во владениях Филиппа IV.

Разумеется, не в интересах евреев было заботиться о наполнении пустой королевской кассы, и они сговаривались со своими должниками, получали от них некоторую часть долга и заявляли комиссарам, что значившиеся по бумагам должники еще до акта 1306 г. полностью уплатили долги и что только по недоразумению они числятся дебиторами. Так Филипп был вторично обманут и в сердцах издал в 1311 г. еще один указ об изгнании евреев из Франции. В то же время были отозваны в Париж все комиссары, а дело инкассирования еврейского добра не подвинулось ни на шаг вперед. Через год Филипп снова приглашает евреев помочь ему найти тех, которые скрыли от него «казенные» деньги. Но приглашение носило своеобразный характер: в каждый административный округ допускались три еврея,

и тот, кто найдет какую-либо сумму, должен был получить в свою пользу одну треть.

Так, грабитель, в видах овладения грабежом, готов был поделиться частью его и с евреем.

Оказав эту услугу королю, все три еврея должны были покинуть страну, а на их место должна была притти новая тройка. Этот план короля показал, что ушедшее в подполье еврейское богатство унесло с собою и разум Филиппа Красивого. А страна, забыв даже о еврейских ростовщиках, возмущалась казнокрадами и безумными мерами короля. Современник этих событий Жефруа, одобряя антиеврейскую политику Филиппа IV, спешит, однако, прибавить, что все выгоды от такой политики достались вовсе не королю:

Or et argent dont maint bailli
De ceste prise est il sailli
Plus ont que le roi receu

(Из этого мероприятия вышло золото и серебро, но многие чиновники получили больше, чем король). Но вот опыт с евреями сделан, — говорит Жефруа, а в результате оказалось, что евреи были по сравнению с христианами слишком мало требовательны:

Car Jeifs furent debonneres
Trop plus en fesant felz offeres
Que ne sont ore crestien

(Ибо евреи были, совершая подобные дела, слишком не требовательны, как в настоящее время христиане). И ведь не следует забывать, что страна обеднела с уходом евреев: если бы они продолжали нас жить, то

Crestien mainte grande aidance
Eussent en que il n'ont pas

(христиане имели бы гораздо больше богатства, чем они его имеют теперь).

Жефруа, житель Парижа, говорил от имени интересов крупного торгового капитала, не боявшегося еврейской конкуренции; но того же мнения были и крупные землевладельцы, и когда Филипп IV к самому концу своего царствования столкнулся с большой оппозицией правящих классов, то среди упреков по его адресу слышался ропот и по поводу его еврейской политики, так что его сын, Людовик X, в ординансе от 28 июля 1315 г. в жестком тоне указывал, что страна желает возвращения евреев и что он удовлетворяет это желание после того, как большой совет, а также прелаты и бароны одобрили это решение. Декрет об изгнании евреев, по его словам, был издан его отцом лишь под влиянием дурных советников; сам Филипп этого никогда бы не сделал. Теперь евреи могут возвратиться на 12 лет, и если король снова вздумает их изгнать, то предоставит им срок в целый год для приведения дел в порядок.

Обедневшие и ограбленные евреи стали возвращаться: земли, на которых они сидели в течение многих веков, были для них теперь окончательно потеряны; из движимого имущества им было обещано вернуть, при известных условиях, всего лишь одну треть. Но так как цехи и мелкие торговцы не впускали их в свои организации, то фактически французские евреи (в пределах не нынешней Франции, а тогдашней) экономически нормально существовать уже не могли и должны были опускаться все ниже и ниже.

Но агитация духовенства против них не ослабла и теперь. Соборы требовали обязательного отличия еврейской одежды и систе-

матического сожжения талмуда, а когда король вздумал отправиться в Крестовый поход для освобождения Святой земли из рук неверных, в стране стали распространяться тревожные слухи об отравлении колдовцев, о появлении большого количества демонов с ядом, об убийствах, жертвами которых являются наиболее выдающиеся лица. Смерть 46-летнего Филиппа Красивого и безвременная кончина его сына Людовика X, процарствовавшего всего два года и умершего 28 лет, приписывались близким ко двору людям, которые отравили их смертоносным ядом: потребовалось специальное расследование обстановки смерти обоих королей, а также заявление короля Филиппа V о том, что его отец и брат не погибли от яда, а умерли естественной смертью.

Слухи о людях, вооруженных «несущим с собою смерть ядом», распространялись в Европе еще в XIII веке: так, папа Урбан IV 28 июля 1264 г. предупреждал провансальского графа против «50 сортов яда», которыми враги намерены его отравить. Папа Иоанн XXII подозревал кагорского епископа Гюга Жеро в намерении его отравить заколдованным ядом: в июле 1317 г. епископ был сожжен в Авиньоне. Против миланского виконта Матео Висконти, заподозренного в намерении отравить путем особого яда Данте, велось в 1320 г. строгое следствие. Через год во Франции страх отравления принял страшные размеры, и везде стали говорить, что прокаженные массами отравляют колдовцы: под страшной пыткой некоторые прокаженные показали, что они отравили хлеб, вино и воду для того, чтобы «погибли те, которые не похожи на них», что существует между прокаженными тайный заговор с целью захвата всех государств и дележа богатств всего мира, и что роли короля Франции, графа Валуа, архиепископов и епископов уже распределены между прокаженными. Затем они под пытками показали, что их главными советниками в этом страшном заговоре являются богатые евреи, снабжавшие их ядом — смесью крови, мочи и травы, с прибавлением растолоченных гостий. Эти мнимые показания тотчас облеклись в следующую форму: мусульманские короли решили погубить христианский мир и через посредство евреев избрали орудием этого ужасного злодеяния прокаженных, живущих в разных христианских странах. Вскоре слух принял характер «достоверных фактов»: в канцелярии короля имеются два письма от королей Гранады и Туниса к еврею Самсону; письма написаны по-французски и представляют собою ловкий обман, действительный смысл которого, понятный Самсону, сводится к тому, что евреям посылаются деньги и яд для передачи их прокаженным «для известного дела».

Филипп V издал специальный ордонанс о прокаженных, приписывал короне заслугу раскрытия страшного заговора и требовал самых суровых кар для виновников и пособников этого дела: сжигать тех, которые будут сознаваться, а других подвергать пыткам, а потом либо сжигать, либо держать пожизненно в тюрьме. Ордонанс Филиппа V послужил сигналом к страшным жестокостям, массовым избиениям и сожжениям людей, имущество которых переходило как к казне, так и к тем, которые как раз в это время готовились отправиться, по инициативе того же Филиппа, в Крестовый поход.

Парижский летописец говорит, что в один день в Лангедоке было сожжено не менее 600 человек; в Париже жгли тех, которых «считали виновными». Так как евреи были в их числе, то они и стали жертвами народного суеверия и невежества, подогретых религиозным фанатизмом во время неудачной попытки предпринять новый крестовый поход. В Шиноне были брошены в глубокую яму 160 евреев, а затем

был разведен большой огонь и все 160 человек в нем погибли. Не все погибшие были из Шинона; из многих местностей Франции крестоносцы согнали евреев для всесожжения. Менее жестокие события, но достаточно кровавые имели место в Париже, Орлеане, Туре, Бурже, Сен-Кантене, Компьене, Перигоре и Шато-Тьерри. Здесь больше гнались за имуществом, чем за жизнью евреев. Совсем иной характер и размер приняли события, связанные с прокаженными, в южной Франции, где собственно и был первоначально пущен слух о связи евреев с прокаженными.

Здесь банда крестьян, руководимая двумя монахами и возбужденная слухами о попытке прокаженных в сотрудничестве с евреями отравить христианский мир, готовый отправиться в далекую Св. землю для спасения гроба господня, стала производить в провинции Пуату, а также и в некоторых других местах всякого рода бесчинства над евреями. Собравшись возле Ажана и, идя вдоль реки Гаронны, они нападали на еврейские общины и направлялись к Тулузе, где решили уничтожить поголовно всю общину. Однако, Тулузский губернатор арестовал вожаков. Ночью монахам удалось освободить заключенных, и началось ужасное избиение: спаслись от смерти лишь те, которые приняли католичество. За короткое время (несколько месяцев в 1320—21 г.г.) в южной Франции было уничтожено свыше 100 общин. Разгром еврейский настолько опоил жаждой грабежа его виновников, что «крестоносцы на словах» перестали щадить и христиан, и папа Иоанн XXII ниспослал анафему на голову грабителей. Однако, анафема не возымела никакого действия, и грабители перешли даже через границы Франции и стали нападать на евреев Испании. В Туделе и Наваре произошло почти поголовное избиение живших там евреев; затем пришла очередь за еврейской общиной в Лериде. Но арагонский король принял энергичные меры против убийц: около 2.000 были казнены, а остальные бежали из Испании. Грабителям и убийцам 1321 г. обычно дают название пастухов (pastoureaux; еврейские источники их называют гоим) в воспоминание о тех пастухах, которые в 1251 г. немало взволновали северную Францию.

Пастушеское движение в пасхальные дни 1251 г. началось в связи с неудачами короля Людовика IX святого во время 7-го Крестового похода в Египет. В деревнях северной Франции обезземеленные крестьяне в сравнительно большом количестве готовы были идти на помощь попавшему в плен «святому» королю после его серьезного поражения при Мансура. Толпы крестьян собирались в разных местах; вскоре появился у них руководитель в лице старца «венгерского господина», которому святая дева поручила завоевать Иерусалим. Увеличиваясь по пути к Парижу разным сбродом, толпа подошла к столице Франции в ярко враждебном настроении по отношению к духовенству, организовавшему Крестовый поход и бросившему в тяжелую минуту крестоносцев с их любимым королем на произвол судьбы. Так как духовенство не пользовалось симпатиями горожан, то пастухов кое-где в городах встречали радушно, а духовенство подвергалось разного рода издевательствам. В Париже, Руане, Орлеане и Туре были разгромлены церкви; особенный гнев пастухов навлекли на себя францисканцы и доминиканцы. Все духовенство всполошилось, обратилось за помощью к королеве и обвинило пастухов в том, что они действуют по наущению дьявола, мусульман и евреев. В ответ на это пастухи, желавшие показать, что они не находятся ни в каких тайных сношениях с евреями, стали нападать на них и разгромили еврейские общины в целом ряде городов, показывая тем самым.

что они настоящие христиане и отнюдь не действуют под влиянием евреев и мусульман. Нападение на евреев не вызвало со стороны властей их защиты. Так как и противники пастухов выдвинули лозунг — бить евреев, то последние оказались как бы меж двух огней, и ряд еврейских общин на севере Франции сильно пострадал. Но и пастухов стали, под руководством духовенства, преследовать; многие из них были убиты и повешены. Матье из Парижа потом констатировал, что среди вещей повешенных в Гаскони пастухов найдены были подозрительные «ядовитые порошки» и письма от «магометан» Судана: такие глубокие корни пустило суеверие даже среди образованных людей того времени!

После пережитых в 1321 г. несчастий евреи в следующем году обратились к французскому королю с ходатайством о выселении их из негостеприимной страны. На это добровольное изгнание король Карл IV, наследовавший в 1321 г. своему брату Филиппу V, ответил рядом тяжелых условий: залоговые вещи должны быть немедленно проданы, долговые обязательства немедленно ликвидированы и к рождеству 1322 г. должно быть внесено 150 тыс. фунтов. Евреи приняли условия и покинули на долгое время французское королевство, еще не объединенное, а потому в Провансе, Руссильоне, Сердани, Франш-Конте, Савойе, Дофинэ они продолжали еще жить, ибо сравнительно мелкие и бедные графы этих местностей не могли себе позволить такой роскоши, как потерю доходной статьи еврейской регалии, этой своеобразной казенной живой монополии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЕВРЕИ ГЕРМАНИИ В ГОДИНУ ЧЕРНОЙ СМЕРТИ.

История евреев в Германии, разбитой на множество мелких княжеств и самостоятельных городов, ярко свидетельствует о том, как трудно было этим карликовым государствам итти на такую решительную меру, на какую пошли Англия и Франция. Как ни ничтожна была та или иная «самостоятельная» единица, она претендовала на еврейскую регалию и не желала ее уступать императору. И, разумеется, чем сильнее был монарх, тем больше евреев прибирал он к рукам и тем меньше их оставлял он во власти отдельных владельцев господ. Всякое избрание императора сопровождалось дарением евреев членам избирательной курфюрстской коллегии или сдачей евреев в аренду или свободное пользование на тот или иной срок. Кандидаты на императорскую корону часто ставили ставку на евреев, и кто из кандидатов был щедрее за их счет, тот скорее мог рассчитывать на голоса архиепископов и князей, заседавших в курфюрстской коллегии.

Такой торг вполне соответствовал принятому светской и духовной властью взгляду на евреев, как на рабов, как на принадлежность казны.

Но рабы эти были своеобразны: крепостной человек становился свободным, раз он прожил в городе определенный срок, согласно правилу, что городской воздух делает человека свободным; к еврею этот принцип не применялся, ибо он не был частной собственностью, как крепостной, а публичной собственностью, т.-е. принадлежал королю или тем, которые считали себя приблизительно равными королю. Еврея невозможно было также освободить, как нельзя сделать неодушевленный предмет одушевленным. Аппетиты немецких князей были

не так велики, как французских и английских королей, и немецкие евреи не подвергались таким приемам, как поголовное заключение в тюрьму всего еврейского населения с целью получить подобающий выкуп. Здесь пред нами в течение всего 13-го века протекает «провинциальная» жизнь: мелкие требования, мелкие взносы, избиения лишь десятками, грабежи в масштабе не государственной финансовой операции, а обычного воровства со взломом и среди бела дня. С другой стороны, князья не рискуют итти на крайние меры: изгнание евреев может отразиться на бюджете всей «независимой» страны и трудно будет найти новый источник дохода. Так как Германия в значительной своей части была более отсталой в экономическом отношении страной, чем другие западные государства, то евреи в ней дольше выполняли полезную и необходимую торговую деятельность: они не так сильно еще сталкивались со сложившимся христианским ремесленным и мелкоторговым классом. Социальный антисемитизм в Германии стал принимать серьезный характер позже, чем в более развитых экономических странах Западной Европы.

Но, разумеется, слабая для развития социального антисемитизма в Германии почва не останавливала церковь от агитации человеконенавистнических чувств и от сеяния грозных семян религиозного фанатизма и суеверного изуверства. На синоде в Вене в 1267 г. папский кардинал-легат Гвидо, цистерцианский монах, горько жаловался на то, что евреи грязнят чистоту христианской веры, напоминая о необходимости и в Германии соблюдать все постановления соборов, заставлять евреев возмещать случайное уменьшение доходов той или иной приходской церкви, носить консусообразную шляпу, не допускать их в бани, столовые, танцевальные помещения и вообще встречаться с христианами. Нельзя покупать у евреев мяса и других предметов питания для того, чтобы «эти враги христиан не отравили их самым коварным образом»; во всех церквях должны читаться все постановления синодов. Так с высоты амвонов внушалась верующим мысль о стремлении евреев отравлять христиан, — и как можно после этого удивляться тем ужасам, к каким стали прибегать в годину Черной смерти темные народные массы, среди которых смерть начала косить десятки и сотни тысяч людей?

Возмущаясь тем, что евреи обращают христиан в иудейство и совершают над ними обряд обрезания, папский легат Гвидо делал из этого вывод о том, что евреев нельзя допускать к больным не-евреям и что следует самым строгим образом избегать врача-еврея, ибо все евреи замышляют либо убийство христиан, либо его обрезание даже путем насилия над больным и умирающим. Во время пасхальной недели евреи не должны попадаться в глаза, а при прохождении религиозной процессии все окна и двери еврейских домов должны быть крепко заколочены, ибо «убийцы Христа» всегда готовы издеваться над «телом спасителя». Еврейский квартал должен быть стеной или рвом отделен от остальной части города и ни один еврей не должен ночевать за пределами своего квартала (гетто).

Такие речи авторитетных представителей церкви и подобные постановления соборов не могли не приводить к взрывам религиозного негодования против евреев, обвиняемых то в употреблении христианской крови, то в издевательствах над гостями, то в простых убийствах незащитных христиан. Так, в 1283 г. в окрестностях Майнца распространился слух, что евреи купили мальчика и потом его зарезали, — и в Майнце начался еврейский погром. Через два года подобный слух разнесся в Мюнхене, и местные евреи были преданы

огню. В Обервезеле в 1287 г. возникло обвинение в употреблении евреями христианской крови; жертвами слуха стали не только обервезельские евреи, но и евреи целого ряда других городов. Через несколько лет часть Швейцарии и Австрии была охвачена погромным настроением в связи с убийством мальчика в Берне и издевательствами над гостями в Лаа (Австрия).

Особенно ужасен был для евреев 1298 год, когда распространился слух, что евреи осквернили гостию в маленьком городке Реттингене. Вся община погибла, и нашелся в лице цехового мастера Риндфлейша мститель за оскорбленную религию. Из города в город шел Риндфлейш, везде возбуждал народ против осквернителей Реттингена и требовал поголовного избиения евреев. Общины Ротенбурга, Нюрнберга и Вюрцбурга были почти полностью уничтожены; лишь переход в католичество мог спасти некоторых несчастных. Когда банды, руководимые Риндфлейшом, подошли к Регенсбургу, городские власти постановили не выдавать евреев на смерть без суда. «Если богу угодно их умертвить, — заявили они, — мы, разумеется, сопротивляться не будем; но мы не уверены, что божья воля требует поголовного истребления евреев Ренегсбурга». И евреи этой большой общины избегли, как выражается летописец, огня. Из Франконии и Баварии волна погромов и убийств перебросилась в Австрию, и в течение шести месяцев около 120 еврейских общин были истреблены. Среди них были такие крупные, как Нюрнберг и Вюрцбург. И в то время, когда везде шли погромы и у всех на устах были разговоры об осквернении святыни, папа Климент V, говоря в Авиньоне в своих выступлениях, между прочим, и о германских евреях, подчеркивал необходимость помочь их должникам и объявлял, что уплата процентов евреям недопустима, а папа Иоанн XXII требовал, чтобы отныне евреи были подведомственны духовным, а не светским судам. Епископы стали в виду этого под угрозой анафемы заставлять светские суды передавать в руки духовенства евреев, занимавшихся в Германии в небольших размерах также и ссудными операциями. Так религиозный фанатизм, свивший себе давно в Германии прочное гнездо, подогрелся социальным по инициативе самого папы.

Понятно, что вмешательство римской курии лишь раздувало пламя пожара, и погромы стали обычным явлением в Германии в 20—30 г.г. XIV века. Однако, разорение евреев не могло не отразиться на положении городов и многочисленных владельцев живого инвентаря: император Людовик IV Баварский и городские советы торговых центров начали брать под защиту евреев и путем преследования громил положили конец их деятельности. Наступившее спокойствие было, однако, непродолжительным: в Германии в XIV веке созрел и складывался ремесленный класс, который и боялся, и ненавидел представителей торгового класса, и борьба между патрициатом и ремесленно-лавочным классом здесь так же разгоралась, как и в более развитых государствах. Борьба везде шла за власть, за господство, и в глазах ремесленного мещанства еврей был союзником патрициев ибо еврей, подобно им, был заинтересован в свободе торговли и мог лишь отрицательно относиться к тому ремеслу, которое ставило жесткие преграды принципу свободных экономических отношений. У еврея тем меньше могло быть сочувствия к ремесленникам, чем строже последние стояли за «чистоту» цеховых организаций и беспощаднее вытесняли из них всякого еврея. Правда, лишившись возможности заниматься мелкой торговлей и ремеслом, еврей своею ссудною деятельностью шел очень часто навстречу денеж-

ным нуждам ремесленников и лавочников, но эта ссудная деятельность никак не могла его сблизить с городской мелкотой. Наоборот, последняя считала его именно за ссудную деятельность представителем капиталистического, патрицианского класса, имеющим деньги и потому могущим давать их под проценты бедному и ничему не имеющему классу городской мелкоты. И классовая борьба между богатыми купцами и бедными ремесленниками, среди которых в лице мастеров далеко не все были бедны, густо окрасилась в еврейскую кровь, когда на Европу надвинулась в 1348—49 г. Черная смерть, виновниками которой религиозный фанатизм и темное невежество объявили евреев, отправлявших будто бы колодцы и разбрасывавших разные сорта ядов по всему христианскому миру.

В середине XIV в. атмосфера во многих местах юго-западной Германии была страшно накалена. Ремесленники, составлявшие значительную часть городского населения, в сильных выражениях критиковали большинство городских советов и вели зачастую решительную борьбу против них, так как городские советы все еще почти везде вербовались как из знати, обладавшей городской землей и принимавшей деятельное участие в торговых предприятиях, так и из крупного купечества, богатевшего благодаря скупке товаров и спекуляции ими, а также в силу образования больших торговых обществ, проникнутых духом монополии и убивавших мелкого торговца и предпринимателя. Этим патрицианским советам бросали в лицо упрек, что они бесчестно ведут городское хозяйство, творят кривую расправу, наживаются на счет бедняков и презирают всех неимущих. Указывалось также, что они ткачей и горняков поставили в зависимость от капитала и низвели их на степень пролетариев, никаких самостоятельных средств не имеющих; особенно часто нападали на патрициев за их налоговую политику, сводившуюся к тому, что главная тяжесть налогов падала на бедняков, а не на состоятельных людей. Такие города, как Аугсбург, Нюрнберг, Базель и Шпейер, ввели своеобразный прогрессивный налог: чем налогоплательщик был беднее, тем выше он облагался и тем ниже падал он под тяжестью налогового бремени.

Между тем, жизнь в XIV веке была трудна: Крестовые походы, вызвавшие некогда большой экономический подъем, закончились крахом; безнаказанно грабить, под видом торговли, больше нельзя было, и дальнейшая торговля с Востоком должна была протекать при неблагоприятном, пассивном для Запада балансе, и замечалась некоторая депрессия, сопровождавшаяся в XIV веке во многих местах экономическим кризисом, первыми жертвами которого делались мелкие городские элементы. Рыцарство, оставшееся после Крестовых походов без грабежей и без средств, начало терроризировать местное население и грабить купцов. Последним приходилось защищаться от разбойников с большой дороги, строить городские укрепления и охранять торговые пути, а это было связано с большими расходами, покрывать которые в последнем счете должны были ремесленники и все те, которые не могли благодаря отсутствию у них избирательных прав влиять на городское хозяйство с его уродливой налоговой системой. Рост территориальных князей ставил город также перед необходимостью увеличения средств либо для борьбы с князьями, либо для покупки у них дальнейшего права на самостоятельную жизнь. Разумеется, новые налоги вызывали у городской мелкоты тем большее недовольство, что ее экономическое положение и без того ухудшалось и сведение концов с концами многим ремесленникам стано-

вилось все труднее и труднее. К увеличившимся городским и государственным налогам следует еще прибавить и новые церковные поборы. И для римской курии крах Крестовых предприятий означал прекращение притока денежных средств, и уже с начала XIV века Рим замышляет новую финансовую политику. Реализацию и организацию ее взял на себя папа Иоанн XXII (1316—1334 г.г.).

В необыкновенно четких и определенных словах этот папа провозгласил принцип папского полновластия (*plenitudo potestatis*) во всех внутренних делах западной церкви; исходя из этого принципа, Иоанн превратил епископов в чиновников, на которых возложил тяжкие финансовые обязанности. Они должны были содержать курию, потребности которой как раз при Иоанне XXII были невероятно разнообразны и велики. В руках папы епископы превратились в насос для выкачивания денег из верующей паствы, и Иоанн тем легче мог распоряжаться этим насосом, что отныне он назначал своих кандидатов на вакантные епископские места, и церковь совершенно потеряла свою независимость. Не говоря уже о том, что Иоанн XXII присвоил себе право предоставления кому угодно коллегиальных бенефиций и назначения на высшие должности, он придумал и новый порядок назначения: вместо того, чтобы назначить на освободившиеся епископские кафедры по заслугам, он установил порядок передвижения с худшей епископской кафедры на лучшую, а затем на архиепископскую, так что каждая вакансия вызывала целый ряд передвижений и можно было брать деньги с каждого назначенного, так как отныне назначение оплачивалось, и даже очень крупно, как то было всенародно объявлено самим папою. Порицая, не без основания, совместительство нескольких бенефиций в руках одного человека, конституция *Execrabilis*, изданная Иоанном XXII 19 ноября 1317 г., делает практический вывод о необходимости массового смещения бенефициариев и о предоставлении новых назначений папе, руководящему при этом лишь собственными соображениями, не считаясь ни с чьим мнением, согласно принципу папского полновластия. Отсюда появление разных авантюристов в качестве бенефициариев, часто иностранцев, не живущих на одном месте и даже не знающих языка тех, о духовных интересах которых им надлежит пешисть.

Курия становится очагом делечества, спекуляции, предсудительных сделок, взяток и подкупов; отныне все в курии продается и все в курии покупается. Но и этого было мало жадному и скупому Иоанну XXII, и он вводит систематически аннаты и всякие иные поборы, ставившие тяжелые задания духовенству, которое в целях удовлетворения невероятных папских аппетитов, тем более грабит население, что и у самого духовенства губа не дура и рыльце в пуху. Иоанн, в своей мелочности, установил даже систему «такс исповеди», которая предлагала за определенные цены отпущение за все виды человеческого падения, начиная с 5 грошей за убийство и кровосмешение и до 33 грошей за посвящение в духовный сан раньше достижения законного возраста. Папа вел на собираемые им деньги бесконечные войны против миланских владык. В этих войнах, по выражению одного современника, было пролито столько крови, что ею можно было бы окрасить воды Констанцкого озера, а из трупов построить мост с одного берега на другой. Тем не менее, после смерти Иоанна XXII в его казначействе осталось 18 милл. флоринов золота, а одежды и драгоценностей также на очень значительную сумму, приблизительно на 7 миллионов.

Этот грабеж курии не вызывал особенных протестов со стороны епископов и аббатов, так как последние усиленно собирали с паствы всякие поборы и с лихвой себя вознаграждали за делаемый на них нажим со стороны курии. Церковь надеялась, что светская власть встанет в защиту угнетаемых курией епископов, и тогда объединенными усилиями прелатов и князей восстановлена будет старая независимость епископской церкви. Однако, расчет на светскую власть оказался неправильным: Иоанн XXII наперед парализовал будущего союзника светской власти — епископов тем, что делился со светскими представителями частью своего награбленного имущества и, таким образом, сама власть оказалась заинтересованной в новой политике, связанной с именем Иоанна и продолженной его преемниками. Но, если церковь и светская власть успокоились и не выразили своего недовольства финансовыми методами наместников апостола Петра, то широкие народные массы возмущались и тяжкими поборами церкви, и теми новыми правами, которые все больше и больше свивали себе гнездо в духовенстве, терявшем всякий кредит в глазах общества. Народ волновался, требовал борьбы с жадными представителями церкви, и враждебное отношение к духовенству охватило целые области Германии, где никто не был в состоянии оказать сопротивление наступательной финансовой политике папства. Возмущение духовенства и крики смерти по его адресу наблюдались во время борьбы горожан — ремесленников с патрициями и осложняли ту классовую борьбу, которая велась внутри городских стен. Возгласы ненависти, помимо церкви, раздавались и по адресу евреев, которых считали главными врагами цеховой организации, не мирящейся с подвижностью еврейских экономических функций.

Эта накаленность городской атмосферы усиливалась от того, что ремесленников поддерживали и те элементы, которым по существу были чужды политические и социальные интересы ремесленного класса: чернорабочие, подмастерья, ученики, поденщики, босяки, нищие, воры, беглые, проститутки, калеки и инвалиды всякого возраста, все они сочувствовали городской борьбе постольку, поскольку в мутной воде гражданской войны легче было грабить, убивать и пользоваться без особого риска чужим имуществом. У этих деклассированных в огромном большинстве случаев элементов не было классовой заинтересованности в победе той или иной городской партии, городского класса и они раздували огонь вражды не из политических соображений, а из-за минутной, темной наживы, которая заменяла им и программу деятельности, и план точных выступлений. Но эти элементы увеличивали остроту момента, переживаемого в середине XIV века значительной частью Германии.

Несколько сходной была и роль крестьянства.

Вынужденная прекратить выгодный грабеж Востока, называвшийся защитой Св. земли, и вступить с восточными странами в нормальные торговые сношения, Европа должна была давать больше, чем раньше, запасы своего сырья в обмен на восточные товары и, естественно, делала известное экономическое напряжение, выразившееся в большей эксплуатации крестьянства. Из последнего начинается усиленное выкачивание предназначенных для товарообмена продуктов, и крестьянин громко возмущается новыми выдумками (*neue Fürblein*) и противопоставляет им «былую справедливость». С городской борьбой за власть его недовольство не связано; у него нет и собственной программы, но он идет за теми, которые ведут во бой с богатыми, с эксплуататорами. Он ненавидит крупных земле-

владельцев и рыцарей, занимающихся хозяйством и грабежами в широких размерах; но он не прочь излить свой гнев и на богатом горожанине, тем более, что многие горожане имеют крупные поместья и являются непосредственными врагами деревенского люда. Так растет по всей стране недовольство — смутное в окраинных частях города, сливающегося в деревней, столь же недовольной, как низы городского населения, и менее смутное, с политическими лозунгами и экономическими требованиями, в центре города, где ремесленники претендуют на участие в городских делах и отстаивают права организованных групп населения.

В такой обстановке найти готовых на бой приверженцев было не трудно всякому, кто решался поднять какое-либо знамя и бросить зажигательный лозунг в народную толщу.

Духовенство, желая отвлечь от себя недовольство и направить его по иному руслу, прибегало в эти жуткие дни всеобщего смятения к инсценировкам ритуальных убийств, а цеховой Армледер звал отомстить — неизвестно даже точно кому — за распятие Христа, и хроника монаха Иоанна Винтертурского констатирует огромный успех среди эльзасских крестьян и бедных горожан агитации Армледера. Люди бросали поля, виноградники, дома и имущество и шли под знамя этого авантюриста, разгромившего в 1338 году ряд еврейских общин и заставившего местных владельцев и несколько городских советов вступить с ними в переговоры во избежание превращения погромного похода в целый народный поток против имущих вообще.

Из Эльзаса волнение неясным путем перебросилось в Баварию, Австрию и другие части обширной Германии: везде идут темные слухи об осквернении гостию, об убийстве святых, о ритуальных кровавых обычаях, а также о жадности богачей и алчности церкви. Истинные намерения многих не только участников, но и руководителей этих волнений были очевидны, чтобы их можно было скрыть от взоров наблюдательных современников, и хроникер Генрих Диссенгофен совершенно недвусмысленно заявляет, что настоящей причиной избиения евреев в 1338 г. было желание присвоить их богатства. Точно также австрийский герцог Альбрехт I Мудрый в послании к папе Бенедикту XII (1334—1342 г.) с не меньшей категоричностью, чем Диссенгофен, заявляет, что избиение евреев происходит исключительно с целью их ограбления (*ad judaeorum pecuniam rapiendam*). Все истории с гостиями и со всякими иными осквернениями религии, думает Альбрехт Мудрый, создаются специально с тем, чтобы натравить толпу на евреев и отнять у последних их имущество. Мало того, Альбрехт I указывает, что найденная возле дома одного еврея в Пассау гостия была несомненно подброшена со злостной целью, чтобы вызвать разгром евреев, от которого в выигрыше останутся его руководители и многие участники. Герцог Альбрехт I тем более возмущается этим гнусным злодеянием, что оно практикуется не впервые и что к нему прибегает духовенство, которому, казалось, менее всего к лицу подобные методы защиты чести религии и ее святости.

В такой-то обстановке стало известно осенью 1348 г., что в Савойе и Швейцарии свирепствует страшная чума, известная под названием Черной смерти и косящая людей сотнями и тысячами. Одновременно с этим жутким известием в Германию проник слух о том, что в этих несчастных странах виновниками чумы считаются евреи, которые уже кое-где сознались в своих преступлениях, и против ко-

рых везде выставляется обвинение в отравлении колодцев с целью уничтожить христианский мир.

Тревожная злоба овладевает массами и передается представителям власти. Городские советы Берна, Страсбурга и Кельна запрашивают савойский городок Шильон, где несколько евреев арестовано по обвинению в отравлении колодцев, что собственно имело место в этом городке и каковы сведения, полученные в результате ареста евреев. Между тем, арестованные в Шильоне и Кастелле евреи, под пытками, дают жуткую картину заговора против христиан: где-то на юге Франции евреями будто бы изготовлен яд из смеси христианских сердец, пауков, лягушек, ящериц, человеческого мяса, освященного хлеба, и эту смесь в виде порошка евреи бросают в те именно колодцы, откуда христиане берут воду. Бернские власти приняли на веру данные под страшной пыткой показания евреев в Шильоне и Кастелле и распространили их по Рейну и отчасти по Дунаю. И 21 сентября 1348 года в Цюрихе сжигают партию евреев; остальные евреи бегут из города, не зная, куда направить свои стопы: везде за ними следует легенда об отравлении колодцев. Эльзас и Швабия видят сцены разгрома и истребления целых еврейских общин. Кровавое зарево темного изверства залило огромное пространство по Рейну и проглотило евреев Равенсбурга, Сен-Галлена, Констанца и ряда мелких пунктов. В январе 1349 г. наступает черед богатой Базельской общины.

С самого начала Базельский совет занял благоприятную в отношении евреев позицию и возмел даже смелость приговорить к изгнанию из города несколько человек, совершивших какие-то акты насилия над евреями. Однако, как только весть об этой заботе совета о евреях распространилась среди народа, в городе началось волнение. Все цехи в боевом порядке со знаменами стали стекаться на площадь перед городским советом, требуя от него немедленного возвращения пострадавших. Пришлось уступить, и тут же, перед всем народом, принято и объявлено было торжественное решение, что в Базеле, в течение 200 лет, не будет ни одного еврея. Евреев берут под стражу и без всякого разбирательства и суда 16 января 1349 г. всех их свозят на небольшой островок по середине Рейна и загоняют в разложенный костер. Были лишь пощажены дети и несколько красивых женщин против их воли.

Через две недели та же участь, но в результате судебного приговора постигла Фрейбургских евреев. Разыгравшиеся здесь события чрезвычайно характерны. Совет с самого начала настроен был в пользу евреев; но напуганный, повидимому, событиями в Базеле и предвидя неизбежность погрома, он предпочел взять дело в собственные руки и инсценировать гнусный судебный процесс, обставленный всеми судебными формальностями, при чем у евреев под пыткой вынуждены были показания, аналогичные шильонским. Все евреи города Фрейбурга, говорится в протоколе этого процесса, были сожжены из-за великого мора за содеянное ими преступление, в котором они сами сознались и которое подтвердили в присутствии 13 членов совета.

Здесь из всей общины пощажены были беременные женщины и малые дети, а также 12 человек наиболее богатых евреев, чтобы с их

¹⁾ В дальнейшей части изложения событий, связанных с Черной смертью, мы использовали, помимо печатного материала, и рукопись С. М. Гершберга, посвященную положению евреев Германии в год Черной смерти. Рукопись С. М. Гершберга составляет часть большой монографии, готовящейся к печати, о евреях и Черной смерти.

помощью легче было взыскать причитающиеся с должников убитых долги. Ибо совет и не думал освободить этих должников от долга. Завладев всем имуществом евреев, он перевел на себя и все их права в качестве кредиторов. Правда, долговые суммы были несколько уменьшены и объявлено было, что поступающие платежи употреблены будут на общественные нужды, но горожан это не удовлетворило, и в городе началось брожение. Совет, однако, в данном случае сумел очень быстро справиться с недовольными и, изгнав зачинщиков, продолжал неуклонно добиваться выполнения своего распоряжения. Совсем безнадежно, напротив, обстояло дело с долгами окрестных сеньеров, и, в конце концов, совет решил отказаться от своих требований и, вернув им их долговые записки, заключил с ними оборонительный союз против всяких требований извне на имущество евреев.

Из старинных богатых прирейнских общин больше других пострадали шпейерская и вормская. Первая погибла в январе, отчасти перебитая погромщиками, отчасти прибегшая к самоожжению. Горожане, опасаясь разложения трупов, валявшихся на улицах, заколотили их в бочки и побросали в Рейн. Через месяц наступил черед вормской, также прибегшей к самоубийству, путем поджога своих домов. Список погибших жертв (около 400 человек, не считая детей и слуг) сохранился в Вормской поминальной книге. Грабители и убийцы Вормса и Шпейера, равно как и бездействующие и покровительствующие им городские власти, получили полное прощение от императора Карла IV, уступившего советам этих городов имущество погибших евреев в виду того, как говорится в грамоте, что города эти сильно пострадали материально, без всякой с их стороны вины.

Еще за две недели до вормских евреев погибли евреи в Страсбурге. Не в пример прочим городам, о событиях в Страсбурге сохранились более полные данные, особенно чрезвычайно ценный, обстоятельный и живой, в своем наивном и бесхитроном изложении объективный, рассказ очевидца событий, скромного страсбургского клирика Фритче Клозенера, сторонника демократической партии. Легко представить себе социальный состав и физиономию того страсбургского совета, который управлял городом в 1349 г. Это был совет, в котором большинство мест принадлежало ремесленникам, но в котором, повидимому, главную роль, тем не менее, играли их союзники в борьбе с сеньерами — богатые купцы, «почтенные бюргеры». Совет этот не был настроен против евреев и, в лице Петра Сварбера, т.е. главы всех цехов, так называемого амман-мейстера, высказывался за их защиту на созванном эльзасскими сеньерами и городами съезде в Бенфельде, где большинство, с страсбургским епископом¹⁾ во главе, было настроено в отношении евреев крайне враждебно. Когда Сварбер пытался их защитить, поднялся всеобщий крик, и страсбуржцам поставили на вид, что сами-то они, небось, закрыли колодцы и убрали ведра, значит, как-никак, опасаются отравления.

По возвращении в Страсбург со съезда в Бенфельде Сварбер застал в городе крайне тревожное настроение, но продолжал энергично увещевать своих сограждан, ставя им на вид, что если епископу и сеньерам удастся одержать верх в деле обвинения евреев в отравлении, то они на этом не успокоятся и будут добиваться того же во всем остальном. Но доводы его были напрасны. Народ волновался и тре-

¹⁾ Епископ Бертольд был должен страсбургским евреям большие суммы.

бывал, чтобы евреи были сожжены. Совет же отказывался, пока вина евреев не будет доказана. Тогда решено было несколько евреев подвергнуть пытке. Трое или четверо из них признались в разных преступлениях, но не в отравлении, и решено было окружить еврейский квартал и поставить вооруженных людей для его охраны. Народ не успокаивался, не допуская мысли, что совет защищает евреев из чувства справедливости, и вскоре пошли толки о том, что совет подкуплен евреями Страсбурга.

Скромный летописец Клозенер рассказывает, как в условленный день и час все цехи в полном боевом вооружении отправились на площадь перед собором, и когда к ним вышли бургомистры, то цехи потребовали их отставки, заявив, что решили умалить их власть и что теперь должность бургомистра будет отправляться, как до 1332 г., лишь в течение одного года. Все попытки обоих бургомистров столковаться ни к чему не повели, и они поспешили удалиться. Ремесленники же решили отрядить по одному представителю от каждого цеха и созвать совещание с представителями от знати и бюргерства. Когда совещание окончилось, от бургомистров потребовали, чтобы они немедленно освободили народ от присяги и сложили свои полномочия, что они и сделали.

На следующий день был избран новый совет, а также 4 бургомистра и один амман-мейстер из цеха мясников, — все на один год, после чего народ получил приказ идти домой. И он, как пишет Клозенер, повиновался, ибо ему была обещана хорошая награда. В следующие два дня состоялась присяга. На 5-й день, в пятницу, произошел арест евреев, а в субботу их сожжение. Впрочем, согласно жуткому замечанию хроникера Диссенгофена, евреев было здесь так много, что сожжение длилось целую неделю. Долговые записи, найденные у них, были (в противоположность тому, что мы наблюдали в Фрейбурге) возвращены должникам, наличные деньги и ценности распределены советом между ремесленниками; но многие из них, прибавляет другой хроникер, по совету своих исповедников, пожертвовали свою долю на богоугодные дела, т.е. очевидно, убоялись греха.

Вот это-то (т.е. имущество евреев) и было тем ядом, который их сгубил (das was ouch die vergifft, die die juden tote), так заканчивает свой рассказ хроникер Клозенер.

Завершив свое кровавое дело, совет нового состава не успокоился. В течение последующих месяцев он продолжал вести пропаганду против евреев, подстрекая окрестные местечки и города к их истреблению, пока, наконец, император Карл IV счел нужным вмешаться и потребовать прекращения этой агитации, поставив страсбуржцам на вид, что такая агитация, вызывающая постоянные беспорядки, ведет к крайне убыточным для его казны последствиям. Впрочем, это не помешало городу добиться через некоторое время от того же Карла (грамота от 12 сентября) полной амнистии за погром и присвоение имущества евреев, «какими бы путями, явно или тайно, оно ни было приобретено».

* * *

В течение февраля и марта 1349 г. избиения евреев попрежнему, предваряя чуму, продолжают в ряде городов Мейссена и Тюрингии (особенно жестокий погром имел место в Эрфурте). С конца марта как-будто наступает некоторое затишье, но в мае движение возобно-

вляется с прежней силой, подкрепленное охватившим в это время страну движением флагеллантов или самобичующихся.

Вызванное приближение чумы, это религиозное, покаянное движение (в той или иной форме хорошо знакомое средневековью), в раскаленной атмосфере острой общественной борьбы, постепенно стало проникаться социальной окраской, принимая революционный характер. Направляя свои удары, в первую очередь, против католической церкви и ее учреждений, оно вскоре проникается крайними идеями и объявляет войну всем устоям общества и государства. Как таковое, оно группирует около себя всех тех, «кому нечего терять», т.е. пролетарские или, вернее, босяцкие элементы. Стихийно эти элементы устремились на евреев, которые представляли легкую и выгодную приманку для людей, которые, кроме грабежа, в сущности, ничего иного и не преследовали. Летом 1349 г. флагелланты напали иди, если верить некоторым летописцам, собирались напасть на еврейскую общину баварского города Бамберга. В противоположность пассивному поведению евреев, которое мы наблюдали в вышеописанных городах, здесь евреи оказались даже будто бы в роли нападающих. Флагелланты, по словам хроникера, отмечавшего эти события, подверглись внезапному нападению со стороны евреев, которые убили 14 флагеллантов, а также несколько горожан Бамберга, после чего подожгли город. Судя по всему, здесь, повидимому, имели место какие-то активные действия со стороны евреев и, как мы сейчас увидим, такие же активные действия имели место во Франкфурте, Майнце и Кельне, где также есть основание предполагать участие флагеллантов.

В июне 1349 года император Карл IV прибыл во Франкфурт. Настроение здесь было настолько тревожное, что предусмотрительный монарх счел нужным принять меры к охране своих фискальных интересов. В случае, если с евреями произойдет несчастье, говорится в выданной совету грамоте, город не будет нести за это ответственности и ему предоставляется право присвоить себе имущество убитых на сумму в 15.200 фунтов геллеров; излишек же должен быть передан в императорскую казну. Насколько действителен был, после подобного предисловия, заканчивающий грамоту призыв охранять и защищать евреев, ясно само собой.

24 июня, — повествует одна поздняя хроника, — во Франкфурте появились флагелланты, которые, узнав, что евреи живут в лучшей части города, решили с ними покончить. Евреи, однако, взялись за оружие. На звук набата сбежались также горожане, напавшие на врагов евреев и после жестокого боя, в котором погибло множество евреев, спокойствие было восстановлено. Однако, евреи, тая мрачное подозрение, что это совершилось с ведома горожан, стали помышлять о мести. Была среди них богатая семья по прозвищу «Storch» (журавли). Из дома этой семьи была пущена пылающая стрела в городскую ратушу, которая воспламенилась и сгорела; сгорела также часть собора. Тогда горожане, узнав, что пожар учинен евреями, взялись за оружие и перебили тех многих, которые оставались еще в живых после побоища с флагеллантами.

Рассказ этот принадлежит позднему хроникеру и не заслуживает большого доверия; но он обращает на себя внимание тем, что здесь, вместо обычных стереотипных выражений хроник, отмечен, напротив, необычайный и потому, надо думать, действительно имевший

место факт активной самозащиты евреев, при чем со стороны горожан на первых порах оказана была поддержка евреям.

Указания с одной стороны на участие флагеллантов, а с другой — на активное выступление евреев мы находим и относительно двух других городов, а именно, Майнца и Кельна, в которых погром имел место в один и тот же день — 24 августа.

В Майнце, по словам хроникера, среди толпы, окружавшей самобичующихся, произошел какой-то переполох, и народ, не разобрав, в чем дело, набросился на евреев. Последние после того, как ими перебито было много христиан, убедившись, что им спасенья нет, подожгли свои дома и в них сгорели. В тот же день или, вернее, в ту же ночь, произошел погром в Кельне. Твердая позиция кельнского совета, оттянувшего погром до августа, в то время, как кругом давно уже бушевала погромная волна, повидимому, заколебалась под напором «каких-то людей извне» (т.е. флагеллантов), соединившихся с теми, «которым нечего терять», т.е. с кельнскими босяками, и в результате евреи погибли, оказав, однако, сопротивление (по крайней мере есть указания, что ими убито было должностное лицо).

Данные относительно этих трех городов чрезвычайно сбивчивы и скудны, и в этом, независимо от состояния источников, сказывается определенная тенденция власть имущих всячески замалчивать события, особенно движение флагеллантов, вскрывшее непримиримые и неизлечимые язвы общественного организма. Но, быть может, правильно будет предположение, что факт активного выступления евреев, которое удается подметить как раз в тех четырех¹⁾ городах, где к погрому безусловно причастны флагелланты, является не случайным, а напротив очень характерным для данной обстановки фактом. Он вызван, надо думать, тем, что в этой именно обстановке евреи находили поддержку со стороны горожан, так как горожане, прежде всего, стремились дать отпор социально очень опасному врагу, т.е. флагеллантам. В пылу борьбы, однако, великий соблазн, связанный с погромом евреев, нередко брал верх, и позиция защитников евреев легко менялась и обращалась против тех, которые недавно еще находили у них защиту. Аналогична, впрочем, была позиция некоторых советов и там, где не было флагеллантов: бывшие защитники евреев, не моргнув глазом, посылали их на костер и сжигали сотнями, почуяв, что можно извлечь выгоду из антиеврейской политики.

Участие флагеллантов в погромном движении было по существу ни чем иным, как эпизодом. Флагелланты подлили лишь временно масла в огонь, но и помимо них кровавые события продолжали развиваться своим чередом. Мы остановимся подробнее на одном только городе, а именно на Нюрнберге, ибо то, что происходило здесь, по своему беспримерному цинизму превосходило все остальное.

В исторических исследованиях, касающихся данного вопроса, дело обычно излагается так, будто сожжение евреев и здесь имело место в связи с демократическим переворотом, во всяком случае по требованию демократической партии и вопреки желанию патрициан-

¹⁾ Вооруженное сопротивление оказано было евреями также в Магдебурге, где избиение их совершено было городской толпой, несмотря на защиту их советом (состоявшим из одних ремесленников). Указания на участие флагеллантов нет, но по ходу движения надо полагать, что погромы происходили в городе.

БИБЛИОТЕКА

ского совета. Однако, внимательное изучение источников приводит к совершенно другим выводам. Еще в начале 1348 года, т. е. задолго до первых погромов в Германии, в Нюрнберге произошел народный мятеж (Auflauf), направленный против патрицианского совета. Коноводами восстания были кузнецы с их предводителем по прозвищу «Гейсбарт». К демократическому движению, однако, примыкало и несколько патрицианских родов, принадлежавших к партии, враждебной императору Карлу IV. В значительной мере, надо думать, под влиянием этой части патрициата, движение протекает под флагом оппозиции императору. Воспользовавшись для совершения переворота длительным отсутствием его и общим неустойчивым положением дел, восставшие призвали в город влиятельнейших врагов императора маркграфа Бранденбургского и его сыновей — герцогов Баварских. Старый совет был свергнут; в новый вошли, как представители цехов, так и нескольких патрицианских родов, враждебных императору. Вскоре дали себя знать финансовые затруднения, вследствие чего и прибегли к ограблению евреев.

Более подробное описание того, что происходило в это время в городе, дает нам лишь хроникер Мейстерлин, хроника которого была написана много позднее (в XV столетии) по официальному заказу патрицианского совета. Относиться к ее данным следует, поэтому, с крайней осторожностью; но она не лишена интереса. Все восстание изображается Мейстерлином, не как обусловленное борьбой имперских и городских партий, а как мятеж «негодных» элементов против «добропорядочных». Вокруг кузнеца Гейсбарта группируются все подонки общества; разные праздношатающиеся, распутные, пьянствующие и преступные элементы, руководимые все теми, «которые задолжали евреям большие суммы и одежда и постели которых уже сбываются с молотка на рынке, или которые в счет будущей работы получили от богатых граждан в заем деньги».

Этим элементам Гейсбарт обещал не только освобождение от долгов, но и от всех городских налогов. Говоря далее о причинах мятежа, Мейстерлин указывает, что в «Нюрнберге было много старинных уважаемых родов, у которых были богатые владения и большие красивые дома в городе; и было также в Нюрнберге много евреев, богатых и живших в лучшей части города». Они уплатили императору большую сумму, и он им предоставил заниматься «проклятым ростовщичеством» и обирать не только знатных, но и горожан. И это было причиной недовольства «злосчастного простого народа». Далее наш хроникер говорит о том, как ограблены были толпой дома бежавших патрициев, и как новый городской совет стал распоряжаться имевшейся в городской кассе наличностью, быстро ее растратив до-тла. Тогда решено было обратиться к ограблению евреев. Сперва отправились в их дома со старшинами и постановлено было, что каждый возьмет лишь свою долговую расписку. Но как только толпа увидела собранные у евреев сокровища, она начала, естественно, грабить имущество без всякого разбора.

Итак, согласно Мейстерлину, против евреев, в противоположность организованное действие, но вид накопленных богатств действовал слишком раздражающе на толпу и вызвал настоящий грабеж. Мейстерлин не жалеет слов, чтобы опорочить грабителей, хотя и говорит, что в сущности евреи своим «проклятым ростовщичеством» не могли не вызывать ненависти и раздражения. Тем не менее, у Мейстерлина нет речи о попытках умерщвления евреев во время господ

ства цехов, тогда как другая официальная хроника относит их сожжение к этому именно времени. Мало того, ведь хроникер Мейстерлин отмечает, что самое ограбление евреев последовало лишь после ограбления патрициев, при чем импульс был дан стоящим у власти новым советом, когда у него иссякли все ресурсы и когда ему понадобились новые средства.

С весны 1349 года положение императора Карла IV стало быстро улучшаться; ему вскоре удалось прийти к соглашению с Людвигом Бранденбургским, и он окончательно укрепился на троне. Отпавшие от Карла знатные роды в Нюрнберге стали изьявлять ему покорность и получили от него прощение. Император, как бы совершенно игнорируя происходивший переворот, делает ряд распоряжений относительно доходов с нюрнбергских евреев — дарит, перуступает, закладывает их своим приверженцам. Но наряду с этим следовали также распоряжения совсем иного рода. Но наряду с этим следовало происходить кругом погромов и царившего в Нюрнберге политического режима вероятную гибель евреев, император еще в апреле 1349 года предоставляет своему приближенному Зеккендорфу большинство еврейских домов в Нюрнберге, «в случае, если будут убиты евреи». Подобного рода дарения продолжают и дальше — всегда, впрочем, с неизбежной прибавкой «на случай такой беды», как избивание евреев.

В конце сентября 1349 года Карл вступил в город. Все постановления незаконной власти были отменены; главари демократической партии были изгнаны или даже казнены; бежавшие патриции возвратились в Нюрнберг, и аристократический режим в нем снова восторжествовал. Казалось бы, что с победой Карла и с восстановлением патрицианского режима, — восстановлением, сопровождавшимся полным разгромом демократической партии, толкам о гибели евреев будет положен конец. Между тем, вышеприведенные распоряжения императора находят себе достойное завершение в грамоте, выданной городскому совету после вступления Карла в город, а именно — 2-го октября 1349 года.

Указывая на то, что бюргеры чувствуют себя в опасности, вследствие присутствия здесь евреев, к которым особенно враждебно относится простой народ, и предусматривая могущее произойти в виду этого умерщвление евреев, император освобождает совет, в случае невозможности оказать погромщикам противодействие, от всякой за это ответственности.

Казалось бы, что вступившим в город полномочным победителям не трудно было бы победить беспорядки, указания на возможность которых вообще отсутствовали. Между тем, в начале ноября 1349 года к Карлу IV отправлена была депутация с ходатайством о разрешении снести синагогу и часть еврейских домов, с целью расчистить место для площади и постройки церкви в честь св. Марии. Разрешение было дано и значительная часть домов была снесена, остальные раздарены. Глава депутации получил в дар один из лучших еврейских домов. Остальные поделены были между приверженцами Карла. Закончилось же все это дело тем, что 6 декабря 1349 г. произошло сожжение евреев, при чем погибло, согласно сохранившемуся списку Нюрнбергского мартиролога, около 570 душ.

Разумеется, активная роль в этом событии патрициата — не подлежит сомнению. Ложная дата сожжения одной официальной

хроники, относящей это событие к 1348 году и стремящейся приурочить сожжение ко времени господства в Нюрнберге демократической партии, полное умолчание об этом событии со стороны Мейстерлина, особенно же тот факт, что сожжение произошло вскоре после победоносного вступления патрициата и полной возможности у него диктовать свою волю народу, благоприятное, сравнительно, поведение последнего в отношении евреев во время пребывания у власти народной партии, наконец, отсутствие чумы в Нюрнберге (эпидемия совершенно не коснулась города) и поздний срок сожжения евреев, когда движение кругом уже замирало, — все это, взятое вместе, не оставляет никаких сомнений в том, что в сожжении повинны Нюрнбергский патрициат и поддерживавший его император Карл IV. Если во многих городах могла идти речь о попустительстве советов, о допущении ими погромов из чувства самосохранения, ради отвлечения народного гнева, то здесь в Нюрнберге все говорит за то, что патрицианский совет был инициатором и активным виновником гибели евреев. Нельзя рассматривать здесь заклятие евреев, как вынужденную взятку народной партии. Здесь могла бы быть речь лишь о стремлении задобрить ее на будущее время добровольной подачкой. Однако, все обстоятельства дела ясно говорят за то, что совсем не в народной партии лежало зло, а что напротив исключительно личным корыстным целям патрициата была принесена в жертву эта крупнейшая и богатейшая еврейская община. Овладение недвижимым имуществом евреев, живших в лучшей части города, представлялось особенно заманчивым даже патрицианским родам, и, как мы видели, предусмотрительный император, предупреждая события, давно уже раздарил лучшие дома своим приверженцам, обещая и впредь держаться такой политики, если случится «беда с евреями», т. е. освободятся их дома. Нюрнбергский патрициат поэтому мог считать, что приобретает больше, чем теряет от разгрома евреев и от «народоподобных» выступлений. Если все таки ему потребовалось прибегнуть к самому чудовищному виду наказания — к сожжению, то причину этого следует видеть в том, что нюрнбергский патрициат хотел придать факту присвоения еврейских домов и их богатства характер народной расправы над отравителями колодцев и вообще губителями христианства. «Народорелигиозная» форма наказания виновников должна была скрыть патрицианскую жадность и аристократическое коварство того класса, который растоптал в Нюрнберге демократию, а заодно ограбил и сжег евреев, придав сожжению, к которому патрициат в душе испытывал отвращение, лицемерную форму действия демократических элементов нюрнбергского населения.

Папа римский Климент VI, как и германский император Карл IV, не верил в басню об отравлении евреями колодцев и откровенно осуждал эту ни на чем не основанную злую легенду, приведшую к столь трагическим событиям. Точно также с большим сомнением относился к этой легенде ученый натуралист того времени Мегенбург, создавший свою собственную теорию происхождения чумы от землетрясений и видевший в ярости народа против евреев одно лишь невежество и варварство. Ряд писателей и хроникеров XIV и XV веков — одни более решительно, другие менее решительно — высказывают те же сомнения по поводу страшного обвинения евреев и нередко с удивительным пониманием вскрывают подоплеку кровавых событий, снесших в юго-западной Германии почти все еврейские

общины. «Верно ли, что евреи отравляли колодцы, я не знаю, но думаю, что причиной избиений были те денежные суммы, которые им должны были разные дебиторы «в лице баронов и рыцарей, а также горожан и крестьян», — так пишет эрфуртский летописец, не скрывая своего убеждения и подтверждая знакомое уже нам заявление клирика Фр. Клозенера о том «яде, который сгубил евреев» и послужил истинным стимулом к кровавым событиям черной години ужасной чумы.

Еще определеннее высказался по этому поводу известный церковный деятель Генрих Герфордский, прямо заявивший, что евреев в год черной смерти убивали за то, что у них было много денег и большое имущество, за то, что путем убийств христианские должники могли легко освободиться от необходимости платить по своим обязательствам, в свое время выданным евреям, и Генрих Герфордский проводит параллель между кровавыми событиями 1348—49 г.г. и ограблением ордена храмовников французским королем Филиппом Красивым: и в том, и в другом случае целью нападения были деньги, имевшиеся у подвергшихся нападению. Однако, это более, чем скептическое отношение к легенде об отравлении евреями христианского мира, не мешало тому, что к этой ужасной легенде прибегали всякий раз, когда по той или иной причине хотели ударить по врагу, отнять его имущество или вообще его уничтожить, при чем, за отсутствием евреев, это обвинение выдвигалось против других недругов, которых желательно было погубить, так как сила возбуждения народа этой легендой была уже хорошо испытана.

Так, Базельский совет не погнушался подвергнуть заключению и притянуть к ответственности как детей крещеных евреев, так и недавно крестившихся евреев, и успешно стал распространять чудовищную легенду об угрожающем всему христианскому миру заговоре, в котором главную роль играли крещеные евреи, их дети и вовлеченные крещеными евреями в заговор христиане. Точно также, совет города Любека извещает герцога Люнебургского об опасности, которая угрожает со стороны евреев целому ряду городов, при этом он ссылается на допрос одного христианина, приговоренного к смерти и перед казнью сознавшегося в том, что он отравил по наущению евреев колодцы, начиная с Пруссии и кончая Любеком. Совет указывает на сведения, дошедшие недавно до него из Ростка, Штральзунда, Висмара и др. городов, представители которых съехались на совещание по этому делу и сообщили аналогичные показания лиц, арестованных в разных городах по обвинению в том же преступлении. Среди этих показаний повторно говорилось о том, что евреи всячески действовали на преступные элементы христианского населения, при чем нередко влияли на них заклинаниями, а один из арестованных преступников утверждал, что его евреи искусали, и только после этого он стал послушным орудием их злой воли.

Город Росток обратился ко всем соседним городам с призывом быть на чеку и сообщал, что, согласно уведомлению гор. Висби (на острове Готланде), среди 9 преступников, захваченных в Висби и признавшихся перед смертью в отравлении колодцев, двое оказались священниками, при чем один из них предупредил, что христианский мир находится в величайшей опасности и что следует повсюду опастись священников и монахов. В этих показаниях христиане играют уже столь активную роль в качестве отравителей, что подвергшееся допросу лицо даже позабыло упомянуть о евреях, от

которых все это должно было, казалось, исходить. Предупреждение, высказанное арестованным священником и переданное властями Висби совету Ростока повидимому, возымело действие. В Ростокском архиве сохранилась целая пачка актов и документов, относящихся к крайне любопытному, бесконечно длительному процессу (до 1386 г.), возбужденному викарием местного монастыря перед папской курией против бургомистров, подвергших его в 1350 г. 26-недельному заключению в ужасающих условиях, при чем с него требовали не только собственного признания в отравлении, но и указания, где находится яд, которым убивали двое любекских клириков, уже заживо погребенных за это злодеяние. В конце концов, викарий был признан невиновным и выпущен на свободу. Другой преступник, о котором сведения дает тот же город Висби, признался в распространении им яда во всей Швеции и сообщил не менее тревожные сведения об огромном сообществе христиан, обходящих в качестве богатых купцов все страны и действующих, как бы в бреду, находясь в полном подчинении воле завороживших их евреев.

Погромное движение в общем обошло все германские земли, коснувшись даже севера, где евреев было совсем мало. В одной лишь Австрии ему дан был энергичный отпор герцогом Альбрехтом Мудрым. Венская община поэтому не только уцелела, но явилась центром, куда стекались со всех сторон еврей-беглецы. Альбрехт Мудрый доказал, что своевременно и энергично поведенная центральной властью борьба против разнузданности корыстной и легко возбудимой толпы может предупредить взрыв — особенно тогда, когда он искусственно подготавливается лицами, преследующими свои специальные цели. Разумеется, нельзя отрицать, что среди убивавших и громивших было много темных и наивных людей, которые были глубоко уверены в том, что евреи действительно отравили колодцы и задались целью погубить весь христианский мир; но эти невежественные и суеверные элементы средневекового общества повторяли этот навет под влиянием людей, которые хорошо сознавали, что отравление было удобной ширмой, за которой можно было скрыть те темные махинации, которые ими затевались и которые сводились всегда к одному и тому же — избавиться от неудобных конкурентов, а если возможно — то и нажиться за их счет. Вся кровавая картина страшной чумной години говорит определенно об одном: с евреями надо было покончить, а еврейское имущество надо было присвоить в награду за то, что с евреями покончено. И здесь городская мелкота, демократическое мещанство играло первую роль; но и задолжавшее рыцарство, жадная знать и нуждавшаяся для своих оборотов в деньгах предприимчивая буржуазия не прочь были половить рыбу в мутной воде чумных волнений. И им Черная смерть принесла некоторые выгоды, как об этом свидетельствует поведение патрицианских родов города Нюрнберга и некоторых других местностей.

Современникам истребление евреев в Германии представлялось полным. «В течение года, — заканчивает свой рассказ хроникер Диссенгофен, дающий наиболее полный, но не исчерпывающий обзор пострадавших общин, — сожжены были все евреи от Кельна до Австрии где, как он надеется, их постигнет та же участь. И можно было бы думать, — говорит он, — что наступил конец всему еврейству, если бы уже завершилось время, предсказанное пророками, ибо пока оно не завершилось, необходимо, чтобы часть их была поща-

жена, дабы исполнилось то, что предназначено: сердца сынов обратятся к отцам и сердца отцов к сынам».

Но не успели еще догореть последние костры, как власти стали призывать евреев обратно. Император Карл IV, так пассивно относившийся к их защите, теперь вдруг стал проявлять заботу о возвращении евреев и привлечении новых в германские города. От гибели евреев сильно пострадала, говорит он в грамоте на имя епископа города Аугсбурга от 24-го мая 1350 г., имперская казна и необходимо приложить все усилия к привлечению евреев в Аугсбург и другие места, ибо мы сознаем, что они погибли невинно.

Не меньшую заботливость проявляли в этом деле князья и отдаленные советы городов. И во многих городах евреи под влиянием этой новой политики появляются уже в первое десятилетие после Черной смерти. В течение второй половины XIV столетия они водворяются во многих городах, где они жили раньше. Но число их сильно сократилось, а положение их значительно ухудшилось. Они уже не живут более в лучшей части города, а загнаны в отдельный квартал (с этого именно времени слагается окончательно гетто); договоры с ними на предмет терпимого пребывания в пределах данной территории заключается обычно лишь на короткий срок, норма дозволенных процентов с ссуд сильно понижается и т. д., и т. д. Так, последствия Черной смерти давали себя чувствовать и через много лет после того, как страна нашла успокоение.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ.

В противоположность Англии, Франции и Германии, положение евреев в Испании было в эту эпоху гораздо лучше. Дело в том, что в долгие годы обратного завоевания у арабов Пиренейского полуострова христианские короли Испании недостаточно прочно и уверенно себя чувствовали, чтобы в момент борьбы с арабами вызывать против себя и недовольство евреев, и потому завоевание Испании христианским оружием шло под знаком веротерпимости не только в отношении евреев, но даже в отношении арабов, сопротивление которых должно было ослабляться путем разных уступок. Лишь усилившись и окончательно упрочившись на Пиренейском полуострове, Испания вступила на путь нетерпимого отношения к чужим, которое так характерно для всей Западной Европы.

Еще на IV Латеранском соборе Иннокентий III ставил Испании в упрек ее чрезмерно пассивное отношение к вопросу о неверных и с горечью констатировал, что ни в одной стране положение евреев не отличается таким благополучием, как в Испании, где католические монархи берут под свое покровительство мавров и евреев, а духовенство недостаточно энергично борется с таким злом. Собор постановил, чтобы всякий государь, под угрозой отлучения от церкви и лишения трона, принимал самые энергичные меры к истреблению врагов католической церкви и не допускал в пределы своего государства ни одного неверного; вместе с тем, собор повелел, чтобы мавры и евреи носили особый отличительный знак на верхней одежде для того, чтобы их по внешности можно было отличать от христиан. Мера эта была не только унижительна, но и влекла за собою для мавров и евреев, совершавших в то время частые путешествия по торговым и

промышленным делам, серьезные опасности, и естественно, что она вызывала сопротивление со стороны заинтересованных лиц. С уверенностью можно утверждать, что как арабы, так и евреи, опираясь на поддержку властей, если и не всегда открытую, то во всяком случае тайную, совершенно не подчинялись этому требованию собора, и в 1217 г. Гонорий III в резких выражениях высказывает свое недовольство по поводу того, что закон о ношении особого отличительного знака евреями и арабами не получил своего осуществления в Кастилии, и требует, чтобы он был немедленно введен в королевстве. Однако, распоряжение Гонория было им же отменено в 1219 г., причем за отмену ходатайствовал король Фердинанд III Святой. Он указывал на то, что евреи готовы скорее совершенно покинуть пределы Испании, нежели носить на своей одежде позорное пятно; оставление же евреями государства повлечет за собою, по мнению короля, значительное уменьшение государственных доходов, столь необходимых ныне для ведения войны с сарацинами. Король приводил также для доказательства неудобства этого постановления собора и то обстоятельство, что арабские и еврейские купцы сделаются при ношении особой одежды жертвами частых нападений разбойников на большой дороге, что вызовет застой в торговле, который в свою очередь неблагоприятно отразится на финансовом положении государства.

Фердинанд III, как, впрочем, многие из его предшественников и преемников, умел ценить экономическое значение евреев и арабов для Испании и, нуждаясь для своих военных целей в деньгах, старался обеспечить внутри государства имущественную и личную безопасность своих мусульманских и иудейских подданных, как необходимое условие экономического процветания страны. Несмотря на то, что Григорий IX в 1233 г. и Иннокентий IV в 1250 г. приказали кастильским прелатам точно соблюдать постановления Латеранского собора и следить за искоренением врагов церкви в стране и за ношением неверными особой одежды, Фердинанд Святой продолжал настаивать на своем, доказывая невозможность проведения в жизнь этих мер и освобождая от них своих подданных. И синод в Саморе, состоявшийся в январе 1313 г. и принявший ряд значительных ограничений по отношению к неверным, между прочим, запрещение евреям строить новые синагоги, снова напомнил о необходимости проведения в жизнь пункта Латеранского собора о ношении отличительного знака на одежде. На кортесах того же года было выставлено аналогичное требование, и наследник принц Хуан, от имени короля Альфонса XI, заявил, что будет поступать так, как того требуют интересы государства. Тарагонский синод 1238 г. постановил, чтобы и в Арагонии было осуществлено решение Латеранского собора об одежде; однако, короли не считались с этим, и в 1282 г. духовенство повторило то же требование. Лишь в 1300 г. появилось распоряжение арагонского короля Якова II о том, чтобы арабы имели особую прическу; в Кастилии же постановление об отличительной одежде для евреев и мавров было издано лишь в 1371 г. Генрихом II сейчас после решения об этом кортесов в Торо.

Почти через сто лет после IV Латеранского собора состоялся в 1312 г. собор в Вьенне, на котором испанскому духовенству снова пришлось выслушать горькие упреки по поводу религиозной свободы, господствующей в большей части Пиренейского полуострова. Вьеннский собор особенно возмущался тем, что неверные часто посещают в Испании христианские церкви, и что на еврейских и мусуль-

манских свадьбах, пиршествах и религиозных обрядах нередко присутствуют христиане, иногда даже принимают в них деятельное участие. Собор жаловался также на то, что живущие в христианских государствах сарацины открыто совершают свои молитвы, имеют своих священников, громко славословят Магомета и устраивают процессии в гробу тех, кого они считают святыми. Все это стоит в противоречии с духом истинной религии, как ее понимает собор, и потому он считает священной обязанностью объявить испанским королям о неопустимости подобного осквернения христианства, если только они не желают навлечь на себя самые ужасные небесные кары. Угрозы Вьеннского собора не имели, однако, на монархов Пиренейского полуострова должного влияния, что особенно огорчало представителей испанского духовенства, устроившего в 1313 г. синод в Саморе, где именем бога и св. Петра были прокляты все те, которые будут способствовать сохранению закона, в силу которого еврей может быть обвинен лишь свидетельскими показаниями еврея же. Синод торжественно объявил, что евреи являются змеями, которых христиане должны терпеть, так как они носят человеческий облик, но которых они должны держать в рабстве; это заявление должно было ежегодно читаться во всеуслышание во всех церквях. Практического и непосредственного значения оно, однако, не имело, и синод 1322 г. в Вальядолиде снова жаловался на то, что евреи и мавры присутствуют на христианском богослужении, а христиане участвуют на похоронах и свадьбах неверных.

Запрещая и то, и другое, синод постановил, вместе с тем, не допускать впредь евреев и мавров к занятию государственных и общественных должностей, в которых они могли бы иметь власть над христианами; точно также, под страхом отлучения от церкви, нельзя было пользоваться услугами еврейских и мусульманских врачей, которые будто применяют все знания к тому, чтобы погубить, как можно больше, христиан. Однако, и теперь испанские короли продолжали придерживаться своей старой, сравнительно веротерпимой политики, и тарагонский синод 1329 г. жалуется, что ни одно постановление Вьеннского и Латеранского соборов не получило силы закона в Испании.

Синод, под страхом интердикта и отлучения от церкви, требует, чтобы светские власти в течение двух месяцев привели в исполнение все желания как римского, так и местного испанского духовенства. Постоянное давление духовенства на власть не могло не иметь влияния на правящие классы Испании, и кортесы (испанский парламент) постепенно начинают издавать законы в духе, крайне враждебном арабам и евреям. Кортесы в Сории в 1380 г. постановили исключить из еврейских молитвенников те места, которые должны считаться оскорбительными для христиан, при чем впредь налагалось тяжкое наказание на произносивших эти слова во время молитвы; кроме того, раввины были лишены права судить своих единоверцев в уголовных делах. Кортесы в Вальядолиде в 1385 г. запретили христианам жить среди евреев и прибегать к их помощи в качестве откупщиков и собирателей податей и отменили право еврейских судей участвовать в гражданских делах между христианином и евреем; кроме того, был издан ряд мер, ограничивших права еврейских кредиторов над христианами должниками. Кортесы 1387 г. в Бривизке запретили христианам иметь, в качестве прислуги, араба или еврея, за исключением, впрочем, раба, и христианам даже отныне нельзя было вести никаких бесед с неверными, кроме указанных в узких рамках закона;

за всякое нарушение постановлений 1387 г. налагался штраф в размере шести тысяч мараведи; еврей или араб, имевший христианскую прислугу, подлежал, по усмотрению короля, конфискации всего имущества и телесному наказанию.

Однако, осуществление этих суровых мер встречало большие затруднения, вызывавшие неоднократные жалобы со стороны церкви. Синод 1388 г. в Валенсии, с своей стороны, запретил излишние разговоры между христианами и неверными, потребовав от последних, чтобы они отдавали должное почтение встречающимся им по пути христианским процессиям, и чтобы по воскресным и праздничным дням арабы и евреи не производили публично никакой работы. С особенной силой синод настаивал на существовании особых кварталов для жительства: морерия — мавров, худария — для евреев. Там, где таких кварталов (гетто) еще не было они должны были быть устроены в течение двух месяцев; по истечении этого времени ни один еврей или мавр не мог жить вне гетто, а христианин внутри гетто; только днем неверные могли с торговыми целями выходить за пределы гетто и владеть там лавками и магазинами, на ночь они обязаны были возвращаться к своим женам и детям в гетто.

Как и в других случаях, постановления синода 1388 г. не сразу получили силу закона, и лишь в 1412 г. был издан закон, в силу которого вся Испания должна была покрыться морериями и худариями, окруженными стенами и имевшими лишь по одной выходной двери; тяжелые денежные и телесные наказания угрожали тем, которые продолжали жить вне гетто. Однако, жизнь и теперь оказалась сильнее постановлений синода и кортесов, и в 1480 г. Фердинанд и Изабелла, устанавливая отсутствие во многих местах требуемых законами гетто, издали декрет о том, чтобы в течение двух лет везде были устроены особые кварталы для неверных. И в этом случае, как во многих других, энергия католической четы преодолела все препятствия, и закон о гетто стал строго соблюдаться.

Во всех этих законодательных актах, как и в постановлениях синодов, обыкновенно не делалось различия между евреями и арабами: те и другие были одинаково ненавистны церкви, и на тех и на других должны были распространяться репрессивные меры, диктовавшиеся светским властям духом средневековой церкви. Фактически, однако, вскоре стали делать различие между евреями и арабами. Главная тяжесть ограничений и запретов падала преимущественно на первых, потому что они были количественно слабее арабов в том смысле, что не жили в такой степени сплошными массами и, кроме того, не имели за своей спиной чужестранных монархов, которые могли бы притти к ним на помощь в случае особенно сильных репрессий.

К этим двум факторам, объясняющим, почему занесенный церковью над головами неверных удар направился преимущественно в сторону евреев, следует прибавить еще один. Дело в том, что евреи, подобно арабам, являясь народом по преимуществу торговыми, давали, не в пример арабам, значительное число откупщиков и собирателей податей. Представители этих должностей, не отличающиеся обычно особой щепетильностью при исполнении своих обязанностей, обыкновенно ненавистны народу, и эту ненависть сумело ловко использовать в своих интересах испанское духовенство, лицемерно и умышленно отождествляя всю массу еврейского населения с несколькими богатыми и влиятельными откупщиками и чиновниками. На этой почве религиозный фанатизм впервые встретился с экономиче-

скими интересами широких народных масс, глубоко и сильно ими пропитался и значительно расширился, приобрев почти самостоятельный и независимый от пропаганды духовенства характер.

Черная смерть 1348 г. немало также способствовала развитию в народе вражды к евреям. Из Германии и Швейцарии через южную Францию проникло в Испанию народное поверие, будто евреи в целях искоренения христианства, страшным ядом отравляют все источники воды, и христиане вынуждены, вместо здоровой и чистой воды, пить отравленную еврейским ядом смертоносную воду. Начались избиения евреев и в Испании, преимущественно в Каталонии, хотя далеко не в таких размерах, как в Германии, что отчасти объясняется заступничеством за евреев тех классов, которые смотрели на евреев, как на полезный и торговый элемент; наоборот, ремесленники были в Испании еще слобы и не могли влиять в антиеврейском духе.

Со вступлением на престол в 1350 г. короля Педро началась агитация против евреев и на политической почве. Дело в том, что противник Педро, его незаконный брат Генрих, желая привлечь на свою сторону духовенство, распространял слух, будто Педро потому благосклонно относится к евреям, что он сам еврей: королева Мария, мать Педро, родила на самом деле девочку, но боясь гнева своего мужа Альфонса XI, желавшего скорее иметь наследника престола, заменила ее еврейским мальчиком, который ныне окружил себя еврейскими советниками, задающимися антирелигиозными целями. Агитация духовенства была в этом направлении так сильна, что сам папа Урбан V объявил короля Педро изменником церкви, пособником евреев и мавров, служителем неверных и губителем христиан. Испанское дворянство было недовольно правлением Педро, который, несмотря на многочисленные петиции, отказывался устранить еврейских генеральных откупщиков и без надлежащего подряда и аукционной продажи уступать сбор податей лицам дворянского происхождения или вообще христианам. Вызовом по отношению к дворянству явилось назначение на пост главного министра казначейства еврея Самуила Леви, приобревшего вскоре огромное влияние на короля.

С необыкновенной энергией взялся Леви за реорганизацию податной системы, бывшей до того крайне выгодной для наиболее могущественных грандов. Энергия Леви была направлена в сторону уменьшения финансовых привилегий дворянства, и с его назначением исчезли замечавшиеся до тех пор чрезмерная мягкость и небрежность в деле взыскания налогов в определенных кругах. Враги Педро, соединившись с недовольным дворянством и ведя, под предлогом защиты истинной религии, политическую борьбу, немало способствовали усилению вражды к евреям в народе, и когда Толедо, где находился в то время Самуил Леви, было взято в 1355 г. Генрихом, то в нем было убито, разграблено и ранено свыше 1.200 евреев. Не довольствуясь этим, приверженцы Генриха приступили к осаде главного гетто, и лишь прибытие войска Педро спасло евреев Толедо от неизбежной смерти. Через некоторое время сторонники Генриха напали на евреев Нахеры, при чем нападавшим дано было право безвозвратно грабить еврейское имущество, что немало способствовало популярности соперника Педро среди его полчищ. Примеру Нахеры вскоре последовали жители Миранды на Эбро, где, по инициативе священника, народная толпа стала грабить еврейские дома и убивать отдельных евреев. Педро поспешил на помощь евреям Нахеры и Миранды и сурово наказал виновников грабежей, между прочим, и мирандского священника. Но когда в 1366 г. Генрих обратился за по-

мощью к знаменитому французскому полководцу Бертрону Дюгелену, и последний явился в Испанию со своими приверженцами, избиения евреев приняли грозные размеры. Евреи везде мужественно защищались; в городах, сдававшихся Генриху, они спасали свою жизнь путем огромных выкупов. В Бургосе им пришлось уплатить миллион мараведи. Многие общины были истреблены; с отчаяния многие евреи отреклись от своей веры. Особенно сильно было их материальное разорение. Когда после решительного сражения под Монтиэлем Педро предстал перед Генрихом, последний воскликнул: «Вот этот еврей, сын блудницы, называющий себя королем Кастилии!». Педро был тут же обезглавлен (1369 г.). Дальнейшие победы Генриха сопровождались конфискацией еврейского имущества и жестокими преследованиями беззащитных евреев. Христианское население стало смотреть на них как на людей, стоящих вне закона, не находящихся нигде покровительства, и тем скорее нападало на них, чем легче расчистывало на богатую добычу, доставшуюся совершенно безнаказанно.

Вступление на кастильский престол династии Генриха усугубило начавшийся поворот в положении испанских евреев. Отныне церковь не встречала более на своем пути проповеди ненависти серьезных препятствий со стороны светской власти, теперь опиравшейся на партию, лозунгом которой недавно служили слова: борьба с защитником евреев, королем Педро. Чуждые широким слоям народа благодаря своим религиозным воззрениям, гонимые правящими слоями вследствие своей вражды к династии Генриха, вызывая в одних чувство зависти к своему богатству, в других чувство злости, поставленные вне закона, насильно изолированные, евреи представляли собою своего рода магнит, который притягивал к себе всегда имеющийся в скрытом состоянии в народе запас злой воли и мести — продукт многолетней агитации церкви и тяжелых экономических условий.

Чтобы разрядить его, достаточно было и самого небольшого толчка. Генеральный викарий севильского архиепископства, Феран Мартинес, религиозный фанатик и враг евреев, дал такой толчок.

В сообществе с некоторыми другими представителями духовенства он изготовил ряд писем на имя магистратов главнейших кастильских городов с просьбой изгнать евреев из соответственных городов. Наиболее богатая и могущественная община евреев Севилья обратилась по этому поводу с жалобой к королю Генриху, и хотя последний, как мы знаем, не сочувствовал евреям, он принял, однако, меры к их защите из опасения, как бы изгнание евреев не подорвало финансовых сил страны. В 1378 г. Генрих поставил на вид Ф. Мартинесу необходимость прекращения агитации за изгнание евреев. Однако, Мартинес предложил свою работу, принявшую широкие размеры, когда на кастильский престол сел 11-летний Генрих III Беспомощный. Мартинес обратился к духовенству севильского прихода с приказанием, под страхом отлучения от церкви, разрушить синагоги врагов бога, называющих себя евреями, и строительный материал синагог употребить на исправление церквей; всякое сопротивление должно быть подавлено силой, а на отказывающийся от богоугодного дела город должен быть наложен интердикт. Во многих местах Кастилии начались разрушения синагог, а в Севилье погром, сопровождавшийся убийством многих евреев. Безнаказанность громил привела к тому, что 6 июня 1391 г. гетто в Севилье было подожжено со всех сторон, и начались резня евреев и грабежи еврейского имущества. Посреди толпы, чинившей всевозможные зверства над умиравшими

евреями, находился Мартинес, своими речами призывавший народ к святому делу и требовавший, чтобы не осталось в живых ни одного еврея. Свыше 4 тыс. человек погибло в Севилье в этот день; много женщин и детей было продано в рабство; лишь немногие успели спастись бегством, огромное же большинство приняло христианство (тогдашнее еврейское население Севильи определяется в 20—30 тыс. человек, по Грецу).

Из Севильи погромная волна разнеслась сначала по ближайшим местам, и в Кармоне, Эсихе и других городах севильского епископства не осталось в живых почти ни одного еврея: здесь действовал, как свидетельствует современник этого страшного года, Айала, в «Летописи царствования Генриха III», не столько религиозный фанатизм, сколько желание грабить чужое богатство. Вскоре границы епископства оказались тесны для грабежей, и началась резня евреев в Кордове: свыше двух тысяч человек пало жертвой разъяренной толпы, много женщин было изнасиловано и много детей продано в рабство; большинство синагог, еврейских лавок и домов погибло в пламени; спасшиеся от смерти евреи либо принимали христианство, либо тайно покидали Испанию. В течение почти трех месяцев толпы громил и разбойников свирепствовали по всей стране. Свыше 70 общин пережили ужасные дни, и еврейское население в них совершенно исчезло, если, конечно, не считать евреями тех, которые приняли христианство, спасаясь от неминуемой гибели. Количество убитых в 1391 г. определяется различно; обыкновенно приводится цифра — 50 тыс., несколько преувеличенная, по мнению известного историка инквизиции Ч. Г. Ли. По словам одного современника, погромы были устроены по инициативе особой организации, рассылавшей своих агентов по разным городам. Наиболее активным элементом в погромах были священники, ремесленники и обезземелившиеся крестьяне, жившие в городах в качестве чернорабочих. Значительна была и агитация со стороны доминиканцев.

Фактическая безопасность, предоставленная крестившимся евреям, значительно способствовала росту крещений, в короткое время превывших в Кастилии несколько десятков тысяч. В эти дни, — говорит Адлер, — закон всячески благоприятствовал переходу в христианскую религию; крещеному даровалось полное социальное равенство, что свидетельствовало об отсутствии расового антагонизма и о наличии лишь религиозного. Еврей, становившийся христианином, мог быть избран на всякую должность как в государстве, так и в церкви; ему представлялась возможность заключать браки даже с самыми знатными вельможами. Ужасная резня, свирепствовавшая в ряде городов, вызвала поголовный переход целых еврейских общин в христианство. Страшная паника разорвала прочную связь, которая обычно так крепко сплавляет евреев в критические моменты. Церкви, — пишет Льоренте, — наполнились евреями обоих полов, различных возрастов и состояний; все они спешно умоляли о крещении. В течение короткого времени более 100 тыс. семейств, т.-е., быть может, 1/2 миллиона людей, отказались от религии Моисея, чтобы принять религию Христа.

В официальном отчете о беспорядках 1391 г. в Валенсии, сделанном 14 июля, т.-е. через пять дней после резни, говорится, что вся еврейская община Валенсии, за исключением немногих беглецов, приняла крещение; среди новообращенных были и раввины. Число крестившихся в одной Валенсии тогда определялось в 11 тыс.; во всей Арагонии их было, вероятно, около ста тысяч. Современные этим

событиям еврей не относились сурово к крестившимся; один еврейский писатель, говоря о них, выразился следующим образом: «Боязнь смерти охватила их». Тем не менее, вероотступники перестали считаться настоящими евреями. Они образовали как бы особый класс людей, которых, строго говоря, нельзя было считать ни евреями, ни христианами, и которые получили название «маранов», «новых христиан» или «обращенных». Число их еще более возросло благодаря выступлению на сцену доминиканца Феррера.

* * *

Доминиканец Висенте Феррер (1350—1419), причисленный церковью к лику святых, принадлежал к тем мрачным фигурам аскетического средневековья, которые глубоко и искренно презирали мирские удовольствия, считая земную жизнь юдолью плача и страданий. Далекий от интриг, ненавидя пороки своего времени, одинаково бичуя как сильных, так и слабых, обладая удивительным красноречием, Феррер умел властвовать над своими слушателями, и имя его пользовалось в Валенсии, где одно время он состоял кафедральным проповедником, широкой популярностью. Слепо и покорно шла за ним толпа верующих, готовая совершить, по его приказанию, одинаково как величайшие подвиги, так и самые ужасные злодеяния. Отказавшись от места духовника при схизматическом папе Бенедикте XIII и отправившись в далекое путешествие во главе процессии бичующихся, Феррер воодушевлял народные массы, призывая их к спасению мира, задыхающегося в своих пороках и низменных страстях. Зловеще предсказывал он приближение конца мира, если евреи, мавры и еретики не будут насильно водворены в лоно католической церкви. В своем увлечении Феррер не замечал, что во главе именно этой церкви в тот момент находилось двое пап, из которых один — Бенедикт XIII (Петр де-Луна) — был двумя соборами низложен, а другой — Иоанн XXIII (Бальтазар Косса) — был клятвопреступником и бессовестным обманщиком. Для чистоты церкви это как-будто было не столь существенно. Гораздо важнее было увеличить католическую паству несколькими тысячами новых душ, и Феррер с крестом в одной руке и со свитком торы в другой, во главе нескольких сот бичующихся (флагеллантов), врвался в синагоги, «громким и страшным голосом» требуя от евреев стать под сень креста, обещая новообращенным всякие земные и небесные блага и угрожая непокорным самыми страшными и ужасными карами. И в то время, как Феррер произносил свои громовые проповеди, его сторонники, воодушевленные богоугодным делом, приводили в действие его угрозы и насильно гнали в широко раскрывшиеся объятия католической церкви все новых и новых adeptов. Так, число маранов увеличилось еще на несколько десятков тысяч человек.

Что представляли собою мараны?

В тяжелую годину эпидемии резни и в мрачную эпоху миссионерства Феррера испанские церкви осаждались десятками и сотнями тысяч людей, алкавших крещения не как душевного успокоения и разрешения от бремени религиозных сомнений, а как единственного средства спасти свою жизнь и сохранить свое богатство. Не небесные, а земные блага сулила им церковь, не любовью и милостью манила она их к себе, а страшными угрозами и тяжелыми карами, не об исцелении души, а о приумножении своей паствы заботилась она, и не религиозные истины и нравственную чистоту внушала она при-

шедшим к ней сынам, а трусливое лицемерие и гнусную измену. Принятым в лоно католической церкви евреям не даны были даже религиозные воспитатели и наставники; заботились лишь о формальном их крещении: лишь бы мира хватило в мирнице. И свершилось «чудо»: мирницы по утрам наполнялись святой жидкостью, и никто не получал отказа в святом крещении.

Но в сердце новообращенных не иссякала злоба, и люди в гневе и отчаянии, потеряв кто сына, кто дочь, кто отца, со скрежетом зубов, произносили слова любви и милости, но помыслы их были направлены ко злу и мести. Одни — и то были даже лучшие элементы — принимали католическую веру потому, что не были героями и предпочитали спокойную и мирную жизнь мученической смерти; они по существу оставались евреями, тайно соблюдали религиозные и нравственные предписания иудейской религии и лелеяли в душе мечту о том, когда им, наконец, удастся сбросить с себя лицемерную маску и снова примкнуть и с внешней стороны к еврейству. Их временный переход в иную религию принимал все более длительный характер, мало способный примирить их с новой религией и лишь внушавший большинству из них недобрые чувства как по отношению к тем, которые принудили их жить жизнью лицемеров, так и к тем, которые своей мученической жизнью давали им пример героизма, как бы постоянно упрекая их за измену своей религии и своему народу. Недобрые чувства будут побуждать их на недобрые дела, и эти христиане по имени, евреи по существу, окажутся тяжелым балластом, прежде всего — для церкви, которая, посеяв ветер, будет пожинать бурю: мать, ласкающая сегодня своих детей и осыпающая их за измену наградами, завтра, когда будет введена святая инквизиция, их же будет пожирать.

Другую категорию новообращенных составляли те, которые с легким сердцем и без колебаний переходили в другую веру, потому что видели в ней возможность лучше устроить свою жизнь, спокойнее пользоваться мирскими благами. Освободившись от оков ответственности, налагаемых невольно на членов всякого национального меньшинства, в особенности угнетаемого, эти люди будут плыть по житейскому морю без руля и ветрил с ничтожным багажом нравственных понятий, стараясь скрыть следы своего еврейского происхождения. Но нелегко будет им установить свою национальную незапятнанность (alibi). Чтобы приобрести чистоту крови, ту limpieza, которая одна только могла спасти их от когтей инквизиции, им придется совершать немало нечистых дел. Тяжелым бременем лягут они на общество, в которое вступили без любви и веры, с единой лишь целью — всячески его эксплуатировать; страшное наследие — социальный антисемитизм — оставят они еврейству; никому они не будут в пользу и будут лишь всем в ущерб.

Третья категория новообращенных состояла преимущественно из честолюбцев, мечтавших о государственной или общественной деятельности. Им и раньше, быть может, было тесно в узких рамках еврейской жизни, и кровавые события 1391 г. дали им возможность осуществить то, на что они не могли решиться при повседневном течении жизни. Так как духовное звание было почти необходимым условием для действительно широкой деятельности, то многие из них стремились к епископской манти или даже к кардинальской шапке. Придали ли испанской церкви блеск чистоты Пабло де-Санта Мария (раввин Соломон Леви), Геронимо де-Санта Фе (талмудист Ишуа бен-Иосиф из Лорки) Франциско Диоскарне (Астриук Раймух)

и многие другие ученые евреи, которые после крещения применяли всю свою ученость к изобличению грехов иудаизма, — относительно этого христианские теологи могут быть различного мнения. По отношению к еврейскому народу они служили источником лишь неисчислимых его страданий и глубокого позора.

Как велика ни была та или иная группа марапов, огромное большинство их вступило в новую веру с горечью в сердце, со злобой в душе; одни посылали проклятия своим старым единоверцам; другие — своим новым братьям; третьи, наконец, и тем, и другим. И немало бедствий накликали эти проклятия: не даром многие историки считают марапов виновниками введения инквизиции в Испании. Действительно, римская курия беспрестанно будет указывать, что марапы изнутри подрывают церковь и что для борьбы с этими внутренними врагами необходимо такое напряжение сил, на какое способна лишь одна инквизиция. Она-то и сумеет установить в стране единство религии, чистоту католицизма. Но на пути практического проведения принципа чистоты религии, — принципа, впоследствии вылившегося в формулу *cujus regio, ejus religio* (чья власть, того и религия), — находилось в Испании серьезное препятствие, отсутствовавшее в других странах Европы.

Дело в том, что Испания представляла собою в то время тип смешанного государства, в котором нехристианские национальности не только количественно были представлены в очень значительном числе, но и фактически владели огромными богатствами и являлись необходимым условием как материального развития страны, так и правильного функционирования государственных финансов. Военная жизнь отвлекала испанское дворянство от мирного труда, и торговля и даже в значительной степени ремесло были предоставлены маврам и евреям, которые, обогащая себя, обогащали, вместе с тем, и страну. Кроме того, не будучи привилегированным сословием и не имея никаких средств борьбы с королевским произволом, нехристиане являлись прекрасным объектом для всевозможного рода обложений, тем податным мясом, которым обильно кормилась казна и без которого она не могла обойтись. Чтобы побудить испанских королей на изгнание евреев из страны или на жестокие поношения на арабов, сопровождавшиеся большими материальными потерями, необходимо было, хоть отчасти, гарантировать государству финансовые средства помимо тех, которые получались от иноверцев, а всей стране необходимо было дать новый источник богатства. Возможность открытия колониальных стран, суливших Испании золотые горы и дни беспечного счастья, явилась той компенсацией для короля и всей страны, без которой трудно было бы решиться осуществить во всей полноте программу католической церкви, которая, не ограничиваясь требованием об изгнании евреев и преследовании мавров, настаивала на применении жестоких мер по отношению как к христианским еретикам, так и к марапам и крещеным маврам, т.е. к лицам, виновным в своем нехристианском происхождении. С предстоящим открытием Америки вопрос об изгнании евреев благополучно, с финансовой точки зрения, мог быть решен.

Уже в 1481 г., т.е. почти одновременно с введением в стране инквизиции, появился декрет Изабеллы об изгнании евреев из Андалузии, где евреи были более многочисленны, чем в других местах Испании. Декрет этот тотчас не был приведен в исполнение и несколько раз действие его отсрочивалось; весьма вероятно, что он и не получил осуществления, так как уже в 1484 г. в Андалузии, как это

видно из буллы Сикста IV, беспрепятственно жили евреи. Точно также в 1492 г., в момент общего изгнания евреев из Испании, 8 тысяч еврейских семейств из Андалузии отправились через Кадикс, не считая многих других, уехавших через Картагену и арагонские порты. Весьма возможно, что декрет об изгнании андалузских евреев потому встречал препятствия на пути к осуществлению, что в то время Фердинанд и Изабелла, ведя борьбу с маврами из-за обладания Гранадой, нуждались в денежной помощи евреев. И в декрете 1481 г. следует скорее видеть ловкий финансовый маневр, чем искреннее желание Изабеллы очистить страну от евреев: ведь путем угрозы немедленного изселения, всякий раз откладываемого на неопределенное время, легко было получить от евреев значительную выкупную сумму. В подтверждение этого можно привести следующее: Фердинанд в 80-х годах XV столетия не раз издавал приказы об изгнании евреев из той или иной местности, хотя в действительности декреты эти не проводились в жизнь и служили лишь средством для получения от евреев внеочередного взноса, сверх тех податей и налогов, какие они платили в обычное время.

Неудачи, постигавшие королевские декреты и дававшие казне возможность лишний раз нажиться на счет евреев, не настолько, как видимому, ухудшали положение евреев, чтобы можно было рассчитывать на массовый их переход в христианство при господстве инквизиции. Вот почему от попыток к изгнанию последняя перешла к возбуждению в народе неприязненных чувств к евреям и к распространению среди фанатической толпы разных о них слухов. В народе был пущен слух, что даже и наиболее влиятельные евреи всячески оскорбляют христианскую веру, насмехаясь над ее святынями и позоря наиболее дорогие имена ее представителей. Так рассказывали, будто несколько евреев в страстную пятницу 1488 г. камнями забросали находившийся на холме Гано крест, но были пойманы герцогом Альбой, который сжег равнина и многих участников этого святотатства и привел крест в надлежащий вид.

Венцом клеветы и инсинуаций по адресу евреев был инсценированный великим инквизитором Торквемадой процесс святого дитяти из ла Гуардии. Процесс этот вызвал в испанском обществе сильное негодование против евреев и находившихся под их влиянием марапов. Законченный в ноябре 1491 г., т.е. за пять месяцев до декрета об изгнании евреев, он сыграл без сомнения крупную роль в решении Фердинанда и Изабеллы раз навсегда освободить страну от еретической заразы.

Сущность дела святого дитяти из ла Гуардии заключалась в следующем.

В июне 1490 г. в Асторге был арестован новохристианин Бенито Гарсиа, спрятавший среди своих вещей святую гостию. Подвергнутой пыткам, Бенито Гарсиа заявил, что он вместе с другими марапами и 6 евреями замыслил заговор против христианства. Названные лица были арестованы и обвинены, во-первых, в том, что не только убили 3-летнего крестьянского ребенка из ла Гуардии, но и причинили ему различного рода муки; во-вторых, что они из вырезанного у мальчика сердца и украденной гостии пытались сделать волшебное средство, с помощью которого можно было бы уничтожить не только инквизицию, но и христианство, и в третьих, что они произносили святотатственные слова, при чем новохристиане принуждались евреями к соблюдению различных еврейских обрядов. В тюрьме, во время пытки, обвиняемые то энергично отрицали свою

вину, то измышляли, не имея силы переносить дольше пытки, всевозможного рода преступления, которые и легли в основу обвинения, которое в действительности было построено на лжи, так как в ла Гуардии или ее окрестностях в это время христианский ребенок не пропал, и никто не жаловался на исчезновение ребенка; нигде также не были найдены следы какого-либо похищения. Когда томившемуся в тюрьме в течение 1½ лет Юсе Франко было предъявлено обвинение в убийстве, то он, отрицая свое участие в каком-либо убийстве вообще, указал, что в доносе на него и в выставленном обвинении не говорится ни о времени, ни о месте, ни об участниках этого убийства. 16 ноября 1491 г. все обвиняемые были казнены в Авиле: умершие три еврея были сожжены в изображении, остальные — живьем, а мараны, примирившиеся с церковью, были задушены до сожжения. В прочитанном на торжественном сожжении решении инквизиционного трибунала была с особенной силой подчеркнута роль евреев в этом деле и указывалось, что они всячески стремятся завлечь маранов в свои антихристианские замыслы и усиленно занимаются обращением христиан в иудейство. Сделано это было, чтобы возбудить в народе чувство злобы к евреям и положить конец сомнениям относительно правильности процесса святого дитяти из ла Гуардии.

Евреев отныне систематически стали обвинять в оскорблении христианства; указывалось, что старания инквизиции положить конец тайному иудейству и ее борьба с отпадением маранов от христианства останутся тщетны, пока в стране будут существовать открытые приверженцы иудаизма, которые всячески содействуют распространению своей веры среди жителей Испании, в особенности среди тех, которые недавно лишь приняли христианство. Изгнание евреев сделалось, таким образом, условием успешной борьбы инквизиции с ересью, и католическая царственная чета, взявшая на себя инициативу в деле введения инквизиции, не могла, разумеется, не поддаваться теперь этим указаниям великого инквизитора Торквемады.

Ко всему этому следует прибавить и победоносное шествие христианского оружия, завоевавшего Гранаду халифат и осуществившего, наконец, давно лелеянную испанскими монархами мечту об окончательном вытеснении из пределов Пиренейского полуострова господства полумесяца и замены его властью креста. «Опьяненный победой, — говорит Абрабанел, — король Фердинанд почувствовал необходимость достойным образом возблагодарить бога, который помог ему покорить Гранаду. Моею благодарностью будет если я... или обращу в христианство народ Израиля, или изгоню его из моей страны». Кроме чувства благодарности, Фердинанд руководился и чисто государственными соображениями: евреи, соединившись с маврами против христиан, легко могли увеличить силы вражеской армии и представить грозную опасность для недавнего победителя, который до взятия Гранады, в видах склонения евреев на свою сторону, обещал им различного рода привилегии и теперь, опасаясь прослыть покровителем врагов христианства, нарушил свое обещание и тем самым обратил евреев в союзников покоренных мавров. И в денежной поддержке со стороны евреев Фердинанд теперь более не нуждался: богатая Гранада, доставшаяся ему, наконец, после долгой борьбы креста с полумесяцем, с ее трудолюбивым, мирным и состоятельным населением, могла сторицей вознаградить его за те потери, которые получились для казны с прекра-

щением притока еврейских денег в виде очередных и внеочередных налогов и податей. Кроме того, самое изгнание евреев из страны, в виду запрещения вывоза золота и серебра, сопровождалось большой выгодой для казны. Недаром патер Абарка охарактеризовал поведение Фердинанда при изгнании евреев следующими словами: «Король был действительно разумным христианином, который умел извлекать для себя пользу из интересов как церкви, так и государства». Фердинанд, однако, еще колебался, тем более, что евреи, узнав о его намерении их изгнать из пределов Испании, предлагали ему для отвращения этого несчастья большую сумму денег. Но, как передают современники, в дело вмешался великий инквизитор Торквемада. Войдя с распятием в руках в ту самую комнату, откуда за несколько минут до этого вышли еврейские представители, он обратился к королевской чете со следующими словами: «Иуда Искариот продал Христа за 30 серебрянников, а вы желаете продать его за 30 тысяч! Вот же он, возьмите его и продайте». Затем он бросил на стол распятие и быстро покинул королевский дворец. Под впечатлением этих слов Изабелла стала настаивать на немедленном опубликовании декрета, и Фердинанд уступил просьбе жены, подписав 31 марта 1492 г. эдикт об изгнании евреев из Испании на вечные времена.

* * *

В декрете говорилось о том, что, узнав о существовании в их государстве христиан, тайно исповедывающих иудейство, за что ответственность всецело падает на евреев, с которыми христиане вступают в различные сношения, Фердинанд и Изабелла издали в 1480 г. в Толедо распоряжение об устройстве отдельных кварталов для евреев во всех городах, местечках и деревнях в надежде, что этим путем будет положен конец указанному злу. Точно также был отдан приказ инквизиции наказывать виновных, и многие уже поплатились за свою вину; однако, зло не прекратилось, и христиане продолжают иметь сношения с евреями, которые стараются оторвать их от святой католической веры и толкнуть на путь ошибочных верований и законов, обучая их своим обрядам, собираясь с ними для чтения молитв и исполнения того, что им предписывают религиозные законы, совершая над христианами и их сыновьями обряд обрезания, заставляя христиан соблюдать еврейские посты, есть еврейскую пищу и хоронить по еврейскому обряду и вбивая им в головы, что нет истинного закона, помимо Моисеева закона. Король и королева поэтому решили приказать всем евреям и еврейкам оставить королевские земли и никогда более не возвращаться в Испанию; приказ этот распространяется как на тех, которые родились в королевских землях, так и на тех, которые проживают в них временно, — все они, без различия возраста и пола, должны навсегда оставить страну в конце июля 1492 г. Всякое нарушение этого приказа, в форме ли оставления страны или возвращения в нее, повлечет за собою смертную казнь и конфискацию имущества в пользу королевской казны, при чем приведение в исполнение наказания не потребует соблюдения обычно предшествующих ему формальностей. Король и королева повелевают также, чтобы никто не смел оказывать помощи или поддержки, открытой или тайной, еврею или еврейке под страхом потери всех наследственных земель, вассального имущества и крепостей, а также всякого рода королевских милостей. Евреи могут увести из страны свои богатства и имущество, если только они не

заключаются в золоте, серебре и в чеканных монетах и не составляют запрещенных законами королевства товаров.

Декрет об изгнании дополнялся распоряжением, что евреям предоставляется право продавать имущество, движимость и недвижимость, одушевленные предметы и долговые расписки.

С другой стороны, Фердинанд распорядился секвестровать все еврейские земли для удовлетворения христианских кредиторов, и фактически в Арагонии евреи не могли продавать своих земель, хотя и был отдан приказ всем судам быстро рассмотреть всякого рода претензии христиан к евреям. Одновременно с секвестром еврейского недвижимого имущества шло взимание в пользу казны со всех сделок особого налога в размере, равном тем податям, которые евреи обычно уплачивали казне, так что, несмотря на изгнание, евреи в 1492 г. должны были внести причитающуюся с них сумму ежегодных налогов и податей. Благодаря такому взиманию, евреи могли инкассировать гораздо меньше того, что выручали за свое имущество и товары, которые и без того не давали им много, так как цены на все товары были в то время крайне низкие, вследствие чрезвычайного предложения со стороны евреев, вынужденных распродать все имущество в течение трех месяцев. Андреас Бернальдес, священник из лос Паласиос, рассказывает, что лучшие еврейские дома и прекраснейшие имения продавались за бесценок: «превосходный дом обменивался на осла; благоустроенный виноградник на несколько аршин сукна, большая часть оставалась совершенно непроданной».

На долю королевской казны при изгнании евреев выпало немало денег. Когда изгнанные евреи прибыли в портовые города, им было объявлено, что с каждого отправляющегося по морю еврея взывается по два дуката в пользу короля, и евреи, не имеющие права оставаться лишний день в пределах Испании, вынуждены были вносить требуемый налог. Всякое опоздание с отъездом и пребывание в стране сверх срока наказывались конфискацией имущества в пользу казны, которая нередко конфискованными у евреев землями вознаграждала тех грандов, которые терпели убытки от изгнания евреев. Кроме того, все оставшееся в Испании еврейское имущество пошло в казну, как не принадлежащее будто частному лицу и вследствие этого переходящее в собственность государства. Между тем, оставшееся после евреев имущество было очень значительно, так как полное тревоги ближайшее будущее, страшные опасности, неизбежные при столь необычайном путешествии, запрещение вывоза денег и золота, опасение, что невозможно будет реализовать полученные от христиан долговые обязательства, смутные надежды на скорое возвращение, — все побуждало евреев оставлять у своих друзей-христиан на хранение как наиболее драгоценные предметы, так и наиболее трудно перевозимые.

От внимания правительства, разумеется, это не могло остаться скрытым, и вскоре были назначены особые чиновники, на обязанности которых лежала забота о разыскании всего спрятанного в пределах Испании еврейского имущества и немедленного обращения его в государственную собственность. Льоренте опубликовал одно такое распоряжение Фердинанда и Изабеллы от 12 сентября 1492 г. на имя толедского комиссара Родриге дель Меркадо, из которого видно, что король требовал принятия строгих мер против тех христиан, которые, имея у себя оставленные евреями на хранение вещи, переправляли их теперь за границу, преимущественно — золото, серебро, деньги и иные запрещенные предметы. Как показал Ли, розыски

эти продолжались еще в 1498 г. и не ограничивались пределами одной лишь Испании. Под предлогом того, что евреи вывезли с собою запрещенные вещи либо получили их впоследствии от своих христианских друзей, хранивших их у себя, испанские власти преследовали евреев и в других странах и обратились за помощью в этом отношении к английскому королю Генриху VII и неаполитанскому Фердинанду I.

В королевскую казну достались также синагоги и еврейские кладбища, коотрыми король мог распоряжаться по собственному усмотрению. Этим добром, повидимому, широко воспользовалась и церковь, как об этом свидетельствует королевское распоряжение от 23 марта 1494 г. Во избежание обращения синагог и еврейских кладбищ в церкви и церковно-религиозные учреждения евреи охотно стали уступать муниципалитетам и частным лицам чтимые евреями предметы. Однако, Торквемада следил, чтобы евреи не совершали сделок с христианами и вынуждалась бросать свое имущество на произвол судьбы. В то же время, по приказанию Торквемады, доминиканцы особенно усердно взялись в последние месяцы, предшествовавшие изгнанию евреев, за пропаганду среди них христианских идей, при чем старые приемы агитации путем публичных дискуссий были оставлены и заменены новыми: отныне переход в христианство должен был совершаться не в силу тех или иных преимуществ христианской религии, а в видах более спокойной жизни, во имя земного благополучия и материального обеспечения. Казалось, что в эти дни узаконенного грабежа, когда под различными неблагоприятными предложениями монастыри присваивали себе еврейское имущество, католическая церковь напрягала все силы к тому, чтобы путем призыва к низменным страстям, путем предоставления премии за измену старой религии и вознаграждения за нравственное падение, подчеркнуть свое моральное убожество и засвидетельствовать пред миром свое цивилизаторское банкротство.

Число евреев, живших к моменту изгнания их из Испании, определяется приблизительно в 190 тыс. чел., при чем перед уходом из страны, в которой евреи жили в течение многих веков, крестилось около 50 тыс. чел., так что изгнано было 140 тыс.; из них около 20 тыс. погибло в пути, — остальные ушли на восток, в Африку, а также в Голландию и временно в Португалию.

* * *

Около 10 тыс. изгнанников переселилось в соседнюю Португалию, король которой Иоанн II готов был за известное вознаграждение мириться с временным пребыванием испанских евреев на его территории. К несчастью для евреев, их въезд в Португалию совпал с чумной эпидемией, развитию которой немало способствовали и те убийственные гигиенические условия, при которых происходила массовая эмиграция из Испании. Фанатическая толпа увидела в чуме божье наказание за допущение иностранных евреев в Португалию и требовала принятия мер к быстрому их удалению из страны. Эмигранты-евреи массами стали убегать в горы и степи, но чернь всячески преследовала их, и евреи сами стали умолять Иоанна II об отпущении их, согласно договору, морем в другие государства. Условия переезда были столь тяжелы, что многие евреи просрочили назначенное для оставления Португалии время. За это они должны были заплатить особый штраф в размере ста крузад с семейства:

на ремесленников был наложен гораздо менее значительный штраф; а тысяча человек была обращена в рабство и распределена между различными дворянскими родами.

Этим, однако, не прекратились муки испанских евреев, спасшихся в Португалию.

По приказанию Иоанна II, у обращенных в рабство были отняты дети от 3 до 10 лет и отвезены на вновь открытый дикий остров св. Фомы, чтобы там дать им христианское воспитание. Горе матерей и отцов, насильственно лишенных своих малолетних детей, было столь велико, что многие из них кончали самоубийством или принимали христианство, и летописцы рассказывают трогательные истории о том, как матери навеки прощались с детьми, и на какие жертвы шли многие из этих несчастных.

Жестокие меры Иоанна II способствовали тому, что число крестившихся в Португалии было сравнительно значительно, что объясняется, помимо жестокости королевских приказов о евреях, и тем, что в Португалии в то время инквизиция еще не была введена, и принявшие христианство не попадали, под предлогом сочувствия иудаизму или недостаточной преданности новой религии, в руки инквизиторов.

* * *

Мы не станем описывать здесь дальнейших мытарств испанских изгнанников, — скажем лишь, что очень скоро Испания стала чувствовать печальные последствия ухода столь многочисленных граждан. Еще до вступления в силу декрета об изгнании, высшие сановники Сицилии представили Фердинанду записку, в которой доказывалось, какой огромный ущерб государству причинит изгнание евреев, так как прочее население почти вовсе не занимается ремеслами и искусствами. Городской совет Палермо послал сицилийскому вице-королю заявление о грозящем королевству, в особенности столице, разорении в случае эмиграции евреев. Испанские гранды, недолго после ухода евреев, жаловались, что их города и местечки опустели и потеряли всякое значение; если бы они, говорили гранды, предвидели подобные результаты изгнания евреев, то не подчинились бы эдикту 1492 г. и не допустили бы ухода евреев из государства. Город Витория 29 октября 1492 г. с печалью констатировал, что вследствие изгнания евреев он и его окрестности сильно нуждаются ныне во врачах и хирургах и вынуждены платить врачу 10 тыс. мараведи, хотя ранее медицинская помощь обходилась городу всего в 600 мараведи. Особенно сильно пострадала торговля, что дало основание немецкому экономисту наших дней Зомбарту утверждать, что одной из причин перенесения центра экономической энергии из круга южно-европейских наций к северо-западным европейским народам явилось изгнание евреев из Испании и Португалии.

Но печальные для Испании последствия внезапной потери 150 тыс. человек пренебрегались церковью, и папа Александр VI горячо поздравлял Фердинанда за его богоугодное предприятие и в знак высшей благодарности наградил его титулом «Католика». Отныне он должен был называться не просто Фердинандом, а Фердинандом-Католиком. Эту честь разделяла с ним и его супруга — императрица Изабелла. Впрочем, Александр VI, восхваляя мероприятия Фердинанда, повторял лишь то, что говорили другие католические современники изгнания евреев. Так, генуэзский летописец

нарега считал эту меру «украшением нашей религии», хотя и признавал, что в ней мог быть «оттенок жестокости, если принять во внимание, что дело шло о людях, божьих созданиях».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ГЕРМАНИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ.

Со второй половины XIV века евреи Германии все больше стали бежать на Восток. Казалось, заканчивается история еврейских мучений на Западе, где восторжествовали следующие два принципа: 1) евреи и христиане должны быть совершенно изолированы друг от друга, и даже власти, во избежание контакта с евреями, не вмешиваются в их внутреннюю жизнь, и 2) ни одно занятие, которым может или желает заниматься христианин, не должно быть, в целях устранения конкуренции, доступно еврею. Однако, бежать без оглядки не так-то легко, и в XV столетии во многих местах Германии все же продолжали оставаться небольшие еврейские общины. Но ремесленники и мелкие торговцы упорно требовали их уничтожения и не шли даже на то, чтобы евреям, как того желали отдельные князья, предоставлены были «наименее выгодные и наименее почетные» работы, как чистка улиц, уборка отхожих мест и т. д.

В автономных городах и на ландтагах, то и дело, раздавались голоса об удалении евреев, хотя князья настаивали на возмещении казне убытков вследствие изгнания евреев.

Кое-где ландтаги шли на это; но в большинстве случаев против евреев умышленно выдвигались обвинения в ритуальных убийствах и осквернениях гостий, чтобы заставить князей и без денежных компенсаций провести в жизнь декрет об изгнании. Так было поступлено в 1475 г. в Триенте, когда ритуальный процесс привел к гибели одну из цветущих еврейских общин. Об этом процессе мы упомянули в пятой главе настоящей книги, когда привели, согласно донесению епископа Гиндербаха, «сознание» евреев, обвиненных в ритуальном убийстве.

Аналогичным образом действовал Мекленбург, который в связи с обвинением евреев в осквернении гостий предал 24 сентября 1492 г. огню 26 евреев на холме близ города Штернберга, а затем изгнал из пределов страны всех евреев.

Не лучше поступил Бранденбург: когда курфюрст Иоахим I в 1509 г., вопреки обещанию не терпеть больше у себя евреев, выдал им несколько защитных писем, бургомистры ответили инсценировкой осквернения евреями причастия, закончившейся казнью одних и изгнанием из Бранденбурга всех остальных евреев. Мало того, бургомистры пытались расширить мнимое святотатство и вовлечь в свои сети и живших вне пределов Бранденбурга евреев; но соседние князья, извлекавшие выгоду из них, не соглашались идти на поводу у бранденбургских бургомистров. Не всегда, впрочем, старания горожан увенчивались успехом; иногда им удавалось лишь наложить большой денежный штраф на евреев, превращавшихся в силу часто повторяющихся штрафов в нищих, неспособных ни к какой деятельности.

К началу XVI века из всех почти имперских городов евреи совершенно исчезли; не было их и в более или менее крупных княжеских территориях. Из Кельна они были изгнаны в 1426 г.; из Аугс-

бурга в 1439 г.; из Саксонии в 1430 г.; из Баварии в 1450 г.; из епископства Гильдесгейма в 1457 г.; из Шпейера в 1431 г.; из Майнца в 1438 г.; из Бреслава в 1453 г.; из Бамберга в 1475 г.; из Ульма и Нюрнберга в 1499 г.; из Нердлингера в 1507 г.; из Регенсбурга в 1517 г.

Значительная часть немецкого еврейства очутилась в Польше, Венгрии и Чехии; там, где были сравнительно развитые города с средним, мещанским сословием, евреи встречали большое затруднение для поселения; наоборот, сеньеры и представители центральной власти принимали их сравнительно веротерпимо. Чешский король Владислав дал им даже грамоту, что они никогда не будут изгнаны из его государства, а когда он стал ограничивать число вновь прибывших, то дворянство в борьбе с королевской властью начало опираться на евреев, не довольных изменой им короля Владислава.

И в Польше, где в XV веке не было особенно влиятельного мещанства, евреи, несмотря на издевательство и произвол шляхты, жили в лучших условиях, нежели в Западной Европе. Но в тех польских городах, где налицо имелся средний класс, обычно немецкий, евреи сталкивались со знакомыми им немецкими порядками и должны были либо оставить эти города, либо прозябать попрежнему в тех условиях, в которых пребывали их немецкие собратья. Тяжелые времена, наступившие для евреев в Германии, начиная с годины Черной смерти, дали довольно значительное число крещеных. В маленьком епископстве Пассау в середине XVI века их насчитывалось 40 семейств, и во многих местах Германии часто встречались такие фамилии, как Трей, Трейберг, Блейбтрей, Ландман, Христиани, Якоби, Конради, Августин, Готлиб, Готлоб, Христлиб, Отто и так далее, как себя обычно называли крестившиеся евреи. Занимавшим высокое положение, как профессору Клейдевейсу, приходилось отнекиваться от своего происхождения, хотя ему определенно указывали, что его отец был евреем, а его брат был повешен. Со злым сарказмом говорили и о кардинале Альбрехте, близкий родственник которого крестился.

Во время реформации религиозные и политические противники друг друга называли крещеными евреями, и Алендеру или Бугенгагену пришлось немало волноваться по поводу их происхождения. К этому именно времени вошло в употребление, что автор какого-либо научного труда, в котором имелись еврейские цитаты или ссылки на еврейскую философию и литературу, на главном листе указывал, что он происходит от «настоящих» христиан. Обращение евреев в христианство встречало отпор со стороны ремесленников, боявшихся их конкуренции, и иезуиты, которые особенно усердно занимались крещением евреев, стали указывать, что неопитам должны предоставляться лишь те профессии, которые и без того уже доступны евреям, и в немецкой части Праги, например, нередко можно было видеть среди еврейских лавок такие, которые принадлежали недавно крестившимся. Но это уже были отщепенцы, а не евреи.

Большая дробность германской территории затрудняла проведение единых мер, и евреи Германии, изгоняемые из отдельных ее частей, находили обычно приют в маленьких духовных и светских владениях южной и западной Германии, в особенности в карликовых рыцарских и всяких иных имперских землях. Здесь и мелкие суммы имели значение, и рыцари облагали и брали подарки от «своих»

евреев, нередко даже заселяя ими пустынные места и непригодные земли. Некоторые мелкие владетельные особы, имея очень ограниченные средства, стремились заполучить доходную статью, каковой они считали евреев. Так, владетель Гогенгейма (Тироль) не только не тревожит своих евреев, но поручает им привлечь в Гогенгейм некоторое количество новых иудеев; за это он готов наделить еврея-«вербовщика» определенными привилегиями. Графиня Мансфельд не желает отказаться от своих евреев, несмотря на то, что Мартин Лютер доказывал ей необходимость выселения евреев как с религиозной, так и с экономической точки зрения; он даже в своих антиеврейских доводах не преминул сослаться на плохой запах, исходящий от евреев и являющийся причиной опасных болезней¹⁾.

Большую роль играла при решении вопроса об отношении к евреям противоположность интересов рыцарей и горожан: рыцарству тяжело было подчиняться эгоизму городов и оно стремилось подорвать цеховую монополию городских изделий и привилегию принудительного снабжения города сельско-хозяйственными продуктами. Землевладельцы поэтому не только предоставляли евреям право заниматься разными ремеслами, но и вывозить деревенские продукты далеко за пределы небольших владений. Нужда рыцарей в деньгах, все сильнее чувствовавшаяся по мере развития денежного хозяйства, побуждала их содействовать еврейскому ремеслу и торговле, и они могли лишь приветствовать, когда жители Нюрнберга, Аугсбурга и Ульма отправлялись в близлежащие деревни для приобретения у евреев ремесленных изделий, которые в городе продавались цеховыми мастерами по более высокой цене. Так поступали не только рыцари, но и крупные сеньеры, а иногда и короли, с трудом переносившие разорительную для них политику изгнания евреев горожанами.

Фердинанд Австрийский поселил в 1539 г. в окрестностях Аугсбурга евреев, чтобы наказать монополистов-ремесленников; точно также поступили марграфы Байрейта и Ансбаха и пфальцграфы в целом ряде местностей. Три прирейнских архиепископа, которые в угоду горожанам изгнали из своих городов евреев, позволили им жить в окрестности и вообще в сельских местах, несмотря на резкие протесты городского населения. Так германское еврейство рассеялось по местечкам и деревням и покинуло города, даже крупные торговые центры.

Разумеется, конкуренция деревенских евреев была встречена с большим ожесточением со стороны мещанства, которое в многочисленных жалобах императору, князьям и ландтагам указывало, что купленные дорогой ценой городские привилегии фактически уничтожаются евреями.

Протест против «деревенских евреев» сливался с протестом против деревни вообще, вступившей на путь промысловой деятельности и вызывавшей с XV века крайнее недовольство мелкого мещанства. Так, Мюнстер в Вестфалии на пороге XV века требует, чтобы светские и духовные князья запретили на расстоянии двух миль кругом города заниматься хлебопекарством, пивоварением и другими промыслами, которыми добывают себе пропитание сами горожане, и городской совет Мюнстера уверяет архиепископа Фрид-

1) Tänzler, Geschichte der Juden in Tirol 1910; Schudt, Jüdische Merkwürdigkeiten, 4 m., 1780; F. Priebatsch, Die Judenpolitik des fürstlichen Absolutismus in 17 und 18 Jahrhundert (в сборнике в честь проф. Шефера, 1915); Meyer, Geschichte der Juden in Regensburg, 1913.

риха, что деревня лишает горожан возможности жить вследствие того, что она стала производить городские продукты. В Зоэсте, под влиянием ремесленников, муниципалитет принял меры защиты против окружающих деревень. Точно также город Нердлинг возмущался возникновением питейных заводов и заведений в его окрестностях и настаивал на энергичных мерах против этого «эгоизма деревенщины». Одновременно с деревней идет борьба мещанства внутри города, направленная против капиталистов, которых обвиняют в том, что они убивают мелкого человека, подрывают устои цеховой организации и тайно либо открыто протягивают руку евреям, которым выгодно разрушение цеховой организации и расширение сферы деятельности свободного капитала. В Аугсбурге в 1524 г. были распущены все торговые общества, так как они проникнуты «капиталистическим, опасным для мелкого люда духом».

В Кельне совету было поставлено на вид, чтобы он следил «весьма зорко» за торговыми обществами, подрывающими старые привилегии цехов.

Особенно сильным нападкам подвергалась предварительная закупка товаров, так называемый *Vorkauf*, спекуляция предкапиталистического общества.

Во Франкфурте мелкота добивается, чтобы «рынок по-старинке был свободен» и чтобы предварительная закупка запрещалась до 12 часов дня. В Базеле цеховая и торговая организация в начале XVI века была заострена специальными пунктами, направленными против капиталистов. Евреев во многих местах заподозривают в участии или даже организации капиталистических торговых обществ, и Франкфурт подчеркивает, что евреи могут отныне продавать лишь старые вещи и сукно оптом, а не в розницу. Майнц совершенно запрещает им торговлю; в Кельне «злые нехристианские евреи» должны быть изгнаны не только из города, но и из его окрестностей. Та же линия диктуется городскому совету Мейнингена со стороны мещан. Богатые города заподозриваются в том, что в них городской совет не заботится о бедняках, а помогает не только богатым, но и евреям.

На этой почве начинались антисемитские погромы. Кельнские мещане и студенты нападают на евреев местечка Дейца, но их запищают окрестные сельчане. Франкфурт не желает впустить португальских евреев, но их приглашают сеньеры окрестностей Ганау; имперский город Дортмунд изгоняет евреев, которые находят приют в Дюисбурге. Жители Данцига не хотят видеть евреев; но окрестные духовные и светские сеньеры удерживают их почти у самых ворот; аналогичное имело место в окрестностях Бреславля, Гильдесгейма и т. д. Так как протесты против «эгоистических» действий деревенских сеньеров и княжеской власти далеко не всегда имели успех, то горожане начинают следить друг за другом, чтобы никто не имел сношений с евреями, и в 1559 г. имперский город Кауфбейрен наказывал изгнанием из городских пределов виновных в сношениях с евреями. Комотау запрещал шапочникам и кожевникам покупать кожу у евреев, а совет Лейтмерица настаивает пред феодалом-соседом, чтобы он запретил своим евреям говорить и иметь дела с жителями Лейтмерица.

Все это усиливало социальный антисемитизм, тем более, что города были беспомощны в своей борьбе с крупными землевладельцами, и город Ульм считал даже более правильным разрешить евреям, жившим в его окрестностях, заниматься ремеслом и мелкой

торговлей, под условием, однако, подчиняться хоть некоторому городскому контролю. Так как в тогдашней Германии была страшная беднота властей, и на одни и те же места претендовали одновременно разные владельцы с противоположными интересами, то эти именно пункты оказывались излюбленными местами евреев: Фюрт во Франконии, Энтинген в Швабии, Глогау в Силезии видели в своих стенах борьбу различных властей, от которой подчас евреи оставались в выигрыше. Разумеется, немало приходилось евреям страдать от столкновения разных интересов, но в общем им в маленьких владениях, имевших деревенский характер, жилось сравнительно сносно: не даром о евреях силезского местечка Цюльца говорилось, что им лучше, чем христианам, так как владелец Цюльца дорожит своими ремесленниками, торговцами и налогоплательщиками. Некоторые современники указывали, что в господских землях заметно даже патриархальное отношение к евреям.

Следует, однако, иметь в виду, что «сносная и патриархальная» жизнь евреев в господских владениях означала большой регресс, попятное движение и отсталость еврейской экономики, а с ней, разумеется, и умственной деятельности. Живя в деревнях, без капиталов и без земли, с крайне ничтожным кругом потребителей и производителей, отгороженные от живых центров обмена и торговли, без далекого горизонта и широкого кругозора, евреи, очутившиеся под сенью мелких и средних рыцарей, прозябали и опускались на уровень почти натурального хозяйства окружавшего их деревенского быта. Но при этом, не в пример крестьянину, они не обладали земельным наделом, который составляет обычно неотъемлемую часть всякого натурального режима, и потому представляли собой почти никому ненужный паразитический привесок к деревне. Сверх мелкого посредничества, им ничего другого не оставалось делать; еврей покупал у крестьянина скот, семена и землю с тем, чтобы немедленно перепродать их другому крестьянину с некоторой для себя выгодой. Подобные продажи и покупки часто совершались при деятельном уговоре со стороны еврея, который постепенно превратился в неизбежного маклера и «фактора» при всех почти крестьянских сделках.

Таким мы видим еврея в XVI—XVIII вв. в Эльзасе, Швабии, Франконии, Гессене, в прирейнских странах, а также на востоке, в частности в Польше. В то же время евреи продавали всякий старый хлам, становились старьевщиками и сбывали крестьянам негодные господские вещи. В местечках и деревнях для них не было особых гетто, никто и не настаивал на специальной для них одежде, и, как констатируют наблюдатели XVII в., в швабских деревнях замечалось сближение между христианами и евреями: их дети играют вместе, и евреи обучаются писать и чисто говорить по-немецки¹⁾. С другой стороны, это систематическое маклерство, дававшее еврею некоторые средства к жизни, вызывало недовольство части крестьянства, не считавшего посредничества настоящим трудом и видевшего в евреях наживающегося на его счет человека. На этой почве вырастал вскормленный церковью долгими веками антисемитизм.

Но в гораздо более сильной степени крестьяне стали нападать на евреев с того момента, когда рыцари и помещики превратили евреев в орудие своей эксплуатации подвластного им населения. Сеньеры очень рано убедились, что за разрешение евреям проживать

¹⁾ Zeitschrift des historisch. Vereins für Schwaben und Neuburg, XXVI.

в деревнях и местечках можно с них требовать, помимо обычных налогов и чрезвычайных сборов, в сумме своей все-таки ничтожных, и разного рода услуги в виде арендования отдельных статей господского хозяйства. И чем больше помещики нуждались в деньгах, тем сильнее они давили на своих евреев-арендаторов, которые, в свою очередь, притесняли крестьян, желая извлечь для себя пользу и удовлетворить аппетиты владельцев, на земле которых они жили.

Уже в начале XVII века в Пране (Чехия) еврей предоставляется монополия торговли хмелем; несколько позже в других местах Чехии, а также — Силезии и Саксонии, еврей фигурировал в качестве управляющего имения, а также единственного арендатора дрожжевых, винокуренных и питейных заводов, харчевен и шинков¹⁾. Нередко он заведует овечьей фермой, виноградниками, садами, молочным хозяйством, а в защитных грамотах, выдаваемых на право посещения в том или ином поместье, указывается, что еврей обязан заботиться о сбыте сельско-хозяйственных и иных предметов данного поместья. Так еврей из крестьянского посредника постепенно становится представителем помещичьих интересов, и каждый сеньер начал охотно заводиться «своим» евреем, который при нем исполнял самые разнообразные функции.

На этой почве выросли во второй половине XVII в. так называемые придворные евреи, сфера деятельности которых была крайне разнообразна. Они заботились о покупках и продаже нужных и ненужных их господину предметов, добывали для него деньги, исполняли всевозможного рода поручения, часто такие, которые он считал для себя унижительными, и были подчас доверенными лицами своих высоких покровителей. Так, в 1703 г. монопольный арендатор пфальцской соли Моисей Лэмле был отправлен в Вену за получением субсидии в 400 тыс. флорин, которые он «вернее наивернейшего человека» доставил в Пфальц. Во многих местах западной Германии шли в XVII—XVIII веках бесчисленные рассказы о том, как евреи прятали в рот и даже проглатывали драгоценные камни и всякие редкости, чтобы их в сохранности доставить своим господам.

Нередко придворный еврей назначался на высокий пост, обычно связанный с финансами того мелкого князя, на земле которого он сидел. XVIII век знает и такие случаи, когда придворные евреи играли роль в больших государствах. Так, большим влиянием в Бранденбурге-Пруссии пользовались Липпольд, Гумперц и Иост Либман, Зюс Оппенгеймер в Вюртемберге, Мейзель, Трейнберг, Вертгеймер и Оппенгеймер в Чехии и Австрии.

Обычно такие придворные евреи начинали свою карьеру в качестве мнопольных арендаторов соляного, табачного и горного дела, а также лотерей и некоторых других господских предприятий. Если начало оказывалось удачным, придворный еврей входил в милость и становился подчас правой рукой и мелкого, и среднего, и даже крупного князя. Даже к такому щепетильному и суровому королю, каким был прусский Фридрих-Вильгельм I, еврей обратился с предложением сдать ему в управление на арендных началах недавно завоеванное Пруссией графство Текленбург. Правда, король отказался от этого предложения, но, как пишет королевский биограф Дом, он согласился с тем, что следует вступать в деловые и даже

¹⁾ Willibald Müller, Geschichte der Juden in Mähren; Karlebach, Geschichte der Juden in Lubeck; Bondy-Dworsky, Geschichte der Juden in Böhmen, 2 m., Scheid, Histoire des juifs de Hagenau, 1893; Markgraf, Die Juden auf den Leipziger Messen, 1910.

тесные сношения с евреями, имеющими большой опыт, необходимые средства и желание быть действительно полезными королю. Положение придворных евреев было крайне непрочным: нередко они получили своих господ крупными суммами, которых они не могли получить обратно, и, например, Мейзель и Оппенгеймер были начисто ограблены императорами Рудольфом II и Карлом VII; кроме того, смерть покровителя всегда сопровождалась большой опасностью для придворного еврея, все благополучие которого заключалось на личном к нему доверии «высокой особы».

Но потеря имущества и влияния отдельных лиц бледнеет совершенно пред тем фактом, что арендатор, монополист, управляющий имением, заведующий разными отраслями частного или государственного хозяйства, исполнитель благовидных и неблаговидных княжеских поручений, поставщик двора, придворный кредитор и советник короля, мелкий посредник, маклер и фактор, — все эти евреи превратились в орудие эксплуатации вообще и, в первую очередь, крестьянства.

Чем меньше была территория, в пределах которой еврей пользовался благоволением начальства, тем яснее вырисовывалась его роль пособника эксплуататора-помещика и тем естественнее, что классовая ненависть эксплуатируемого крестьянства направлялась прежде всего по линии наименьшего сопротивления, против беззащитного еврея, которого и светский закон, и предписания религии считали врагом христианского общества.

Так за городским социальным антисемитизмом, не сменяя его, а лишь дополняя его, шел и развивался в силу экономических условий деревенский социальный антисемитизм.

Если в городе еврей ненавидели средневековые цеховые элементы, видевшие в нем разрушителя старого феодального строя, то в деревне к нему питали вражду, как к защитнику и пособнику феодальных порядков, которые были так ненавистны крестьянству. Если в городе на еврея нападали демократически-ремесленные слои во имя сохранения прошлого, то в деревне он делался объектом нападений со стороны таких же демократических элементов во имя уничтожения старого, столь тяжелого для крестьянства, феодального строя, и во имя интересов экономической свободы и развития производительных сил: и там, и здесь еврей оказался разлагающим и опасным элементом, тем более ненавистным, что он был везде «чужим», и тем легче подвергался он нападениям, чем больше психологически была подготовлена идеологией того времени почва для преследования.

Цеховой строй поддерживался путем изгнания евреев из городов, феодальный режим разрушался путем избиения и истребления евреев в деревнях. Крестьянские войны XVI века в Германии, в основе своей в первую очередь направленные, хотя иногда и под религиозным флагом, против тогдашнего феодального строя, сопровождались во многих местах еврейскими погромами, так как и рыцарь, и крупный землевладелец сдавали в откуп и в аренду еврейское частное и даже государственное хозяйство, и еврей, эксплуатируемый своим благодетелем, эксплуатировал крестьянина и становился в его глазах сообщником феодала, врагом и мучителем крестьянского населения, — и понятно, что всякий взрыв народного негодования в деревнях изливался и на голову того, кто считался господским пособником, его усердным слугою в деле порабощения народа. Мало того, пред лицом поднявшегося разгневанного

народа действительные его эксплуататоры старались обелить себя путем ссылки на то, что виновниками всех народных страданий являются не они, а евреи, и крестьянин тем легче это принимал на веру, что в своей ежедневной жизни он чаще сталкивался персонально с евреем-арендатором, чем с крупным землевладельцем. И не только крестьянские войны XVI века знают еврейские погромы: их знает и Великая французская революция, и революция 1848 г. в Германии, Австрии и Венгрии.

Феодализм падал и пал, проливая везде кровь евреев, как, якобы, пособников старого режима.

Диалектика истории привела к тому, что те самые элементы, которые являлись олицетворением антифеодальных начал и в течение средневековья преследовались за свою разрушительную работу, направленную против «старого режима», в предсмертный час этого «старого режима» стали в глазах тех, которые более всего страдали от него, символом опоры и защиты феодальных порядков.

Деятельность деревенских и местечковых евреев, а также придворных, стала открывать евреям дорогу и в города, в особенности в те из них, где развивался крупный капитал, и где цеховая организация отступала на задний план. Пример Голландии, предоставившей возможность евреям вести совершенно свободно широкую торговлю, казался настолько показательным в смысле выгоды допущения евреев к капиталистической деятельности, что многие из защитников меркантилизма стали настаивать на необходимости привлечь евреев к делу обогащения государства.

Так как меркантилизм деятельно вербовал сторонников и среди монархов, опиравшихся на крупный торговый капитал против ремесленников, то с усилением абсолютизма положение евреев в городах стало улучшаться. Так граф Кармер, бывший прусским канцлером при Фридрихе Великом, разрешил евреям заниматься суконной торговлей в видах борьбы с высокими ценами христианских продавцов. Правительство Бамберга заявило в 1759 г., что евреям необходимо дать свободу торговли, так как они не имеют земли и не допускаются в ремесла. В Тироле, где евреи подвергались особым притеснениям, им стали в XVIII веке разрешать являться на все ярмарки, причем не проданные ими товары они могли, в качестве коробейников, разносить по всем тирольским городам. Точно также в графстве Гогенемс, несмотря на протесты мелких торговцев и ремесленников, австрийское правительство заявило, что пребывание евреев целесообразно и совпадает с интересами государства. Саксонский деятель Вольфрамсдорф в очень распространенной в свое время книге «Portrait de la soug de la Pologne» настаивал на необходимости заселить Саксонию евреями, которые ежегодно могут доставлять государству пять миллионов талеров; а маленький Гехст (на Рейне), считывавший получать от евреев ежегодно два миллиона, был раздосадован, что евреи не поселились в Гехсте.

Эти меры правительства встречали сильные протесты мелких горожан: в Кенигсберге, Бреславле и Лейпциге в середине XVIII в. на этой почве были настоящие народные волнения, носившие антиправительственный и, вместе с тем, антисемитский характер. В Мемеле были убиты некоторые евреи, недавно поселившиеся в нем и занимавшиеся торговлей. В моравских городах императору было

казано на то, что обычно евреи продают плохие сорта моравского сукна, обманывая покупателей и выдавая сукно за испанскую материю. Евреи, по мнению моравских ремесленников и мелких купцов, существуют в Моравии лишь в видах религиозных (ad testimonium fidei) — для принятия христианства и удержания их от перехода к туркам; в противном случае их нужно было бы изгнать.

Одним из идеологов этого мелкого торгово-ремесленного класса был в XVII веке Марпергер, который в своем «Историческом утесе» доказывал, что еврейский купец призван нанести смертельный удар христианскому и что необходимо бороться с идеей допущения евреев в торговлю и в городские поселения вообще. Все высокие поборы с евреев по существу являются поборами с христианских потребителей, которые платят евреям дорогие цены за товары: совершенно неправильно утверждать, — думает Марпергер, что евреи собирают и из них что-либо выжимают; раз они явились в город без средств, то все нажитое ими составляет в сущности собственность христиан и, следовательно, лишь последние платят всякие поборы, ничуть не еврею. Неужели они перевели в вексель свое имущество в Гамбург, Венецию и Амстердам, когда император Тит разрушил их государство?

В своей агитации против евреев Марпергер не только не был одинок, но опирался на всю церковь своего времени — как на католическую, так и на лютеранскую. Известно, что Мартин Лютер, относившийся в первой половине своей деятельности благожелательно к евреям, переменял потом к ним свое отношение, отчасти под влиянием утверждения католиков, что лютеранство — это замаскированный иудаизм, а отчасти вследствие необходимости Лютера искать для себя опоры и среди городской мелкоты, враждебно настроенной к евреям.

Когда Лютер убедился в тщетности своих упований на массовый переход евреев в лютеранство, то стал не менее резко, чем истые католики, доказывать, что иудейское учение исходит от дьявола и сатаны и что с евреями не следует церемониться. В своем первом памфлете, затрагивавшем вопрос о евреях и называвшемся «Dass Jesus en geborener lude sei», он, правда, доказывал, что евреев следует обращать в христианство, но сильно подчеркивал, что католические методы обращения в лоно христианства должны быть целиком и полностью отвергнуты и порицаемы. «Ваши дурни-попы, епископы, софисты и монахи — все эти ослиные головы поступают с евреями так, что всякий христианин предпочтет быть евреем... будь я евреем, никогда бы попу не удалось меня совратить в это идолопоклонство... если мы употребляем грубую силу и поносим евреев, утверждая, что им необходима кровь христиан, чтобы освободиться от своего зловония, и тому подобные бессмыслицы, поступаем с ними, как с собаками, то чего доброго мы можем ждать от них?... Мы должны действовать путем убеждений и доброты... а если некоторые из них и останутся при своем упорстве, что же плохого в том?».

В дальнейшем Лютер меняет свою тактику, и когда к нему в 1547 г. обратился его друг, профессор богословия Базельского университета Вольфгам Капитон, с просьбой ходатайствовать за евреев, которых изгнал из Саксонии современник реформации, герцог Иоанн Фридрих Саксонский, Лютер отказался поддерживать это ходатайство и заявил, что евреи не оправдали его надежд. Особенной злобой к евреям дышат изданные им в 1544 г. две книги под названием: «Von den Juden und ihren Lügen» и «Vom Schem Hamforas und vom

Geschlecht Christi». В своем фанатизме Лютер дошел до следующего: «Если бы я мог, — воскликнул он, — я собрал бы их самых выдающихся людей и потребовал бы от них доказательств, что мы, христиане, не служим единому богу, под угрозой вырвать им язык сквозь затылок». Фанатизм свой Лютер объясняет тем, что евреев нельзя обратить в христианство, ибо сердца их «твердокаменножелезодьявольские» (stocksfeineisenteufelhart); их страдания вызываются божьим наказанием; их примирить с христианским обществом нет возможности, и Лютер передает рассказ о статуте какого-то декана-выкреста в одной Кельнской церкви, где декан изображен с кошкой в одной руке и мышью в другой; кошка и мышь являются символом отношения евреев к христианам.

Не менее резко нападал на евреев и друг Лютера Мартин Буцер, виднейший деятель реформации, сначала в Страсбурге, Констанце и Ульме, а затем в Кэмбридже, где впоследствии, в царствование Марии Кровавой, его кости были, при посредстве инквизиции, сожжены публично на базарной площади. В своей брошюре 1539 г. «Von den luden», равно как в записке, поданной им в сообществе с шестью другими теологами Гессенскому ландграфу, Буцер настаивал, чтобы евреи посещали проповеди пасторов и не имели права устраивать диспутов с христианскими теологами. Буцер настаивал пред ландграфом Филиппом на том, чтобы евреи отказались соблюдать предписания талмуда, не строили больше синагог и занимались исключительно черными работами. Ему евреи и были обязаны ухудшением своего положения в Гессене.

Юдофобская агитация Буцера и побудила знаменитого Эразма Роттердамского заявить, что «в смысле юдофобии немцы, без различия верований и учений, остались добрыми католиками». Одновременно с этими двумя столпами реформации, в этот век развития печатного станка, выступали против евреев и многие другие, причем пальму первенства в смысле грубости измышления и кровожадности предложений необходимо отдать, все-таки, представителям католического духовенства.

Выступления, разумеется, сопровождалось инсценированием ритуальных убийств.

В Ринне будто бы евреями когда-то был убит мальчик Андрей Окснер. Доказательством истинности этого убийства особенно усердно занимался Тирольский врач Ипполит Гуаринони, умерший в 1654 г. Этот врач некогда нашел под штукатуркой, около кафедры риннской церкви, обрывки старинной надписи, в которой евреи обвинялись в убийстве Андрея Окснера, купленного ими у его крестного отца. В надписи имеются следующие доказательства «ритуальности» убийства Андрея: деньги, полученные крестным отцом, обратились в листья, — это первое доказательство; второе — на могиле мальчика выросла лилия.

Через несколько лет после риннского дела аналогичные имели место в Регенсбурге и Франкфурте.

Нужно, однако, заметить, что не только Лютер, но и протестантский ученый Вагензейль и многие другие опорачивали эти инсценировки об употреблении евреями крови и публично выступали против подобной клеветы.

Даже императоры Карл V, Максимилиан II, Рудольф II и др. защищали евреев от возведения на них «вредной легенды». Карл, ссылаясь на папские буллы и грамоту Фридриха III, издал особую привилегию в Шпейере в 1544 г., в силу которой никто не имеет права

арестовывать, пытаться и мучить обвиняемого в ритуальном убийстве еврея, ни казнить его, а должен доводить дело до императора, как высшей власти над евреями в государстве, и ждать его решения.

Тем не менее, агитация против евреев, хотя и не всегда в плоскости ритуальных убийств, продолжалась и имела успех там, где и без того существовал сильный социальный антисемитизм из-за действительной и мнимой еврейской конкуренции. В лице Иоанна Эйзенменгера (умер в Гейдельберге в 1704 г.) мещанство нашло и своего ученого. Эйзенменгер был профессором восточных языков и в 1700 г. выпустил свою пресловутую книгу «Entdecktes Iudentum» (Разоблачение иудаизма), ставшей настольной для всех антисемитов позднейшего времени. Эйзенменгер оперирует цитатами из талмуда, но известный немецкий теолог, Карл Зигфрид, профессор иенского университета (ум. в 1903 г.), характеризует это сочинение следующим образом. «Взятая в целом, книга Эйзенменгера есть коллекция скандалов: некоторые отрывки истолкованы неверно, другие представляют инсинуации, основанные на одностороннем освещении, и даже если бы этого не было, сочинение, преследующее цель изобразить лишь темные стороны еврейской литературы, не может дать правильного понимания иудаизма».

Агитация Эйзенменгера и ряда других публицистов XVII—XVIII в.в. не могла, однако, повлиять на сторонников меркантилизма, и когда Европа вступила в полосу развития крупной промышленности и мануфактуры, евреи все чаще и чаще стали призываться к организации мануфактур и новых отраслей промышленности, в особенности таких, которые производили дорогие предметы, вывоз которых сильно поощрялся, так как это привлекало в данную страну много золота, считавшегося в эпоху меркантилизма признаком высшего материального благополучия. Даже в маленьких государствах началась погоня за золотом, необходимым условием которого было развитие мануфактуры, и все мечтали о ее насаждении, чтобы тем самым догнать Голландию и Англию, богатство которых в это время делало огромные успехи. Крупные и мелкие князья выдавали всем и каждому привилегии на устройство шерстяных, льняных, хлопчатобумажных, суконных, шелковых, кожевенных, зеркальных и иных мануфактур. За подобного рода привилегиями начали гнаться даже представители высшей знати, и слова голландца Асселингса о том, что тот должен считаться «самым благородным аристократом», кто участвует в самом большом количестве промышленных предприятий, имели очевидный успех, и еврейское общество вступило на путь широкого развития мануфактуры и всякого прожектерства и авантюризма.

Значительное участие евреев в колониальной торговле, их активнейшая роль в развитии голландского богатства, их широкие предприятия в южных и средних колониях Америки и проникновение их в дни господства Кромвеля в Англию сделали их в глазах ответственных людей меркантилистической политики олицетворением нового экономического духа, новой формы хозяйственного развития Европы. Неудивительно поэтому, что им поручают организацию мануфактуры, введение новых отраслей производства, «обогащение» целого государства. Так, многие из придворных евреев превратились в мануфактуристов, иной раз обладавших «королевской» или иной привилегированной мануфактурой. Даже в отсталой Пруссии в 1730 г. на сцену выступает еврей Давид Гирш, который в течение некоторого времени является единственным крупным представителем шел-

ковой промышленности; через год он учредил бархатную мануфактуру в Потсдаме, а затем и плюшевую.

В 1743 г. Гирш получил даже государственную ссуду в восемь тысяч талеров и приобрел свое производство, насчитывавшее уже 144 станка. Когда приехавшему на бреславльскую ярмарку Давиду Гиршу стали чинить препятствия, то Фридрих Великий издал специальный приказ, в котором сказано было: «Я приказываю основательно исправить все, что до сих пор сделано противно моей воле, а также на будущее время позаботиться о том, чтобы еврей для помещения своих весьма ценных товаров получил подходящий склад, и чтобы сбыт ему всячески облегчался и не делалось ни под каким предлогом никаких затруднений. Обратите внимание на то, что я серьезно смотрю на это дело и я буду рассматривать как выражение вашей ревностной службы, если вы примерно будете помогать осуществлению моей цели и моего желания».

Точно также единственное в Пруссии предприятие по выделке золотой и серебряной проволоки, нитей и позумента находилось в руках еврея Эфраима, одного из предпринимателей, которому была поручена чеканка монеты. Для шелковой промышленности предприятие Эфраима имело крупное значение, так как доставляло золото и серебро для дорогих тканей и само перерабатывало значительное количество шелка для галунов, обшивок и пр., так что на мануфактуре Эфраима имелись позументчики для выполнения этого рода работ. Мало того, примеры отдельных евреев, отличавшихся в сфере промышленности, заставляли Фридриха Великого требовать от евреев особой предприимчивости, и им вменялось в обязанность развить и устроить чулочное и шляпное производства.

Нужно, однако, заметить, что отдельные случаи «покровительства» евреям, искусным предпринимателям и опытным торговцам, ничуть не меняли общего фона законодательства о евреях нового времени, т. е. периода с XV века до конца XVIII в. для одних стран и середины XIX-го для других стран. Евреи в это время везде и повсюду были объектом извлечения доходов для государства; так как они не обладали той свободой действия, что в средние века и были в экономическом отношении крайне обескровлены и истощены, опустившись в то же время низко и в культурном отношении, то ценность их представлялась совсем ничтожной и ими перестали заниматься с тем усердием, какое было характерно для эпохи средневековья. Замкнутые в гетто, в лучшем случае терпимые, изгнанные из многих городов и рассеянные по местечкам и деревням, работая друг на друга, мало соприкасаясь с богатыми и вообще состоятельными христианами, и имея дела лишь с мелким людом, не брезгавшим возможностью получения от них и ничтожной ссуды, и являясь в деревнях посредниками в покупках и продажах, носивших грошевый характер, евреи стали предметом и презрения, и ненависти! Их презирали «выше» их стоящие; их ненавидели те, которые были не менее их эксплуатируемы, но которые видели еврея в лагере эксплуататора и во всяком случае считали, что он, подобно другим паразитам, живет, сам ничего не делая, за счет крестьянина.

И это убеждение питалось в одинаковой степени и вынужденным пребыванием евреев в местечках и деревнях, и отдельными случаями покровительства, оказываемого придворным и всякого рода промышленно-предприимчивым евреям. Последние представляли ничтожный процент еврейского населения, но они были у всех на виду; о них говорили, как о баловнях судьбы и о властелинах мира

его. Отдельные эпизоды обобщались в теорию о всемогуществе евреев, о их влиянии на государственную машину, и если один из них совершал мошенничество, то ответственной за него делалась вся еврейская масса, хотя она не имела никакого отношения к отдельным «знатым» евреям и не получала от них никакой выгоды. Всем было известно, что Фридрих Великий «приближает» к себе евреев, что он предоставляет им «всевозможные привилегии»; об этом говорили, этим возмущались, этим объясняли и обнищание масс, и некоторые неудачи «философа на престоле». Но никто не указывал, что этот король запретил евреям заниматься земледелием и кредитными операциями, что он ввел ряд тяжелых налогов, в частности в связи с возникновением новых отраслей производства, как фарфоровый налог, что он додумался до брачного побора и некоторых иных поборов, и что еврейскими деньгами была внесена часть контрибуции русским в 1763 г. Когда Мирабо, посетивший Берлин в год смерти Фридриха Великого (1786 г.), познакомился с его законодательством о евреях, то охарактеризовал некоторые законы, как «дотойные каннибала». Если таков был Фридрих Великий, если мало чем ему уступал Иосиф II Австрийский, другой философ на престоле, то стоит ли останавливаться на законодательной деятельности других государств, где евреев открыто и цинично считали лишь (оходной статьёй, не умея, однако, из этого делать такой простой вывод, как необходимость заботиться о поддержании в сохранности источников питания этой живой статьи доходов?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ДО XIX ВЕКА.

Подобно западно-европейским философам на троне и части просвещенной бюрократии второй половины XVIII века, Екатерина II и некоторые русские сановники склонялись к мысли об использовании иностранных евреев в качестве насадителей в России промышленности, устроителей мануфактуры и организаторов крупной внешней торговли в небывалых размерах. Вот почему, когда бреславльский еврей Яков Гирш в 1776 г. обратился к Екатерине с просьбой разрешить ему завести собственным коштом «овечьи заводы, коих овец шерсть, по его в содержании их искусству, ничем уступать не будет самой лучшей европейской шерсти», то свое прошение он мотивировал тем, что императрица неусыпно заботится об «обогащении своих поданных плодами собственных российских произращений, приводимых помощью труда человеческого в колико можно лучшее совершенство». Гирш обязывался обучить русских своему искусству для общей пользы, «открывая им в рассуждении содержания овец ему известный секрет». Для осуществления своего плана Гирш просил императрицу пожаловать ему в потомственное владение 24 кв. версты казенной земли, гористой и лесистой, крестьян, которые бы жили по соседству с пожалованной ему землей. На этой земле он надеялся добиться в продолжение восьми лет производства шерсти, одинаковой по достоинству с шленскою и английскою. Екатерина II в 1776 г. разрешила ген.-губернатору Чернышеву сдать Гиршу в аренду Должанский фольварк, если он найдет в его предложении «удостоверительную пользу». Чернышеву предписывалось взять с Гирша обязательство, гарантирующее целостность казенного

имения и пользу от его предприятия. 3 апреля 1777 г. Чернышев донес Екатерине, что с Гиршем арендный контракт на Должанский фольварк заключен и требуемое обязательство с него взято. В ведомости о казенных имениях Могилевской губернии, составленной в декабре 1785 г., значится в числе старостинских имений, пожалованных до зачета заплаченной за них суммы с платою по одному рублю с головы, Должанский фольварк, пожалованный бреславльскому купцу Гиршу 19 июня 1776 г. для заведения овечьих заводов впредь до указа (село Долгое и семь деревень с 792 крестьянами).

Точно также и в вопросе о заселении Новороссии Екатерина стремилась привлечь туда иностранных евреев и в 1764 г. велела отписать ген. Дашкову следующее: «Польские и другие жида, которые к нему будут обращаться и о себе сказывать, что они в Новороссийскую губернию на поселение желают, тех ему принимать в свою защиту и до российских границ давать паспорта до Риги и до Смоленска».

Разумеется, все шаги Екатерины II в вопросе о евреях носили крайне робкий характер даже тогда, когда она считала весьма полезным их для торговых интересов России. Она никогда не решалась идти против настроения господствующего класса, не желавшего с незапамятных времен разрешать въезд евреям в пределы русского государства.

Когда с самого начала своего царствования Екатерина должна была принять решение по поводу рассматривавшегося в сенате еврейского вопроса, она заколебалась, так как, с одной стороны, видела пользу от решения в положительном смысле, а с другой — слишком хорошо знала традиции предшествовавших монархов, и в найденной ею собственноручно написанной записке на французском языке ярко отражается эта колеблющаяся политика. В этой записке, между прочим, сказано было: «Не прошло еще восьми дней, как я вступила на престол и была возведена на него для защиты православной веры... умы были в сильном волнении, как обыкновенно бывает после такого важного события... начать царствование указом о свободном въезде евреев было бы плохим средством к успокоению умов; признать же въезд евреев вредным было невозможно».

Из этого затруднения вывел Екатерину сенатор кн. Одоевский, который сказал ей: «Не угодно ли будет, ваше величество, прежде решения дела, взглянуть, что императрица Елизавета собственноручно написала на полях подобного доклада». Екатерина велела принести дело и прочла: «От врагов христовых не желаю корыстной прибыли». — Екатерина, обратившись к генерал-прокурору Глебову, заявила: «Желаю, чтобы это дело было отложено». И в дальнейшем Екатерина, при рассмотрении всяких еврейских дел вела себя, по ее собственным словам, как искусная кокетка, тщательно скрывая свои мысли и поступая так, как ей было выгодно в смысле укрепления своего положения.

Вражда же к евреям, как ко всем инородцам, иноверцам и иностранцам, глубоко вкоренилась в нравы русских царей, и отступление от этой традиционной политики, разумеется, не могло упрочить престола Екатерины II. Московское государство всегда жило замкнутой жизнью, охраняло православную веру от влияния извне, редко отпускало русских людей за рубеж и неохотно впускало в свои пределы иноземцев. В лучшем случае последним разрешалось жить в Московии временно, в качестве гостей, т.е. купцов. Купцы из

восточных стран могли оставаться год, а западно-европейские купцы еще меньший срок, при чем католики и лютеране считались еретиками и, следовательно, опасными людьми. Иностранцам отказывали в праве приезда в Россию, потому что «государевым людям от того будет теснота и большие убытки»; в частности, купечество сильно поддерживало старую традицию — не впускать иноземцев, мотивируя это тем, что у нас все — от больших до малых — «чрезвычайно любят торговлю», и что иностранцам дальше порубежных городов идти не следует.

С трудом допускаемые в страну иностранцы должны были жить в особых частях города или за городом; обязывались носить особую одежду, и считалось запретным участвовать с иностранцами в пиршествах и в питье. Разумеется, евреи, которых не было в Московии, могли считаться при приезде сюда лишь иноземцами, и к ним применялись общие меры. Нет, однако, достаточно основания говорить о проникновении евреев, в более или менее значительном количестве, в пределы Московского государства; лишь при Иване Грозном, в связи с расширением торговли с иностранцами, польско-литовские евреи стали сюда приезжать с торговыми целями, но правительство круто с ними поступало, а когда король Сигизмунд взял их под свою защиту, то Иван Грозный ответил ему: «Занже и в иных государствах, где жида побывали, и в тех государствах много зла от них делалось, и нам в свои государства жидам никак ездити не велети, занже в своих государствах лиха никакого видети не хотим, а хотим того, чтобы бог дал в моих государствах люди мои были в тишине безо всякого смущенья. И ты бы, брат наш, вперед о жидках к нам не писал».

Ненависть к евреям Иван Грозный проявил и во время войны с Польшей: когда был взят Полоцк; царь велел всех евреев с семьями, говоря словами летописца, в воду речную вметати; были пощажены лишь принявшие православие. В смутное время, в частности в дни Лжедмитрия I, в связи с провозглашением свободной торговли, в Москву приехало некоторое количество купцов из Польши, в том числе, несомненно, были и евреи, что при избрании первого Романова и было поставлено в тягчайшее преступление Лжедмитрия, который будто привел «на осквернение храма» не только «еретиков, калвинцев, новокшенцев, армян, лютерой и римлян, но и богоубийц жидов»; разумеется, не лучше Лжедмитрия I был и Лжедмитрий II, о котором возведшие на трон Романова говорили, что в Москву был послан вор «родом жидовин». Худшего опорочения и нельзя было придумать для «тушинского вора»!

Разумеется, новый царь Михаил должен был помнить, что он, не в пример прочим, родом не жидовин, и иностранец Олеарий, живший в 1633/34 г.г. в Москве, свидетельствует, что здесь «крайне неохотно видят и слышат папистов и иудеев». Нужно, однако, заметить, что иностранцев, и помимо папистов и иудеев, стали преследовать в Москве: то была реакция против смутного времени, когда в Россию приехало сравнительно много иностранных купцов, из-за которых в дни царствования Романова говорили, что «в городах всякие люди обнищали». В соответствии с этим Уложение 1649 г. говорит, что «иноземцы некрещенные», т.е. иностранцы, не принявшие православия, должны жить в отведенной для них за городом Немецкой слободе, могут держать у себя в услужении только иноземцев всяких вер; русским запрещается жить у иноземцев, так как живущие у них православные умирают без покаяния, в посты едят

скоромное и т. п. Однако, дело было не столько в религии, сколько в боязни русских купцов, что иноземцы их «в обнищание приведут», и Новоторговый устав 1667 г. прямо ограничивает торговлю иностранцев в пользу русского купечества, запрещая им разъезжать по городам России и приезжать в Москву для торговли, за исключением тех, которые имеют от правительства грамоты за красной печатью.

Отдельные евреи получали подобные грамоты и вели торговлю в Москве. Быть может, это обстоятельство побудило архимандрита Иоанникия Голятовского, ярого врага всяких иноверцев, в частности лютеран, обрушиться с особенной силой и на евреев в книге, посвященной царю и вышедшей в 1669 г. под названием «Мессия Правдивый». В этой книге Голятовский пишет: «Мы, христиане, должны ниспровергать и сжигать ваши жидовские божницы, в которых вы хулите бога; мы должны у вас отнимать синагоги и обращать их в церкви; мы должны вас, как врагов Христа и христиан, изгонять из наших городов, из всех государств, убивать мечом, топить в реках и губить различными родами смерти». Во время стрелецкого бунта 1682 г. бунтовщики искали во дворце врача «Даниеля», который будто бы отравил царя Федора Алексеевича.

Даниель, о котором говорится, был «лекарь жид» Гаден, который некогда принял лютеранство и жил в Москве. Гаден, он же Данило Фунгаданов, Стефан, «жидовин немецкие-шленские земли, города Бресля, люторские веры», к которому еще в 1673 г. приехала мать, а затем другие родственники. Не найдя его во дворце, стрельцы убили его помощника, а также его сына Михаила и пустились в Немецкую слободу за поисками Гадена. Здесь они его поймали и повели ко дворцу. Царица Марфа и царевны стремились спасти жизнь врача и уверяли, что они сами отведывали подававшиеся царю лекарства, но разъяренные и опьяненные стрельцы кричали, что он «чернокнижник», что в его доме «сушеные змеи» и что его «надобно казнить смертью». Гадена повели в застенки и стали его мучить. Не выдержав испытания, Гаден обещал «выдать более его достойных смерти» и просил трехдневного срока. Стрельцы не хотели «долго ждать» и потащили Гадена на Красную площадь, где он и был зарублен на мелкие части. Казнь врача Гадена и его сына Михаила (Цви), принявшего христианство, произвела удручающее впечатление на тех немногих евреев-купцов, которые жили тогда в Москве; они объявили себя христианами и стали известны у зарубежных евреев под кличкой онсим.

При Петре попрежнему в Россию не впускались евреи в качестве оседлых жителей. Правда, сам Петр благоволил к некоторым крещеным евреям, и среди лиц, его окружавших, было несколько видных деятелей еврейского происхождения, как братья Авраам, Исаак и Федор Веселовские, барон Шафиров и первый петербургский обер-полицмейстер Дивьер; но все они были окрещены, и заявление Петра I Аврааму Веселовскому — «по мне будь крещен или обрезан — едино, лишь будь добр человек и знай дело», равно как его разрешение Гиршу, поставщику серебра на монетный двор, проживать постоянно с семьей в Петербурге — не означали еще перемены отношения правительства, а тем более правившего класса, к евреям, которое попрежнему продолжало быть резко отрицательным.

Так, когда в Смоленске образовалась небольшая еврейская колония, некоторые члены которой взяли кабацкие и таможенные откупа, а энергичный Борох Лейбов, виднейший откупщик, построил даже молельню в селе Зверовичах, то это вызвало возмущение мест-

ных купцов, которые желали немедленно удалить из Смоленска евреев и под маскою оскорбленных в своих христианских чувствах ревнителей чистоты веры обратились в синод с жалобой на вице-губернатора Гагарина, допустившего в Смоленск евреев, вопреки торжественному заявлению правительства в момент присоединения Смоленска к России, что в нем «благочестивая вера» будет охраняться. И до Гагарина все шло благополучно: «Жидовская поганая вера искоренена была без остатку и благочестие было без помешательства разных вер многих гады», а теперь евреи по субботам в Смоленске отдыхают, в христианские праздники торгуют и тем отвлекают христиан от богослужения, а откупщик Борох Лейбов нанес в Зверовичах смертельные побои священнику. И синод приказал: «Противную христианской церкви жидовского учения школу разорить до основания», а книги и прочее «сжечь без остатку», а в сенат представить об удалении евреев из края — «никогда бы в тех странах, где православных жительство имеется, никакого им пристанища и жительства отнюдь не было».

Постановление синода получило лишь частичное осуществление, как 26 апреля 1727 г. Екатерина I повелела выселить всех евреев из «российских городов» и не впускать их «впредь в эту страну». Приказ Екатерины I распространялся и на левобережную Украину, подпавшую под власть России в силу Андрусовского мира 1667 г.

Однако, на Украине евреи играли настолько значительную роль, что их внезапное и поголовное выселение отразилось бы на интересах большого числа потребителей предметов продажи еврейских торговцев, а также на доходах крупных помещиков, сдававших евреям в аренду питейное дело. «Именитые люди, — говорит С. М. Соловьев, — крепко держались за винокурение», польза которого лежала «в шинковании владельческими напитками — вином, пивом и медом во владельческих шинках». Эту роль на Украине, где в это время еще не было казенной продажи водки, выполняли зачастую евреи, и указ 1727 г. встретил поэтому возражение со стороны помещичьего класса. Он полностью и не стал проводиться в жизнь, и евреи не покинули целиком левобережной Украины. Мало того, даже в Москву приезжали время от времени отдельные евреи для торговых целей; бывал в Москве и нам уже знакомый предприимчивый Борох Лейбов из Зверовичей, что у Смоленска. В Москве Борох, именуемый иногда Глебом, познакомился в 1736 г. с отставным морским капитаном Александром Возницыным. Они сблизились, и Возницын дал себя обрезать. Против Бороха и Возницына началось дело, которое, по настоянию императрицы Анны Иоанновны, быстро было доведено до конца: Анна желала, чтобы «сие богопротивное дело не продолжалось», и распорядилась виновных немедленно «казнить смертью, сжечь, чтобы другие, смотря на то невежды и богопротивники, от христианского закона отступить не могли». 15 июля 1736 г., после предварительного оповещения столичного населения, Возницын и Борох Лейбов были преданы огню в Петербурге, на Адмиралтейском острове.

Дело Возницына-Бороха, повидимому, мало отразилось на положении евреев Украины (в России евреи были так малочисленны и жили тайком, что о них говорить вообще не приходится): помещики и отчасти городские потребители были заинтересованы в удержании евреев и не допускали их поголовного изгнания. Однако, с воцарением фанатички Елизаветы Петровны, ломавшей армянские церкви и разрушавшей мечети, дело искоренения из всей страны евреев

быстро стало подвигаться, и 2 декабря 1742 г. было издано Повеление о немедленной высылке из России всех евреев, «какого бы звания и достоинства ни были»; в стране остаться жить могли лишь те, которые соглашались принять православную веру, — в отношении их сказано было, что «токмо вон из государства не выпускать». Ответственность за исполнение указа была возложена на местную власть: «Смотреть накрепко, под опасением за неисполнение нашего гнева и тягчайшего истязания». Крайне нетерпимая Елизавета, гнавшая из Украины и татар, и лютеран, была тверда в своем решении окончательно очистить российское государство от евреев. Не помогли представления сената о том, что недопущение евреев может «приключить не малый ущерб» стране, и что евреи полезны «для приращения высочайших интересов и распространения коммерции», и сенат вынужден был предписать, чтобы «о впуске евреев никаких ни откуда представлений не присылалось». Но вопрос о том, будут ли евреи допускаться в пределы России, или нет, был решен не волею того или иного монарха, а историческим событием исключительной большой важности — разделами Польши и включением значительной ее части в состав российского государства.

* * *

В Польше евреи появились с Запада еще во время первых Крестовых походов, в связи с погромами, заставившими многих евреев бежать на Восток. Часть евреев очутилась также в Польше вместе с германцами, во время колонизационного движения, шедшего в том же направлении, как и бегство евреев в годы их погромов. При слабом экономическом развитии Польши евреи играли в ней значительную торговую роль, при чем соперниками и конкурентами их были лишь немцы, которые, подобно им, селились в городах и относились к ним враждебно. Другие слои населения не питали антисемитских чувств. То же можно сказать и о польских князьях, и с именем Болеслава Калишского связана грамота, выданная евреям в 1264 г., имевшая своим прототипом привилегию германского императора Генриха IV (см. выше третью главу) и бравшая под свою защиту польское еврейство. Как привилегия, так и вся политика высших властей Польши были построены на западных началах, и евреи считались здесь такой же доходной статьей казны, как и в Западной Европе. По мере усиления преследований евреев в Германии, расло число беженцев евреев в Польше. Особенно велика была иммиграция в Польшу в XV веке, когда евреи систематически стали изгоняться из разных частей германской империи.

Большой наплыв евреев в польские города вызвал недовольство мещан, обычно немецкого происхождения, и во второй половине XV века начались в ряде городов столкновения мещан с евреями. Слабость королевской власти была лишь на руку мещанам, и евреи вынуждены были заключить с городскими советами ряд договоров, коими в значительной степени были урезаны их торговые права. К этому времени шляхта сама стала вести торговлю земельными продуктами, и еврейский посредник перестал быть ей нужен. Охваченная лихорадкой предпринимательства, шляхта овладела государственной властью, обратила крестьянина в крепостное состояние и повела борьбу против городского сословия. Евреи, потерявшие для нее значение в качестве посредников, сделались отныне предметом усиленных ее нападков. В 1496 г. сейм запретил евреям приобретать

земельную собственность вне городов, а сеймовое постановление 1538 г. гласило: «Так как государственными уставами запрещено купцам вести торговлю в деревнях и устраивать здесь ярмарки, то мы тем менее можем разрешить это евреям». Тогда же было принято запрещение отдавать евреям в откуп государственные доходы.

В то самое время, когда шляхта стала во враждебные отношения к евреям, казавшимся ей теперь опасными конкурентами в деле сбыта земледельческих продуктов, горожане продолжали смотреть на евреев, как на удачливых соперников в области мелкой торговли и ремесла, и не только поддерживали шляхтичей в их нападках на евреев, но и требовали против них гораздо более энергичных мер. Так, например, много городов исходатайствовали себе право не впускать в свои пределы евреев и считаться «чистыми» от них (так называемая привилегия *De non tolerandis Judaeis*). Особенно много таких привилегий было получено в Мазовии, в частности ее главный город Варшава уже в 1525 г. стал «чистым» в силу полученной им привилегии *de non tolerandis Judaeis*.

Отрезанные от деревень, изгоняемые из городов, беднея и разоряясь, евреи Польши в XVI веке вступили в тяжелую экономическую полосу, из которой, казалось, не было выхода.

Однако, принявший в эту как-раз эпоху обширные размеры рост крупного землевладения оказался для евреев очень выгодным обстоятельством. Князья Замойские и Острожские, Потоцкие и Вишневецкие захватывали в среднем Подднепровье и по его степным притокам огромные, никем не меренные степные шири, расхищали казенные пустыни и заселяли их людьми путем предоставления им разных льгот. Быстро оживала степная Украина. Возникали новые хутора, деревни и местечки; возводились укрепления, и создавались города. Чувствовался большой недостаток в людях, и земельные магнаты — польское можновладство — привлекали на новые места евреев, тем легче, чем на старых им теперь жилось тяжело, и перемена обстановки сулила им новую, лучшую жизнь. Уходя на зов магнатов, евреи порывали с королем, которого магнаты заставили отказаться от доходов с евреев. Отныне последние освобождались от денежных повинностей королю и перестали считаться королевскими людьми. Евреи становятся принадлежностью отдельных магнатов, и Польша имеет отныне две категории евреев — королевских и частновладельческих или чиншевых. Лишение слабой королевской власти «живой» статьи доходов не без боли должно было чувствоваться казной, и Сигизмунд отметил свое поражение в фразе, столь же циничной, сколь и злобной. «Мы не даем, — сказал он, — своей защиты тем, кто не приносит нам никакой пользы». А последняя у него была вырвана можновладством, тем самым можновладством, которому теперь понадобились «свои» евреи для оживления огромных пустынных поместий.

Заселяя бесконечные шири «своими людьми», — крепостными, колонистами, чиншевиками и торговцами, — усиливая свою экономическую и политическую власть и превращая выборного короля в простое орудие своей классовой эксплуатации, польские магнаты стремились освободиться от всякой силы, стоящей выше их, и после свержения центральной власти, временами являвшейся представительницей средней и мелкой шляхты, они свтупили в борьбу с папством, желавшим делить с господствующим классом власть над угнетаемыми классами. Земельное могущество католической церкви, ее поборы и огромные доходы, постоянное ее вмешательство в государ-

ственную жизнь Польши казались магнатам опасным для их полностью властного господства в стране, и можновладство XVI в. явно выражает симпатии реформации, идее борьбы с римской курией. Можновладство, привлекавшее евреев путем льгот на свои земли и переметнувшееся на сторону реформации, стало объектом нападок Рима. Но так как курия открыто не могла ввязаться в бой с господствовавшим классом, то, по указанию папы, все польское духовенство, к которому вскоре пришли на помощь иезуиты, повело двойную атаку, связывая воедино реформацию и евреев, объясняя возникновение первой тлетворным влиянием вторых и обвиняя евреев в со- вращениях в иудейство, а при неудаче в лютеранство—многих истинно веровавших христиан. Церковь начинает называть «полужидами» приверженцев Симона Будного, отрицавших учение о троице, как вид политеизма, а в 1539 г. она на костре сжигает Екатерину Залешовскую, на склоне лет будто бы уличенную в отрицании христианских догм и в склонности к еврейству. В связи с сожжением Екатерины Залешовской в стране был пущен слух, что в разных местах Польши «люди веры христианской к закону магновскому приступили и обречения приняла».

Темная агитация имела успех: в городах и без того пылал социальный антисемитизм, в деревнях даже новых окраинных земель намечалась уже эксплуатация крестьянского населения можновладством через посредство частновладельческих евреев, и страна энергично требует расследования еврейских преступлений и розысков тайных иудеев. В виду отсутствия налицо новообращенных, молва уверяет, что они тайно бегут в Литву, и король Сигизмунд вынужден назначить специальное расследование по этому поводу.

Когда выяснились отрицательные результаты тщательных розысков тайных евреев, возникло обвинение евреев в сочувствии Турции, угрожавшей в то время Польше. Евреи, в качестве заклятых врагов христианства, стремятся передать весь христианский мир мусульманам, которые по духу своему близки иудеям и которые относятся поэтому к ним с большой веротерпимостью.

Если принять во внимание «турецкую опасность», овладевшую в XVI веке умами западно-европейского общества, то понятна та ненависть, которую стали возбуждать к себе эти «отверженные христианским миром» и распявшие Христа люди, мысль которых будто только и работает над тем, как вернее погубить цивилизованный т.-е. христианский мир.

Одним из видных руководителей антиеврейского движения был глава польской церкви Петр Гамрат, под председательством которого в Петрокове состоялся в 1542 г. церковный собор, принявший так называемую «конституцию», возобновившую забытые канонические постановления, требовавшую уменьшения евреев в городах, отведения особой черты оседлости, разрушения новых синагог, запрещения выставлять евреям товары в публичных местах: «пустить продают их только в домах своих».

В то же время ряд священников, не без влияния, повидимому, Гамрата, опубликовал резкие памфлеты как против евреев, так в особенности против их вероучения. Выводы книги «Об изумительных заблуждениях евреев» целиком совпадали с постановлениями Петроковского собора, и самая книга появилась в свет накануне этого собора. Священник Станислав Львович в памфлете, вышедшем через год после Петроковского собора и озаглавленном «О святых, убиенных иудеями», подготавливал почву для самого дикого проявления

уверства и требовал изгнания евреев из Польши, по примеру других христианских государств.

Как обычно при таком настроении, на сцене появляются религиозные процессы: в 1556 г. три еврея были казнены по обвинению, будто они искололи гостию, купленную у христианина из Сохачева, после чего из гостии потекла кровь. Почти одновременно мещане Бельска, недовольные еврейскими откупщиками, обвиняют приказчика одного откупщика в умерщвлении христианской девочки, и Бельск делается ареной кровавых событий. Растущая католическая реакция всячески мусирует темные и злые слухи, разжигает в народе нетерпимость и натравливает на евреев невежественную и суеверную толпу.

Магнатство, одно время мечтавшее о протестантизме и относившееся веротерпимо к евреям, пугается демагогических настроений, отчасти и им вызванных, убеждается в опасных явлениях, сопровождающих рост протестантских идей, и мирится с католической реакцией, охраняющей устои помещичьего государства и направляющей народный гнев по религиозному и национальному руслу.

Учащаются ритуальные процессы, и появляется ритуальная литература. Первой ласточкой был злобный памфлет ксензда Моецкого, выпущенный в 1598 г., на польском языке, в Кракове. Моецкий далеко не остался в одиночестве, и за ним последовали другие и духовные, и светские лица; особенной яростью отличался Себастьян Мичинский, обратившийся к депутатам сейма с предложением изгнать из Польши всех евреев.

Дело антисемитской агитации не ограничилось литературой, и погромы стали разливать по всей стране, принимая то в одном месте, то в другом кровавый характер. В Познани и Вильне была пролита еврейская кровь, а несколько позднее во Львове разразился такой погром, во время которого погибло около 200 евреев; их дома, магазины и склады товаров были разграблены, а в лучшей синагоге были изломаны скамьи, расхищены ковры, светильники и прочие богослужебные принадлежности. Особенно сильно евреи боялись иезуитских воспитанников, нередко руководивших действиями громил и выпускавших также, в промежутки между одним погромом и другим, множество брошюр, в которых повторялись обычные басни об употреблении евреями христианской крови, об осквернении гостий, об истреблении святых мужей и т. п. В еврейском вопросе иезуитские воспитанники покорно шли, как и в других отношениях, за своим учителем, известным иезуитом Петром Скаргой, нередко в своих проповедях резко клеймившим пороки и преступления иудейского племени.

Под шум этих погромов — физических и духовных — мещане, опиравшиеся в еврейском вопросе на шляхту, провели ряд ограниченный в праве торговли и нанесли жестокие удары своим еврейским конкурентам. В Львове и Пшемьсле, двух крупных еврейских общинах, евреи превратились в «ярмарочных купцов»: только во время ярмарки они могли продавать товары и купленные ими во время ярмарки товары, но не распроданные, должны были вывезти на другую ярмарку или сбыть оптом львовскому купцу.

Цель этого постановления была ясна: еврей не мог быть оседлым купцом, постоянно конкурирующим с христианами. «Горе еврейскому купцу, — пишет М. Балабан, — если он заказал слишком много товаров в надежде на хороший сбыт, а торговля оказалась плохой, и на ю были не распроданные товары. Товар сезонный, а ярмарка

в нынешнем сезоне последняя! Банкротство неминуемо». Риск был громадный; кредит слабел, и процент по ссудам поднимался. Еврей становился должником как христианского, так и еврейского ростовщика. Торговля не в состоянии была прокормить увеличивавшегося еврейского населения, а шляхта, установившая таксы почти на все товары (за исключением хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) и освободившая себя от таможенных пошлин, экономически совершенно разорила еврейскую торгово-ремесленную массу. Особые сеймовые комиссии регулировали цены на ввозимые в Польшу товары и определили, что купец-поляк мог получать с товара 7% прибыли, иностранец — 5%, а еврей — 3%. Это был сильный удар по еврейскому купечеству, все еще имевшему связи с импортной торговлей.

Евреи вынуждены были сосредоточиться на ремесле, но тут они столкнулись с узким, черствым, державшимся за свои привилегии ремеслом, исключавшим из цеховых организаций еврейских ремесленников. Исключение было тем более тягостным, что существовал запрет свободного ремесла.

Однако, дело шло о самом существовании еврейской массы, и на почве свободы ремесла началась страшная борьба, из которой евреи часто выходили далеко непобежденными. Так, скорняки-евреи имеют клиентов и среди магнатов, и среди шляхтичей, несмотря на запрещение евреям заниматься скорняжным делом. Золотых дел мастера тайно дают евреям-ювелирам очень сложные и ответственные заказы; в ответ на это цех ювелиров исходатайствовал в 1600 г. привилегию о запрещении евреям во время ярмарок приобретать золото и серебро без разрешения цеха под страхом конфискации купленного материала. Вслед за ювелирным цехом против евреев выступают позументщики, кожевники, переплетчики, шапочники, стекольщики, литейщики, цырюльники, меховщики, портные, — все эти выступления свидетельствуют в первую очередь о том, что евреи, отрезанные в значительной степени от торговли, устремились в ремесло и тем вызвали усиленный отпор своих конкурентов. Дело дошло до того, что во многих местах появились еврейские цехи, пользовавшиеся сочувствием потребителей, так как еврейские ремесленные изделия были зачастую и дешевле, и доброкачественнее.

Между тем, польские паны с ненасытным земельным аппетитом все ширили и ширили свои владения, захватывая на отдаленном юге и востоке области, некогда являвшиеся уделами русских князей и населенные православными крестьянами. Встреча католичества, представленного можновладством, с русским православием, носителями которого были трудовые элементы населения, тем менее могла быть безболезненной, что вольные казаки, оказавшиеся в пределах и за пределами магнатских земель, стали насильственно превращаться в подданных польских панов и жестоко ими эксплуатироваться. Тяжкое закабаление гнало многих за днепровские пороги, где казаки могли жить вольной жизнью и даже нападать на польские поместья, встречая сочувствие со стороны тех крестьян, которые недавно сами были закрепощены панями и не успели во время скрыться в Запорожье.

Нарастал крупный социальный конфликт, острая классовая борьба, осложнявшаяся религиозным и национальным моментами: эксплуататор-поляк и католик противостоял эксплуатируемому православному и русскому человеку.

В этом столкновении двух противоположных классов, обострившемся до чрезвычайных размеров, еврей оказался в лагере эксплуататоров, польских панов, шляхты и можновладства. «Еврей-чиншевик в городах и местечках частных владельцев, еврей-арендатор в деревне, доставлявший пану доход от молочного хозяйства, мельницы, винокурения, шинкования и других предприятий, — пишет польский историк правовед, — все они нужны беспечно пану, забрасывающему свое хозяйство и коротающему время на сеймах, сеймиках, конвентуациях или в более веселых забавах». В интересах шляхты еврей скорее уходит в деревню, что жизнь в городах с каждым годом становилась все несносней, и заработок еврея почти всецело сосредоточивается в использовании помещичьего хозяйства на арендных наделах. Естественно, что все чаще появляется тип корчмаря-еврея. Не только светские сановники, но и духовные не брезговали услугами еврея-арендатора, и Варшавский церковный синод 1643 г. с возмущением говорит о епископах, прибегающих к еврейским арендаторам. Запрещение синода ими пользоваться остается мертвой буквой, так как довлеют экономические интересы, и еврей продолжают играть на Украине большую экономическую роль и овладевают в значительной степени даже внутренней торговлей, несмотря на протесты сеймов. Так евреи стали в Волыни, Подолии и Украине орудием эксплуатации местного населения у всесильных магнатов, предоставлявших им разные помещичьи права над крепостным крестьянством в деревнях, и в частновладельческих городах эти самые магнаты до чрезвычайности обострили на почве конкуренции отношения между евреями и мещанами. Волею экономических обстоятельств еврей очутился в лагере тех, против которых началось страшное казацкое восстание¹⁾.

Казацкие восстания в 30—40 г.г. XVII в. стали почти обычным явлением в польской жизни, но восстание 1648 г., руководимое чигиринским сотником Богданом Хмельницким, отличалось от предшествовавших тем, что охватило не только свободное казачество, но и широкие массы закрепощенного крестьянства и православных мещан, т.е. всех тех, которые имели все основания ненавидеть польского пана и его подручного еврея-арендатора как деревенского, так и городского. Поднятое против можновладства и шляхты восстание вылилось в страшную резню и католического духовенства, и польской администрации, и евреев, которые были польским орудием в деле угнетения всей огромной территории, тянувшейся далеко по обе стороны Днепра. При помощи татарского войска Хмельницкий нанес два поражения полякам, и банды крестьян и мещан стали сжигать и громить поместья и убивать евреев. В большом количестве евреи погибли в Переяславле, Пирытине, Лохвице и Лубнах; спаслись лишь те, кто принял православие или бежал в Турцию. Вместе с евреями погибло и много поляков.

Когда Хмельницкий вступил в переговоры с польским правительством, за истребление евреев взялись шайки под предводитель-

¹⁾ С. Дубнов, Социальная и духовная жизнь евреев в Польше в первой половине XVIII века, «Восход», 1899; С. Дубнов, Евреи и реформация в Польше XVI в., «Восход», 1900; Дубнов, Евреи Польши в эпоху разделов, «Евр. Старина», 1909; Балабан, Правовой строй евреев в Польше в средние и новые века, «Евр. Старина», 1910 и 1911; Коробков, Экономическая роль евреев в Польше в конце XVIII века, «Евр. Старина», 1910; Ю. Гессен, История евреев в России, 1914; Т. Воблый, Очерки по истории польской фабричной промышленности, 1909.

ством Кривоноса, Колоды, Гани и др.; особенно часто подвергались разгрому деревни и местечки. Но и в городах православные мещане жестоко расправлялись со своими конкурентами, и потоки крови были пролиты в Тульчине, Немирове, Лубнах, Лохвице, Старо-Константинове, Кременце, Остроге, Баре, Заславле, Полонном и других местах. Расправа сопровождалась нечеловеческими зверствами: сдирали с живых кожу, жарили на углях, забивали палками до смерти, распинали пополам и т. п. Союзники по несчастью, поляки кое-где оказывали евреям поддержку; но в общем они были ненадежны и рады были спасти себя путем выдачи убийцам евреев. Разгромив почти всю Украину, повстанцы устремились к границам Литвы и Белоруссии и устроили еврейский погром в Стародубе, Чернигове и Гомеле. Военные действия между казаками и поляками закончились в августе 1649 г. Зборовским договором, одна статья которого гласила, что евреи не могут быть ни владельцами, ни откупщиками, ни жителями в казацких полках, т.-е. в Черниговском, Полтавском, Киевском и Брацлавском воеводствах.

Зборовский мир был непрочен, и через год возобновились военные действия, при чем на стороне поляков сражался еврейский отряд в тысячу человек. Под Берестечком Хмельницкий потерпел поражение, и мир в Белой Церкви, невыгодный казакам, разрешил евреям попрежнему в казацких полках быть «обывателями и арендаторами в имениях его королевской милости и в имениях шляхты». Отдельные казацкие части не признали, однако, белоцерковского мира, и Хмельницкий отдал себя под защиту русского царя Алексея Михайловича. Русско-казацкие войска вторглись в Литву и Белоруссию, и начались новые погромы еврейских общин. В Витебске евреи были лишены всего своего имущества; в Могилеве они были в момент оставления города изменнически умерщвлены и тут же зарыты; много пленных евреев было отправлено вглубь России, в Нижний-Новгород, Казань и др. В то же время и поляки стали громить евреев в связи с войной между Польшей и Швецией. Победы последней поляки объявили еврейской изменой, и гетман Стефан Чарнецкий разгромил Казимерж, а из Кракова вывез все еврейское имущество. Отступая от шведов, Чарнецкий везде устраивал жестокие погромы, и Великая Польша в его дни переживала такие же ужасы, какие переживала Украина в дни Хмельницкого.

Кровавое десятилетие (1648—1658) поглотило свыше сотни тысяч еврейских жертв; около 700 общин были разгромлены, и в левобережной Украине исчезли, повидимому, все еврейские поселения. Почти в такой же степени пострадала правобережная Украина; здесь осталось не больше $\frac{1}{8}$ всего бывшего еврейского населения; многие бежали вглубь Польши, а также в Германию, Голландию и другие государства. Вместе с экономическим разгромом и с гибелью свыше 100 тыс. человек, наступил конец и той блестящей духовной деятельности, которую отмечают еврейские историки для XVI и первой половины XVII столетия.

Параллельно росту грабежей шли и мошеннические инсценировки ритуальных процессов: в Сельцах, Люблине, Ленчицах убивали евреев на почве обвинения в употреблении христианской крови, и в Ленчицах поныне в костеле бернардинов находятся останки замученного будто в 1639 г. евреями младенца. Потомки виновных долгое время обязаны были носить по городу, ежегодно в день преступления, картину, изображавшую участвовавших в этом преступлении

евреев, кои были в свое время казнены. Впоследствии обычай этот вывелся, и на евреев наложена была в пользу монастыря денежная пеня вместо хождения по городу с картиною.

В Ружанах в 1657 г. был найден труп мальчика, и молва объявила его «жертвой еврейской кровожадности». Владелец Ружан не допустил погрома и, повидимому, установил невинность евреев. Но духовенство всячески агитировало и через два года обвинило в этом всю общину. Искупить преступление можно было лишь выдачей толпе двух представителей Ружанской общины. Нашлось два человека, которые вызвались на мученический подвиг: их кровью было куплено дальнейшее существование общины, и поныне память об Израиле, сыне Шолома, и Табии, сыне Иосифа, чтится многими благоверными евреями Ружан. В Сандомире в 1698 г. одна христианка подбросила труп незаконно прижитого ребенка во двор старшины общины Берека. Началось «ритуальное дело». Первоначальный осмотр тела ребенка показал, что он умер естественною смертью, что на суде было подтверждено под присягой матерью ребенка. Но духовенство, во главе с ксендзом Жуховским, и мещанство, руководимое некоторыми мастерами, конкурировавшими в Сандомире с евреями, добились пересмотра дела. Путем пыток мать была приведена к сознанию, что она продала ребенка Береку для совершения убийства, при чем объяснила первое показание влиянием колдовства. Дело было передано в Люблинский трибунал, и, по наущению сандомирского каноника, была отправлена делегация, требовавшая «отмстить евреям за убийство». Берек был предан пытке и отрицал свою вину, за что подлежал смертной казни. Вмешался королевский суд, требовавший отсрочки казни Берека до пересмотра дела; трибунал заявил, что «такие дела» не подлежат королевскому суду. Берек был казнен; начался погром, во время которого было убито несколько евреев, а еврейская улица была разгромлена; мещане настояли на изгнании евреев из Сандомира. Король Август II декретом от 28 апреля 1712 г. признал евреев виновными, распорядился об их изгнании, а синагогу велел превратить в часовню.

Воинствующая католическая церковь решила увековечить это ритуальное дело. Большая картина, представляющая сцену продажи ребенка матерью евреям и совершение ими убийства, до сих пор находится в соборной церкви Сандомира, вызывая в массах чувства неперимости и национального озлобления. Вскоре в Польше так привыкли к ритуальным историям, что писатель Китович мог откровенно заявить: «Как шляхетская вольность невозможна без *liberum veto*, так еврейская маца невозможна без христианской крови».

В такой обстановке, при падении авторитета центральной власти и все усиливавшейся в Польше анархии, евреи не могли не сделаться предметом разбойничьих набегов со стороны той массы недовольных, какая накапливалась в шляхетской стране, руководимой крепостническим крупным землевладением, притеснявшим особенно сильно трудовое православное крестьянство и прибегавшим к посредничеству еврея-арендатора как в деревне, так и в городе.

С 1708 г. начались, почти непрерывно, жестокие погромы евреев со стороны гайдамачины, т.-е. крестьян, запорожских казаков, отчасти мещан, бродячих молдаван и всяких беглых и преступных элементов. На первых порах особенно сильно страдали Киевское и Брацлавское воеводства, где действовали «вожатки» из Сечи, официально не принимавшей участия в кровавых набегах, руководимых

темными личностями, вроде Савы Чалого или некоего Верлана, будто действовавшего от имени русской императрицы. В 1734 г. в правобережную Украину вступили русские войска, чтобы поддержать вновь избранного польского короля Августа III против его соперника Станислава Лещинского. От русских последовал указ действовать против Лещинского, и гайдамаки истолковали этот указ, как призыв бить «жидов и ляхов», и еврейские общины в Тульчине, Звенигородке, Летичеве, Фастове, Виннице, Умани сильно пострадали от приверженцев России, войска которой, впрочем, стали усмирять гайдамаков.

Когда в царствование Понятовского, ставленника Екатерины II, Россия потребовала для православного населения Польши религиозных и политических прав, и в виде протеста против этого образовалась в 1768 г. Барская конфедерация, то в стране началось необыкновенно яростное движение против евреев и поляков, известное под названием колшивщины, опиравшейся тайно, но очень сильно на русское правительство, «защищавшее» интересы православных против «коалиции» из поляков и евреев.

Организаторами этого движения были православные монастыри, руководимые монахом Мельхиседеком Значко Яворским, утверждавшим, что у него имеется от Екатерины II «золотая булла», предоставляющая право убивать и грабить евреев и поляков. Под знамя монаха стеклось много народа не только из польской Украины, но и из левобережной. Вожаком массы стал запорожец Железняк, выбросивший лозунг: «Жид, лях, собака — все віра однака», и страшные погромы и избиения залили Жаботин, Черкассы, Тетиев, Лысянку, Смелу, Корсунь, Канев и Липовцы. Но особенно сильно пострадал торговый центр правобережной Украины город Умань, принадлежавший графу Потоцкому. Так как Умань была крепостью, то в ней скрылось много местечковых и деревенских евреев, бежавших от толп Железняка. Когда последний подошел к Умани, он стал уверять, что поляков не будет трогать, и что убивать будут одних лишь евреев, и командовавший отрядом надворной казацкой милиции, сотник Гонта, перешел на сторону Железняка. Евреи энергично защищали подступы к городу, а затем дрались с казаками на улицах Умани при полном бездействии поляков, уверенных, что они будут пощажены. В своей расправе с евреями гайдамаки доходили до иступления, не щадили ни женщин, ни стариков, разрывали на части детей, а после трехдневной резни евреев — пресловутой Rzez Humanska («уманская резня») взялись за поляков. Всего погибло за дни господства Гонты и Железняка в Умани около 20 тыс. человек, при чем трупы не были допущены к погребению, а сброшены в колодцы или отданы на съедение собакам.

Особенно свирепствовал отряд Шила, который творил кровавую расправу и далеко за пределами Умани, дойдя до Балты, но встретил здесь отпор со стороны турок.

Поляки не в состоянии были справиться с кровавой анархией и обратились за помощью к усмирителю Барской конфедерации, русскому генералу Кречетникову.

Но дни польского королевства были уже сочтены, — началась эпоха разделов Польши.

И в эти тревожные годы инсценировались ритуальные убийства и издавалась антисемитская литература. Монах Пикульский энергично доказывал, что евреи стараются достать частицу святых тайн для поругания над ними по особому обряду. И эту мысль монаха

поддерживала целая рать изуверов, грамотеев духовного звания. Нужно, однако, прибавить, что римская курия, в лице своего советника Лоренцо Ганганелли, ставшего вскоре папою под именем Климента XIV, несмотря на домогания киевского и ямпольского епископов, осудила официально «учение» об употреблении евреями христианской крови для ритуальных целей и взяла в этом отношении евреев под кровительство в определенной форме, не допускавшей особых оговорок. Недаром впоследствии те, которые возмущались кровавым наветом на евреев, ссылаются обычно на буллу Климента XIV, являвшегося, впрочем, среди римских пап не единственным противником этой юдофобской злостной легенды.

Однако, даже римская курия осталась беспомощной в борьбе с ритуальным мифом, и католики, наравне с православными и другими вероисповедными группами, материально заинтересованными в устранении еврейской конкуренции, продолжали распространять и сеять в народе слух об убиении то там, то сям христианского младенца для извлечения из него крови, будто бы необходимой евреям для пасхальной пищи.

После раздела Польши слухи эти продолжали еще мусироваться, и в 1799 г. возникло так называемое Сенненское дело, — первый ритуальный процесс в России. Вблизи одной корчмы в Сенном был найден христианский труп, и власти, «имея основанием народный слух, что евреям нужна христианская кровь», обвинили 4 евреев, находившихся в корчме, в том, что они убили христианина. Так как в магистрате заседали и евреи, то, по распоряжению белорусского губернатора, дело было передано в уголовный департамент главного белорусского суда. Однако, «по следствию ничего не открылось», и дело Сенненское вряд ли получило бы широкую огласку, если бы в него не вмешался известный екатерининский поэт Державин. Вызванный в Белоруссию для рассмотрения жалобы евреев города Шклова на его владельца богача Зорича, Державин решил опорочить шкловских евреев в их правом деле и заявил, что не может принимать свидетельских показаний евреев, «доколь еврейский народ не оправдится в ясно показываемом на них общему противу христиан злодействе». Однако, заявление Державина не возымело влияние, и процесс был прекращен в первой фазе своего развития.

Такая же участь постигла и второе в России «ритуальное убийство», известное под названием Гродненского дела 1816 г. При самом его почти начале министр А. Голицын, «приемля во внимание, что таковые изветы и прежде опровергаемы были», что опровержения исходили как от польских королей, так и от римской курии, мог «объявить монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей без всяких улик, по единому предрассудку, что, якобы, они имеют нужду в христианской крови».

Впрочем, вскоре тот самый Александр I, который объявил свою «монаршую волю» так определенно в одном направлении, к концу своего царствования дал ход другому делу, возникшему также «по единому предрассудку», и в этом вопросе засвидетельствовал тот поворот в своей политике, который был для него столь характерен. Велижское дело, подробности которого будут нами изложены в последней главе этой книги, им не было прекращено. Сам Николай I принимал активное участие в расследовании Велижского дела, но и оно закончилось благополучно для евреев, и всем обвиняемым был вынесен оправдательный приговор.

АНТИСЕМИТИЗМ ВО ФРАНЦИИ В XIX ВЕКЕ.

Старая дореволюционная Франция в некоторых местах, обычно пограничных, имела еврейскую кайму. Самая значительная часть этой каймы находилась на востоке, на рубеже с Германией, и состояла из эльзасско-лотарингских евреев, которых Франция получила в наследство от «счастливых» войн своего короля-солнца Людовика XIV. В Эльзасе и Лотарингии жил почти исключительно тип деревенского еврея; евреи были здесь рассеяны по многочисленным местечкам и деревням и в большинстве случаев не имели права постоянного пребывания в крупных городах, откуда они были изгнаны конкурировавшими с ними цеховыми ремесленниками. В деревнях евреи вели мелкую торговлю, были посредниками, борышниками, жалкими ростовщиками и арендаторами помещичьего хозяйства. Но и на далеком юго-западе к дореволюционной Франции кое-где была приштаба еврейская кайма. Эти евреи достались королевству Людовиков не путем насилия и аннексии чужих земель, а вследствие приюта, предоставленного Францией многочисленным беженцам из Испании и Португалии, которым не удалось добиться от своих правительств амнистий за свое происхождение и публичным отпращиванием христианских обрядов доказать свою религиозную незапятнанность, свое религиозное alibi. В Испании и Португалии вплоть до XIX века не было места ни маранам, ни морискам, т. е. ни крещеным евреям, ни крещеным арабам; но в то время, как арабы возвращались на свою старую родину в Африку и Азию, евреи, не имевшие отчизны, направлялись туда, куда доступ им не был целиком закрыт. Помимо Голландии, где издавна руководящую роль в судьбах этой страны играло крупное купечество, относившееся к евреям без особой вражды, евреи везде наталкивались на серьезные препятствия со стороны мелкого производителя и на церковные заграждения, обойти которые можно было лишь лицемерным принятием господствующей в той или иной стране религии¹⁾. Предстояло заменить слово «маран» словом «новохристиане» — что, впрочем, не было ново для испано-португальских евреев — и точнее определить свою новохристианскую религию, и мараны становились лютеранами, кальвинистами, протестантами и католиками, смотря по капризу королей и владетельных князей, продолжая обычно чувствовать себя евреями и тайком даже исполнять еврейские религиозные предписания. Не раз новохристианскую маску продырявливал жестикулярирующий еврей, и его кричащий жест вызывал неподдельное негодование обманутых христиан, дававших премию за религиозную измену и получавших взамен «истинных евреев, тем более опасных, чем искуснее они скрывали свое еврейство».

Но Бурбоны, ведшие широкую политику собирателей французской земли, не смущались проникновением отдельных евреев во Францию, материальных и духовных интересов которой не могли

¹⁾ И в Голландии мелкая буржуазия относилась враждебно к евреям и стремилась всячески их ограничивать в правах. Об отношении крупной голландской буржуазии и мелкой к евреям интересные сведения дает новейший труд Baasch, *Holländische Wirtschaftsgeschichte*, 1925, см. также статью того же автора о евреях в северо-германских торговых центрах в журнале *«Vierteljahr. für Social und Wirtschaftsgeschichte»*, 1926.

нарушать ни испанские, ни немецкие евреи, как бы они ни были многочисленны. Правда, в свое время французские короли изгнали «на веки вечные» живших в пределах Франции евреев; но то имело место в процессе образования единого королевства, когда недостаточно еще окреп королевский абсолютизм, когда королю приходилось еще искать помощи горожан, и когда, наконец, изгнание евреев и их ограбление представляли выгодную для сравнительно еще небогатого французского королевства финансовую сделку. С тех пор многое изменилось, и если французские короли не отменили декрета об изгнании евреев, — ведь, богатый французский монарх не какой-нибудь мекленбургский горцог, без евреев не могущий сбалансировать своего бюджета, — то с другой стороны они не унижались до того, чтобы устраивать систематические облавы на евреев и позволяли им переходить через Пиренеи, чтобы поселиться в Бордо и других пограничных местах — на первых порах под именем португальской и испанской нации, чтобы затем, в момент войны между Францией и Испанией, испанская ширма была удалена, и евреи стали бы просто — «нацией». Лишь изредка бордосский интендант в своих донесениях Парижу для вящего вразумления к слову «нация» прибавлял: «она же еврейская нация». Так, Бордо стал сборным пунктом для нации, своеобразным национальным убежищем, куда стекались отослуду гонимые. Люди, не смевшие у себя на родине открыто исповедывать еврейскую религию, приезжали сюда, чтобы вступить в лоно иудейства: так, в опубликованном списке обрезаний в Бордо за 1718 г. мы находим большое число обрезаний над взрослыми, являвшимися выходцами из Португалии и Испании¹⁾. Здесь были не только люди 20—30 лет, но и 50—60; встречается и такая запись: «Обряд совершен над шестидесятилетним Герсоном Фернандесом, уже умершим».

Люди, очевидно, стремились в Бордо, чтобы быть похороненными по еврейским обрядам на еврейском кладбище. Но Бордо — крупнейший французский порт в Атлантическом океане не мог прерваться в молитвенный дом, в приют для престарелых, и бордосские евреи проявляли в нем кипучую деятельность. Их именами пестрят списки судостроителей, виноторговцев, сахароваров, крупных коммерсантов, банкиров и благотворителей: они дали сильнейший толчок вывозу за границу бордосского вина в грандиозных размерах и вовлекли в торговый круговорот Южную Америку, устроив там ряд тростниковых плантаций, снабжая их рабами из Африки и открывая новые рынки для Европы. Обогадив себя и страну, оказавшую им приют, они сблизились и духовно с нею и стали принимать живое участие в ее культурной жизни. Отныне французский язык стал их родным языком, и лишь в синагоге они время от времени вспоминали про старую родину, бывшую для них злой мачехой.

Лишь в стенах синагоги раздавалась еще испанская речь, будившая в них столько величаво-трагических переживаний. Там, за Пиринеями, простиралась их старая родина, где вместе с горем они оставили и часть религиозных убеждений; здесь, на французской территории, жизнь была ключом, и лишь в моменты, когда мысль уносилась в заоблачные выси, взоры евреев направлялись в религиозную даль старых испанских общин. Но реально жить они там не желали и не смели; они и приобрели особый церковный язык —

¹⁾ Подробнее см. С. Г. Лозинский: «История инквизиции в Испании», а также во французских работах Мальвезена, Детешверри, Бетанкура и Сиро.

спаньольский — орудие нереального обмена мыслей с людьми и мысленного общения с богом.

Весть о счастливой жизни на юге разнеслась по восточной черте оседлости Франции, и евреи из Эльзаса и Лотарингии во сне и на яву лишь мечтали о том, как попасть в благословенный Бордо. Но путь туда был нелегок: восточная черта отделялась от южной запретной полосой, обнимавшей почти всю Францию, на почву которой не смела ступить еврейская нога. Затруднительно было пробраться в Бордо и через Швейцарию: старая республика ухитрилась закрыть для евреев все ущелья между своими многочисленными горами и отрогами и кичилась свободой, в которую входила в качестве неперемennого ингредиента свобода ее территории от евреев.

Приходилось в легальный уголок итти нелегальным путем и по дороге переносить немало тревог и волнений: в Париже и Орлеане, в Женеве или Лионе странник скрывался от взоров полиции и нередко ночевал под открытым небом, ибо никто не решался давать ночлег не имевшему права пребывания в стране чужеземцу. Но так или иначе, еврей попадал в долгожеланный Бордо, и пример одного подстрекал других. Из Эльзаса началось в XVIII веке заметное переселение евреев на запад. Но жизнь в Бордо оказалась для переселенцев не такой сладкой, как они мечтали. Эти торгаши старым платьем, дешевой парфюмерией, лошадьми и мелкими ремесленными изделиями вызывали недовольство своих христианских «собратьев»: мелкота Бордо, хотя и не игравшая в нем первостепенной роли, была достаточно сильна, чтобы заставить и власть имущих заговорить об опасном торгашеском элементе, вторгшемся из «немецких» провинций и подрывающем благополучие коренного населения столицы Жиронды. Солидаризироваться с этим элементом богатые бордоские евреи испано-португальского происхождения имели тем меньше основания, что и они могли стать объектом начавшегося антисемитского похода против пришельцев, и естественно, что эти крупные виноделы и богатые экспортеры поспешили заявить, что не имеют ничего общего с «немецкими» евреями, составляющими особую нацию, говорящую на другом языке, носящую иную одежду и имеющую свою специфическую психологию, так мало похожую на психологию истинно-бордосского еврея.

Страх пред возможностью взрыва антисемитизма, не делающего различия между одними евреями и другими, и вражда богатого к бедному способствовали тому, что обе категории евреев резко противопоставлялись друг другу и что «старожилы» Франции, нашедшие в ней убежище от преследований испано-португальской инквизиции, заявили, что они одни имеют право претендовать на те вольности и привилегии, коими пользуются все верноподданные французского короля; наоборот, эльзасские евреи, прибывшие из страны, где с высоты колокольной башни с аккуратностью, характерной для немцев, дважды в сутки раздавался еврейский трубный сигнал (Judenbos), напоминавший христианам об изменнических замыслах евреев, — эти евреи должны находиться в особом положении и, будучи евреями иного происхождения, должны жить под иными законами. Так создавалась теория двух еврейских наций с двумя разными еврейскими законодательствами: либеральным — по отношению к крупным виноделам и плантаторам, суровым — по адресу «прочей толпы потомков Иакова».

Пользуясь своими привилегиями, южно-французские евреи выработывали особые законы для еврейской нации второго разряда и,

между прочим, создали специальный регламент, десятый пункт которого гласил: «Так как за последние годы в Бордо поселилось значительное количество бродяг, людей всякого звания, неудовлетворительного поведения, при том считающих себя принадлежащими к «нации», то собрание постановляет подробно ознакомиться с положением каждого из них и затем большинством не менее $\frac{3}{4}$ голосов решить, кто из них в течение трех дней должен оставить город». Дальнейшие пункты регламента говорили о том, что отныне вновь прибывающие в город будут получать извещение от синдика (секретаря Бордосской еврейской общины), что им можно проживать в Бордо лишь три дня, по истечении которых они немедленно должны оставить пределы города, при чем им на дорогу будут выдаваться три ливра на душу. И нужно думать, что синдик точнее всякого полицейского исполнял свои обязанности, ибо в год утверждения правительством еврейского регламента 152 человека были изгнаны из Бордо, так как не могли доказать, что побуждает их оставаться в этом городе.

«Две нации в нации» — надо было положить государственный штамп на эту премудрость, и представители крупных винных фирм Бордо отправились в Париж, чтобы убедить министра юстиции Мальзерб оформить создавшееся на юге Франции положение и избавить раз навсегда бордосских евреев от страха смешаться с «прочей толпой праотца Иакова». Ограниченный и не совсем находчивый Мальзерб усмотрел в ходатайстве евреев «юридическое недоразумение»: хранитель государственной печати хорошо помнил о существовании неотмененного декрета об изгнании на вечные времена из Франции всех в ней живущих евреев и недоумевал, как можно официально говорить о евреях, продолжающих пребывать в королевстве и еще претендующих на две нации.

Французская революция положила конец этому «юридическому недоразумению».

Учредительное собрание 1789 — 91 г.г. на первых порах не останавливалось на еврейском вопросе и лишь после взятия Бастилии, в связи с крестьянскими волнениями, носившими в некоторых местах и ярко выраженный антисемитский характер, заговорило на тему о положении евреев во Франции. Еврейские погромы 1789 г. имели место в Эльзасе, где феодалы зачастую пользовались в своих поместьях услугами евреев, бравшими в аренду ту или иную отрасль помещичьего хозяйства. Однако, явление это было далеко не так распространено, как в Польше, и по мнению анонимного автора брошюры «Письмо эльзасца о евреях Эльзаса», вышедшей летом 1789 г., еврейские погромы были лишь ловким маневром феодальной и клерикальной партии, желавшей тормозить дело революции. «Чтобы спасти свои замки от поднявшегося урагана, — читаем в этой брошюре, — сеньеры натравили крестьян на евреев и принесли их в жертву народным страстям».

Этот маневр был с высоты народной трибуны разоблачен «красным» епископом Грегуаром, требовавшим решительных мер в защиту «гонимых» евреев. Однако, Учредительное собрание не желало начинать своей «крестьянской» деятельности репрессиями по отношению даже к крестьянам-погромщикам и опасалось прослыть «жидовским» собранием, если оно с самого начала издаст какие-либо мероприятия против крестьян в связи с их нападением на евреев. Учредительное собрание правильно усмотрело в крестьянском

движении прежде всего антифеодальный протест и, вместо репрессий против крестьян и выступлений в защиту евреев, пошло по пути крестьянских реформ, в значительной степени подорвавших феодальную систему. Но раз неудавшийся маневр, тем не менее, не был оставлен контрреволюционной партией: отныне она часто будет про- тивоставлять «жидовскому» Учредительному собранию истинно христианскую дореволюционную власть. В этом отношении она особенно будет изощряться, когда Учредительное собрание приступит к обсуждению национализации церковных земель и гражданского устройства духовенства. Не смея зачастую открыто выступать против Учредительного собрания за его конфискацию церковных земель, тем более, что крестьянство относилось к этой реформе с большой симпатией, феодально-клерикальная партия стала утверждать, что собрание задалось целью искоренить католическую веру и заменить ее протестантской и иудейской. Церковно-земельная реформа сводилась по словам реакционеров к желанию Собрания передать обширнейшие церковные земли в руки евреев, которые разбогатеют в первую очередь за счет церкви, а потом своими земельными спекуляциями наживут огромные богатства и за счет других классов французского общества. По словам контрреволюционеров, дело вовсе не идет о пользе Франции, об укреплении ее финансового положения и о смягчении ее кризиса, — все делается лишь для евреев, так как Собрание проникнуто «жидовскими» идеями, целью которых погубить католическую страну. И под предлогом спасения католицизма Франция наводняется пасквильной и клеветнической литературой: аббат Перрети определенно утверждает, что церковные земли продаются с исключительно целью удовлетворить еврейских кредиторов, а газета «Le Rodeur Français» знает, что Учредительному собранию евреи дали два миллиона франков, за что они и будут уравнены в правах с природными французами. Говорили также, что в Авиньоне евреи устроили заговор с целью убить архиепископа и некоторых других влиятельных людей, но Собрание не желает принимать никаких мер против заговорщиков.

Поток антисемитской литературы, повидимому, влиял на Учредительное Собрание, в котором аббат Мори, епископ Бонналь и некоторые эльзасские депутаты заявили, что в интересах самих евреев не следует улучшать их положения, ибо всякая уступка евреям вызовет взрыв общего негодования. Особенно усилилась клерикально-феодальная агитация против евреев, когда Учредительное собрание приступило к гражданскому уставу о духовенстве. Но чем сильнее были нападки на евреев и на так называемое их Собрание, тем яснее выступал наружу реакционный характер антисемитизма, и тем более революционная Франция убеждалась в необходимости бороться с антисемитами, под маской которых скрывались наиболее реакционные элементы тогдашней Франции. Целый ряд прогрессивных газет энергично выступил в пользу немедленного уравнивания евреев в правах, доказывая, что «еврейская опасность» вымышлена теми, которые стремятся сохранить прошлое, но открыто боятся об этом заявлять, и что под видом нападения на евреев в действительности идет борьба против Учредительного собрания и всей революции. В защиту евреев, ставших мишенью реакционеров, поднимает свой голос Парижская коммуна; в этом вопросе ее энергично поддерживает якобинский клуб, — и еврейский вопрос принимает ярко выраженный политический характер. Мало того, он как бы разбивает все население Франции на два лагеря: в одном находятся все враги

евреев, которые, вместе с тем, являются противниками революции; в другом лагере стоят сомкнутыми рядами сторонники эмансипации евреев, защищающие все завоевания и принципы разворачивающейся революции. При такой постановке еврейской проблемы ни для кого не могло быть сомнения, что с победой революции восторжествует и дело эмансипации евреев. И действительно: 21 сентября 1791 г. евреи были уравнены в правах с прочим населением Франции при шумных аплодисментах революционных депутатов и протестах всей клерикальной и реакционной партии Учредительного собрания. Страна же отнеслась к этому событию с почти полным безразличием: 40 тыс. евреев действительно не могли волновать и задевать интересов 23-х миллионного народа.

Если еврейский вопрос и вызвал жестокое столкновение внутри Собрания, то причина этого лежала в том, что вопрос этот стал как бы оселком, определявшим принадлежность той или иной партии к революции или к контрреволюции. Все те, которые стояли за старую, дореволюционную Францию, стремились к сохранению старых ограничительных мер по отношению к евреям; наоборот, все друзья революции считали недопустимым существование специальных законов о евреях и требовали полного равенства в правах для всех граждан, имевших постоянное жительство во Франции. Так, ходом революционных событий еврейский вопрос принял глубоко-политический характер; однако, если он был решен так благополучно для евреев Франции, то это объясняется тем, что победоносная торговая буржуазия, порвавшая цеховые путы и требовавшая полной экономической свободы, не боялась конкуренции, в частности со стороны евреев, и бодро смотрела в будущее, сулившее ей рост экономического могущества именно на основе свободной игры хозяйственных сил, не только не исключая конкуренции, но ее предполагающей и даже приветствующей.

С момента уравнивания французских евреев в правах с остальным населением антисемитская агитация заметно ослабла и лишь некоторые клерикально-монархические газеты изредка жаловались на «враждебные религии секты». Революционные войны и якобинская диктатура мало давали места антиеврейской агитации. В дни борьбы революции с религиозными предрассудками революционные власти с доверием относились к «республиканцам и философам бывшей еврейской религии» и не сомневались, что они охотно принесут на алтарь отечества «свои мистические хартии и устарелые предрассудки». Если еврейской массе и не легко было заявлять, как то сделал раввин Соломон Гессе, что «у нее теперь нет другого бога, кроме бога свободы, и другой веры, кроме веры в равенство», то с другой стороны немногочисленность евреев и преданность освободившему их от тяжелых условий режиму ослабляли надзор за ними антирелигиозных властей и позволяли им втихомолку попрежнему соблюдать многочисленные мелочные предписания иудейской религии. Правда, некоторые синагоги вынуждены были выдать клубам свитки и другие синагогальные предметы, но в общем они страдали гораздо меньше, чем католики, которые, находясь под влиянием озлобленного духовенства, лишившегося своего земельного богатства, нередко превращали церкви в очаги антиреволюционной, клерикально-феодальной пропаганды.

Заглохшее на время антисемитское движение подняло голову при Наполеоне I. Сам Наполеон «мало интересовался всякими национальными вопросами» (faisait bon marchè de ces questions de nationalité)

но, повидимому, расширение Франции и взятие ею под протекторат отдельных немецких владений настолько увеличили количество евреев в пограничных восточных областях Франции, что эльзасские крестьяне, на которых и без того война ложилась тяжким бременем, заволновались, как бы новые, пришлые евреи не увеличили этого бремени своим зачастую паразитическим посредничеством, мелкими ростовщическими сделками и дешевым предложением как своих рук, так и своих ремесленных изделий. Официальные донесения о тревожном состоянии эльзасских крестьян возымели свое действие на Наполеона, и он «во избежание слишком сильных потрясений в тот момент, когда правительство заботится об облегчении народных нужд», издал 17 марта 1808 г. декрет, содержащий ряд ограничительных и суровых мер и оканчивающийся двумя «общими предписаниями». Первое: «Настоящий декрет имеет силу в течение 10 лет, так как мы надеемся, что по истечении этого времени и в силу наших мер по отношению к евреям не будет больше разницы между ними и прочими гражданами империи; если же наша надежда нас обманет, то срок действия сего декрета будет продлен настолько, насколько мы найдем нужным». Второе предписание гласило: «На евреев, живущих в Бордо и в департаментах Жиронды и Ланд, действие настоящего декрета не простирается в виду того, что они не подавали повода к каким-либо жалобам и не занимались запрещенными промыслами». Впрочем, Наполеон не придавал большого значения этому ограничительному закону и, стремясь ассимилировать и нивелировать евреев с французами, собрал «синедрион», одной из задач которого было обезличить евреев, отнять у них их национальное лицо и превратить их в настоящих французов, исповедующих, однако, иудейскую религию. Такому стремлению Наполеона противоречила политика репрессий, и последние к 1811 г. значительно были смягчены: к двум департаментам, в которых не должен был применяться декрет 1808 г., были прибавлены еще 22 департамента.

Позднейшие французские конституции ни в чем не ограничивали евреев и до 40-х г.г. XIX века в стране не заметно было антисемитского движения. Однако, недовольные политикой Июльской монархии аграрии, интересы которых зачастую приносились в жертву ради крупной финансово-торговой и промышленной буржуазии, стали нападать на «Ротшильдов», под которыми они разумели господствующую буржуазию, среди которой во Франции было несколько крупных еврейских фирм. Выражением этого настроения и была вышедшая в 1845 г. книга Туссенеля «Еврей — короли эпохи. История финансового феодализма». Туссенель резко нападает на «новый капиталистический строй», называя его олигархическим, плутократическим феодализмом; но корень зла, причину унижений и страданий «всего народа» Туссенель видит не в характере капиталистического производства и не в институте частной собственности, а в том «жидовском духе», который охватил Францию в дни Июльской монархии. Если монархия чрезмерно миролюбиво и безропотно переносит оскорбления со стороны Англии, — в этом виноваты евреи, так как биржа не любит войны, этого неизбежного падения бумажных ценностей; если монархия заботится о проведении железных дорог, — в этом повинны евреи, выторговавшие себе концессии и желающие нажать большие капиталы на счет прочего населения: «Ведь еврей владеет и правит Францией».

Впрочем, «жидовский дух» характеризует не только евреев, но и протестантов и кальвинистов: «Женевец, — говорит он, — стоит

шесть евреев», а «протестант и еврей — одна душа» (Juif et protestant c'est tout un). Однако, выступление против нового капиталистического строя Туссенеля не нашло большого отклика в стране: если аграриев кое-где и поддерживала мелкая демократическая буржуазия и готова была иногда совместно с ними бороться против крупной финансовой и торгово-промышленной буржуазии, — в общем, однако, их дороги расходились, и в то время, как аграрии смотрели назад и мечтали о господстве крупного землевладения, мелкая буржуазия видела панацею от всех зол в расширении своих политических прав и добивалась демократического режима. Без же опоры мелкой буржуазии агитация Туссенеля, хотя и будившая дремавшие в народе с очень давнего времени антисемитские настроения, была обречена на неудачу, и дальнейших выступлений в антиеврейском духе не было ни в дни Второй республики, ни в годы Второй империи. Не было их и в течение первых десяти лет ныне существующей Третьей республики, так что известный публицист Шербюлье мог писать в 1880 г.: «Во Франции трудно понять, что в Германии существует еврейский вопрос и что этот вопрос может возбуждать умы и давать повод к ядовитым полемикам. Во Франции есть много вещей, которые были решены раз навсегда».

Прошло всего 2—3 года после заявления Шербюлье, как то, что было «раз навсегда решено», стало колебаться, — на этот раз под влиянием агитации католического духовенства. Находившиеся у власти умеренные республиканцы, в лице министра Жюля Ферри, как в интересах защиты буржуазной республики, так и в видах отвлечения рабочих масс от социализма, начали борьбу против клерикалов, захвативших в свои руки дело народного образования и ведших ожесточенную кампанию против буржуазной республики. Антиклерикальные мероприятия Ферри вызвали естественно раздражение клерикалов, не смевших, однако, в виду своей непопулярности в широких массах народа, открыто выступить в защиту католицизма и вынужденных поэтому прибегнуть к замаскированному средству в борьбе против республики. Средство это было старо и давно испытано; о нем еще известный историк Мишле говорил: «Когда успехи цивилизации грозят опасностью интересам или влиянию клерикального абсолютизма, последний отражает удар путем диверсии — против евреев». В виду недовольства широких масс оппортунистской республикой диверсия имела успех, тем более, что в лице Эдуарда Дрюмона клерикалы нашли человека, способного повести под маской антисемитизма энергичную кампанию против «безбожного» республиканского режима. Литературно-образованный, даровитый писатель, едкий памфлетист, бесцеремонно и грубо разоблачающий интимную жизнь видных политических деятелей и беззащитно выдающий наглую ложь за вполне чистую монету, Эдуард Дрюмон не мог не обратить своею книгою «Еврейская Франция», вышедшей в 1886 г., внимания большой публики, столь падкой на различного рода пикантные истории. По этой книге широкие слои французского общества стали впервые знакомиться с историей евреев, получая о ней самое извращенное понятие. Однако, как ни изощрялся Дрюмон в разоблачении еврейских интриг и раскритике всемирных еврейских заговоров против Франции, сквозь толщу антисемитского слоя его памфлета нетрудно было разглядеть когти клерикального реакционера, для которого «господство евреев» служило лишь средством ловко замаскировать свою ненависть к республиканскому режиму: недаром Гамбетте и другим правительственным

республиканцам было отведено в «Еврейской Франции» особенно почетное место, и недаром любимейшим изречением Дрюмона было слово о том, будто от Великой революции, кроме евреев, никто ничего не выиграл.

Насколько антисемиты были по существу лишь реакционерами и антиреспубликанцами, видно из того, что в момент серьезной угрозы республике со стороны ген. Буланже и его сторонников антисемиты во избежание дробления сил антиреспубликанской армии свернули свое «еврейское» знамя и стали под эгиду Буланже, повторяя лишь лозунги буланжизма и не подчеркивая совсем антисемитского характера своей партии. Крах буланжизма означал поэтому и крах Дрюмона и его антисемитской агитации: в 1890 г., после провала во время выборов в палату депутатов антисемитских кандидатов, Дрюмон выпустил «Завещание антисемитов», проникнутое явным пессимизмом относительно будущих судеб антисемитизма во Франции.

Пессимизм антисемитского вождя оказался напрасным: финансовый крах, вызванный ужасной спекуляцией в связи с мошеннической аферой прорытия Панамского канала, создал во Франции массу недовольных, между прочим, и среди мелкой буржуазии, понесшей особенно много жертв во время панамского скандала. К этим непосредственно пострадавшим от Панамы элементам следует прибавить и рабочий класс, который, и не подписываясь на дутые акции Панамского общества, тем не менее, переживал тяжелое время, так как консервативно настроенная в социальном отношении республика вела узко классовую политику, не проводила никаких рабочих реформ, придерживалась самой несправедливой налоговой системы и жестоко подавляла всякое проявление недовольства рабочего класса, общее положение которого в связи с торгово-промышленной депрессией, переживаемой тогда Францией, ухудшалось с каждым днем. Пир таких обстоятельствах и социализм, рассчитывавший на рабочих, и антисемитизм, возлагавший большие надежды на мелкую буржуазию и стремившийся опрокинуть республиканский режим, могли черпать богатую жатву. Так как оба эти течения в идейном отношении не отличались особенной щепетильностью, то между социализмом и антисемитизмом возникло настоящее соперничество из-за обладания оппозиционно настроенными элементами общества. Попрежнему Франция имела широкие кадры ремесленного населения и ее фабричный рабочий класс не был особенно сильно развит, и понятно, что французский социализм приспособлялся к настроению, выросшему на почве недовольства панамским скандалом и окрашивавшемуся в антисемитско-антикапиталистический цвет, и часть так называемых независимых социалистов не стеснялась уснащать свои речи выпадами по адресу евреев и спускаться на уровень антисемитского красноречия. С другой стороны, клерикально-монархические элементы, скрывавшиеся под антисемитской маской, в погоне за богатой практической добычей, не останавливались перед тем, чтобы включить — если не в свою программу, то в свои выступления на митингах и в парламенте — самые заправские социалистические лозунги и демагогические выкрики.

Какой-то антисемитско-социалистический туман окутал Францию, и социалисты вроде Вивиани и Гюстава Руане произносили с парламентской трибуны резко антисемитские речи, а антисемиты и клерикалы кичились своим демократизмом и социализмом. Так на евреев, как представителей капиталистического режима, велась

атака одновременно — как справа, так и слева. При таких обстоятельствах в конце 1894 г. монархически-клерикальная реакция из глубины окруженного особым ореолом величия генерального штаба провозгласила измену еврея-офицера Альфреда Дрейфуса, служившего в генеральном штабе и имевшего уже чин капитана.

* * *

Измена эта возникла в следующей обстановке.

24 сентября 1894 г. разведочное бюро при французском генеральном штабе доставило военному министру ген. Мерсье найденное в выброшенных бумагах германского военного агента в Париже полковника Шварцкоппена бордеро, т. е. препроводительную бумагу, без числа и подписи, в которой сообщалось адресату об отправлении ему секретных военных документов. Бордеро свидетельствовало, во-первых, о том, что шпион имел длительные сношения с Шварцкоппеном и, во-вторых, что он был осведомлен о таких вещах, которые могли быть доступны только офицерам генерального штаба. При получении этого бордеро военный министр отдал приказ немедленно и непременно найти шпиона-изменника, что казалось не столь трудной задачей, так как число служивших в генеральном штабе офицеров не было особенно значительно. Каждый из них стал чувствовать себя убийственно, так как призрак измены витал над каждым служащим в генеральном штабе, и все облегченно вздохнули, когда оказалось, что почерк, которым написано было бордеро, похож на почерк капитана Дрейфуса, единственного еврея-офицера, служившего в генеральном штабе. Все офицеры, в огромном большинстве случаев выходцы из консервативно-религиозной среды, часто воспитанники иезуитских школ, относились с большим подозрением к своему единственному еврейскому товарищу и теперь могли лишь радоваться, что не коренной, настоящий французский офицер оказался на шпионской службе Германии, а еврей, сын народа, готового за отсутствием настоящего отечества служить за деньги и злейшему врагу Франции. «Моральные доказательства» виновности Дрейфуса были настолько вески, что колебания экспертов-графологов не были приняты во внимание, и 15 октября 1894 г. Дрейфус был арестован.

Мин. Мерсье трудно было сразу занять определенную позицию в этом деле: с одной стороны, ему улыбалась мысль, что при открытии парламента он сумеет козырнуть такой картой: несмотря на давние измены, никто из его предшественников не мог найти изменника, и только благодаря его энергии изменник, наконец, арестован. Такой жест должен был избавить генерала Мерсье от неприятностей, которые ожидали его в парламенте со стороны оппозиции, готовой разоблачить его неудовлетворительно подготовленную и еще хуже проведенную экспедицию в Мадагаскар, стоившую Франции огромных жертв в виду нераспорядительности военных властей. Шпион Дрейфус должен был спасти генерала Мерсье за преступления последнего в военной экспедиции. Но как ни улыбалась министру мысль стать героем, раскрывающим измены в недрах самого генерального штаба, Мерсье не мог не задуматься над последствиями такого шага, как легкомысленный арест ни в чем неповинного выдающегося офицера, и он стал колебаться по поводу дальнейшей тактики в отношении Дрейфуса. В день открытия парламентской

сэссии военное министерство передало печати заметку, что офицер, заподозренный в выдаче неважных военных документов, предварительно арестован до окончания следствия. Этот оборот дела показался гибельным помощнику начальника разведочного бюро, подполковнику Анри, находившемуся в близких сношениях с майором Эстергази, шпионом-изменником, автором бордеро, состоявшим на службе у германского военного агента Шварцкоппена. Для Анри оправдание Дрейфуса было бы равносильно началу нового следствия, неизбежным результатом которого был бы арест не только Эстергази, но и самого Анри, и он известил о «еврее-шпионе» антисемитско-клерикальную и монархическую партию. 1 ноября 1894 г. в газете «Свободное Слово», редактором которой был Дрюмон, появилось известие об аресте еврея-офицера из генерального штаба Альфреда Дрейфуса, который уже сознался давно в своем преступлении. Газета, однако, подчеркнула, что, несмотря на сознание, богатые евреи хотят замять дело и не выдавать того, кто поступал по приказу еврейского кагала, желающего уничтожить Францию и выдать ее с головою ее вековому врагу Германии. По сигналу Дрюмона, вся антиреспубликанская печать повела самую ожесточенную кампанию против республики на основе «дела Дрейфуса», утверждая в один голос, что «жидовское» правительство не дерзнет наложить руку на богача, которого поддерживает всемирное еврейство. Мерсье, в плену у этой печати, да и сам сочувствовавший клерикалам, отдал приказ предать Дрейфусу военному суду и, понимая, что оправдание Дрейфуса его скомпрометирует, пошел по пути обманов и преступлений. В газетах он высказался совершенно открыто, что убежден в виновности еврея-офицера; на судей он произвел давление, не давая адвокату говорить по существу, а затем передал суду тайно, без ведома защитника и обвиняемого, бумаги, будто свидетельствующие об измене Дрейфуса, но из опасения войны не подлежащие публикации.

Этим путем ген. Мерсье достиг цели, и 22 декабря 1894 г. Дрейфус был приговорен к разжалованию и пожизненной ссылке на Чортов остров (Кайенна).

Через некоторое время после ссылки Дрейфуса начальником разведочного бюро генерального штаба был назначен полковник Пикар, которому дан был приказ пополнять досье Дрейфуса и новыми доказательствами его виновности. Во исполнение этого приказа Пикар ознакомился со всеми тайными документами дела Дрейфуса и продолжал разыскивать новые данные; вскоре он убедился, что измена продолжается и после суда над Дрейфусом, и что германский военный агент Шварцкоппен попрежнему получает из генерального штаба секретные военные документы. Сравнивая новые бумаги и донесения с прежними, Пикар пришел к убеждению, что дело идет об одном и том же лице и что изменником является майор Эстергази. Не сомневаясь, что он установил, наконец, личность истинного виновника продолжавшейся несколько лет измены, Пикар поставил об этом в известность помощника начальника генерального штаба и ждал от него немедленного распоряжения об аресте Эстергази и о необходимых шагах в деле Дрейфуса. Но в ответ на свое заявление услышал от своего генерала следующие слова: «Если вы об этом никому не скажете, то никто не будет знать, что Дрейфус осужден вместо Эстергази». «Генерал, — возразил на это Пикар, — я не унесу в гроб этой тайны». Чтобы пресечь возможное выступление Пикара, генеральный штаб, в лице подполковника Анри, известил

всю монархическую и клерикальную печать о том, что в генеральном штабе имеется документ, в котором Дрейфус назван полным именем и что эта именно бумага из опасения войны была предъявлена военным министром ген. Мерсье суду тайно, без ведома защиты и обвиняемого.

Это заявление печати вызвало протесты со стороны многих республиканцев, не желавших мириться с тайным предъявлением суду обвинительных документов и требовавших пролития света на темные махинации генерального штаба. Недовольство республиканцев поддерживала особенно энергично интеллигенция, а известный писатель-анархист Бернар Лазар выступил с категорическим заявлением, что в генеральном штабе нет документа с полным именем Дрейфуса, а имеется бордеро, в котором значатся слова: «Эта каналья Д.», при чем буква Д. вовсе не понимает Дрейфуса, а совершенно иное лицо. В ответ на протест левой печати по поводу тайной передачи суду компрометирующих обвиняемого бумаг и на определенное обвинение генерального штаба во лжи и в подлогах, сделанное в печати Бернаром Лазаром, последовал взрыв негодования всей монархической прессы, завопившей об образовании интернационального еврейского «кагала» с целью погубить французскую армию, разорить Францию и дать Вильгельму возможность без всякого труда ее покорить. Одновременно с резкими нападками на евреев в печати начались и уличные демонстрации против них, а в Алжире и волна еврейских погромов. Социальный состав погромщиков был по преимуществу мелкобуржуазный: ремесленники, мелкие торговцы, лавочники, чиновники, некоторые представители свободных профессий; среди агитаторов было много духовных лиц, а также военных в отставке, так как состоявшим на действительной службе военным запрещалось участие в каких-либо политических манифестациях. Опираясь на «явно выраженную волю» народа, не желавшего «из-за еврея-изменника погубить Францию», реакционное министерство Мелина заявило, что Дрейфус был осужден правильно и законно, и что лишь враги общественного спокойствия могут говорить о необходимости пересмотра окончательно решенного дела. В то же время полковник Пикар, под пустым предлогом, был отправлен в Африку и фактически удален из генерального штаба, а помощник его подполковник Анри сфабриковал из различных кусков из писем итальянского атташе Паницарди документ, в котором говорилось об измене е в р е я, под которым мог разумеется лишь Дрейфус. Этим путем Анри думал парализовать всякие сомнения в виновности Дрейфуса: о последнем говорил не только германский военный агент, но и итальянский.

Между тем, Пикар, при отъезде в Африку известил своего друга вице-президента сената Шерера Кестнера о том, что изменником является не Дрейфус, а майор Эстергази, и пользовавшийся в рядах республиканцев большим авторитетом Шерер-Кестнер не скрывал своего убеждения в «ужасной ошибке», допущенной генеральным штабом и превращающейся в виду упорства последнего в «не менее ужасное преступление». Выступления сенатора Шерера-Кестнера вызвали, помимо нападков на него, большие волнения во всей Франции, при чем на этот раз погромы начались уже не в Алжире, а в самой метрополии. Антисемитами являлись те же элементы, что и раньше, усиленные лишь в университетских городах студентами. Погромы совершались под лозунгами: «Да здравствует армия! Бей жидов!». Параллельно этим невинным в политическом смысле вы-

крикам раздавались и другие, свидетельствовавшие, что монархические и клерикальные элементы стремятся использовать возмущенное настроение Франции в своих политических интересах. Так, монархисты доказывали, что король никогда не допустил бы такого позора, как обвинение генерального штаба в судебной ошибке и в сокрытии изменника; клерикалы требовали уничтожения опасного принципа национального равенства и настаивали на введении ограничительных мероприятий по отношению к евреям и протестантам; они убеждали также в необходимости отказаться от светской школы, являющейся будто рассадницей всякого неверия и антипатриотических чувств, и замены ее конфессиональной школой, где обучение будет вестись в духе истинной религии и любви к отечеству.

Так под знамена антисемитов стали стекаться все враги Третьей республики, которые тем увереннее могли себя держать, что они опирались на армию, «честь» которой они защищали против тех интернациональных заговорщиков, которые задалась целью подорвать авторитет той самой армии, без которой немислимы независимость и «самое существование Франции». Лозунг: «Да здравствует армия», сам по себе сладко звучащий в ушах офицеров генерального штаба, тем более был привлекателен, чем им особенно легко, как казалось, можно было укрывать все те подлоги и подлости, которые нагромождались в генеральном штабе, уже совершенно легкомысленно и без всякого разбора, рукою Анри, лично заинтересованного в недопущении пересмотра дела Дрейфуса, неизбежным результатом которого была бы гибель его самого и его друга Эстергази. Естественно поэтому, что генеральный штаб тайно, но достаточно прозрачно, поддерживал антисемитское движение и поощрял клерикальные и монархические элементы к дальнейшим выступлениям в честь и защиту армии, выступлениям, принимавшим все более и более явственный характер враждебного республике движения. И движение это вылилось в настоящую угрозу для республики, когда брат осужденного Дрейфуса подал военному министру заявление, что изменником является майор Эстергази, а не находящийся на Чортовом острове его брат Альфред Дрейфус. Официальное обвинения, поданное братом осужденного и вызвавшее неслыханные волнения во всей стране, побудило военное министерство предать суду майора Эстергази; однако, суд должен был исходить из того, что Дрейфус был в 1894 году обвинен правильно и что все документы, компрометирующие офицера генерального штаба, относятся именно к Дрейфусу, бесспорно состоявшему на службе у германского военного агента. При такой постановке дела, при не могущем подвергаться сомнению факте измены Дрейфуса, при отсутствии свободы слова на суде и при страшном давлении председателя суда на всех свидетелей, самый суд превратился в карикатуру, и 11 января 1898 г. Эстергази был оправдан, а полковник Пикар, как клеветник, был арестован.

Часть французской интеллигенции и рабочего класса, со своим великим вождем Жоресом во главе, увидела в суде над Эстергази захват военщиной власти и господство в стране штыка, диктующего свою волю гражданским властям. Для Жореса победа генерального штаба означала возможность близкого свержения республиканского режима и полного торжества клерикальной монархии, и с лозунгом спасения республики, защита которой в интересах и французского пролетариата, Жорес начал организовывать рабочие массы

для отпора вступившим, под флагом антисемитизма, в борьбу с республикой клерикально-монархическим слоям французского общества.

В то же время знаменитый писатель Эмиль Золя опубликовал в печати пламенное письмо под названием «Я обвиняю», в котором он «обвинял» весь генеральный штаб, с военным министром во главе, в том, что они сознательно губили ненавистного им Дрейфуса, чтобы выгородить настоящего изменника Эстергази. Письмо Золя произвело ошеломляющее впечатление на Францию. Золя был предан суду, а в стране начались крупные антиеврейские выступления, причем к дрейфусарам — так стали называть сторонников пересмотра дела Дрейфуса — начали враждебно относиться, помимо клерикально-монархических элементов, и умеренные республиканцы, не желавшие из-за «возможной» судебной ошибки «излишних» волнений, тем более не желательных, что социалист Жорес поднял кампанию в пользу пересмотра дела Дрейфуса, организовывал огромные народные митинги, где подвергал жестокой критике не только действия генерального штаба, но и правительства, плетущегося в хвосте за монархической реакцией и неспособного дать надлежащий отпор перешедшей в наступление на республику черной реакции. Вмешательство социалистов испугало буржуазию и заставило ее, — если не целиком перейти на сторону антисемитских громил и монархических клерикалов, — то занять враждебную позицию в «опасной агитации» и требовать ее прекращения путем игнорирования самого инцидента», связанного с именем Дрейфуса. Осуждая дрейфусаров за их деятельность, вызывающую смуту и переходящую в устах наиболее левых элементов в критику буржуазного режима, сторонники последнего толкали министерство к репрессиям по отношению к дрейфусарам и к мероприятиям, направленным к прекращению этого дела, лицемерно игнорируя агитацию противников пересмотра дела Дрейфуса, являющихся, в то же время, злейшими врагами республики, нападавшими на нее, в противоположность социалистам, не за то, что она стоит на страже интересов одной лишь буржуазии, а за то, что она заботится только о «еврейском капитале», пренебрегает интересами христиан, ведет безбужную линию в деле народного образования и допускает врагам Франции подрывать авторитет генерального штаба и мощь французской армии.

Так дело Дрейфуса раскололо Францию на два лагеря: с одной стороны были явные враги республиканского строя и значительная часть буржуазии, давно примирившаяся с республикой, но не допускавшая агитации социалистов, опасной для социальных устоев общества, из-за возможной судебной ошибки; с другой стороны находилось левое крыло буржуазии, боявшееся «преторианской» солдатчины и возмущавшееся капитуляцией гражданских властей перед военными, связь которых с клерикально-монархическими элементами не подлежала ни малейшему сомнению. Это «левое» крыло буржуазии, само по себе крайне слабое, видело свою силу в той части рабочего класса, которая шла в деле Дрейфуса за Жоресом, считавшим, что жизненные интересы французского пролетариата диктуют ему принимать самое активное участие в борьбе республики против ее грозных врагов, объединившихся под лозунгом: «Да здравствует армия». Рабочий класс Франции, однако, не был всецело на стороне Жореса: часть его полагала, что дело Дрейфуса есть внутренняя склока буржуазных слоев и что судьба богатого офицера, выходца буржуазии и врага пролетариата, не должна интересоваться

французский пролетариат, тем более, что и защита республики, в пользу которой с такой энергией выступал Жорес, не может стать программой рабочего класса, так как французская республика проводит узко-классовую и консервативную политику, враждебную интересам рабочих, у которых поэтому не может быть основания становиться в ряды ее защитников. Большинство страны, как об этом свидетельствовали весенние парламентские выборы 1898 г., было против дрейфусаров и стояло за прекращение той агитации за пересмотр дела Дрейфуса, которую особенно энергично проводила часть рабочего класса, примыкавшая к политике Жореса. Однако, среди противников дрейфусаров далеко не все принадлежали к сторонникам клерикально-монархической партии; мало того, последняя, не решаясь открыто говорить о своих намерениях и стремясь скрыть их под удобной маской, стала называть себя националистической и патриотической партией в противоположность тем, которые желали «продать» Францию иностранцам и в угоду Германии подрывали авторитет и силу французской армии.

Под националистический и патриотический флаг стекались, помимо клерикально-монархических элементов, и многие представители демократической мелкой буржуазии, недовольной оппортунистической буржуазной республикой и видевшей в националистическом и патриотическом лозунге готовность борцов против дрейфусаров и их желание борьбы с «еврейским» капиталом, с капиталистическим духом торгово-промышленной буржуазии, стоявшей у кормила правления. Часть антидрейфусаров была настроена далеко не против республики вообще, а только против «международно-капиталистической» республики, на которую нападали националисты и патриоты, и голосовали за последних не потому, что они были клерикально-монархической партией, а потому, что они умели настолько удачно скрывать свои цели, что республиканская мелкая буржуазия принимала их за «истинных» республиканцев, не желавших себя продать международному капиталу.

Вот почему парламентские выборы 1898 г. протекали под новым флагом: испарились частично старые обозначения партий и под этикеткой национализма и патриотизма проходили одновременно и клерикально-монархические группы, мечтавшие о возрождении во Франции монархии, и демократические мелкобуржуазные, считавшие необходимым бороться против крупного капитала, ведшего узко-классовую политику, враждебную не только пролетариату, но и мелкой буржуазии. Так из прослойки разных групп, начиная с реакционного крупного землевладения и кончая республиканской мелкой буржуазией, оттесняемой развитием капитала, составилась антидрейфусовский блок, патриотическо-антисемитское острие которого было направлено против умеренно-республиканского правительства Третьей республики, долженствовавшего, по стремлениям одних, уступить место более радикальным элементам общества, а по идеалу других, подлежащего замене монархическим и клерикальным правительственным органом.

Эти внутренние противоречия политического блока, не сразу проявившиеся вследствие растяжимости и неопределенности националистического лозунга, не мешали, однако, одержать вступившим в блок партиям крупную победу во время выборов и провалить всех тех, которые слишком были заметны в качестве борцов за пересмотр дела Дрейфуса. Среди забаллотированных

оказался и Жорес; с другой стороны, виднейшие антидрейфусары, как Дрюмон, с триумфом были избраны в палату депутатов, состав которой носил крайне своеобразный характер, так как исчезли обычные обозначения политических партий и на сцену выступили — националисты, патриоты, социалисты-националисты, националисты-антиколлективисты, антидрейфусары и всякие иные названия, скрывавшие истинную политическую физиономию новых депутатов. Неопределенность физиономии парламента не могла не отразиться и на составе министерства: так как среди депутатов было много «борцов против международного, еврейского капитала» и не было также недостатка в «радикальнейшем» осуждении умеренных республиканцев, защищающих интересы лишь «сильных мира сего», то во главе министерства стал радикал А. Бриссон, включивший, однако, в состав своего кабинета «радикальных националистов» и некоторых носивших близкие им этикетки сомнительных республиканцев. Портфель военного министра был в центре всех вожеланий: «честь» армии была «особенно дорога» всем оттенкам патриотически настроенных депутатов, и от защиты «интересов армии» зависела дальнейшая судьба кабинета Бриссона. И портфель этот был вручен депутату Кавеньяку, в семье которого республиканские идеи с давнего времени были традицией и который, будучи республиканцем, отличался и патриотизмом, совершенно незапятнанным дрейфусовскими брызгами.

7 июля 1898 г. военный министр Кавеньяк торжественно выступил в палате депутатов с речью, посвященной делу Дрейфуса. Кавеньяк заявил, что отныне должен быть положен конец всякой агитации за пересмотр этого дела, так как в генеральном штабе имеются три документа, устанавливающие совершенно неопровержимо вину офицера-изменника, осужденного еще в 1894 г. Палата, вышедшая из избирательной кампании, на которую страшным кошмаром давило это дело, облегченно вздохнула при известии министра об окончательной ликвидации дела Дрейфуса и не только выразила доверие новому военному министру, но и распорядилась, чтобы его речь была расклеена во всех коммунах Франции с тем, чтобы вся страна могла успокоиться и убедиться в благополучном разрешении затянувшегося к ущербу республики спора о законных или преступных действиях генерального штаба. Однако, на следующий день после этого решения палаты депутатов появилось в печати открытое письмо полковника Пикара на имя председателя кабинета министров Бриссона. В этом письме Пикар заявлял, что документы, на которые ссылался в своей речи военный министр Кавеньяк, «имеют все признаки» сфабрикованных бумаг, и уверенность министра основана на одних лишь подлогах, а потому дело Дрейфуса не только не может считаться ликвидированным, но должно расследоваться с тем большей тщательностью, чем больше фальшивок нагромоздилось вокруг него. Пикар в заключение просил премьер-министра, чтобы ему дали возможность выступить перед компетентным учреждением для доказательства своего утверждения о сфабрикованных документах. Хотя в ответ на это Пикар был арестован, тем не менее, военный министр отдал приказ изучить все хранившиеся в генеральном штабе документы относительно дела Дрейфуса.

Изучение их принесло генеральному штабу совершенно неожиданные результаты: 30 августа подполковник Анри вынужден был признаться в подлоге и был арестован, а на следующий день

он покончил с собою в тюрьме. В тот же день майор Эстергази бежал в Лондон, а начальник генерального штаба подал в отставку.

Казалось, что сторонники пересмотра дела могли праздновать полную победу, ибо подлог не только был налицо, но совершивший его покончил с собою, а виновник измены бежал за границу. Но клерикально-монархическая реакция не желала сдаваться: все дело Дрейфуса было объявлено настолько искусной махинацией международного синдиката, задавшего целью погубить Францию, что в подлоге Анри увидели «патриотический подвиг», виновник которого достоин звания спасителя отечества. Образовалась специальная лига для постановления памятника «великой жертве международного кагала», и в стране началась ожесточенная кампания против дрейфусаров, сопровождавшаяся во многих местах пролитием крови. Жорес, Золя и все остальные борцы за восстановление поправленного права были объявлены изменниками, продавшимися врагам Франции, и поднявшая голову реакция требовала, чтобы оскорбленная армия покончила с этими изменниками, и чтобы она сама, в виду слабости гражданской власти, защищала свою честь. В такой обстановке премьер Бриссон, в виду парламентских вакансий, решил собственной властью передать дело Дрейфуса в соответствующую инстанцию для пересмотра. Военный министр Кавеньяк в ответ на это подал в отставку, как бы свидетельствуя, что армия считает себя оскорбленной таким решением вопроса. Вместо Кавеньяка, был назначен новым военным министром генерал Цурлинден, считавшийся сторонником пересмотра дела Дрейфуса. Однако, как только он стал министром, на него произведено было соответствующее давление со стороны генерального штаба, и когда министр юстиции потребовал передачи ему дела Дрейфуса для представления в судебную инстанцию, генерал Цурлинден ответил, что он убежден в виновности Дрейфуса и считает пересмотр его дела нецелесообразным.

Это был вызов, брошенный в лицо военной властью гражданской и обозначавший неповиновение армии высшей гражданской власти, и премьер Бриссон принудил генерала Цурлиндена подать в отставку. Реакционные и националистические элементы увидели в этом новое унижение армии и повели яростную атаку против правительства, во главе которого, в лице Бриссона, находился старый испытанный республиканец, не подававшийся влиянию антисемитско-шовинистической и демагогической агитации. Когда, после летних парламентских каникул, открылись заседания палаты депутатов, на правительственной скамье сидел уже новый военный министр. То был — генерал Шануан; к нему палата и обратилась с запросом по поводу дела Дрейфуса. Вместо того, чтобы, согласно министерской солидарности, выступить в пользу уже решенного вопроса о передаче на рассмотрение кассационной палаты тайного досье осужденного Дрейфуса, генерал Шануан неожиданно заявил с народной трибуны, что он убежден в виновности Дрейфуса и, не уведомив предварительно премьера Бриссона, тут же подал в отставку. Это был страшный удар по министерству, которое, обнаружив свой внутренний разброд, вслед за Шануаном целиком ушло в отставку, предоставив, таким образом, победу военной партии, вызвавшей падение ненавистного генеральному штабу кабинета Бриссона. Эта парламентская победа тех, которые стремились внепарламентским путем покончить с республикой, тем более повысила их шансы, что новое министерство, возглавлявшееся подозрительным оппорту-

нистом Ш. Дюпюи, открыто заигрывало с националистами, вело тайную агитацию против дрейфусаров и против решения предыдущего кабинета о передаче всего дрейфусовского дела на пересмотр кассационной палате. Опираясь на правительство, националисты вместе с клерикалами и военщиной удвоили свои нападки на «еврейскую» Францию и вели политику по линии монархической реставрации.

С особенной очевидностью это обнаружилось, когда в начале 1899 г. умер президент республики Феликс Фор и должен был быть избран новый президент. Кандидатом реакционеров, скрывавшихся под антисемитской и националистической маской, был наиболее правый республиканец Мелин, ярый противник пересмотра дела Дрейфуса, стоявший на точке зрения законного и, следовательно, окончательного решения этого дела. Когда вследствие опасности монархического переворота республиканцы объединились и провели в президенты республики своего кандидата Эмиля Лубе, шовинисты-реакционеры в день похорон президента Ф. Фора попытались совершить государственный переворот, убеждая представителей армии пойти на Елисейский дворец и арестовать там нового президента республики. Это поведение националистов открыло, наконец, глаза тем республиканцам, которые до того времени видели в антисемитской и националистической кампании не истинную ее подоплеку, а направленное исключительно против «еврейского капитала» и защищающего его интересы «жидовского правительства» народное движение. Отныне монархический и реакционный характер всего антидрейфусовского волнения был окончательно раскрыт, и часть республиканцев, раньше либо поддерживавшая это движение, либо относившаяся к нему нейтрально, теперь заняла в отношении его враждебную позицию и требовала проведения в жизнь принципа подчинения военных властей гражданским, указывая на грозную опасность для республики, если ей законы будут диктоваться армией в лице популярных генералов или генерального штаба.

Однако, ослабление шовинистической волны шло медленно, и когда, в силу постановления кассационной палаты, Дрейфус летом 1899 г. предстал пред новым военным судом в Ренне, то военная партия не только не сложила оружия, но перешла в наступление. Целых пять бывших военных министров продефелировали пред судом, клялись всеми святыми в виновности Дрейфуса, говорили о нанесенной Германией пощечине чести французской армии, о невозможности сказать всей правды в виду опасности войны между Германией и Францией и давили весом своего министерского авторитета на военный суд, состоявший из офицеров, в значительной степени почувствовавших клерикально-монархической партии. На суде ставленники реакции превозносили «патриотический подлог» подполковника Анри и изображали все дело Дрейфуса, как происки враждебного Франции международного еврейского общества, поддерживаемого близкой этому обществу Германией. Возмущаясь теми элементами, которые боролись за Дрейфуса, националисты во время самого процесса в Ренне совершили покушение на жизнь защитника обвиняемого и вырвали всеми этими махинациями обвинительный приговор Дрейфусу. 5 голосами против двух 9 сентября 1899 г. Дрейфус был признан виновным и был приговорен, в виду наличия смягчающих обстоятельств, к 10 годам тюремного заключения. Не единоголосное постановление, а еще более наличие каких-то смягчающих обстоятельств — какие могли быть смягчающие обстоятельства для богатого, интеллигентного офицера генерального штаба, система-

чески совершавшего измену по отношению к своему отечеству? — показали не только Франции, но и всей Европе, что реннский приговор был компромиссом между «человеческой совестью» и «военным долгом», что офицеры не нашли в себе достаточно мужества, чтобы идти против своего начальства и своей касты, но что они, вместе с тем, хорошо видели неосновательность обвинения и старались примирить это противоречие.

Обвинительный приговор, вынесенный лишь большинством голосов, смягчавшим свою суровость, был данью офицерской партии делу справедливости, и страна в огромном большинстве с этой именно точки зрения оценила реннский процесс. Начатая под покровом антисемитизма игра реакционеров была проиграна: пред Францией предстали антисемиты и националисты в их естественном виде, в виде реакционных монархистов, стремившихся свергнуть республиканский режим.

С антисемитизма была сорвана его маска, и между сторонниками клерикальной монархии и приверженцами республики произошел на почве еврейского вопроса решительный бой. Подобно тому, как в 1791 году реакция, связав судьбу революции с судьбою еврейской эмансипации, лишь ускорила успех последней, точно также теперь клерикалы, запутавшиеся в лабиринте дрейфусовского дела, ради которого на карту было поставлено с таким трудом возведенное антисемитско-монархическое здание, не только погубили плоды своей многолетней деятельности, но и вызвали к жизни радикальную Францию, провозгласившую девизом борьбу с клерикализмом. Антисемитизм потерял свою привлекательность, и ряды антисемитов стали быстро редеть. В настоящее время от недавней вспышки антисемитизма остались лишь жалкие обломки. Клерикалам, по выражению публициста Маре, так-таки не удалось диверсией против евреев поднять в стране свой собственный престиж. Не только во Франции, но и в Алжире, очаге друзей Дрюмона, антисемиты быстро пошли на убыль, и во время парламентских выборов 1902 г. из пяти алжирских депутатов-антисемитов, ни один не прошел в палату депутатов, где вообще уже не было ни одного депутата, открыто назвавшего себя антисемитом. Еще сильнее было поражение антисемитов в избирательной кампании 1906 г., когда они даже в Алжире собрали самое ничтожное количество голосов.

Евреи Франции, не составлявшие и $\frac{1}{4}$ миллиона при общем французском населении в 40 милл., при нормальных условиях не могут стать столь серьезным фактором, чтобы послужить причиной образования специальной партии, направленной против них, и антисемитизм времени антиклерикальной политики Жюля Ферри, панамской аферы и дрейфусовского дела был движением, искусственно поднятым клерикальной реакцией, преследовавшей свои специфические цели и сколотившей на почве общего недовольства разнообразные общественные группировки, уровнем классовой сознательности которых наиболее всего соответствовало то объяснение «зол современной Франции», которое давалось антисемитами. Что в этой «сознательности» было немало бессознательных, наследственных религиозных предрассудков, — об этом свидетельствует не только Франция, но и другие страны, на антисемитском движении которых мы теперь остановимся¹⁾.

¹⁾ О деле Дрейфуса лучшей книгой является многотомная «Histoire de l'affaire Dreyfus» Жозефа Рейнака.

АНТИСЕМИТИЗМ В ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ.

Великая Французская революция вызвала в консервативных кругах Германии сильную тревогу: немцы опасались, как бы революционные и освободительные идеи не перешагнули через Рейн и не принесли бы с собою, среди многого другого, политического и гражданского равноправия евреев. Выразительницей этого тревожного настроения реакционных кругов Германии явилась многочисленная антисемитская литература того времени. Вся она проникнута в одинаковой степени враждою ко всем французским новшествам и к эмансипации евреев; она резка и определенно консервативна. В огромном большинстве случаев она анонимна и носит печать чиновничьего бюрократизма; наиболее популярны имена принадлежат Паальцову и Граттенауэру; последний вызвал целую литературу за и против себя. Его брошюра «Против евреев» содержала совершенно открытый призыв к истреблению евреев; Граттенауэр «искренно» скорбит о том, что «честному христианину просвещенный век не разрешает более попросту убивать жидов».

Из многочисленных его соратников по перу упомянем лишь Фр. Бухгольца, который в брошюре «Моисей и Иисус» доказывал, что христианство ничего общего не имеет с иудаизмом и что оно возникло, как протест против него; прусских евреев Бухгольц называет «цыганами, которых следует удалить из пределов страны», и удивляется, как мог такой выдающийся писатель, как Лессинг, быть в дружбе с еврейским философом М. Мендельсоном: «Между мною и каким-либо евреем, — восклицает Бухгольц, — никогда не могли бы установиться такие отношения, чтобы еврей публично называл меня своим другом».

Но наполеоновские войны положили конец литературным нападениям на евреев: разбитой Германии было не до них, и, словно насмехаясь над германским общественным мнением, Наполеон даровал евреям равноправие не только в присоединенных к Франции землях, но и в государствах, находившихся под его протекторатом. Так, конституция нового Вестфальского королевства провозгласила равенство пред законом всех подданных, и в специальном законе от 12 января 1808 года говорилось, что «подданные, принадлежащие к еврейской религии, должны во всех наших провинциях пользоваться теми же правами и вольностями, что и другие подданные». Примеру Вестфалии последовали некоторые другие государства, и вскоре от лягза наполеоновского оружия пали еврейские цепи на всем почти протяжении Германии.

Свержение Наполеона означало победу реакции в Германии, где стала проповедываться слепая ненависть ко всему революционному, связанному с именем Франции. Великим принципам 1789 года были противопоставлены охрана христианского государства, верность старым преданиям и отеческая заботливость монарха о своих подданных. «Прочь всякие новшества и нововведения, долой чуждые тевтонскому духу элементы и да здравствует доброе, старое время, когда Фридрих Барбаросса мудрой рукой вел по стезе добродетели и славы своих храбрых и религиозных сыновей, не знавших разврата иностранцев и тех требований разума, которые ныне празднуют вакханалию по ту сторону Рейна!». Первыми жертвами этого «христианско-германского»

духа должны были стать евреи, из рук наполеоновской Франции получившие свое равноправие, и один город за другим высказывается, что «определение объема прав евреев» должно зависеть от «благо-разумия и справедливости» городских властей. А эти-то качества и побудили на Венском конгрессе 1815 года представителя Франкфурта заявить, что предоставленные евреям права «нанесли страшный ущерб христианскому населению и подорвали могущество» свободного города Франкфурта. К Франкфурту присоединились Любек, Бремен, Гамбург, и евреи на всем протяжении Германии стали подвергаться различного рода ограничениям и были поставлены в то положение, в каком они находились до победоносного вторжения в Германию Наполеона.

Одновременно с правительственным антисемитизмом стал проявляться и общественный, выразившийся в целом ряде литературных произведений. Наибольший успех выпал на долю берлинского профессора Фридриха Рюса, опубликовавшего в 1816 году книгу под названием «О претензиях евреев на гражданские права». Рюс, некогда сам увлекавшийся революционными принципами, теперь решительно отворачивался от всего, навеянного Францией, доказывая, как вредно отражаются на государстве абстрактные теории, в силу которых евреи такие же люди и, следовательно, граждане, как и христиане. По мнению Рюса, идеологи совершили преступление, когда подставили под понятие о людях вовсе не равнозначущее и не совпадающее с ним понятие о гражданине: еврей, конечно, человек, но отнюдь не гражданин, ибо он подчиняется своему закону — талмуду, своему начальству — раввинам; евреи составляют особую нацию, ничего общего не имеющую с господствующей в данной стране нацией; они образуют государство в государстве. Ошибочно, по словам Рюса, приписывать отрицательные стороны еврейской нации тяжелым условиям, в которых они жили тысячелетиями: в Испании и Польше, где их долго совершенно не притесняли, они занимались тем же, что и в Германии, где их преследовали; своим материальным и духовным падением испанцы и поляки обязаны евреям. «Пусть история Испании, — восклицает Рюс, — послужит для всей Европы примером, как опасно христианскому государству подпасть под власть евреев».

Другой профессор-антисемит, философ Фрис, доказывал, что причина всех несчастий Германии лежит «в пропитанном ядом гуманности законодательстве о евреях», в тайных сношениях евреев с освободителями еврейской нации — французами и требовал издания драконовских законов по отношению к евреям, если совершенное их изгнание из пределов Германии представляет непреодолимые препятствия.

Большим успехом пользовалась также анонимная книжка «Что будет с евреями при новом государственном строе» (1816 г.), где доказывалось, что деспотизм Наполеона держался, благодаря проискам евреев, этих заклятых врагов германо-христианского государства и восторженных поклонников антихристианской, революционной Франции.

Особенно сильно заражены были антисемитизмом мелкие коммерсанты и ремесленники, которые в дни господства французского влияния не мало пострадали от еврейской конкуренции и теперь громкими фразами о величии германского духа, о необходимости защиты христианского государства от чуждых ему элементов и невозможности допущения государства в государстве успокаивали свои недавние

раны. Наравне с этими элементами против евреев выступали и студенты, в особенности в католических городах. В Вюрцбурге студенты в 1819 году с криком «Нер, нер» устроили настоящий погром, охвативший вскоре несколько городов Баварии, откуда он впоследствии распространился и на другие государства Германии.

Однако, все эти проявления антисемитизма были больше на поверхности, чем в глубине народа: Германия шла по пути торгового капитала, а отчасти и промышленного, а развитие именно этих сил вызывало к жизни либеральное и веротерпимое течение, и с 30-х годов легко можно было констатировать отлив антисемитизма по мере продвижения либерализма и введения, в отдельных германских странах, робких, полусвободных конституций. Победа торгового капитала в 1848 году над цеховым и феодальным строем старой Германии принесла евреям политическое и гражданское равноправие. Конституции «бешеного года» закрепили его за евреями, и если наступившая реакция не мирилась с этим «страшным нарушением христианской основы» истинно-цивилизированного государства, она не в состоянии была, однако, вызвать против евреев широкого народного движения, так как Германия переживала полосу расцвета своей экономической мощи без особенно острых перебоев и болезненных процессов. Так продолжалось дело до провозглашения в 1871 году новой германской империи, одержавшей блестящую победу над наполеоновской Францией.

Вслед за уплатой французской военной контрибуции в германских банках были помещены огромные суммы денег, и сказался чрезвычайный избыток капиталов, превосходивших производительные силы страны. Возникло множество дутых предприятий, биржевая горячка охватила страну, наступила эпоха «грюндерства» и спекуляций. Промышленники, лавочкики, ремесленники, чиновники, представители свободных профессий — все бросались на сомнительные дела, все «грюндовали», устраивали предприятия, продавали то, чего у них не было, покупали предметы, существовавшие лишь на бумаге.

В октябре 1873 года разразился над Германией страшный финансово-промышленный крах, явившийся неизбежным следствием этого грюндерства; крах осложнился обеднением земледельческих классов под влиянием целого ряда неурожаяев. Многие руководители дутых предприятий вышли во-время из них и приобрели огромные богатства. Дело получило такой вид, что ловкое меньшинство ограбило публику и пустило по миру сотни тысяч людей.

Недовольство народа было велико. Все спрашивали себя: неужели война с Францией велась для того, чтобы обогатить десяток-другой спекулянтов? Разве французские миллиарды не должны принадлежать тем, кто воевал на фронте и проливал свою кровь? Ловкие клерикалы раньше других поняли, что не следует упускать момента и что необходимо использовать народное возмущение в интересах реакции, — и клерикальная газета «Германия» с 1874 года начинает упорно утверждать, что вся политика новой империи направлена против народа и преследует интересы одной лишь «международной золотой клики». Чтобы ловко обдeldывать свои грязные делишки, говорит названная католическая газета, представители этой клики, именующие себя либералами, объявили поход против католиков, известный под названием «культуркампа», который по существу представляет лишь ширму, прикрывающую истинные цели господствующей либеральной партии. В подтверждение своих заявлений «Германия» перечисляла правительственные мероприятия того времени и подчерки-

вала, что везде и повсюду в них имеется лишь эксплуатация христиан евреями и еврействующими либералами.

Закон о свободном учреждении промышленных компаний, об упразднении серебряной монеты, об учреждении имперского банка — все приписывалось католической газетой и стоявшей за нею партией центра влиянию еврейских капиталистов. Пред взором разорившегося народа предстал еврей, вооруженный большим золотым ключом, которым он отпирал все двери и дразнил тех «честных и бесхитростных германцев», которые верили, что дутые предприятия принесут им богатство и счастье. Агитация газеты «Германия» была бальзамом для зияющей раны впавшей в бедность мелкой и отчасти средней буржуазии, и руководители католической партии, известной в Германии под именем центра, казалось, нашли ахиллесову пятую политики культуркамфа, политики блока Бисмарка с национал-либералами.

Успех центра побудил и юнкерство прибегнуть в борьбе с либералами к тем же средствам, и ряд консервативнейших и реакционных газет заговорил резко антисемитским языком, возмущаясь еврейским международным капиталом. В глазах юнкеров, защитников крупного землевладения, либералы, тайно руководимые евреями, были повинны в издании невыгодных для недвижимого капитала законов, проникнутых принципом экономической свободы и «laissez faire». Так, евреи или еврействующие либералы одновременно вели, по словам реакционеров из партии центра и аграриев, и антикатолическую, и антиаграрную политику и должны были отвечать и за культукамф, и за грюндерский крах, и за земледельческий кризис.

Однако, ни агитация католиков, ни жалобы аграриев не могли вызвать в стране столь сильного антисемитского движения, которое увлекло бы за собою широкие народные массы: аграрии были беспомощны в городах, а католики ограничились своим влиянием пределами лишь тех областей, где господствующей религией был католицизм. Для создания настоящей антисемитской партии нужно было очистить лозунги «Германии» от католического привкуса и совершенно устранить аграрные жалобы юнкерства; главной опорой будущей партии должна была стать мелкая буржуазия, эта жертва развивающегося капитала, проникнутого манчестерским духом и не признающего над собою никакой власти.

Теоретиком этого социального антисемитизма, далекого от всякого религиозного пафоса и близко принимающего к сердцу интересы гибнущего собственника, был Рудольф Мейер, который в 1877 году выпустил книгу под названием «Политические грюндеры и продажность в Германии».

Охарактеризовав роль либеральной буржуазии во Франции в царствование Людовика-Филиппа и Наполеона III, Рудольф Мейер пришел к выводу, что Бисмарк идет по пути Второй французской империи и, подобно Наполеону III, всячески поддерживает финансовых и биржевых дельцов; в Германии, благодаря канцлеру Бисмарку, устанавливается, по мнению Мейера, тесная связь между «индустрией и политикой», и «наше несчастье заключается в том, что мы подпали под власть опаснейшей и бессовестнейшей банды политиканствующих коммерсантов и занимающихся финансовыми делами политиков». «Министр, осмеливающийся, подобно Бисмарку, заявить, что моралист препятствует росту хозяйственной жизни страны, что на обыкновенный язык можно передать словами: моралью не строят железных дорог, — такой министр сознательно или бессознательно ведет империю к гибели». И Мейер указывает, насколько близко министры

стояли ко многим дутым предприятиям эпохи грюндерства; особенно резко критикует Мейер поведение министра Дельбрюка, заявившего во время запроса по поводу крупнейших финансовых крахов, что правительство не могло защищать людей, которые сами «захотели освободиться от своих денег».

И пред Мейером, не щадившим красок для изображения бездны, куда евреи и их покорные слуги — либеральные министры — бросили новую объединенную империю, встает вопрос: как освободить Германию от еврейско-либеральной промышленно-политиканствующей кучки правителей? С презрением смотрит Мейер на тех юнкеров, которые в сетях своей близорукой политики хотят запутать железного канцлера, как называют обычно Бисмарка; он не верит и в успех клерикальной агитации, так как протестантская Германия никогда не откажется от величайшего культурного наследия XVI века, и предлагает внести в программу «людей порядка», не желающих плыть по волнам революции и анархии, некоторые «благоразумные» требования рабочего класса и мелкого люда вообще, ибо, говорит Мейер, лишь опираясь на широкие массы народа, можно энергично бороться со все глубже и глубже проникающим духом еврейско-либеральной эксплуатации. Так Мейером, не без таланта и темперамента, была развита мысль о необходимости консервативно-социальной программы, приверженцами которой могут стать одинаково все противники еврейско-манчестерской либеральной партии. Идеи Мейера легли основу целого ряда антисемитских выступлений 70-х и 80-х годов; между прочим, ими проникнуты и писания Вильгельма Марра, на долю которого в течение короткого времени выпал особенно шумный успех.

Успех этот был, однако, более литературного, бумажного характера, чем реального, политического: нескрываемая консервативная закваска антилиберального антисемитизма Мейера и его бесчисленных плагиаторов отталкивала от зарождающейся партии не только рабочие массы, но и значительную часть мелкой буржуазии, нуждающейся скорее в демагогических, чем в консервативных лозунгах. Отчасти это поняли и ближайшие соратники Мейера, в том числе и Марр. Но консервативное происхождение руководителей тормозило их переход на демагогические рельсы и угрожало им опасностью остаться правой партией, черпающей свои силы преимущественно из враждебных либерализму слоев общества, видевших в либерализме торжество международной еврейской золотой клики. Между тем, социал-демократия как раз в это время делала большие завоевания, и ее кадры быстро росли: необходимо было задержать, затормозить успех социал-демократии созданием конкурирующей партии, строившей свои политические расчеты на том же рабочем классе, что и социал-демократы.

В лице придворного проповедника Ад. Штеккера нашелся консервативный человек, задавший целью путем антисемитизма убить социализм, что, по мнению Штеккера, было возможно лишь в том случае, если «полностью» использовать из «евангельского арсенала» все его социалистические начала: с «безбожным» социализмом следует, — говорил Штеккер, — бороться путем христианского социализма и в противовес социал-демократии необходимо создать христианско-социальную партию. Идея эта имела успех. В христианско-социальную партию стали записываться в значительном числе; к ней примкнули и некоторые социал-демократы, за что и были исключены из социал-демократической партии. Этот успех стали ценить правя-

щие круги, и Бисмарк, который к этому времени порвал союз с либералами и отказался от дальнейшего культуркампа, приветствовал Штеккера за услугу, какую он оказывал «новому» правительственному курсу. Впрочем, в душе Бисмарк презрительно относился к антисемитизму, называл его «социализмом глупых людей» и хорошо понимал, что пролетариат может сочувствовать антисемитизму лишь до тех пор, пока он «глуп», т.-е. пока в нем не пробудилось настоящее классовое сознание, говорящее ему, что зло капиталистического строя не в еврее, а в той форме производства и распределения богатства, которая является сущностью капиталистического режима.

Однако, как временное затемнение классового сознания пролетариата и как средство отвлечения его внимания от истинных причин тяжелого положения рабочего класса, антисемитизм был полезен господствующим классам, и Бисмарк, подобно многим другим, тем менее брезгал им, что разлагающиеся, но еще не окончательно пролетаризованные элементы общества видели именно в антисемитизме панацею от всех зол и шумно шли под его знамена.

Так создалась христианско-социальная или антисемитская партия, говорившая демагогическим языком и обращавшаяся к разоряющейся мелкой буржуазии и к малосознательным рабочим массам. Для последних — в историческом разрезе — антисемитизм был этапом по пути к социализму, и от агитационной силы и влияния антисемитизма зависело до известной степени продлить этот этап и использовать его в интересах дробления пролетарских сил и подрыва значения социал-демократии. Последняя хорошо это понимала и вела самую ожесточенную борьбу с антисемитизмом, зазывавшим к себе путем дешевой и пустозвонной демагогии отсталые элементы рабочего класса, в особенности те его слои, которые еще недавно пролетаризировались и не порвали еще ни с идеологией, ни с интересами мелкой буржуазии. Те области Германии, где ремесло, хотя и прозябало, но все-таки держалось, менее других были восприимчивы к социализму и давали наиболее верные кадры антисемитов; наоборот, высоко в промышленном отношении развитые местности не подолгу останавливались на антисемитизме и, быстро вывариваясь в фабричном котле, переходили в социалистический лагерь, если они в нем уже не были до появления на сцене антисемитизма.

В этом отношении особенно характерна столица Австрии — Вена: в ней, несмотря на мировое значение этого города, сохранилось много полупролетарских, полуремесленных элементов, т.-е. тот слой гибнущих под тяжестью капиталистической машины людей, на которых более всего мог рассчитывать антисемитизм, и венский антисемитизм, повидимому, первый получил кличку социализма венских дурней (*der dumme Kerl von Wien*), пущенную в оборот известным депутатом Ферд. Кронаветтером и примененную вскоре Бисмарком, а затем и Бебелем, к антисемитизму вообще — с исключением, разумеется, слова «венский».

Подобно Мейеру, и придворный пастор Штеккер оказался чересчур шепетильным для демагогического антисемитизма: последнему нужны были «уличные» методы борьбы и «евангельские» речи Штеккера, вызывавшие, правда, на народных митингах восторженные крики: смерть жидам! бей жидов! были не к лицу тем политическим подонкам, из которых сформировался в Германии штаб антисемитской партии. Генрици, Альвардтам, Беккелям и другим нужны были иные методы борьбы, и в 1881 году разразился в Германии ряд по-

громов, принявших крупные размеры в Штеттине, Данциге, Шивельбейне и Нейштеттине.

Германские антисемиты хотели показать, что их отечество не уступает России, где как раз в это время имел место ряд погромов. И в другом отношении царская Россия была для антисемитов образцом: на первом интернациональном конгрессе антисемитов в 1882 году шумными аплодисментами было встречено предложение приветствовать ограничительные мероприятия русского правительства в отношении евреев и ходатайствовать пред германским правительством издать подобные же законы по отношению к немецким евреям.

Уличные погромные методы борьбы с евреями и такие же методы агитации в пользу антисемитской партии привели к расколу ее на две фракции: в консервативную, «приличную и избегающую площадной ругани», вошли Штеккер и его приверженцы, которые попрежнему назывались христианско-социальной партией, а демагогическую фракцию, получившую наименование партии реформ, возглавлял Либерман Зонненберг, требовавший «решительных» действий в отношении евреев и реформ в пользу всех жертв еврейского капитала.

Если фракция Штеккера по существу была просто консервативной партией с примесью нескольких антисемитских лозунгов, то группа Либермана-Зонненберга, наряду с интересами юнкеров, защищала и интересы мелких лавочников и ремесленников. Раскол в партии отразился крайне печально на ее успехах, тем более, что еврейские погромы в ряде городов, равно как резко демагогические выходы партии реформ, заставили Бисмарка усомниться, удобно ли правительству в борьбе против либералов и социал-демократов опираться на таких союзников, как антисемиты.

Падение антисемитской волны побудило фракции сблизиться, и на конгрессе в Касселе в 1886 году после того, как из программы «реформистов» было вычеркнуто все, что в той или иной степени нарушало интересы крупного землевладения, состоялось объединение антисемитов во «Всеобщий германский союз». От объединения выиграло лишь правое крыло, между тем, ядро антисемитской партии составляла мелкая буржуазия, враждебно относившаяся к консервативно аграрным тенденциям Всеобщего германского союза.

Ошибочность политики Кассельского конгресса сказалась уже во время парламентских выборов 1887 года, когда «весь цивилизованный мир должен был узнать об освобождении Германии из-под жидовского ига», и когда за антисемитов было подано всего 11½ тыс. голосов, и в рейхстаг был избран лишь один представитель «наиболее могущественной» партии германской империи.

Задачу исправления кассельской ошибки взял на себя Отто Беккель, резко критиковавший «преступную беспринципность» бывших реформистов, попавших в сети консервативного Штеккера, и требовавший внесения демократических принципов в антисемитскую программу. Беккель довел дело до распада в 1889 г. всеобщего германского союза, на месте которого образовались две антисемитские партии. Левая, руководимая Беккелем, стала называть себя «антисемитской народной партией» (с 1893 г. — немецкой реформаторской), а правая, заключавшая консервативно-аграрные элементы, получила название «немецкой социально-антисемитской партии». В 1891 г. она пересмотрела свою старую христианскую социальную программу и внесла в нее, под влиянием соперничества с Беккелем, некоторые изменения: так, вместо прежних туманных требований об ограничении евреев в правах и об усилении германо-христианских

начал, теперь говорилось об удалении иудеев из школ, об отмене еврейской эмансипации, об издании особого законодательства о евреях и о запрещении въезда в Германию иностранных иудеев; наряду с радикализмом в еврейском вопросе партия Штеккера по-прежнему оставалась консервативно настроенной, и защита земельно-владельческих интересов явно обнаружилась как в ее программе, так и в речах ее руководителей.

Эта консервативная закваска мешала приверженцам Штеккера конкурировать с Беккелем, и в то время, как последний, благодаря своим демагогическим приемам, завоевал симпатии не только мелкой буржуазии и части средней, но и крестьянства, Штеккер все более и более ступшевался пред боевым, шумливым антисемитизмом поднявшим радикальное знамя. Во время парламентских выборов в 1890 г. антисемиты собрали 47½ голосов, и из пяти их представителей в рейхстаге трое принадлежали к группе Беккеля.

Вскоре воинственный антисемитизм обогатился новым руководителем. То был — Герман Альвардт, который бьющими на эффект разоблачениями и обещаниями конфискации еврейского капитала, подлежащего разделу между неимущими немцами, сделал антисемитскую партию настолько популярной, что во время парламентских выборов 1893 г. за нее было подано 264 тыс. голосов, и она в рейхстаге была представлена 16 делегатами, при чем 14 принадлежали к «левым» — оттенка Беккеля и Альвардта.

Своего апогея антисемиты достигли в 1898 г., когда за них голосовало 284 тыс. избирателей. С этого момента антисемитизм заметно пошел на убыль, и каждые новые парламентские выборы являлись для него поражением. Кризису антисемитизма способствовали как социал-демократы, ведшие с ним отчаянную борьбу, так и собственная его деятельность: в парламенте антисемиты почти всегда голосовали заодно с консерваторами и тем свидетельствовали, что их радикальные антисемитские лозунги не что иное, как агитационное средство для уловления голосов избирателей, и что на самом деле они такие же защитники «трона, алтаря и юнкерского кармана», как и остальные консервативные и реакционные партии. Этим объясняется, что антисемиты никогда не могут укрепиться в раз завоеванных ими округах и постепенно находятся в погоне за новыми избирательными округами, за такими, где их еще недостаточно знают и где их лжереволуционным жестам и обманчивым обещаниям еще продолжают верить.

Потеряв Саксонию, одно время находившуюся в плену у наиболее демагогических фразеров антисемитизма, а потом Гессен и Ганновер, антисемиты рассеялись по захолустным углам Германии, выступая под разнообразными кличками и тщательно скрывая истинный характер своей политической физиономии. С другой стороны, однако, антисемитскими лозунгами стали пестреть выступления разных буржуазных партий, считающих, что антисемитизм может играть серьезную роль в борьбе против социализма; антисемитизм, кутающийся в антикапиталистический плащ, способен, по мнению многих защитников буржуазного, капиталистического строя, на время отвлечь пролетариат от социализма и в этом смысле играть роль защитника существующего на Западе режима.

Вот почему к антисемитской демагогии нередко прибегают даже либералы, т.-е. те, которые всегда были объектом самых сильных и свирепых нападков со стороны антисемитов. Нередко и евреи, принадлежавшие к буржуазии, не брезгают антисемитскими лозунгами и

отдают во время парламентских выборов свои голоса антисемитам, в особенности, когда им приходится выбирать между социалистами и антисемитами: из этих двух зол буржуазный еврей зачастую считает меньшим злом — антисемита, защитника частной собственности, хотя и врага евреев, чем социалиста, не нападающего на евреев, но являющегося противником частной собственности. Впрочем, чрезмерно демагогические приемы антисемитов и их свирепая критика «еврейского» капитала побуждают часть даже консервативных партий относиться с осторожностью к политической деятельности антисемитов и определенно от них отмежеваться.

И в Австрии антисемитизм черпал свои главные силы из мелкой буржуазии, но так как здесь живучесть мелкой буржуазии была гораздо упорнее, процесс пролетаризации и, следовательно, рост социализма шли гораздо медленнее, чем в Германии, то антисемитизм на долгое время свил прочное гнездо в Австрии, и в частности Вена со своим многочисленным ремесленным населением оказалась цитаделью воинствующего антисемитизма. Ее бургомистр Луэгер крепко держал в руках бразды антисемитизма, и Австрия была, в глазах многих, образцом антисемитской мудрости, вызывавшим тем больше восторга у антисемитов, что центральная власть, пугаясь чрезмерной демагогии антисемитов и их буйной анархии, в течение некоторого времени пыталась бороться против этих элементов беспорядка и публично высказывала осуждение деятельности Луэгера и его приверженцев. Помимо живучести мелкой буржуазии, на развитие антисемитизма в Австрии имела огромное влияние национальная лоскутность бывшей Габсбургской империи с ее чрезвычайно ожесточенной между собою борьбой различных народностей, что создавало крайне острую атмосферу национального шовинизма, в которой с особенным успехом развиваются бактерии наиболее дикого антисемитизма. Везде и повсюду «ура-националисты» являются упорнейшими антисемитами, потому что квасной патриотизм в первую голову культивирует вражду ко всем национальностям, помимо той, к которой принадлежит сам крикун-националист. Это был серьезный факт в смысле усиления антисемитизма, усугублявшийся задорным и никогда не умиравшим в Австрии клерикализмом с его религиозной нетерпимостью и фанатизмом. Неудивительно поэтому, что выступления Луэгера и его соратников, охарактеризованные известным профессором геологом Зюсом, как «полное отречение от культуры», нередко завершались антиеврейскими беспорядками, и в последние десять лет XIX в. Австрия пережила ряд еврейских погромов в Праге, Находе, Холлетшау, Аустерлице и т. д. Мало того, в 1899 г. на австрийское еврейство надвинулась, казалось, уже давно в Западной Европе забытая гроза в виде процесса ритуального убийства в чешском городке Полна.

Возможностью этих средневековых процессов Австрия не мало обязана была пражскому профессору Роллингу, выпустившему ряд грубо антисемитских книг, где он, на основании «2000 цитат» из еврейских источников, старался доказать правдивость существования ритуальных убийств. Одновременно с этой проповедью чело-веконенавистничества, имело значение для положения евреев Австрии то обстоятельство, что они как своими материальным интересам, так и духовными, были связаны с либерализмом, а австрийский либерализм с его политикой невмешательства в экономическую жизнь, с его узко-классовой линией, враждебной и рабочему классу, и мелкой буржуазии, не мог не кончиться страшным политическим кра-

хом, повлекшим за собой и политическую гибель связанного с либерализмом австрийского еврейства.

Очутившись у власти, антисемиты, под названием христианских социалистов, стали управлять страной в духе царского правительства, которое они особенно горячо приветствовали после октябрьских антиеврейских погромов 1905 г. Одним из первых законопроектов антисемитов, шедших почти постоянно вместе с клерикалами, было предложение Шмидта, ограничивающее доступ евреев в учебные заведения и устанавливавшее процентную норму, по образцу России. Нужно, однако, сказать, что законодательный пафос антисемитов быстро испарился, и правительственная партия из христианских социалистов шла по тому пути, по какому вела Австрию, начиная с 80-х годов, клерикалы и консерваторы. Эта фальшь антисемитской демагогии, обанкротившейся с первого дня своей законодательной работы, в значительной степени подорвала доверие даже мелкой буржуазии к антисемитской партии, против которой, впрочем, энергично выступала и часть социал-демократической партии. с Виктором Адлером во главе. Тем не менее, антисемиты продолжали оставаться самой многочисленной партией вплоть до самой войны. Мало того, оттесненные во время революции 1918 г. на задний план, они вскоре снова подняли голову и после первых 2—3 лет существования нынешней австрийской республики опять стали фактически почти диктовать свою волю стране и вместе с другими реакционными фракциями буржуазии заняли в республике господствующее положение.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

АНТИСЕМИТИЗМ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ.

После первого раздела Польши жившие в ней евреи перешли вместе с определенными частями польского королевства к России, где в силу нового городского положения 1785 г., перестали быть особым сословием и превратились в русских подданных, граждан, входящих в состав купечества и мещанства: к городам были приписаны даже те евреи, которые фактически жили в уездах, и это обстоятельство привело к тому, что все евреи были уравнены в правах с городскими обывателями. Так как в это время городские общества пользовались сравнительно широкими правами, то и еврейское население приобрело некоторую силу и значение в общественной жизни России, в частности, разумеется, в городах. Основываясь, повидимому, на своих гражданских правах, белорусские евреи, ставшие ныне русскими подданными, ходатайствовали о разрешении им «записываться в оклад Рижского форштата для произведения там свободных торгов». Им было отказано в этом ходатайстве, так как «о свободной их записке в купечество и мещанство по другим городам, кроме белорусских губерний, особого высочайшего повеления нет, без коего сенат поступить на сие не может».

Хотя в этом указе говорилось вообще о других городах, кроме белорусских губерний, но так как ходатайство относилось исключительно к Риге, имевшей особое городское устройство и особые привилегии, по которым и русские купцы не имели права производить торговлю и селиться в Риге¹⁾, из приведенного сенатского указа не

делалось вывода, что евреям закрыты все другие города российской империи, кроме белорусских. И действительно, в 1790 г. уже имелись налицо еврей-купцы, записанные в московское купечество, о чем свидетельствует приговор московского купечества, в котором, ссылаясь на указ Екатерины I от 1727 г., коим повелено «жидов в России ни под какими образы не впускать», представители московского купечества говорят: «С недавнего времени в здешнем столичном городе появилось въезжих из-за границы и из польских белорусских губерний жидов весьма число немалое... к тому же некоторые из них отважились, утая настоящее их звание, а под именем въезжих из Пруссии и Белоруссии якобы тамошних купцов, записаться на время в здешнее купечество и, содержа под своим руководством и призрением и прочих свою братию жидов, вообще с ними причиняют всему здешнему купечеству в торговле не малый вред и помешательство, а по сим ощутительным причинам все общество, находя себя в крайней опасности дабы, по умножению их, время от времени не могло воспоследовать совершенного здешней коммерции расстроения и упадка, а через то всему купеческому обществу неминуемого разорения, согласно и приговорили... ходатайствовать о воспрещении торговли евреев в Москве, а равно о записавшихся потаенно в здешнее купечество кому следует учинить рассмотрение¹⁾».

Московское купечество, ссылаясь на закон 1727 г., совершенно игнорировало все то, что произошло до 1790 г., игнорировало присоединение к России Белоруссии с значительным числом евреев, предоставление им прав мещанства и гражданства в Белоруссии, и обвиняет водворившихся в Москве евреев в духе закона 1727 г. в таких деяниях, как розничная торговля и выменивание серебра и золота с возвышением промена до 15%. Московское купечество могло бы еще мириться с оптовой торговлей иностранного или иногороднего купца, но оно не может мириться с розничной продажей товаров, которая является их достоинством. Оно не может мириться и с водворением иностранного или иногороднего купца на продолжительное время, да что указывала формальная запись в московское купечество. Московское купечество того времени, по всей вероятности, столь же настойчиво протестовало бы против розничной торговли и записи в московское купечество украинских и белорусских купцов-христиан. Ведь присоединение известных территорий к России нисколько не означало дарования прав торговли и труда населению присоединенной территории на пространстве всей России, несмотря на пышные плакаты Екатерины, как не давало жителям самой империи права селиться и торговать в присоединенных областях, хотя городское положение 1785 г. и позволяло записываться иногородним купцам в других городах. Киевские купцы, напр., отнесли бы к розничной торговле московских купцов-христиан в г. Киеве столь же враждебно, как московские купцы отнесли к торговле белорусских купцов-евреев, ссылаясь на грамоту Петра I от 1710 г., по которой «приезжим в Киев торговым людям на обиду киевским мещанам в лавках не сидеть и никаких товаров на локти, фунты и золотники не продавать».

Таким образом, приговор московского купечества не представлял собою ничего незаурядного, хотя и противоречил некоторым законодательным актам Екатерины.

¹⁾ См. Голицын. «Ист. русск. законод. о евр.», стр. 313.

¹⁾ Материалы для истории московского купечества, I, стр. 83. Регесты и надписи, III, № 2364.

Белорусские евреи в свою очередь имели все основания заботиться о расширении своих торговых оборотов в направлении к Смоленску, Москве и вообще к внутренним губерниям. Находясь в торговых сношениях с Кенигсбергом, Данцигом, Ригой, они имели возможность стать посредниками между Пруссией и Россией и значительно развить торговую деятельность. В самой Белоруссии, при наличии бедного закрепощенного крестьянства, не было данных для развития торговли. Восточно-белорусские крестьяне, — писал ген.-губернатор Пассек императрице, — «привыкли все употреблять в пищу и в урожайные годы ржаной хлеб с мякиной»¹⁾. Эта «привычка» не только не исчезла, но все более росла под русским владычеством, благодаря усилению крепостного права, вглубь и вширь. Белорусским помещикам предоставлено было, между прочим, как и русскому дворянству, право продавать крестьян без земли²⁾. Число крепостных крестьян в Белоруссии было еще увеличено, благодаря пожалованию русским вельможам и офицерам старостинских и дворцовых имений³⁾. Крестьянское население не могло, следовательно, предъявлять какие бы то ни было запросы, для удовлетворения которых предназначена торговля.

Но белорусские евреи, стремясь водвориться в Москве и других городах внутренней России, не приняли во внимание, что и русские купцы внутренних губерний имели дело с закрепощенным крестьянским населением, потребности которого были весьма ограничены, почему русские купцы внутренней России должны были относиться крайне враждебно к усилению конкуренции в их среде по отношению к раздробительной продаже товаров.

Не приняли белорусские евреи во внимание и того, что, будучи прикреплены к кагалам, учрежденным в Белоруссии, евреи лишались возможности, предоставленной городским положением 1785 г. купцам вообще, записываться в качестве иногородних купцов в тех местностях, где кагалов не было, т. е. во всей внутренней России.

Приговор московского купечества был направлен к московскому главнокомандующему. Об этом, повидимому, узнали заинтересованные в деле московские купцы-евреи и, совместно с другими, успевшими записаться в смоленское купечество, обратились с ходатайством в том же 1790 г. к Екатерине «касательно незаписки их в смоленское и московское купечества». Так изложено содержание прошения евреев в журнале совета императрицы. Совет полагал, что, по существующим законам, «не имеют евреи никакого права записываться в купечество во внутренние российские города и порты, да и от допущения их к тому не усматривается никакой пользы; что могут они, однакож, на основании изданных законов пользоваться правом гражданства и мещанства в Белоруссии, и сие право можно бы еще с пользой распространить и на наместничества Екатеринославское и Таврическое»⁴⁾.

Резолюция эта, состоявшая по частному прошению, не была обнародована во всеобщее сведение, и московское купечество, не зная о ней, вновь обратилось к московскому главнокомандующему, от которого оно не получило ответа на ходатайство, изложенное в его приговоре. Поводом для этого вторичного ходатайства слу-

жило то, что наступило время для купцов объявить о своих капиталах на будущий 1791 г., следовательно, и от «записавшихся в 1-ю гильдию жидов уповательно такое объявление капиталов быть может». Не желая принять от евреев-купцов объявления об их капиталах без надлежащего разрешения начальства, московское купеческое общество испрашивает разрешение его «сумнительства» от главнокомандующего, князя Прозоровского¹⁾.

23 декабря 1791 г. состоялось окончательное решение как по прошению евреев, так и по ходатайству московских купцов. В этом указе сказано было: «Евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние российские города и порты, а только по указам нашим дозволено им пользоваться правом гражданства и мещанства в Белоруссии. Подтверждая о точном наблюдении изданных о сем постановлений, мы признали за благо распространить таковое право гражданства евреям, сверх белорусских губерний, на Екатеринославское наместничество и область Таврическую». Так возникла черта постоянной еврейской оседлости.

На основании этого указа московская администрация предписала евреям выехать из Москвы и Московских губерний и впредь в ее пределы не въезжать, под угрозой принудительной высылки²⁾.

Это предписание, не вытекавшее непосредственно из указа 23 декабря 1791 г., воспрещавшего приписку евреев к городам внутренних губерний, но отнюдь не право торговли и въезда в эти губернии, было опротестовано белорусскими евреями, которые и обратились к белорусскому ген.-губернатору Пассеку с прошением, указывая, что запрещение им торговли в Москве противоречит указу 23 декабря 1791 г., не воспрещавшему им «пользоваться торговлею, а особливо оптом». «Если же, — писали они, — воспрещение им этого рода торговли войдет в силу, то они совершенно разорятся, падет вся их торговля с купечеством других государств, производимая через Москву и прочие города и порты, так как вследствие разрыва торговли с иностранными купцами они потеряют общий кредит и не будут в силах уплатить им свои долги». В виду всего этого белорусские евреи и просили генерал-губернатора исходатайствовать им высочайшее разрешение «пользоваться единственно оптовою торговлей и на ярмарках по всем городам российской империи». Пассек 2 мая 1792 г. обратился к императрице с представлением по поводу просьбы белорусских евреев, мотивируя его обязанность «представительствовать пред нею о каждом вверенной ему губернии обывателе». Он находил просьбу евреев согласной с городским положением 1785 г. Представление Пассека не имело успеха. В деле находится следующая секретарская пометка: «Ее имп. вел. высочайше указать соизволила, дабы объявлено было евреям, что незаконным их поведением они сами причинили сделанного им запрещения». Таким образом, установление ограничительной для евреев черты оседлости подтверждено было во всей силе, безусловно¹⁾.

Документ, найденный П. Н. Жуковичем в государственном архиве, указывает на то, что установление черты оседлости для евреев произошло при особых обстоятельствах, связанных с настроением Екатерины II по отношению к евреям. Выше было указано, что черта оседлости вытекала из того общего положения, что евреи были при-

¹⁾ Жукович, «Журн. М. Н. Пр.», 1915 г., февраль, стр. 285.

²⁾ Там же, стр. 271.

³⁾ Семевский. Пожалование населенных имений, «Журнал для всех», 1906 г.

№ 5. Жукович, «Журн. М. Н. Пр.», январь, 1915 г., стр. 84 и след.

⁴⁾ Архив Госуд. Совета, I, ч. 2, стр. 366. Регесты и надписи, III, № 2374.

¹⁾ Мат. для ист. моск. купеч., т. I, стр. 95. Регесты и надписи, III, № 2375.

²⁾ Жукович. Там же, стр. 320.

³⁾ Жукович. «Журн. М. Н. Пр.», 1915 г., февраль, стр. 320—321.

писаны к кагалам, что, следовательно, евреи могли жить лишь там, где были кагалы; где нет кагалов, там нет и не могло быть евреев. Но установление черты оседлости фактически не было выводом, сделанным из этого общего положения. Екатерина указывает на поведение самих евреев, как на причину состоявшегося запрещения селиться во внутренних губерниях. Чем же вызвано ее неудовольствие? По всей вероятности, оно связано с хлопотами императрицы о заселении евреями Новороссии. Вместо того, чтобы приписываться к новороссийским губерниям и в качестве новороссийских купцов производить торговлю во внутренних губерниях, евреи стремились водвориться прямо и непосредственно во внутренних губерниях, где, конечно, для торговли представлялось больше простора и возможности, чем в безлюдном Новороссийском крае. С этим Екатерина не считалась. Ей нужно было создать новую Россию, и евреи не оказывали в этом отношении должного содействия. Их нужно было потому устранить из внутренних губерний и побудить, если им тесно в Белоруссии, приписываться и селиться в Новороссии. Это и было сделано указом 1791 г. и еще более административными распоряжениями о запрещении вообще торговли и въезда во внутренние губернии.

Враждебное отношение Екатерины II к евреям сказалось уже в указе 1794 г., в силу которого евреи с 1 июля этого года были обложены двойной податью, при чем тем, которые «не похотят остаться, дать свободу выехать из империи по заплате трехлетней двойной подати». Это постановление противоречило городскому положению 1785 г. о «состоянии евреев, равном с другими», и ставило евреев в положение как бы иностранцев, обязанных при выезде из империи оплатить трехлетнюю двойную подать. Оба эти принципа — и высокое обложение, и отнесение евреев к иностранцам — были заимствованы Екатериной из соседней Пруссии, где евреи считались чужеродцами и, на основании закона 1714 г., не могли выехать из Пруссии без уплаты двухгодичной подати. Прусский образец, конечно, гораздо больше соответствовал строю тогдашней русской жизни, чем тот принцип, который высказала Екатерина II в своем письме в берлинскую академию наук, избравшую ее в свои сочлены. «Вся моя наука, — писала она, — заключалась именно в том, что все люди — братья, и всю жизнь я проведу в изучении искусства поступать согласно этому правилу».

Обложив евреев двойными податями и превратив их, по прусскому образцу, в «терпимых» или «покровительствуемых» людей, Екатерина II, естественно, не могла в манифесте, сопровождавшем третий раздел Польши, говорить об ограждении прав евреев в отошедших к России областях, и у евреев не было особого повода, вопреки официальному красноречию отдельных губернаторов, выражать радостные чувствования и представлять властям усладительное для очей зрелище по поводу присоединения польских земель к российской империи.

Параллельно с протестами против появления евреев во «внутренних городах» и параллельно антиеврейской линии правительства шло неудовольствие бывших польско-литовско-белорусских городов «чрезмерными» льготами, предоставленными евреям в городах новых местностей. Особенно решительно выступали против избирательных прав евреев в городские учреждения крупные литовские городские общества. Ссылаясь на свои привилегии, они требовали, чтобы евреи были совершенно устранены от общественного само-

управления, так как еврейское население никогда не пользовалось гражданскими правами. Ходатайства эти имели успех, и Александр I лишил евреев Литвы прав, предоставленных им городским положением 1785 г. Устраняя евреев от общественных должностей, города сосредоточивали этим путем в своих руках определенные финансовые функции (раскладку и взимание податей и сборов в городах) и таким образом получали возможность воздействовать на экономическое положение и торгово-промышленную деятельность евреев. Эта материальная заинтересованность городов в необходимости недопущения евреев к «чести» занимать равное с христианами положение в городах побуждала христианское население быть особенно энергичным и настойчиво требовать ограничения еврейских прав. Так, Вильна в 1803 г. говорит с прискорбием, что у христиан «стеснен дух» и «отнята у каждого из них охота к принятию публичного служения тогда, когда евреям дана воля возрастать над христианами, а в особенности их начальствование»; последнее легко приведет к тому, что «пришельцы из-за границы... потеряют охоту селиться в Вильне... а послушание черни обратится в поругание, когда проходящий в место, так сказать, освещенное, обретет еврея и в нем своего начальника и судью, которому подчинену быть несвойственно ни по состоянию, ни по религии». Не менее настойчивы были ковенцы, которые, не удовлетворяясь тем, что евреям разрешили жить лишь на двух улицах Ковна, стремились к их полному изгнанию из города. Литовский генерал-губернатор осудил, однако, ходатайство ковенцев и выразил крайнее неудовольствие по поводу того, что ковенские христиане «следуют устарелой, легкомысленной и, так сказать, бессмысленной к евреям зависти», и настоял на том, чтобы евреям не только было разрешено жить в Ковне, но и заниматься в нем торговлею и промыслами. По тому же пути шло и мещанство Киева, возмущавшееся льготами евреев и требовавшее, чтобы Киев был «чист» от еврейского населения. К прошению Киева присоединились горожане Смоленска, желавшие жить по-старине, т. е. без евреев.

Более благоприятно, в силу экономических причин, относились к евреям помещики, отдававшие им в аренду различные отрасли хозяйства и извлекавшие из них значительные выгоды. Несмотря на такое отношение к евреям, помещики больше других привили правительству особенную вражду к евреям, так как всю тяжесть крепостной эксплуатации объясняли ролью евреев в помещичьем хозяйстве, будто сводившейся к высасыванию соков и крови из крестьян — помимо согласия и желания помещиков. Когда в конце XVIII века голод в бывших польских губерниях достиг среди крестьян чрезмерных размеров, и правительство обратилось к местным дворянам за разъяснением причин этого явления, то помещики наиболее эксплуатируемых местностей, в видах снятия с себя ответственности за жалкое состояние крестьян, объявили евреев главными виновниками всех бедствий, хотя было очевидно, что сами помещики, как господа земли, удерживают евреев-арендаторов. Русские местные власти поддерживали помещичье объяснение причин бедствий и настаивали на ограничительных законах против евреев, хотя и литовский генерал-губернатор Туттолмин, назначенный на этот пост в 1793 г., знал не только, что евреи-арендаторы вынуждены всячески заботиться об увеличении своих доходов, но и то, что вся политика помещиков Западного края заключалась в том, чтобы держать крестьян в черном теле. «Помещики везде, — писал Туттолмин, — мало оставляют поселянам и угодий, и время для заготовления беззачинного пропитания и кажется

что принято здесь за правило содержать народ в таком состоянии, дабы в помощи владельцев находил он нужду¹⁾).

Это усиленное подчеркивание помещиками эксплуататорской роли евреев в деревнях, столь выгодное интересам помещиков, было принято за чистую монету широкими кругами общества, даже теми, которые не имели непосредственного касательства ни к евреям, ни к помещикам. Одновременно с этим взглядом на евреев проникло в общество убеждение в большом богатстве евреев, в их необыкновенной экономической мощи и в их угнетении не только крестьян, но и помещиков, которые вынуждены бывают отказываться от самостоятельной хлебной торговли и передают ее евреям, исключительно хорошо знакомым с международным хлебным рынком и со всей торговой конъюнктурой каждого момента.

Страх пред всеильным еврейством, наравне с враждой к евреям за их эксплуатацию крестьян, был очень широко распространен в русском обществе. Сохранились от начала XIX века два проекта еврейской реформы, написанные простыми обывателями, высказывавшимися в том смысле, что евреи в России живут, не в пример прочему населению, в очень благоприятных условиях и что в виду этого необходимо принять против них меры борьбы, тем более, что такое их благополучие построено на бедствиях крестьянского населения. В такой атмосфере при полном незнакомстве русского общества с истинным положением еврейской массы, неудивительно, что вражда к евреям охватила даже наиболее левые элементы интеллигенции, и юдофобией были заражены не только большинство либеральных писателей, но даже виднейший представитель декабристов Пестель. В «Русской Правде» Пестель предлагал освободить Россию от евреев путем учреждения особого еврейского государства в Малой Азии.

В такой обстановке протекала суровая и грубо ограничительная по отношению к евреям политика Николая I, одним из первых мероприятий которого было запрещение евреям проживания в Киеве. Запрещение это, вызванное ходатайством киевских купцов, боявшихся еврейской конкуренции, мотивировалось тем, что в этой матери русских городов покоятся мощи угодников, и потому здесь не должно быть места еврейскому кагалу. Николаю пришлось по вкусу эти «справедливые искания граждан» и, вопреки комитету министров, желавшему отсрочить это дело, он высказался в 1827 г. в благоприятном для киевских купцов смысле и евреям запрещено было жить в Киеве; лишь некоторые категории евреев могли приезжать на время для торговли в этом городе. Нужно заметить, что столь удачно придуманный повод к «очищению» Киева от евреев не был нов: за 10 лет до этого виленские торговцы и ремесленники добились подтверждения старого запрещения евреям проживать на двух улицах Вильны: от Острой Браны до кафедрального собора и от Троицкой Браны до костела святого Иакова. Министр вероисповеданий князь Н. Н. Голицын, защищая этот запрет, указывал, что на этих двух улицах бывают крестные ходы и имеется образ богородицы на воротах Острой Браны: «при неуважении евреев к святыне», по мнению министра, неизбежны будут крупные беспорядки, и во избежание таковых следует не допускать евреев на эти улицы. Вскоре запретные улицы появились во многих городах, в частности в Каменце Подольском, Житомире и Ковне; в последнем городе стесне-

ния были введены по ходатайству 14 местных христиан. В некоторых местах инициатива в деле «очищения» города от евреев исходила сверху, от самого Николая I: так, Ялта представлялась ему слишком роскошным для евреев местом, и последовало в 1837 г. изустное повеление о недопущении в Ялту евреев. Точно также пребывание евреев в Севастополе и Николаеве, как в военных портах, было деспотом признано «неудобным и вредным». В полосу запретных местностей попала и Курляндия: в 1827 г. курляндскому генерал-губернатору было предписано выработать проект «об уменьшении числа евреев», и генерал-губернатор предложил водворить на старые места тех евреев, которые «принадлежат к другим губерниям»; зажиточные же евреи «неизвестного» губернского происхождения могут остаться в Курляндии, а нищие подлежат высылке в Сибирь: «евреи, один раз переселившиеся из Курляндии в другую губернию, никогда не могут возвратиться в оную для оседлости»; «женитьба иногороднего еврея на еврейке из семейства курляндского не служит ему правом селиться в Курляндии»; «еврейка из семейства курляндского, вышедшая замуж за еврея другой губернии, следуя за ним, лишается права жить в Курляндии», — таковы были основные положения законодательства о курляндских евреях, выработанные особым Еврейским Комитетом, совместно с генерал-губернатором, и вошедшие в силу в 1829 г. В своеобразном положении оказалась черта оседлости Царства Польского: в Польше евреи могли проживать, но поселиться в русской черте оседлости им было запрещено, и, таким образом, составились как бы две категории евреев, проживавших в черте оседлости: польские евреи не могли куда эмигрировать, русские же могли переходить из своей русской черты оседлости в польскую, считавшуюся чертой как бы низшего разряда.

Тяжелые правовые ограничения евреев отразились очень печально и на их экономическом положении, тем более, что правительство Николая I одновременно ударило и по той, и по другой стороне еврейского быта. Невольно русское общество приходило к мысли об ошибочности представления о всемогуществе еврейского капитала и об эксплуатации евреями крестьянских масс и городского населения. Этот поворот общественного мнения стал особенно заметен в начале 60-х годов в связи с общим подъемом либеральных идей и с вынужденным согласием правительства вступить на путь некоторого преобразования николаевского режима. Однако, в еврейском вопросе Александр II обнаружил особливую робость и упорное нежелание отклониться от старой политики, проникнутой такой враждой к евреям. Эта тенденция нового правительства, повидимому, объяснялась отчасти тем, что Александр II получил от своего предшественника ритуальный процесс, так называемое Саратовское дело, возникшее еще в 1853 г. В этом отношении судьба Александра напоминала судьбу Николая I: и последнему при вступлении на престол пришлось иметь дело с ритуальным процессом, так называемым Велижским делом, начавшимся еще при жизни Александра I.

Велижское дело возникло в 1823 г. в связи с заявлением нищенки Терентьевой, подтвержденным «больной девкой», которая «много предугадывала», о том, что найденный труп малолетнего солдатского сына «дело рук евреев». Следственная власть не обнаружила законных улик против евреев; тем не менее, суд вынес следующее. «Как христианам к убийству ребенка никаких поводов не было, тем паче, что сей мальчик денег не имел, то и полагать надобно, что сделано таковое из недоброжелательства к христианам евреями и таковое умерщвле-

ние мальчика необыкновенным образом смерть на евреев; токмо, кто именно причиною, не найдено, а потому смерть его «предать воле божьей, умещивание же оставить в сомнении на евреев». Эта резолюция суда была страшным ударом для евреев, так как народная молва продолжала упорно приписывать убийство солдатского сына евреям; мало того, отныне любое таинственное убийство, на основании этой именно резолюции, можно было без труда ставить в вину евреям без всякого доказательства, ссылаясь лишь на известное их «недоброжелательство к христианам». Правда, губернская инстанция сняла с евреев подозрение и предписала вновь расследовать это дело; но так как виновников убийства нельзя было найти, то генерал-губернатор кн. Хованский обратил внимание царя на это странное явление, и когда Александр I был проездом в Велиже, нищенка Терентьева подала ему жалобу, что евреи замучили ее сына, хотя было хорошо известно, что убитый мальчик не был ее сыном. Делу, тем не менее, было дано движение, и кн. Хованский начал следствие.

Пьяная и опустившаяся на дно Терентьева была главной свидетельницей; фактически она была простым орудием в руках священника Тарашкевича, который научил ее «припаятованию» всего злодейства, и дело было изображено в таком виде, будто евреи в синагоге с помощью Терентьевой и прислуги Максимовой совершили ритуальное убийство. Никто из следователей не задал Терентьевой вопроса: зачем было евреям привлечь к своему злодеянию двух неведомых и подозрительных женщин? И Терентьева продолжала нагромождать одну нелепость на другую, утверждая, что евреи обратили ее и Максиму в еврейскую религию, выкупали их в Двине, поставили на горячие сковороды и поручили им через год развозить по разным городам России добытую кровь. Вскоре свидетельницы стали говорить не об одном убитом, а о многих, и князь Хованский, после доклада царю Николаю I, добился повеления: «Так как оное происшествие доказывает, что жида оказываемою им терпимостью их веры употребляют во зло, то в страх и пример другим жидовские школы запечатать впредь до повеления, не позволяя служить ни в самых сих школах, ни при них».

Еще до этого повеления в Велиже было арестовано несколько евреев, и Николай I, не без влияния кн. Хованского и других, стал с большим доверием относиться к утверждению, что евреи употребляют христианскую кровь. Как обычно, нашлись и специалисты, знающие все «закоулки» еврейского учения об употреблении крови; таким специалистом объявил себя ренегат Грудинский, который не только ссылался на «книги», но и заявлял, что он, будучи еще евреем, сам совершал ритуальные убийства при содействии некоторых своих родственников. Так как все делопроизводство из рук Хованского перешло к другим, то выяснилась ложь Грудинского: последний признался, что наклеветал на евреев, надеясь заработать кое-что этим путем. Велижское дело стало затягиваться, было отправлено в Петербург, изучалось сенаторами, министром юстиции и, наконец, попало в государственный совет, где в лице Н. С. Мордвинова, председателя департамента гражданских и духовных дел, нашло человека, понявшего, что обвинение «имело источником злобу и предубеждение и было ведено под каким-то сильным влиянием». По предложению Мордвинова, в общем заседании государственного совета была внесена записка, которая и спасла велижских евреев. В этой записке, составленной Мордвиновым, сказано было, между прочим: «При настоящем состоянии просвещения дело сие не долженствовало бы входить в круг предметов судебного

рассмотрения, но так как по оному подвергнуты заключению 42 человека евреев... а при том оное является в таком состоянии, в каком подобных не представляет и древняя судебная область»... и что все обстоятельства «обнаруживают один замысел оговорить евреев, в который по какому-то влиянию вовлечены для вернейшего достижения сей цели принявшие на себя участие в убийстве», то государственный совет считает нужным сказать свое веское слово и довести об этом до сведения царя. Так, евреи города Велижа были в 1834 г. оправданы.

В совершенно иной обстановке протекало Саратовское дело.

Оно возникло в 1835 г. по инициативе рядового Богданова, некогда странствовавшего акробата, заявившего при аресте, во время какого-то буйства, что он «откроет еврейское дело», связанное с только что случившимся таинственным убийством христианского ребенка в Саратове. Как на убийцу, Богданов указал на Юшкевичера и на его сына, принявшего христианство и при крещении нареченного Федором Орловым, а также на одного еврея рядового местного горнизона; для большего правдоподобия Богданов утверждал, что и сам он был участником убийства, совершенного в доме Юшкевичера. Дело осложнилось и дошло до государственного совета, большинство которого признало доказанным обвинение, и три еврея, в том числе и выкрест Орлов, были присуждены к каторжным работам. Кроме того, несколько евреев были оставлены в подозрении; христиан же, привлеченных в качестве соучастников, присудили к легкому сравнительно наказанию, при чем «во внимание к их чистосердечному сознанию, через что обнаружены преступники», государственный совет просил о смягчении участи осужденных христиан. Хотя факт преступления был признан доказанным, ритуальный характер его, однако, остался вне поля зрения государственного совета, заявившего о том, что вопрос об употреблении евреями христианской крови «остается неразрешимым, почему он и не может быть принимаем в соображение при постановлении судебного решения».

Между тем, «либеральная эра» коснулась и евреев: земская реформа не установила ограничений для евреев, и отдельные представители последних стали выдвигаться в качестве земских деятелей. Точно также судебные уставы не имели особых стеснительных пунктов в отношении евреев, и, не говоря уже об адвокатуре, евреи стали проявлять большую активность в судебном ведомстве, занимать иногда даже судейские кресла. Еще большее значение имело то обстоятельство, что министерство народного просвещения частично отказалось от мысли «уединять обучение евреев в особых училищах» и вступило, хотя и очень робко, на путь облегчения евреям поступления в общие учебные заведения. Эти правовые облегчения имели своим следствием сближение евреев с христианским населением. В особенности это сближение было заметно в среде интеллигенции, увидевшей в образованных и либеральных евреях своего естественного союзника в борьбе с правительством и реакционными элементами русского общества. Но это сближение между русской и еврейской интеллигенцией дало начало новому мотиву к враждебному отношению к евреям, как со стороны правительства, так и со стороны тех классов общества, интересы которых защищало реакционное правительство. Высчитывая процентное соотношение между численностью еврейского населения в России и количеством евреев, привлеченных по политическим процессам, антисемиты подчеркивали большую роль евреев в русском революционном движении, желая этим, с одной стороны, дискредитировать в глазах обще-

ства революционное движение, а с другой — вызвать против евреев правительственные репрессии. Это постоянное выпячивание участия евреев в революции действительно озлобляло против них консервативные слои, находившиеся под влиянием множества статей в этом духе антисемитской газеты «Новое Время», а также двух клеветнических и злобных книг — «Книга Кагала» ренегата Я. Брафмана и «Вопрос об употреблении евреями сектаторами христианской крови для религиозных целей» И. Лютостанского.

Интересна биография Ипполита Лютостанского, помещенная в «Еврейской Энциклопедии». Лютостанский родился в 1835 г.; некоторое время был католическим ксендзом, но его лишили в 1867 г. духовного звания. Перейдя в православие, он недолго был иеромонахом и стал писать против евреев. В 1876 г. появилась вышеупомянутая книга его, значительная часть которой, по свидетельству известного ученого Дан. Хвольсона, представляла собою плагиат из записки директора департамента духовных дел иностранн. исповед. Скрипицына, представленной в 1844 г. Николаю I. По поводу выдумки, что Лютостанский был раввином, Хвольсон доказал, что это невозможно, так как Лютостанский не понимал еврейского языка и не имел представления о еврейской литературе. В 1879—80 г.г. Лютостанский выпустил в трех томах «Талмуд и евреи»; это сочинение, являющееся невежественной клеветой на талмуд и еврейское учение вообще, было подвергнуто разбору со стороны московского раввина З. Минора в брошюре «Рабби Ипполит Лютостанский» (1879 г.) В 1882 г. Лютостанский неожиданно напечатал в защиту евреев книгу «Современный взгляд на еврейский вопрос»; в этой книге Лютостанский отказывался от всех своих прежних взглядов; однако, его юдофильство было кратковременным и он вскоре снова стал выступать против евреев. В 1911 г. Лютостанский предложил через депутата государственной думы Ф. И. Родичева покупку его изданий, могущих вредить евреям. В газете «Речь» (1911 г., № 135) было помещено характерное письмо Лютостанского по этому поводу (с факсимиле).

Подобно тому, как в Западной Европе антисемитизм стал политическим орудием в борьбе консервативной буржуазии против социализма, точно также в России стали бороться с революционным движением путем более грубого политического орудия — еврейскими погромами. «Когда при управлении Плеве департаментом полиции, — заявил в первой государственной думе депутат М. М. Винавер, — впервые появились в начале 80-х годов еврейские погромы, совпадение их с революционным движением и с сломившей его реакцией вызвало у всех недоумение. Чужалось в этом совпадении нечто недоброе. А когда, через 20 лет, тот, кто был директором департамента, стал министром внутренних дел, и в Кишиневе разразился погром, это новое совпадение вызвало вновь глубокую тревогу. Стало известно, что какая-то телеграмма из Петербурга была послана кишиневскому губернатору... Провокация чувствовалась со всем ужасом очевидности... Присмотритесь к воззваниям, которые ротмистр Будаговский распространял среди населения. В этих воззваниях чиновник на государственной службе, ротмистр Будаговский, призывает население образовывать дружины, вооружиться вилами и косами и подняться против евреев и революционеров: «Прочь жида и их братья-ученики, социал-демократы и революционеры, долой жидов и их братьев социал-демократов и революционеров!». Эти воззвания ротмистр Будаговский не только распространяет; он доводит об этом

до сведения начальства, пишет два донесения, одно за другим подряд и докладывает в них: «Я ваш чиновник, ваш подчиненный, употребил вот какое средство политической борьбы». Для чего он это пишет? Должно быть знает, что осуществляет нечто желательное наверху. И этот чиновник прибавляет: «В деле борьбы с революционным движением эти распространенные мною в значительном количестве воззвания окажут существенную пользу». И далее: «Я убежден, что эти воззвания благотворно повлияют на крестьян и удержат их от насилий над помещиками».

Ту же мысль в той же государственной думе выразил другой депутат — Ф. И. Родичев. «Если администратор, — заявил он, — желает сделать карьеру, для него до сих пор было и остается, к несчастью, лучшим средством участвовать в каком-нибудь усмирении, учинить какую-нибудь расправу; до сих пор довольно верным путем в сенат и в государственный совет была порка крестьян; до сих пор учинение погромов открывало карьеру; до сих пор препятствие погрому часто ее портило. Зимой мы видели пример: удаление губернатора, присутствие которого успокаивало город Минск и гарантировало его от погромов, и вслед затем назначение туда лица, только что прославившегося маленьким погромом и большой поркой. Когда это лицо было повышено в должности, погром произошел». Эта практика, по выражению третьего депутата государственной думы Урусова, будет продолжаться, пока «на судьбы страны будут влиять люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждениям погромщики».

* * *

Погромы, в качестве политического орудия борьбы с народным недовольством, потребовались правительству через 20 лет после так наз. крестьянской реформы 1861 г., когда обнаружилось, что «свободный» крестьянин так же наг и нищ, как и несвободный, и что впереди крестьянская жизнь рисуется крестьянину такой же беспросветной и темной как и в прошлом, в годы расцвета крепостного права. Тяжесть крестьянского положения особенно заметно сказалась в южных губерниях, где крестьяне с самого начала получили ничтожные наделы. Здесь они вынуждались или наниматься в работники к помещикам, или брать у них землю в аренду, несмотря на неслыханно тяжелые условия аренды. В конце 70-х г.г. в отношении крестьянского землевладения вырисовывалась следующая картина: 45% крестьян сидели на совершенно недостаточных наделах; 43,5% имели средние наделы и лишь 11,5% могли считаться зажиточными крестьянами. Мало того, в это именно время сказалось, что на юге, т.-е. в тех губерниях, где разыгрались самые жестокие погромы 80-х годов, крестьянская масса до реформы 1861 года имела в пользовании значительно больше земли, чем через 20 лет после ее освобождения от крепостной зависимости. Увеличение крестьянского населения обостряло это малоземелье, — отсюда продажа крестьянином за бесценок своего труда, отдача себя в «свободное рабство» помещику или фабриканту-заводчику, огромная тяга из деревень на заработки в города, в особенности в степные губернии. За десятилетие (1871—1880 г.г.) было выдано около 37 милл. крестьянских паспортов.

Так тронулась крестьянская масса и огромной серой волной потекла из северных и центральных губерний на юг, чтобы здесь найти заработок в деревнях в качестве сельских батраков, а в городах — в качестве рабочих на фабриках.

Каторжная работа в поле по 18 часов в сутки шла параллельно с не меньшей каторжной работой на фабрике и заводе; но «пристраивалась» лишь небольшая часть пришедшей крестьянской массы; остальные, не имея постоянной работы, исполняли всякую «черную» работу, составляя «босоногую команду», которая, согласно позднейшим официальным донесениям из Киева, Одессы и других городов, принимала деятельное участие в еврейских погромах¹⁾. Положение этой голодной и озлобленной массы резко ухудшилось к началу 1881 г. в связи с неурожаем и дороговизной хлеба, представляющейся в следующем виде в губерниях, где происходили погромы в 1881—84 г.г.

Название губерний	Цена пуда ржаной муки	
	1879 г.	1881 г.
Херсонская	70 к.	1 р. 24 к.
Екатеринославская	75 "	1 " 29 "
Таврическая	99 "	1 " 69 "
Донская	75 "	1 " 29 "
Киевская	79 "	1 " 27 "
Подольская	92 "	1 " 32 "
Волинская	99 "	1 " 31 "
Харьковская	65 "	1 " 27 "
Полтавская	61 "	1 " 12 "
Черниговская	69 "	1 " 29 "

Голод и дороговизна хлеба еще сильнее погнали крестьян в города, которые вследствие своей малой промышленной емкости не могли впитать в себя столь огромные беженские массы, и безработный и голодный люд дал преступности тот потрясающий скачок вверх, который безоговорочно отмечает уголовная хроника того времени. Но кто же довел русское крестьянство до такой нищеты и голода, до беспросыпного пьянства и кровавых преступлений?... К ногам царя была брошена бомба, начиненная неоправдавшимися надеждами, революционным гневом, народными слезами и крестьянской нищетой, и в грохоте взрыва задрожал царский трон, а в жуткой тишине, охватившей притаившуюся Россию, мрачной тучей все сгущаясь, надвигался страшный вопрос: неужели рука революционера метнула бомбу в истинного виновника всех бед и несчасть, обрушившихся на Россию? И все, что было в России контр-революционного, все, что боялось и ненавидело революцию, все, что держалось за свои привилегии и дрожало за свое богатство, завопило в один голос о страшном эксплуататоре крестьянской массы, в своей неслыханной преступности не остановившемся перед убийством царя, делая последнего как бы виновником еврейских злодеяний в отношении крестьянской России. И из всех щелей громадной страны, словно совы ночью, вылетела стая газет, и в перегонку «Новое Время», «Голос», «Русь», «Минута», «Киевлянин», «Виленский Вестник», «Московские Ведомости», «Новороссийский Телеграф», «Сельская Беседа» и многие другие старались доказать, что еврей довел Россию до нищеты и пьянства, до желаний идти в тюрьму с голодухи, до мечты о каторжной Сибири, как о пристанище и некоем приюте. Мало того, героический акт 1 марта «Виленский Вестник» называет «делом еврейских рук», а «Новое Время», подстрекая народ к расправе над евреями, говорит, что второй умерший царевбийца имел «восточный тип и крючковатый нос», т.-е. был евреем. «Новороссийский Телеграф» вдруг (20 марта 1881 г.) заговорил о слухах, будто на пасху собираются

в Одессе бить евреев, потому, что «после события 1-го марта народ оскорблен, озлоблен и рад на ком-нибудь сорвать свое зло». В целом ряде статей «Киевлянин» (№ 61, 65, 75 и 77), не без ловкости пользуясь политическим событием 1 марта и всякими непроверенными слухами, вбивает русскому человеку мысль, что евреи являются единственными виновниками тяжелого времени, переживаемого страной, и в каждой статье приходит к выводу о необходимости бороться с евреями до полного их подавления. В Елисаветграде, откуда пошла страшная погромная волна 1881—84 г.г., местная газета, за недостатком экономических поводов к травле евреев и вследствие неумения подниматься до политической агитации, сеет накануне пасхи тревожные слухи о ритуальном убийстве и тем подготавливает почву для будущего погрома.

Так на протяжении значительной части России, под дирижерскую палочку реакционной печати, натравливалась на слабую и безоружную часть населения другая его часть, сильная гневом, но не классовым и не пролетарским гневом, а гневом отчаяния и голода, гневом, расчищающим дорогу для дальнейшей более спокойной эксплуатации помещиками того самого крестьянства, которое в своем беспредельном и слепом отчаянии искало жертвы, чтобы излить свою злобу и ярость.

Что еврейская эксплуатация крестьянского населения была политической, классовой диверсией, придуманной для лучшего удушения помещиками крестьян, свидетельствует установленный профессором И. И. Янжулом факт, что в 70 и 80-х г. г. XIX века смертность от запоя была значительно выше в центральных великорусских и северо-восточных губерниях, где не было еврейского населения, чем в тех 15 губерниях, которые входили в так называемую черту еврейской оседлости. Так в Вятской губернии в 1869 г. на каждые 100 тыс. населения было умерших от пьянства 12,3 человека, а в Бессарабской губернии, весьма густо населенной евреями, смертность от пьянства равнялась 0,8 на сто тыс. человек. Член Виленской губернской комиссии 1881 г., созданный граф. Игнатьевым для облегчения введения новых крайне суровых в отношении евреев законов, Н. А. Зиновьев говорил: «Пьянство встречается в Виленской губернии редко и случаи разорения, обусловленные им, единичны, тогда как нередки случаи, что целые деревни воздерживаются от употребления горячих напитков. Вообще питейный вопрос возник не на почве Северо-Западного края. Отсутствие пьянства может быть отчасти объяснено сравнительным благосостоянием населения: пьет обыкновенно не богатство, а бедность... Пьянство существует во внутренних губерниях в гораздо большей степени, хотя там нет евреев-кабатчиков. Эксплоататоры крестьянского труда там даже опаснее, так как они действуют монополистами, почти безусловно подчиняя себе всю округу, чего нельзя сказать о евреях, которые, при обилии конкуренции, действуют с крестьянами гораздо снисходительнее. Если же местные условия вынудили евреев заниматься этими отраслями торговли, то странно было бы объяснить расовую потребность евреев заниматься именно вредными для христиан операциями. Правильнее при этом случае вспомнить слова баварского короля в ответ на жалобу депутации мюнхенских купцов-христиан на стеснение их торговли евреями: «господа, я замечаю, что евреи — купцы, а купцы — евреи». Так обстояло дело со спаиванием евреями крестьян.

Таким же мифом является обирание евреями крестьянского населения: многочисленные данные А. Мальшинского, А. Субботина и Ив. Блюха показывают, что благосостояние крестьян «еврейских гу-

¹⁾ Материалы для истории антиеврейских погромов в России, 2 т., 1919—1923 (ред. Г. Я. Красног-Адмони).

«Берний» было в годы погромов выше благосостояния «не-еврейских», и, следовательно, шум, вызванный еврейской эксплуатацией, был специально создан с тем, чтобы заглушить истинную причину крестьянского недовольства и направить последнее по национальному руслу, а не по классовому.

Следует заметить, что одновременно с бюрократически-помещичьей Россией в натравливании народа на евреев были заинтересованы и ремесленники, и торговцы, и крупное купечество, и начавшая богатеть промышленная буржуазия. Все эти элементы видели в евреях крайне удачливых и опасных конкурентов, особенно в те годы, когда Россия благодаря раскрепощенному крестьянству имела огромный запас дешевых рабочих рук и смело вступила на путь решительного подъема экономических сил. Подвижной, эластичный, умеющий приспособляться к новым условиям еврей зачастую оказывался в гораздо более счастливом положении, чем малоподвижный и ленивый помещик или боязливый и непривычный рисковать разночинец, и естественно, что бесправный и презираемый еврей тем больше раздражал своего христианского соперника, чем глубже проникал в экономическую жизнь России этот ее пасынок. Между тем, к началу 70 годов экономическая роль евреев была весьма значительна во многих местах, и это не могло не вызывать недовольства их конкурентов.

Так, в юго-западном крае, где еврейское население составляло около 15%, в их руках находилась в арендном пользовании шестая часть всех имений края; из 115 сахарных заводов им принадлежало 27 с ежегодным оборотом в 6 милл. руб.; из 564 винокуренных заводов они владели 500, из 148 пивоваренных — 119; еврейских мельниц было 5700 на 6338 и т. д. Почти исключительно в их руках была лесная торговля, вывозка за границу, хлебная, казенные подряды, содержание почтовых станций и т. п. В 1881 г. в Волынской губернии из 123 фабрик евреям принадлежало 118; в Подольской губ. из 119 винокуренных заводов евреи тогда же владели 103; все табачные фабрики принадлежали евреям, а из 147 мельниц около 90% были в их руках. В Виленской губернии вся оптовая торговля была преимущественно еврейская; на 1881 г. гильдейских купцов по губернии значилось: евреев — 254; христиан — 67. По Минской губернии за 1878, 79 и 80 г.г. выдано было торговых свидетельств: евреям — 130199; христианам — 2332; мещанских ремесленно-промышленных свидетельств: евреям — 8772; христианам — 3785; подрядов и поставок по казенным учреждениям: евреям — 246; христианам — 20. Целый ряд железнодорожных линий был построен подрядчиками-евреями или концессионерами-евреями. В Харьковской губернии, которая была открыта для единичных привилегированных евреев, ни одно серьезное предприятие в области промышленности или строительства не могло обойтись без того или иного содействия со стороны евреев. В глазах христиан это живое, благотворное влияние евреев было ничем иным, как «засильем» — и ударить с помощью погромов по «засильникам» не могло не вызвать чувства удовольствия у русской буржуазии, тем более, что еврей подрывал не только аппетиты части господствующего класса, но и тот политический строй, который так душил еврейское население и охранял от его конкуренции неповоротливого и плохо приспособившегося к новым условиям жизни «коренного» русского буржуа. Так, погромная волна, начавшаяся в 1881 г., прокатилась по России с благословения не только начальства, но и огромного большинства русского населения. Настоящие лицедеи этой кровавой драмы — крестьянин и городской босяк —

те элементы, которые грабили, жгли и убивали, менее всего понимали, почему они грабят именно еврейское имущество и проливают именно еврейскую кровь; они знали лишь, что им страшно тяжело, что жить им более не в моготу и что необходимо излить, наконец, накопленное долгим страданием озлобление, — им в жертву сознательно был принесет еврей, и был принесен теми, которые не думали облегчить народного горя, а стремились освободиться от своего конкурента, отвлечь народный гнев на посторонний предмет, продолжать свою старую эксплуататорскую деятельность и уничтожить те политические тенденции, которые, при всей своей слабости, однако, уже явно указывали на неизбежность крушения помещичье-бюрократического общества.

Погромное движение 1881 г. началось с Елисаветграда, где еще, согласно официальным данным, великим постом стал распространяться слух о том, что христианское население намеревается в дни пасхи произвести избиение живущих в городе евреев. В глазах народа расправа с евреями не имела преступного характера: у народа давно выработалось убеждение, что еврей, не пользующийся теми правами, которыми пользуются остальные граждане, действительно не достоин ими пользоваться и что он способен перенести всякое личное оскорбление, всякое насилие над собою, — и поэтому — бить еврея далеко не так преступно, как оскорблять всякого другого мирного гражданина. О еврейской собственности также сложилось у народа оригинальное понятие: народ не мог отрешиться от убеждения, что еврей приобретает материальные средства не честным путем и не трудом, а только посредством обмана и разного рода плутовства, дающих ему возможность постоянно вредить христианскому населению, на счет которого он быстро обогащается. При таких понятиях у народа, естественно, могло сложиться убеждение, что бить еврея, разрушать и уничтожать его имущество далеко не преступно и даже, в видах общей пользы, должно быть дозволено. На этой почве распространялись слухи о царских указах разрешающих грабить евреев, а сбивчивые толки о катастрофе 1-го марта «чрезвычайно много содействовали почти всеобщему против евреев озлоблению». Сеятелем «разных недельных и вздорных слухов» был издававшийся в Одессе «Новороссийский Телеграф», а также его подголосок местный Елисаветградский Листок. Хотя заметка о предполагаемом избиении евреев не одобрялась редакциями, но неодобрение было составлено в таких туманных выражениях, а заметка была написана так враждебно к евреям, что читавший народ истолковал ее в смысле законности избиения евреев. «Заметка эта читалась толпою народа на площадях, и немедленно стали распространяться слухи о предстоящем в праздничные дни пасхи нападении на евреев. С приближением пасхи слухи эти все упорнее и грознее носились и поддерживались среди христиан, от которых пробникли и к евреям». 15 апреля, на пасхальной неделе, под пенце «христос воскрес», толпа, состоявшая преимущественно из мастеровых, служителей трактиров и гостиниц, кучеров, лакеев, казенных денщиков, чернорабочих, приказчиков и солдат нестроевой команды, стала сбивать с ног встречавшихся ей евреев, а затем начала выбивать стекла в еврейских лавках. Входя все более и более в азарт, толпа направилась на базар и начала разбрасывать лимоны и апельсины и, видя бездействие полиции и войска, стала кричать: «приказано бить жидов, бей жидов». Погромщики разбрелись по городу и начался разгром еврейских домов и лавок, преимущественно в предместьях Быковке и Пермском, при чем в первую

очередь нападали на винные погреба и кабаки, и толпа допьяна напи- валась даровою водкою.

Утром 16 апреля беспорядки возобновились с новой силой, чему, повидимому, много способствовало прибытие в город крестьян окрестных деревень, где уже разнеслась весть об избииении евреев в г. Елисаветграде. Отдельные шайки в несколько десятков человек разбивали еврейские дома, лавки, кабаки и погреба, и в то же время к буйствовавшей массе присоединялись подонки общества, рассчитывавшие попользоваться чужим добром. Еврейское имущество подвергалось или разрушению, или расхищению; в домах ломали мебель, выбрасывали из окон разорванные перины и при этом покрывали мостовую пухом; били посуду, рвали векселя и даже кредитные билеты; к некоторым евреям обращались с требованием денег, и были случаи, что евреи, давая известную сумму, таким образом, успевали откупиться от буйствовавшей толпы, но при этом некоторые подвергались насилью со стороны лиц, врывавшихся в их дома; так, одного из них выбросили из окна второго этажа в речку, при чем у него оказался перелом ребер; другого сбросили с чердака во двор, причинив ему значительные ушибы. Врываясь в винные склады, толпа выпускала из бочек вино и спирт, в котором несколько человек едва не утонули, двое же умерли от отравления алкоголем. При разрушении еврейских лавок на базарной площади, когда подъезжал кто-нибудь из начальствующих лиц или подходили войска, народ растоптал по земле ковры и материи, говоря, что это делается для почести и для того, чтобы они не промочили ноги, а когда ему старались объяснить незаконность поступков, то из толпы отвечали: «да ведь это жидовское — можно». Беспорядки угрожали распространиться по всему Елисаветграду, тем более, что противодействия со стороны полиции и войска не только не было, но бывали случаи, когда солдаты и городские сами принимали участие в грабежах и буйствах, при чем не подвергались за это никакому наказанию.

При таких условиях беспорядки продолжались 16 апреля до позднего вечера, при чем разорению подвергалось все, что принадлежало евреям: дома, лавки, склады, фабрики, заводы. Впоследствии было установлено, что евреи пострадали на 2 миллиона рублей; разрушено и повреждено было 418 домов и 290 торговых помещений. За толпой грабителей шла обычно «босоногая команда» (лица, не имеющие пристанища и определенных занятий), которая расхищала разбросанное по улицам еврейское имущество. Нельзя не заметить, что местное население, не принимавшее участия в беспорядках, не оказывало никакого содействия к их прекращению и, повидимому, даже сочувствовало этим беспорядкам. Однако, власти, в конце концов, стали беспокоиться по поводу разнузданности толпы: в глазах стоящей на страже общественного спокойствия власти всякие беспорядки, а в особенности продолжительные, являются нежелательным явлением, опасным «с государственной точки зрения» и в ночь на 17 апреля генерал-губернатор был дан приказ принять необходимые меры к прекращению беспорядков. Утром 17 апреля Елисаветград не видел более на своих улицах буйствовавшей толпы погромщиков и грабителей, и городская дума стала заботиться о призрении пострадавших во время беспорядков еврейских семейств, пожертвовав даже в их пользу тысячу рублей.

Весть о елисаветградских беспорядках быстро разнеслась по окрестным селам и деревням. Крестьяне, свидетели погрома, возвращаясь в деревню, рассказывали о характере этих беспорядков, по сво-

ему личному впечатлению; передавали своим односельчанам, что народ не встречал серьезного противодействия войска при разрушении еврейского имущества, и что нападение на евреев дозволено правительством, а вслед затем сообщали слышанные ими в г. Елисаветграде толки о существовании царского указа об избииении евреев. Крестьяне вполне доверяли этим рассказам и еще более убеждались в их справедливости, видя массу еврейского имущества, привезенного из города и легко доставшегося лицам, бывшим там во время погрома. Начавшись в селениях, ближайших к городу Елисаветграду, беспорядки быстро распространились по всему уезду; в селах и деревнях начали разбивать еврейские шинки, пользуясь при этом даровою водкою, били в окна стекла и грабили имущество. Беспорядки в местечке Витязевке произошли при следующих, не лишенных оригинальности обстоятельствах: крестьянин дер. Софиевки Савелий Татарчук, проезжая к фельдшеру через м. Витязевку, напился пьяным и, уверенный в существовании разрешения бить евреев, поехал в д. Антоновку, где, призвав местного сотского и объявив себя царским посланцем, потребовал от него содействия в разграблении евреев местечка Витязевка во исполнение царской воли; сотский, не задолго перед тем назначенный на эту должность, вместе с Татарчуком и двумя десятскими, приступил к исполнению «царского» распоряжения.

Елисаветградскими окрестностями дело не ограничилось, и погромное движение перекинулось и в другие места юга, охватив огромную территорию. Особенно кровавый характер оно получило в Ананьеве, где «местный мещанин, известный пьяница Игнатий Лещенко» убедил толпу, что евреи убили царя Александра II, и что поэтому расправа с ними разрешена высшим начальством. И в Киеве погром носил дикий по ожесточенности толпы характер: «Нельзя не принять во внимание, — гласило официальное донесение о киевском погроме, — что меры к обузданию толпы не были приняты достаточно своевременно и энергично, что объясняет частично огромные размеры крайнего буйства толпы». События в Киеве открыли собою ряд менее значительных погромов в губернии: в 48 местностях евреи подверглись разграблению, а в единичных случаях произошло и избиеение. Из Киевской губернии погромное движение перешло в Полтавскую, Черниговскую, Волынскую и Екатеринославскую губернию, и до поздней осени 1881 г. юг России переживал погромные дни. Весною 1882 года погромы возобновились в некоторых местах, но сила их была значительно слабее, а власть постепенно начала проявлять признаки вмешательства в беспорядки с целью не давать им разрастаться. Недаром великий князь Владимир Александрович, отражая, повидимому, настроение придворных сфер, заявил одной еврейской депутации, что «беспорядки, как теперь обнаружено правительством, имеют своим источником не возбуждение исключительно против евреев, а стремление к произведению смут вообще». Однако, «производство смут» не было бесполезно для бюрократически-помещичьей России, и погромная зыбь не улеглась до 1884 г., вызывая то там, то сям более или менее заметное движение. Так, в 1883 г. разразились острые беспорядки в Ростове на Дону, Екатеринославе и Кривом Роге, а в 1884 г. на евреев обрушился погром в Нижнем Новгороде, сопровождавшийся убийствами. По заявлению нижегородского губернатора, главным мотивом для погрома было желание поживиться еврейским добром. Хотя беспорядки возникли совершенно случайно, они «направлены были против евреев потому, что в народе сложилось убеждение в полной почти безнаказанности самых тяжких преступлений, если только таковые направлены

против евреев, а не других национальностей», Пользительность «смуты» была такова, что правительство не решалось окончательно отрешиться от нее, и хотя новый министр внутренних дел, гр. Игнатъев, и сам император Александр III считали погромное движение делом рук «крамольников и анархистов», всеподданнейший доклад, представленный через некоторое время тем же министром Игнатъевым, говорил, что виновниками народного самосуда являются евреи, и общество было оповещено об образовании губернских комиссий, которые должны были выяснить, «какие вообще стороны экономической деятельности евреев имеют вредное влияние на быт коренного населения, и какие следовало бы принять меры законодательные и административные относительно тех родов экономической деятельности евреев, на которые будут сделаны в этом отношении указания комиссиями». Одновременно с созданием губернских комиссий высшие местные власти были поставлены в известность, что правительство признает «справедливым и неотложным» принять самые энергичные меры «для ограждения населения от той вредной деятельности евреев, которая по местным сведениям вызвала волнения».

Результатом этих энергичных мер явились «Временные правила» 3 мая 1882 г., просуществовавшие до революции 1917 г. и имевшие целью преградить евреям доступ в деревни и села, чтобы тем ослабить экономическое влияние евреев на жизнь крестьян. Но еще до опубликования Временных правил губернские комиссии знали, чего от них требует правительство по еврейскому вопросу, и спешили выразить свою готовность содействовать гр. Игнатъеву в его борьбе с «экономическим поработителем» русского крестьянства¹⁾. В Екатеринославской комиссии было заявлено: «Нет сомнения, что причины беспорядков недавнего времени кроются в расширении прав евреев, дарованных им в последнее 20-летие»; ведь в царствование Николая I, когда евреи были ограничены в правах, еврейских погромов не было. «Для отращения будущих беспорядков» необходимо принять такие меры, которые «будут заключать в себе противовес еврейскому духу отрицания всех христианских начал... Либеральный принцип, проводимый в некоторых кружках, к евреям применен быть не может, ибо еврейский элемент представляет в государстве силу чужездную, пожирающую все то, что коренное население приобретает своим потом и кровью». Киевская комиссия говорила: «До какой степени силен противоеврейский дух в киевском населении и до какой степени укоренилась среди этого населения вражда к еврейству, вследствие безуспешности ходатайства главных начальников края, направленных к охране русского элемента, и вследствие постоянно расширяющихся прав евреев при разъяснении и истолковании законов, и главным образом вследствие наглости евреев, усиливающейся по мере развития материального состояния их и приобретения ими более видного положения, это показали последние события и попытки к драке, при встрече с евреями. Таким образом, не положив предела переполнению города евреями, правительство поставлено будет в необходимость принимать чрезвычайные меры, держать город как бы в осадном положении и прибегать к обузданию коренного населения». В записке, поданной Херсонской губернской комиссией, было, между прочим заявлено: «Нам надо освободиться: 1) от привычки приравнивать наш еврейский вопрос к так называемому

¹⁾ Справки к докладу по еврейскому вопросу, ч. I—IX, составл. Канцелярия Совета Объедин. Дворянских Обществ.

еврейскому вопросу в Западной Европе; 2) от несбыточной надежды слить еврейскую касту с русским населением на нашем западе и юге в нечто целое; 3) сознательно приступить к патриотической работе, к постепенному уменьшению численности евреев в нашем крае в интересах государства, нашего народа и нас самих, дабы не представить, в скором времени отвратительного зрелища порабощения русского народа пришлою кастою в русском государстве, под русскими законами, завоевания нашей страны евреями, без риска, без жертвы, без крови, или что еще хуже с пролитием лишь русской крови единственно потому, что благоволение к отвлеченной либеральной доктрине делает нас неспособными открыто сказать: «Россия прежде всего для русских», как сказали американцы: «Америка прежде всего для американцев». Нигде не были широко провозглашены принципы религиозной и племенной равноправности, как в Соединенных Штатах; однако же, когда прилив китайской эмиграции в Калифорнию сделался опасным для экономического благосостояния американского населения, они ни мало не усумнились, оставив в стороне отвлеченные принципы, торжественно провозглашенные в конституции, запретить дальнейшее переселение китайцев в Америку и даже изгнать обратно лишних китайцев, оставив только такое количество, «какое сочли не опасным для благосостояния американского населения». Новороссийский край наш, добытый русской кровью под знаменами великой императрицы, превращен из татарской пустыни и населенную область соединенными усилиями дворянства и крестьянства. Военная и колонизаторская роль новороссийского дворянства еще ждет своего историка. Для чего же русский народ в его высших и низших слоях вел вековую борьбу за обладание черноморским побережьем, пролил потоки крови, упитал эти степи своим потом, покрыв эту пустыню селами, деревнями, хуторами, прудами и проч? Вот вопрос, представляющийся для разрешения русскому уму и русскому сердцу. А вот разрешение вопроса, разрешение весьма вероятное и почти неизбежное, если настоящее течение дел продлится, если мы не спохватимся во время. Для чего нужна была эта кровь, этот пот? Для того ли, чтобы уготовить для еврея благодатное жилище, без жертв, без опасностей, почти за бесценок. Для чего мы завоевали и населили этот край? Для того ли, чтобы отдать его в обладание еврейскому племени, обречь наш народ на работу для обогащения евреев, а самим, потомкам завоевателей и колонизаторов, превратиться в скором времени в илотов, вытесненных из земель, дарованных нашими государями нашим предкам, за заслуги военные и гражданские, или остаться в тяжелой от них зависимости, утратив господствующее, преобладающее значение в стране».

Виленская губернская комиссия, говоря о «прискорбных событиях, разразившихся совершенно для всех неожиданно весной этого года», пришла к заключению: «Для еврея нет отечества, нет государства, нет законов, кроме кастовых, нет власти, кроме власти кагала. Они представляют подвижное государство в государствах, с которыми ведут вечную ожесточенную экономическую войну. Евреи, рассеянные по всему свету, составляют тесное братское общество, всегда готовое защитить и помочь каждому ее члену, потому что все они, где бы ни жили, преследуют одинаковые цели и стремятся к общим идеалам. В этом не трудно убедиться, обратив внимание на Всемирный Еврейский союз, существующий в Париже и имеющий во всех государствах свои отделения; союз этот, даже видимо для всех, принял характер какого-то государственного учреждения, так как нередко делает различные декларации европейским правительствам по еврейским вопро-

сам и в защиту их кастовых интересов. Всем, кто следит за литературой, известны действия знаменитого председателя этого учреждения Исаака Кремье, а также неоднократные представления русскому правительству по поводу различных еврейских дел в защиту будто бы угнетаемых в России сынов Израиля. Отделение этого союза организовано и в России под легальной кличкой «Общества распространения образования между евреями в России»... Можно ли поручиться, что в изданиях этого общества, печатающихся на древнееврейском языке, не подлежащих никакому контролю христианского начальства и находящихся исключительно в руках племени, не пропагандируются тенденции, враждебные правительству и всему христианскому миру?

Так началась эра мучительно долгих антисемитских «Временных правил», связанных с именами двух последних императоров из дома Романовых. Если правильно, что погромы были политическим оружием в руках господствовавших классов, заимствованным ими из арсенала западно-европейских антисемитов и приспособленным к уровню «русского дурня», которому грабеж привычнее, чем политическая борьба, то в целях дальнейшего приспособления к вкусам одуроченной толпы политическая закваска погромов значительно смягчалась их организаторами, и на первый план выдвигался экономический мотив — эксплуатация евреями крестьянского населения. То был период «экономизма» в антисемитизме, когда в мутной воде крайне тяжелого материального положения широких народных масс легче было ловить рыбу с помощью экономической удочки, чем политической. Но экономизм был естественно лишь определенной фазой в развитии правительственно-классового погромно-антисемитского движения, и на смену этой фазе не мог не явиться в силу общего развития России политический погром без экономического фигового листка заботы об эксплуатируемой крестьянской массе. Кишиневский погром 1903 г. был первым совершенно явным, цинично открытым политическим погромом: «еврейской политике» стремилась в Кишиневе нанести удар «русская политика», руководимая министром фон Плеве.

«За два-три дня Кишинев был превращен в дымящееся пепелище. Во время этого погрома детей выбрасывали на мостовую. На глазах у обезумевших матерей разбивали им о камни головы. Евреев массами пытали и распинали на улицах. Гвоздями прибивали их к стенам деревянных домов... У женщин после изнасилования вырезали груди, отрубали ноги и руки, вбивали гвозди в головы, распарывали животы» (М. Горев, Против антисемитов). В дни кишиневских ужасов известный французский социалист Жан Жорес писал: «Кишиневские жестокости — позор официальной России, организовавшей их! Царизм из политического расчета одобряет антисемитское движение; он видит в этом диверсию: натравить народ на евреев, значит — отвратить его гнев от правительства».

Таковыми же политическими погромами были и те, которые совершались во время русско-японской войны патриотическими организациями, сражавшимися охотнее с внутренним врагом, чем с далеким внешним, притом хорошо вооруженным. Еврейской кровью не только омывалась горечь военных поражений, но ею окроплялось дальнейшее пребывание у власти «вахмистров и городских по воспитанию и погромщикам по убеждению», и погромы признавались не столь «прискорбным явлением», сколь естественным выражением возмущения истинно-русских людей будто бы еврейскими изменами, японофильством евреев и их тайной поддержкой грозного внешнего врага.

Однако, темным силам реакции не удалось отвлечь внимание общества от истинных виновников тяжелых испытаний. За время, протекшее от первых погромных движений, вырос сознательный русский рабочий класс, и грянули революционные события 1905 г. И в то самое время, когда бюрократия и представляемые ею классы официально говорили о готовности итти навстречу народным требованиям, ими подготавливались по всей стране страшные погромы при содействии начавшихся организовываться со времени кишиневского погрома подонков общества, которые, якобы, возмущившись революционной пропагандой евреев, решили открыто проявить свою преданность исконным началам православного самодержавия и отомстить главным виновникам революционного движения. Евреи должны были ответить за события, приведшие к манифесту 17 октября 1905 г., не только своим имуществом, но и жизнью, — и в целом ряде городов немедленно после оповещения о появлении манифеста, начались столкновения между манифестантами, праздновавшими день победы революции и патриотическими организациями, стремившимися по своему истолковать значение и смысл манифеста и задержать дальнейшее развитие революции. Эти столкновения, по составленному безусловно заранее плану, повсюду и везде быстро и внезапно превращались в еврейские погромы, принявшие неслыханно кровавый характер и долженствовавшие свидетельствовать о возмущении истинно-русских людей победой «жидовской» революции. За 12 октябрьских дней (с 18-го числа), по не совсем еще полным данным, были произведены погромы в 660 городах, местечках и деревнях; так как в некоторых местах за октябрьские дни погромы носили повторный характер, то общее число погромов за это короткое время определяется в 690, при чем в черте оседлости было 666. По административным пунктам «революционные» погромы распределяются следующим образом: 17 в губернских городах, 44 в уездных, 3 в градоначальствах и 626 в местечках и деревнях. Характерно, что в Северо-Западном крае, где процентное отношение евреев к общему населению было самым высоким, погромы были редким явлением, а в Гродненской и Виленской губерниях, а также в Царстве Польском не было ни одного погрома; наоборот, Черниговская губерния с ее сравнительно небольшим и рассеянным по мелким местечкам еврейским населением дала самое большое количество погромов — целых 329. Количество еврейских жертв в эти погромные дни определяется приблизительно следующим образом: убито — 810 человек, ранено — 1770; осталось вдов — 325, круглых сирот — 166, полусирот — 1197; в число убитых не входят умершие от последствий погромов и от пережитых волнений, а также покончившие самоубийством (многие изнасилованные женщины сошли с ума или покончили с собою). Материальные потери понесли — 201.209 евреев на сумму — 62,7 милл. рублей; в эту сумму не входят потери наиболее богатых евреев, так как они не были расследованы, а также имущество, оставленное на произвол судьбы бежавшими за границу или в отдаленные губернии, чтобы скрыться от ужасов погрома.

Как произошли октябрьские погромы? На этот вопрос официальные расследования, произведенные сенатором Турау в Киеве и сенатором Кузьминским в Одессе, дают в фактической своей части — и далеко не всегда в выводах — более или менее определенный ответ¹⁾. Он гласит: при явном попустительстве одних представителей власти, при

¹⁾ Материалы по истории русской контр-революции, т. I, 1911.

прямом содействии других и под деятельным руководством третьих. По словам сенатора Кузьминского, в Одессе, громилы, принадлежащие по преимуществу к подонкам общества, так назыв. хулиганы, нередко совершали преступления на глазах войск и полиции, иногда даже при их участии, и не были задерживаемы... Околоточные, надзиратели и городовые или пребывали без всякого дела в участках, или же появлялись на местах событий, нередко переодетыми, в качестве участников погрома и грабежей... обстреливались дома по указаниям городских, нередко неверным и ложным; войска и полиция не предпринимали решительно никаких мер к прекращению разгрома еврейских квартир и лавок, избияния евреев и разграбления их имущества». На Слободке-Романовке городовые, в присутствии свидетеля доктора Бурды, срезали шашками молодые деревья близ больницы и раздавали их в виде дубин тем из толпы, у которых не было оружия, а войска сзади стреляли над головами громил в окна 2 и 3 этажей еврейских домов и квартир. Солдаты заявляли, что «по инструкции начальника войска не должны оказывать никакого противодействия грабителям, убивающим и разоряющим евреев, а должны, напротив, преследовать еврейскую самооборону, действующую против грабителей: евреев велено придушить». Директор кадетского корпуса, ген. Дерюгин, встретив толпу громил, обратился к ней со словами: «И вы идете громить евреев, — благословляю вас». Этот же генерал, в разговоре со служащими корпуса, сказал: «Очень жаль, что на это дело посылаются только чернь, а мы не можем сами идти. Это наша святая обязанность». В полцейской среде, еще до погромов, ждали кровопролития: так пристав Рацшевский при дежурившем в участке со своею частью прапорщике Теплицком, с 15 на 16 октября сказал: «Захотели они свободы, — вот мы их уложим 2 — 3 тысячи, тогда они будут знать, что такое свобода». Такие же разговоры велись и среди городских, которые, между прочим, упражнялись в действии шашками на чучелах с надписями: забастовщик! студент!

В Киеве, как свидетельствует сенатор Турау, полицмейстер города, полковник Цихоцкий, сам предводительствовал громилами. 19 октября он шел во главе толпы манифестантов; по дороге некоторые из них громили магазины. В тот же день к думе подошла с портретом государя и флагами толпа громил, вооруженных кольями и топорами. В толпе находился и Цихоцкий без фуражки. С думского балкона кто-то говорил речь, закончив ее словами: «бей жидов, грабь, ломай». Речь была покрыта криками «ура», после чего толпа стала качать Цихоцкого, а затем небольшими группами устремилась в разные стороны к магазинам». А подчиненные Цихоцкого, пристав Лященко и помощник его Пирожков, сами кричали: бейте жидов до одного и грабьте их». Генерал-майор Безсонов, которому вверена была охрана II отдела города, где живут преимущественно евреи, стоял в толпе громил и мирно беседовал с ними; «громить можно, — говорил он, — но грабить не следует». Громилы кричали «ура» и с чем-то поздравляли генерала. На вопрос управляющего канцелярией генерал-губернатора: «Ваше превосходительство, идет погром, меры не принимаются — как прикажете понимать это?». — Безсонов ответил: «какой же это погром? это — манифестация». На возражение, что это не манифестация, а дневной грабёж, генерал заметил: «А зачем они порвали царский портрет?».

Но если сенаторские ревизии установили факт участия властей в погромном движении в Киеве и Одессе, то население, видя повсеместно подобное поведение высшей местной администрации, не могло

не прийти к выводу, что оно имеет дело со страшной провокацией, организованной властной рукою в центре с целью рассеять «опасные иллюзии», возникшие в обществе в связи с манифестом 17 октября. Население не могло не указать на странность того, что все происходило с поразительным однообразием. Всюду толпа шла с царским портретом, чего прежде никогда не делалось, всюду находился такой еврей, который в нее стрелял, и опять-таки всюду этот выстрел имел одинаковые последствия вплоть до бессилия властей подавить погромы, которые, однако, на первых порах обычно совершались небольшой кучкой хулиганов. На это изумительное однообразие обратила внимание и анонимная записка, составленная по документам департамента полиции в ноябре 1905 г. по поручению графа Витте, желавшего, по видимому, иметь надежный материал для борьбы с генералом Дм. Ф. Треповым.

Эта записка приходит, после перечня массы данных, к следующему выводу: факты, даже взятые из дел департамента полиции, с полной очевидностью показывают, что значительная часть тяжелых обвинений, возведенных на правительство обществом и народом, в ближайшие после манифеста дни, имели под собою вполне серьезные основания. Существовали созданные высшими чинами правительства партии для организованного отпора крайним элементам; организовались правительством патриотические манифестации, которые стреляли в мирных демонстрантов и на глазах полиции и войск избивали людей и сожгли в Твери губернскую земскую управу; никто не трогал погромщиков, а в тех, кто защищался от них, стреляли залпами; официальными объявлениями за подписью высшего представителя власти в большом городе подстрекали толпу к насилиям и убийствам, а когда в силу этого возникали беспорядки, то им давали свободно расширяться и ничего не делалось для их подавления. «Все эти факты произошли на протяжении 3 — 4 дней в разных концах России и вызвали такую бурю негодования в среде населения, которая совершенно смела первое радостное впечатление от чтения манифеста 17 октября».

Вскоре данные этой анонимной записки подтвердил и дополнил А. А. Лопухин, которому граф Витте поручил расследовать вопрос об участии должностных лиц в устройстве еврейских погромов. Лопухин выяснил следующее. После манифеста 17 октября, в видах усиления реакции, заведующий политической частью департамента полиции Рачковский организовал печатание соответствующих воззваний в помещении жандармского управления. Этим делом руководил ротмистр Комиссаров, которым в декабре 1905 г. и январе 1906 г. выпущено было огромное количество воззваний — «различных по изложению, однородных по содержанию». В них, рядом с осуждением революционного движения, доказывалось, что виновниками его являются преимущественно инородцы, прежде всего евреи, к борьбе с которыми и возбуждали воззвания. В одном воззвании, обращенном к армии, автор возбуждал «против поляков, армян и жидов»; это воззвание было послано в Вильну для распространения с чиновником особых поручений при виленском ген.-губерн. Шкоте в количестве 5 тыс. экземпляров. Шкот частью их сам разбросал ночью по улицам города, остальные передал полицмейстеру, который вскоре прислал в департамент полиции телеграмму с просьбой прислать новую партию. Такие же воззвания были отправлены в другие провинциальные города. В Петербурге они распространялись через Дубровина и находящийся под его председательством Союз русского народа; в Москве через редактора-издателя «Московских Ведомостей» Грингмута. Все

изложенное, в присутствии гр. Витте, вынужден был подтвердить ротмистр Комиссаров, заявивший, что он действовал по приказанию заведующего политической частью департамента полиции Рачковского, а образцы воззваний до набора представлял директору департамента полиции Вуичу.

О провокационных действиях департамента полиции Витте был поставлен в известность и чиновником особых поручений Макаровым, в связи с письмом литератора Оболенского на имя Витте о готовящемся погроме евреев в г. Александровске (Екатеринослав. губ.). Макаров выяснил, что действительно готовится избиение евреев в Александровске, и что «преступная агитация с этой целью ведется по инициативе ротмистра Будоговского», деятельность которого поощряется чинами департамента полиции. Александровские воззвания написаны в крайне резком боевом тоне и призывают к уничтожению «революционеров, социал-демократов и жидов»; первых воззвания называют «холопами жидов» и доказывают, что революционное движение ведется евреями. Воззвания заканчиваются словами: «прочь, коварное дьявольское навождение. Прочь, жида и их братья-ученики, социал-демократы и революционеры; долой жидов и их братьев социал-демократов и революционеров». Воззвание «александровской боевой дружины», обращенное ко «всем истинно-русским людям», говорит, что «на этих днях эти изверги рода человеческого ранили царя-батюшку нашего, который от горя уже успел поседеть», что «немецкий государь послал уже свои военные суда к Петербургу» и что «мы, русские люди, погибнем, если сейчас же не соединимся в дружины и дружным напором не отразим нашего врага, социал-демократов и жидов». Представляя эти воззвания в департамент полиции, Будоговский сообщил, что они распространяются не только в Александровске, но «в значительном количестве» и в соседних деревнях, что они «приносят существенную пользу в деле борьбы с революционным движением», и что он «употребит все свое влияние на выпуск подобных воззваний и в селах своего района», так как они «благоприятно повлияют на крестьян и удержат от насилий над помещиками». За эту, повидимому, деятельность Будоговский и был представлен к награждению.

Все эти ревизии и расследования, являвшиеся данью возмущению широких народных масс и вызывавшиеся неуверенностью бюрократии в полной победе реакции, засвидетельствовали с очевидностью, не оставлявшей никакого сомнения, что реакция, руководимая генералом Д. Ф. Треповым, организовала огромный провокационный погром с целью потопить в крови евреев, социалистов и революционеров рабочее движение и вернуть вспять колесо русской истории. Руководитель этого своеобразного грандиозного заговора опирался на старый полицейский и жандармский аппарат, подкрепленный новыми, в духе времени, элементами: то были организованные в союз русского народа подосновки общества, так называемые черные сотни, которые легко и дешево могли быть пущены в ход на любое «патриотическое» дело, т. е. на грабеж, истребление и убийство тех, которых начальство считало внутренним врагом русского государства. Эта кровавая провокация 1905—1906 г.г., исходившая из недр самого правительства, лицом обращенного больше к департаменту полиции, чем к обществу, получила на съездах объединенных дворянских обществ высшее одобрение и заявление о том, что она спасла Россию путем неотразимых строгих мер во время «недавней смуты» от разрушительных теорий и проповедей политического и религиозного анархизма», провозглашаемых «переловым» еврейством, игравшим главную роль в «так называемом осво-

бодительном движении». «В этом отношении, — гласила резолюция II дворянского съезда, — уроки ближайшего прошлого нельзя не признать чрезвычайно поучительными: в самом деле знаменательно то единодушие, с которым еврейская часть населения на разных общественных ступенях проявила в минуту общего потрясения свои противогосударственные и антинациональные стремления, примкнув к крайним элементам страны».

Отдав должное правительству за его энергичное подавление революционных беспорядков, дворянство требовало, однако, неослабности в этом деле и возмущалось, что попрежнему «ведется настойчивая и упорная пропаганда», хотя, «конечно, прекратились яркие политические выступления евреев». И дворянство на своем VII съезде настаивает на проведении полностью программы по еврейскому вопросу: «Минувшая смута наглядно показала, что влияние свойственного большинству евреев политического направления становится особенно опасным тогда, когда «интеллигентный» еврей занимает служебное или общественное положение, дающее ему возможность беспрепятственно и широко проводить свои принципы в государственную и общественную нашу жизнь», а потому дворянство считает «необходимым безусловное недопущение евреев, хотя бы и переменивших вероисповедание, в государственную службу, а равно к законодательной или педагогической деятельности»; «ни в коем случае евреи не должны допускаться ни к отбыванию воинской повинности, ни к поступлению в сухопутные и морские войска на правах вольноопределяющихся и охотников, ни в военно-учебные заведения». «Не без колебаний и страха, — заявляет совет VII съезда, — дворянству приходится посылать детей своих в наши средние и высшие школы, сильно зараженные духом религиозного и политического нигилизма». Носителями этой заразы являются молодые евреи, и необходимо «ныне же совершенно разобщить русскую учащуюся молодежь от еврейства, упразднив вовсе допускаемый ныне в учебных заведениях процент евреев». Таковы были «неотложные» нужды дворянства в области еврейской политики.

Одновременно с этим в стране велась шумная демагогическая агитация против евреев, и так как первая Государственная дума относилась сочувственно к идее уравнивания их в правах с прочим населением, то одной из задач антисемитской агитации было скомпрометировать думу, а убийством депутата Герценштейна засвидетельствовать месть народа «жидовской думе», покушавшейся на землю истинно-русских людей. Роспуск думы вызвал черносотенную брошюру Терентьева «Поминки по первой Государственной думе», где заявляется о том, что «между русскими членами думы большинство было таких, которые быть русскими не могли или не хотели... Русское большинство не пожалело бы ни русской земли, ни русских денег, ни тем более русской чести для своих союзников-инородцев, лишь бы им угодить». В то же время народу выяснялись «истинные» цели, преследовавшиеся «еврейской» думой. «Расселятся евреи по всей России, — говорит анонимный автор памфлета «Равноправие евреев», — закабалят русский народ, и природный хозяин своей земли опять станет рабом, крепостником, как был прежде, с той разницей, что некогда он работал на своего барина-христианина, а теперь будет проливать кровавый пот на торговца-еврея». По мнению некоего Добромыслова («Инородцы в России»), одна дума не могла бы гарантировать евреям успеха, и евреи, чтобы «вернее добиться своего, устроили революционный союз, так называемый бунд, который подчинен еще другому революционному союзу, называемому «всемирный еврейский союз»... кровью царских слуг

евреи хотят купить себе равноправие». В таком же духе написаны были и многие другие анонимные и именные брошюры, печатавшиеся нередко на правительственные средства. Особенно широкую антиеврейскую агитацию вели «Почаевские Известия». Из Почаевской лавры, куда стекался религиозный и темный народ со всего юго-западного края, не раз раздавался призыв к истреблению евреев, как врагов религии, отечества и русского народа. С «Почаевскими Известиями» соперничало на почве изуверства и каннибальства «Русское Знамя», издававшееся союзом русского народа, систематически требовавшее массовых убийств «евреев-революционеров». Нередко «Русское Знамя» печатало индивидуальные списки лиц, подлежащих немедленному уничтожению за опасную для государства деятельность. Результатом этой неустанной и энергичной агитации был почти полный провал во время выборов во 2-ую Государственную думу по черте еврейской оседлости прогрессивных кандидатов: из 15 губерний, где евреи пользовались правом постоянного жительства, лишь Ковенская и Екатеринославская губернии провели во вторую думу сторонников уравнивания евреев в правах с другими народностями России; остальные же 13 губерний были представлены яростными и дикими антисемитами, при чем Кишинев избрал в думу Паволакия Крушевана, главного организатора погрома 1903 г. и редактора изуверского листка «Бессарабец», поддерживавшего реакционным крупным бессарабским дворянством.

Наличие Государственной думы несколько не препятствовало устройству правительством погрома, и 1-го июня 1906 г. разразился в Белостоке кровавый еврейский погром. Правительственное сообщение кратко оповестило тогда Россию о том, что вследствие брошенной евреями в религиозную процессию бомбы в Белостоке произошли беспорядки: «число убитых сравнительно не велико: 81 еврей убит и 91 ранен». В гневных выражениях дума заклеймила правительственных погромщиков, и представленное специальной комиссией заключение о белостокских «беспорядках» гласило: «если бы войск не было, не было бы погрома». В это время военному министру белостокские военные власти доносили: «Поведение войск было примерное». Оно действительно было примерным, ибо накануне погрома ротный командир спрашивал подпоручика, знает ли он, какие предстоят по таблице занятия на завтрашний день. Ответ подпоручика гласил: «Таблица на завтрашний день — погром».

Даже иностранная буржуазная печать хорошо понимала, что белостокский погром был инсценирован правительством Николая II, и «Франкфуртская Газета» писала: «Когда России нужен был заем и когда необходимо было особенно сильно считаться с настроением общественного мнения Западной Европы, погромы не были допущены и впервые пасха в настоящем году (1906 г.) прошла спокойно для русских евреев. Белостокский погром служит самым лучшим опровержением слухов о новом займе. О займах, значит, русское правительство пока не думает». Буржуазная газета слишком идеализировала банкиров: заграничные финансисты больше руководились соображениями о барышах, чем гуманностью, и заявление двух французских министров Клемансо и Леона Буржуа о невозможности давать деньги погромному правительству вызвало в «деловых» кругах тем большее удивление, что, по словам парижской газеты «Temps», русское правительство видело в погромах прекрасное средство для борьбы с революцией. Провокационный характер погромов на столбцах названной парижской газеты выяснял известный ученый, хорошо знакомый с русскими порядками, А. Леруа Болье. Он писал: «По-

громы, в течение уже почти двух лет покрывающие кровью одну провинцию обширной империи за другой, не только терпелись, но поощрялись даже покровительством и поддержкой тайных влиятельных, действовавших под сенью императорского дворца. Этим думали предотвратить то, что русские называют революцией. Чтобы отстранить массы от революционной пропаганды, их возбуждают против евреев и неправославных, как врагов царя и народа». Другими словами: погромы были мобилизацией реакционных сил против революции, против рабочих и той части интеллигенции, которая шла вместе с рабочими.

Но обращаться за помощью к «улице» значило признать до известной степени банкротство самодержавия, которое в дни своего расцвета, в спокойные годы царствования Александра III, собственными силами справлялось с внутренними врагами и не «унижалось» до организации черной сотни и других подсобных самодержавию «народных» учреждений. Прав поэтому В. И. Ленин, когда он после кишиневского погрома 1903 г. писал в «Искре»: «Самодержавие классическое, самодержавие, уверенное в своем материальном могуществе, требует от своих подданных лишь «смирного» поведения. Самодержавие, разлагающееся вынуждено пытаться силе сознательно-революционных элементов народа противопоставить общественную же силу, силу организованных его агентами темных, продажных и по природе своей реакционных элементов... Реакционные силы мобилируются по всей линии. Всюду провокатор и жандарм являются их организаторами, продажный журналист и проституирующий поп — их «идейными» вдохновителями, а невежество, умственная темнота и зоологические инстинкты — спайкой, посредством которой разношерстные социальные элементы образуют «народную толпу».

Однако, это обращение к «народной толпе», эта мобилизация реакционных подонков делу контр-революции, в конечном счете уже никак помочь не может. Ибо, — говорит Ленин, — «если мобилизация реакционных сил и может на одном полюсе сгустить мрак политического невежества, обострить реакционные, анти-культурные чувства и настроения, то на другом полюсе она содействует накоплению в удвоенной мере революционных чувств и мятежных настроений, расчищает политическое сознание и усиливает революционную активность... Реакционная вакханалия, разыгрываемая царскими министрами, к несчастью для них, имеет перед собою сплоченные кадры рабочих. Русские рабочие бок-о-бок с еврейскими будут отстаивать жертвы антисемитской травли. Там, где правительство сеяло ветер, оно пожнет бурю. Мобилизация реакционных сил содействует мобилизации сил революции».

Но обреченная на гибель власть обычно страдает крайней близорукостью и тупостью, и в свой последний, смертный час царское правительство извлекло из мусорного ящика истории ритуальное убийство, чтобы с его помощью окончательно уничтожить «жидовскую» революцию. После кровавых трагических событий 1905 и 1906 г.г., в которых было пролито столько еврейской крови во время погромов, начиная с 18 октября 1905 г. и кончая военным погромом в Седлеце 26-го августа 1906 г., Россия должна была, по плану отупевшего от реакционного угара правительства, пережить полосу ритуального позора и стать посмешищем цивилизованного мира. Ритуальный процесс в 1913 г. в большом культурном центре, в Киеве, в связи с обыденным убийством на окраине города тринадцатилетнего мальчика Андрея Ющинского, внебрачного сына людей, живших в среде

мошенников, хулиганов, воров и убийц, — такого позора не могло перенести передовое русское общество, видевшее на своем веку немало самых ужасных злодеяний со стороны своего правительства, и выпустило пламенный протест против кровавого навета на евреев. В этом протесте, между прочим, сказано было: «Истари идет вековечная борьба человечности, зовущей к свободе, равноправию и братству людей, с проповедью рабства, вражды и разделения. И в наше время, как это бывало всегда, те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами, они льстят народным предрассудкам, раздувают суеверия и упорно зовут к насилиям над иноплеменными соотечественниками. По поводу еще не расследованного убийства в Киеве мальчика Ющинского в народ опять кинута лживая сказка об употреблении евреями христианской крови. Это давно известный прием старого изуверства... В этой лжи звучит та самая злоба, которая некогда кидала темную языческую толпу на первых последователей христианского учения. Еще недавно в Китае та же сказка об употреблении детской крови, пущенная китайскими жрецами против миссионеров, стоила жизни сотням местных христиан европейцев. Всегда за нею следовали самые земные и преступные страсти, всегда она стремилась ослепить и затуманить толпу... Бойтесь сеющих ложь; не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обогрелась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!»

Под этим протестом подписалось свыше 80 представителей русской интеллигенции; между прочим, Максим Горький, Вл. Короленко, Леонид Андреев, Соллогуб, Дм. Мережковский, Ал. Толстой, Ив. Толстой, Е. Чириков, Александр Блок, В. Муйжель, М. М. Ковалевский, К. Арсеньев, Н. Кареев, Ив. Гревс, Петражицкий, Д. Grimm, Э. Grimm, Зелинский, Бодуэн де-Куртенэ, Туган-Барановский, В. Святловский, Овсяннико-Куликовский, Павел Милуков, Родичев, Петрункевич, Набоков, Кузьмин-Караваев, В. Семевский, Д. Стахов, Озеров, акад. В. Вернадский, акад. А. Фамицын, Калмыкова, Пешеходов и многие другие.

Но правительство не боялось позора, и на скамью подсудимых сед по обвинению в ритуальном убийстве, совершенном будто 12 марта 1911 г. в Киеве, Мендель Бейлис, являвшийся «фактически» распорядителем той части «еврейского кирпичного завода» Зайцева, где было совершено убийство Ющинского. Еще до ареста Бейлиса, когда следствие направлялось, главным образом, по линии раскрытия убийц в среде ближайших родственников Ющинского, черная сотня заговорила о «ритуале» и о «жидовском» убийстве, и 18 апреля 1911 г. реакционная часть Государственной думы внесла спешный запрос, в котором указывалось на «несомненные» признаки ритуального еврейского убийства, а также и на то обстоятельство, что правительство, вообще широко раздвигая рамки расследования в делах об изуверных сектах, действовало всегда «наоборот» в тех случаях, когда оно наталкивалось на изуверные еврейские убийства. «В этих случаях оно суживало, стесняло рамки дела и, ставя на суд большие дела о скопцах, хлыстах, с массою подсудимых, ни разу не предприняло расследования о той еврейской секте, которая совершает ритуальные убийства». Таким образом, депутаты-реакционеры требовали, чтобы убийство Ющинского повлекло за собою «широкое», «большое» дело и чтобы скамью подсудимых заняла целая еврейская секта, совершающая будто бы ритуальные убийства.

Министр юстиции Ив. Щегловитов глубоко сочувствовал такому обороту киевского убийства, а в лице министра внутренних дел он встретил достойного соратника. Начальник Киевской сыскной полиции, искавший убийцу не среди не существующей изуверной еврейской секты, был временно отстранен и его обязанности стало исполнять другое лицо, которое, казалось, должно было понять, что необходимо поставить родственников Ющинского и всю компанию, среди которой жил несчастный мальчик, вне всяких подозрений и сосредоточить внимание полиции на евреях, так как налицо, ведь, должно было быть, что бы ни случилось, ритуальное убийство.. Однако, все поиски полиции приводили к результатам, совершенно нежелательным реакции, свившей гнездо не только в правительстве, но и в большинстве третьей Государственной думы, и осенью 1911 г. правые депутаты внесли запрос о «преступных действиях чинов киевской полиции. В запросе, между прочим, говорилось: «Прошло более полугода со времени запроса об убийстве в Киеве; за это время накопился ряд фактов, свидетельствующих о том, что киевская полиция предприняла ряд действий не к выяснению, а к сознательному затемнению дела, не к обнаружению истины, а к сокрытию ее; не к изобличению иудеев, совершивших — по убеждению местного населения — зверское убийство ради крови христианского ребенка, а к отвлечению подозрения и даже к созданию должных улик против лиц неповинных». Правительству подобные запросы были лишь на руку, и все дальнейшее полицейское ведение «ритуального дела» было передано жандармскому подполковнику Иванову. Впрочем, за месяц до вступления его в должность, по настоянию прокурора Киевской судебной палаты, был арестован приказчик кирпичного завода Зайцева — Мендель Бейлис по обвинению в убийстве Андрея Ющинского. Отныне «сыщики-ритуалисты» направили дело по желанному руслу. Но добыча никак им не давалась: помимо Бейлиса, который совершенно не годился для роли единственного героя большого дела, никого нельзя было привлечь к ответственности, и киевские власти, действовавшие по указке министра Щегловитова, должны были с прискорбием констатировать, что ритуальное убийство совершено Менделем Бейлисом «при участии необнаруженных лиц».

И в то время как усердно разыскивались эти необнаруженные лица, велась на почве дела Бейлиса яростная антисемитская кампания по всему лицу огромной России. Во главе травли евреи шли реакционное и влиятельное «Новое Время», которому вторили, превосходя его в цинизме и наглой клевете, мелкие газеты, издававшиеся черносотенцами на средства министерства внутренних дел.

Подобно полиции, не обнаружившей участников убийства Ющинского, реакция, возглавляемая министром юстиции и несколькими правыми депутатами, никак не могла найти ученого эксперта, который, на основании еврейского религиозного учения, мог бы доказать необходимость ритуального убийства. В поисках эксперта исколесили всю Россию; не найдя никого, ни среди русского духовенства, ни среди русских ученых, ни среди миссионеров, отыскали, наконец, в Ташкенте какого-то неведомого католического патера, который своим авторитетным появлением должен был утвердить ту нелепость, над которой тщательно столько лет трудились темные силы России. И на разбор ритуального дела явился ксендз Пранайтис. †

При свете XX века эта мрачная, черная фигура, в темной рясе, мечтала выступить с учением, с которым выступали ее предки в давно прошедшие времена, полные ужаса и крови. С трепетным ожиданием

цивилизированный мир собирался слушать теологический диспут, где на одной стороне был Пранайтис, олицетворение средневекового невежества и темноты, а с другой — профессора Троицкий, Коковцев и Тихомиров и выдающийся московский раввин Я. И. Мазе. Но диспут не мог развернуться во всю ширь — «в виду запямятования господина эксперта». Если бы позорный процесс Бейлиса мог бы быть еще опозорен, то это сделало бы «запямятование» Пранайтиса: но никому не дано быть чернее черного, — и даже психиатрическая экспертиза, в лице киевского профессора Сикорского, ничего не могла сделать, натолкнувшись на ученую фалангу академиков Бехтерева и Павлова а также петербургского профессора Кадьяна. Так рухнул замысел черной сотни и правительства и с таким трудом инсценированный процесс закончился после 34 дней публичного выставления на показ своего позорного изуверства, оправданием 28-го октября 1913 г. обвиненного в ритуальном убийстве Менделя Бейлиса.

Это решение суда присяжных разбило план церковников канонизировать Андрея Ющинского. Что такой план действительно существовал, свидетельствует черносотенная газета «Двуглавый Орел», издававшаяся в Киеве и субсидировавшаяся охранным отделением.

Передовая статья в этой газете, помещенная 24 июня 1912 г., под названием «Вечная память измученному от жидов отроку Андрею Ющинскому», гласила, между прочим: «К тебе, о мучениче отроче Андрее, любовью пламенеет верующее православное сердце. Подобно мученику Гавриилу, сопричисленному церковью к лику святых божиих, пострадал и ты — христа ради — от лютых жидов и самыми мученьми, веруем, вшел по слову писания в покой небесный. Ждешь, мы надеемся, и ты прославления... со святыми от того, кто обещал прославить исповедующих имя его. О владыки, христе царю, принявший, яко жертву непорочную, закаленную за тебя, святого мученика Гавриила младенца, чудотворца слущкого, — прими в сей лик проливших свою кровь и нового мученика киевского Андрея... А ты, приснопоминаемый отроче, если господь сподобил тебя вечной славы, умоли его, всещедрого истины и света подателя, раскрыть тот узел недоумений, предмет пререканий и лютой партийной злобы, коим связана история твоего убиения, о великий страдальче Андрея, отроче богу возлюбленное». В статье, в целях погромного возбуждения отсталых масс против евреев, были приложены два рисунка: 1) фотографическое изображение лица мальчика с уколами на правой стороне лица и с надписью: «голова замученного жидами отрока Андрея Ющинского со следами ритуальных уколов»; 2) фотографическое изображение туловища ребенка в гробу с надписью: «тело Андрея Ющинского».

Раздраженное неудачей правительство мстило всем либеральным кружкам и деятелям прессы, которые своей агитацией против гнусного навета вырвали добычу из рук черносотенцев; были затеяны десятки судебных процессов против редакторов и сотрудников газет, а также петербургского совета присяжных поверенных, вынесшего резолюцию протеста против поведения министра юстиции Щегловитова в деле Бейлиса. Громкий процесс адвокатов разбирался в июне 1914 г., за месяц до начала мировой войны и кончился осуждением 25 адвокатов за «возбуждение против правительства».

Во время войны из реакционных щелей огромной России против евреев выползла новая ядовитая змея: то был «военный ритуал», т.е. обвинение евреев в сочувствии Германии и в шпионаже в ее пользу. Это злостное обвинение дало военным властям возможность проведения в жизнь по отношению к евреям очень суровых мер, и

Россия познала «еврейский фронт», где вожди армии пожинали гораздо больше лавров, чем на полях сражения против немцев. Из Литвы, Курляндии и Лифляндии было изгнано около 200 тысяч евреев с женами и детьми и заброшено в восточные губернии, где они очутились без средств и без перспективы на ближайшие заработки. Так, евреи были сжаты между двумя враждебными правительствами: между гражданским, направляемым Распутиным и Штюрмером, и военным, руководимым ген. Янушкевичем и Николаем Николаевичем. Оба эти правительства были равно заинтересованы в том, чтобы отвлечь внимание русского народа от истинных виновников бесславного ведения войны, и оба они не нашли другого оправдания, помимо еврейской опасности, для позорнейшего банкротства всей царской политики.

Славный и великий 1917-й год показал, что русский народ не дал себя затуманить наветом на евреев — ни ритуальным, ни шпионско-германским — и что он нашел своего истинного — как внутреннего, так и внешнего — врага. Октябрьская революция разрубила окончательно Гордиев узел всевозможных наветов и воочию показала, что под ширмой еврейских и иных национальных и религиозных погромов совершались в действительности разгром революционного движения, затемнение классового сознания рабочего и крестьянского населения и искусственное продвижение реакции. Старый режим не мог жить без погромного снадобья, без разжигания религиозных и племенных предрассудков, без натравливания одного народа на другой. В чистой атмосфере Октября, в рабоче-крестьянском государстве кровавый туман национально-религиозной ненависти невозможен, опасен, и потому против отголосков звериного прошлого Советская власть принимает самые решительные меры. Так, когда велась в 1919 г. в московском соборе Василия блаженного антисемитская агитация у «усыпальницы мученика Гавриила», пролетарская власть предала суду всех церковников-антисемитов, и на суде сами представители духовенства вынуждены были признать, что «в соборе стоял хитроватый ящик, в середине — икона, в иконе — дырка, в дырке — полотняная тряпка...». «Я знаю, что там никакие мощи не ночевали... В ритуальные убийства мы никто в душе не верим... Я понимаю, что этот ящик и вся деятельность протоиерея Восторгова полезны самодержавию: такие штуки, как Гавриил, влияют на деревенские массы... Им говорят: «пока Русь верила в бога и в святую богородицу, чтילה царя, — было всего вдоволь, а таперь за грехи наши бог наказал»¹⁾. Так устами самого духовенства был опровергнут один из самых упорных, долгих и гнусных наветов — ритуальный навет. Такая же участь постигла или в ближайшее время постигнет и другие наветы, ибо рабоче-крестьянская страна заинтересована в дружной, совместной работе всех народов, составляющих братский союз на началах федерации, и не может допустить взаимных раздоров, натравливания одного народа на другой, возбуждения взаимной ненависти, которые подрывают ту великую цель, которую воодушевлены великие творцы Октября.

¹⁾ И. А. Шпицберг, Святой отрок Гавриил, 1920.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература по антисемитизму очень обширна, но пользоваться ею для научной работы нет возможности, так как она почти целиком крайне тенденциозна — либо против евреев, либо за евреев. Невольно приходится обращаться к историческим трудам, посвященным судьбам еврейского народа. Но историки еврейского народа (Иост, Грец, Филипсон, Дубнов) стоят на идеалистической точке зрения и почти игнорируют экономические вопросы, без которых, разумеется, освещение еврейской истории получается односторонним и даже неправильным. Марксистскому историку приходится поэтому лишь черпать оттуда сырой материал и давать ему научное освещение. Лучшим сборником материалов по еврейской истории является „Еврейская Энциклопедия“ в 16 томах (на русском языке, изд. Брокгауз—Ефрона, 1908—1913). Там же можно найти и богатейшую библиографию, к которой мы отсылаем читателя.

В прилагаемом списке литературы даны книги, не использованные „Евр. Энциклопед.“ и не указанные нами в тексте настоящей книги.

1. **Brunner, H.** Deutsche Rechtsgeschichte, 2 m., 1906.
2. **Loening, Ed.** Geschichte des deutsch. Kirchenrechts, 2 m., 1878.
3. **Hoffmann, M.** Der Geldhandel d. deutsch. Juden, 1910.
4. **Priebatsch, F.** Die Judenpolitik d. fürstl. Absolutismus в сборн. в честь проф. Д. Шефера, 1915.
5. **Гершберг, С.** Очерк положения евреев в Мерovingской Галлии в сборн. в честь И. М. Гревса, 1911.
6. **Caro, G.** Die Social-und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter, 2 t., 1908 и 1922.
7. **Schudt.** Jüdische Merkwürdigkeiten, 4 m., 1788.
8. **Tänzer.** Geschichte des Juden in Tirol, 1907.
9. **Weinberg.** Die hebräische Druckerei in Sulzbach, 1904.
10. **Ehrenberg, R.** Entstehung der grossen Vermögen, 1894.
11. **Meyer, Z.** Geschichte der Juden in Regensburg, 1913.
12. **Bamberger.** Dokumente zur Geschichte der Bücher-Zensur, 1902.
13. **Bangen, I. H.** Die römische Kurie, 1854.
14. **Maulde, de,** Les Juifs dans les états français du Saint Siège, 1886.
15. **Nöthen, K. Cl.** Geschichte aller Jubeljahre und ausserordentlichen Jubiläen der Kathol. Kirche, 1875.
16. **Döllinger, Ign.** Beiträge zur polit., Kirchlich. und Kulturgeschichte der 6 letzten Jahrhund., 1863—1882.
17. **Döllinger, Ign.** Die Papst-Fabeln des Mittelalters, 1863.
18. **Fabre,** La Vaticane de Sixte IV b Mélanges arch. et hist., XV.
19. **Hausen, I.** Westfalen und Rheinland im 15 lahrh., 2 m, 1888 и 1890.
20. **Hefele-Hergenröther.** Konziliengeschichte, 8 m. 1883 и сл.
21. **Köhler, A.** Katholisches Leben im Mittelalter, 1887.

22. **Гершберг, С.** Антиеврейские настроения в Германии в эпоху перед Черной смертью, Евр. Старина, XII.
23. **Кулишер, И.** Евреи Пруссии в шелковой пром., Евр., Ст. XI.
24. **Лозинский, С.** Об эконом. роли евреев в средние века Евр. Ст. XI.
25. **Andree, R.** Volkskunde der Juden, 1881.
26. **Тюменев, А.** Евреи в древности в средние века, 1922.
27. **Лурье, С.** Антисемитизм в древнем мире, 1922.
28. **Neumann, M.** Geschichte des Wuchers in Deutschland, 1865.
29. **Kaulla, R.** Der Liberalismus und die deutsch. Juden, 1928.
30. **Гессен, Юл.** История евреев в России, 1914 (и др. изд.).
31. **Ленин,** О еврейском вопросе в России, изд. Пролетарий, 1924.
32. **Марксизм и национальный вопрос.** Сборник статей и матер., изд., Пролетарий, 1923.
33. **Schaube, F.** Der Kampf gegen den Zinswucher, 1909.
34. **Schneider, F.** Die finanz Beziehungen der florent. Bankiers zur Kirche, 1898.
35. **Дейч, Лев.** Роль евреев в рус. революцион. движении, 1926.